БРОДОВСКИЙ КОТЕЛ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Бродовский котел» — книга об одной из ярких страниц Великой Отечественной войны. В сборнике рассказывается о том, как войска 1-го Украинского фронта, осуществляя Львовско-Сандомирскую операцию, летом 1944 года прорвали сильнейшую оборону противника, окружили и разгромили восемь немецко-фашистских дивизий.

Воспоминания непосредственных участников этих боев, очерки писателей и журналистов, публикуемые документы рассказывают об исключительной напряженности и ожесточенности боевых действий, об отваге и мужестве пехотинцев, танкистов, артиллеристов, конников, летчиков, саперов, связистов, о совершенных нашими воинами героических подвигах при окружении и ликвидации крупной вражеской группировки. Материалы книги подчеркивают важное значение разгрома гитлеровцев в бродовском котле для дальнейшего наступления наших войск.

Этим сборником издательство «Каменяр» продолжает повествование о борьбе за освобождение западных земель Украины от фашистских захватчиков, начатое книгами «В боях за Львовщину», «Звезды доблести боевой», «Год 1941. Юго-Западный фронт».

- М. В. Вербинский
  - ○
  - ○ ПРОРЫВ
    - ■
    - ■ П. Н. Лащенко, генерал армии, Герой Советского Союза
    - ■ М. К. Секирин, подполковник в отставке, кандидат исторических наук
    - ■ На горящей самоходке
    - ■ Л. И. СТРЕЛЬЦОВ, подполковник запаса
    - ■ М. В. Вербинский, подполковник запаса
    - ■ Достойный патруль
    - ■ В. Н. Секретарюк, капитан запаса
    - ■ Ю. Л. Шульмейстер, подполковник запаса
    - ■ СЛОВО ДОКУМЕНТАМ
      - ■ Штыком и прикладом
      - ■ Штурм высоты
      - ■ Инициатива воина
      - ■ На смену раненому наводчику

- Отвага комсомолки
- З. Н. Бондаренко
- Я. И. Денисов, майор запаса
- ОБ ЭТОМ ПИСАЛИ КРАСНОАРМЕЙСКИЕ ГАЗЕТЫ
  - Конник спас летчика
  - Василий Прокопьев вступает в партию
- Э. И. Липовецкий, младший лейтенант запаса
- Н. А. Емельянов, подполковник в отставке
- Сегодня там, где шли бои. Фотоочерк

○ КОЛТОВСКИЙ КОРИДОР

- С. А. Красовский, маршал авиации
- З. К. Слюсаренко, дважды Герой Советского Союза, генерал-лейтенант танковых войск запаса
- Б. П. Ешурин, полковник в отставке
- Неожиданная встреча
- Б. В. Самарин, полковник запаса
- К.Я. Егоров, майор запаса
- Всем смертям назло
- В. М. Житаренко, старший лейтенант
- П. Н. Тыртов, подполковник запаса
- СЛОВО ДОКУ МЕНТАМ
  - Вклад Талгата
  - Грудью прикрыл командира
  - Стояли насмерть
  - Засада на дереве
- А. С. Силаков, сержант запаса
- В. Л. Березовский, майор запаса
- ОБ ЭТОМ ПИСАЛИ КРАСНОАРМЕЙСКИЕ ГАЗЕТЫ
  - Массированные удары штурмовиков
  - В боевых порядках пехоты
- Г. Г. Кузовкин, подполковник запаса
- А. Г. Любарский, старшина запаса
- И. И. Горяев, майор запаса
- Сегодня там, где шли бои. Фотоочерк

○ ВРАГ В КОТЛЕ

- И. Н. Грановский, полковник в отставке
- Мужество
- И. С. Мельников, генерал-майор авиации запаса
- И. С. Мышалов, подполковник запаса
- Свинцом «максима»
- М. И. Стасовский, майор

- Бесстрашная четверка
- И. Д. Эткало, старший лейтенант в отставке
- А. Н. Лехницкий, майор
- СЛОВО ДОКУМЕНТАМ
  - Бой у села Тадани
  - Уверенность в оружии
  - Завязалась рукопашная…
  - Двенадцатый стервятник
- Подарок колхозника
- ОБ ЭТОМ ПИСАЛИ КРАСНОАРМЕЙСКИЕ ГАЗЕТЫ
  - Победа гвардейцев
  - Боевой счет танкиста
- Е. Н. Индик, подполковник запаса
- Н. Д. Коломиец, майор в отставке
- Сегодня там, где шли бои. Фотоочерк

○ РАЗГРОМ

-
- Г. С. Полтавский, подполковник
- Н.С. Волков, подполковник
- Решительный шаг
- М. В. Вербинский, подполковник запаса
- Е. П. Зубров, майор в отставке
- Сабли конников
- В. Е. Грабовский, майор запаса
- Б. В. Самарин, полковник запаса
- Патриоты
- В. В. Березин, гвардии подполковник запаса
- И. М. Телятников, старшина запаса
- СЛОВО ДОКУМЕНТАМ
  - И один в поле воин
  - Из пушки врага
  - Находчивость — сестра успеха
  - Взорвал в руках гранату
- И. В. Гущак, капитан запаса
- Н. Г. Ильин, гвардии полковник
- П. П. Тихонов, рядовой запаса
- ОБ ЭТОМ ПИСАЛИ КРАСНОАРМЕЙСКИЕ ГАЗЕТЫ
  - Спасены от угона в рабство
  - На линиях связи
- И. В. Яворский, старший сержант запаса
- В. К. Сульженко, кандидат исторических наук
- Сегодня там, где шли бои. Фотоочерк

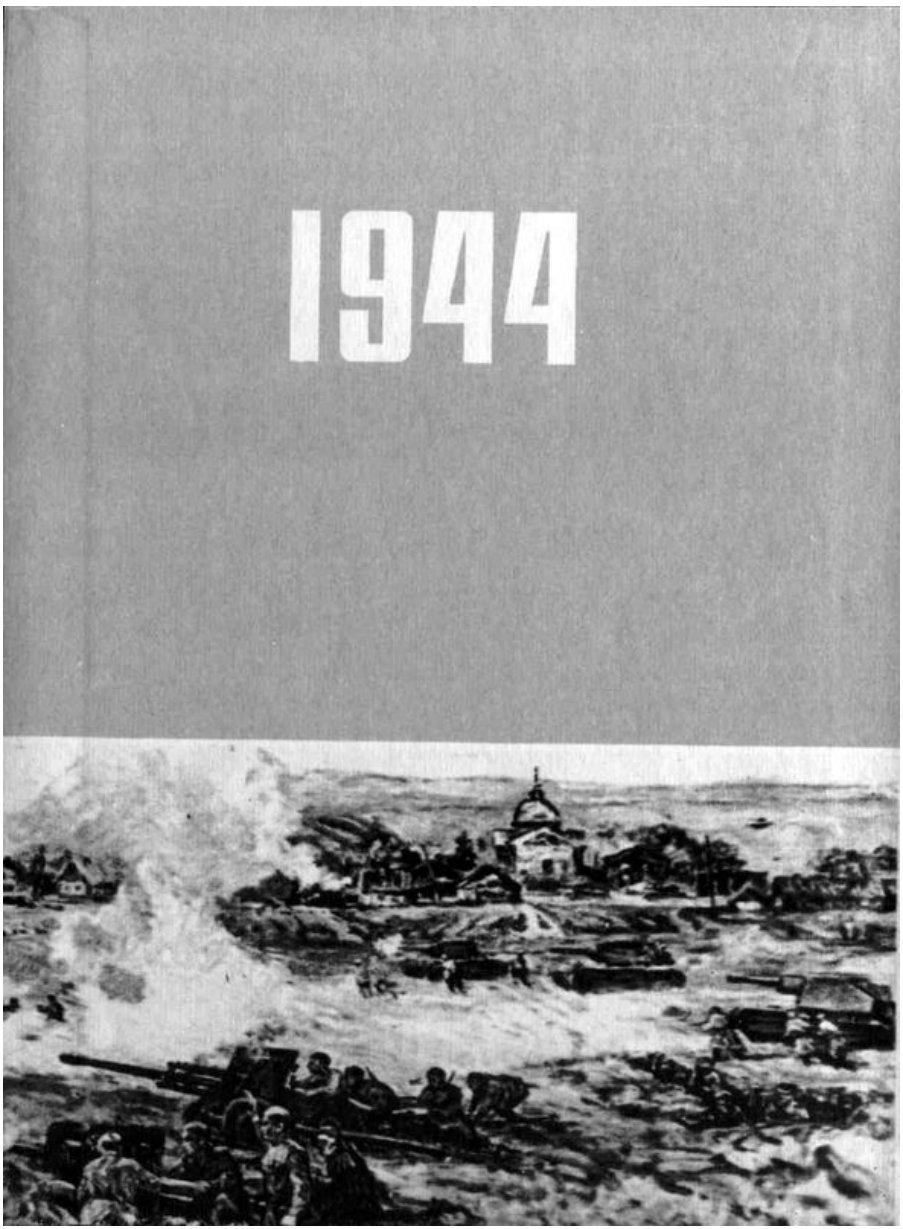
○ НА ЛЬВОВ! НА ВИСЛУ!

-

- Д. Д. Лелюшенко, генерал армии, дважды Герой Советского Союза
- И. С. Качалин, старший лейтенант в отставке
- А. Л. ГЕТМАН, генерал армии, Герой Советского Союза
- Связь восстановлена
- Н. З. Романченко, подполковник запаса
- Д. П. Власов, подполковник
- У истоков звонкой легенды
- СЛОВО ДОКУМЕНТАМ
  - Уничтожил ДЗОТ
  - Храбрость пулеметчика Фесенко
  - Меткие выстрелы
- Г. В. Ковалев, подполковник в отставке
- Т. А. Бойко
- ОБ ЭТОМ ПИСАЛИ КРАСНОАРМЕЙСКИЕ ГАЗЕТЫ
  - Рыцари- пушкари
  - Пожар укрощен
  - Из трофейного пулемета
- И. В. Акименко, подполковник запаса
- К. В. Крайнюков, генерал-полковник
- Сегодня там, где шли бои. Фотоочерк

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6

М. В. Вербинский
Б. В. Самарин
БРОДОВСКИЙ КОТЕЛ
Воспоминания. Очерки. Документы



1974

30-ЛЕТИЮ
ОСВОБОЖДЕНИЯ
СОВЕТСКОЙ УКРАИНЫ
ОТ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ
ЗАХВАТЧИКОВ
ПОСВЯЩАЕТСЯ

ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ!

Книга, которую ты раскрываешь, посвящена грозным событиям Великой Отечественной, когда советские воины освобождали родную землю от фашистских захватчиков.

Наши люди, отдавая все силы для фронта, для победы, с волнением отрывали листки календаря 1944 года, каждый день которого приносил все новые успехи о борьбе с врагом. Бойцы Советской Армии по всему фронту вели наступательные бои. То было поистине грандиозное и героическое наступление. В нем проявилось умелое единение высокого порыва прошедших через трудные испытания солдат и мастерства командиров, военной мудрости полководцев.

Фашистские полчища под сокрушительными ударами

советских войск откатывались на запад. Наши воины одну за другой окружали и уничтожали крупные группировки противника. Первый гигантский котел был уготован врагу под Сталинградом в сорок втором году. А в сорок четвертом гитлеровцы все чаще и чаще попадали в котлы. Большая группировка врага была окружена под Корсунь-Шевченковским. Горели гитлеровцы в котлах под Витебском, Бобруйском, Минском, в районе города Яссы, под Бродами.

В июне сорок первого года северо-западнее города Броды гремело крупнейшее танковое сражение, в котором принимало участие свыше полутора тысяч танков с обеих сторон. Гитлеровцы тогда из кожи лезли, чтобы уничтожить здесь соединения Юго-Западного фронта. Не вышло! Наши воины продолжительное время сдерживали натиск превосходящих сил врага, нанесли ему серьезные потери и организованно отступили на новые позиции.

И вот спустя три года, в 1944-м, советские воины юго-западнее города Броды окружили крупную группировку немецко-фашистских войск. Осуществляя Львовско-Сандомирскую операцию, войска 1-го Украинского фронта преподнесли действительно поучительный урок искусного маневра, быстроты, стремительности в наступательных боях. Шесть суток потребовалось, чтобы прорвать сильнейшую оборону врага двумя ударами на львовском и рава-русском направлениях, продвинуться вперед и окружить восемь дивизий противника — свыше 50 тысяч гитлеровских вояк.

Нелегко дался этот внушительный боевой успех. Ведь враг обладал большой массой войск, объединенных в группу армий «Северная Украина».

С огромным боевым порывом шли в наступление бойцы и командиры 3-й гвардейской, 13, 38, 60-й общевойсковых армий, 1-й гвардейской, 3-й гвардейской, 4-й танковых армий. С воздуха их поддерживали девять истребительных, бомбардировочных, штурмовых авиакорпусов 2-й воздушной армии. Боевые действия всех этих объединений направлял прославленный полководец Маршал Советского Союза И. С. Конев.

Бои достигали высшего накала, когда наши войска шли на штурм вражеских укреплений, прорывая оборону, когда упорно двигались по узкому «колтовскому коридору», когда завершалось окружение врага и начался штурм отказавшихся сложить оружие гитлеровцев в котле.

В этих боях плечом к плечу сражались русские, украинцы, белорусы, казахи, грузины, узбеки, солдаты других национальностей. Каждый воин понимал, что, ведя бои с фашистскими захватчиками здесь, на земле Украины, он

отстаивает свободу, честь и независимость своей Советской Родины, приближает окончательный разгром врага.

Преданность великим ленинским идеям. Коммунистической партии, советскому народу, безграничная любовь к социалистической Отчизне вдохновляли воинов на самоотверженную борьбу.

О событиях тех дней, о мужестве и героизме солдат и офицеров рассказывают маршал авиации С. А. Красовский, генерал армии П. Н. Лащенко, генерал армии А. Л. Гетман, генерал-полковник К. В. Крайнюков и другие военачальники, выступающие в сборнике с воспоминаниями.

В этой книге читатель найдет страницы о мужественном комбате Н. Н. Силине — кавалере Золотой Звезды, отличившемся при штурме обороны врага, об отважном поступке П. П. Горшенева, который шел в бой на горящей самоходке, о самоотверженности командира танкового батальона Ф. И. Горенчука и его замполита В. Н. Красова, удостоенных звания Героя Советского Союза, о стойкости и выдержке танкиста В. П. Лисицина, сражавшегося несколько дней, не выходя из танка, о легендарном командире бомбардировщиков, дважды Герое Советского Союза И. С. Полбине, летчике-истребителе, кавалере двух Золотых Звезд Г. А. Речкалове, о повторившем подвиг капитана Гастелло летчике М. Хохлачеве и многих других воинах, отличившихся в боях.

Разгром бродовской группировки противника был крупной победой наших войск на первом этапе Львовско-Сандомирской операции, что в немалой мере облегчило дальнейшие наступательные действия войск 1-го Украинского фронта. Герои боев по окружению и разгрому гитлеровцев в бродовском котле — это герои освобождения Львова, герои, прокладывавшие путь к Висле, Одеру, к полной победе над врагом.

Прошло тридцать лет. Давно залечены раны войны. Благодаря братской помощи народов всей нашей страны расцвела социалистическая Львовщина. Она стала краем развитой промышленности и коллективного сельского хозяйства. Здесь производятся автобусы, автопогрузчики, станки, сельскохозяйственные машины, приборы, телевизоры, кинескопы и другие промышленные изделия, добывается уголь, газ, нефть, минеральные удобрения.

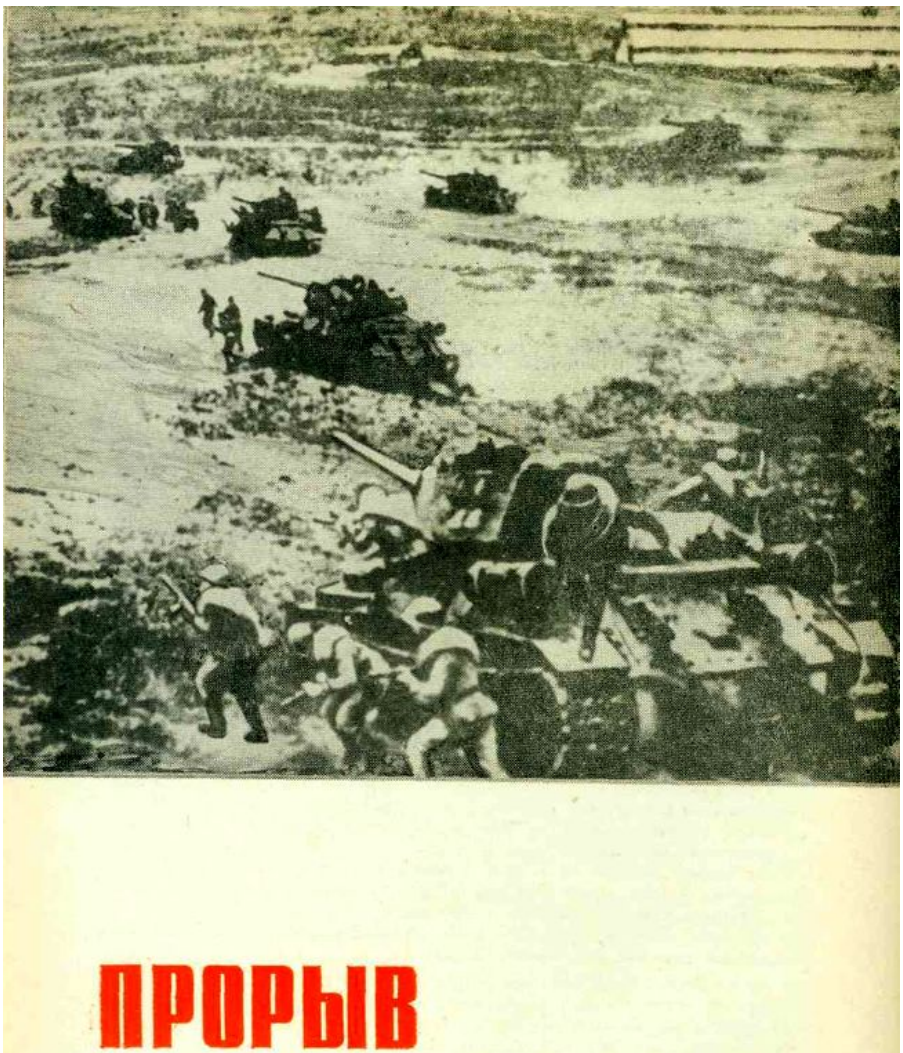
Львовская область награждена орденом Ленина. Ордена Ленина удостоен город Львов. По итогам работы в третьем, решающем году девятой пятилетки Львовщина вышла победительницей во Всесоюзном социалистическом соревновании работников промышленности, строительства, транспорта и

награждена Красным знаменем ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ.

В ответ на Обращение ЦК КПСС к партии, советскому народу в городах и селах области широко развернулось социалистическое соревнование за досрочное выполнение планов девятой пятилетки, за новые успехи в развитии экономики и культуры.

Опаленная боями, политая кровью советских воинов земля ныне цветет счастьем мирных будней. В веках будет жить память о тех, кто сражался с фашистскими захватчиками. В честь героев боев под Бродами на Львовщине воздвигнуты памятники, обелиски, возводятся монументы. Но самым лучшим памятником героям былых сражений являются трудовые подвиги советских людей во имя дальнейшего процветания нашей любимой Советской Родины.

ПРОРЫВ



Мощными двумя клиньями войска 1-го Украинского фронта вонзились в оборону немецко-фашистских войск.

Севернее города Броды 13 июля перешли в наступление на Раву-Русскую 3-я гвардейская и 13-я общевойсковые армии. Гитлеровцы бросили в контратаку в районе Горохова 150 танков. Наши артиллеристы, танкисты, а с воздуха летчики разбили эту бронированную лавину.

Из района западнее Тернополя 14 июля началось наступление на львовском направлении. Прорыв обороны врага здесь произошел в сложной и напряженной обстановке. Воины 60-й и

38-й общевойсковых армий встретили ожесточенное сопротивление гитлеровцев. Лишь 15-му стрелковому корпусу во взаимодействии с 69-й механизированной и 56-й танковой бригадами 3-й гвардейской танковой армии за два дня упорнейших боев удалось вклиниться в оборону немцев южнее села Колтов.

На второй день наступления, 15 июля, противник нанес из районов Плугова и Зборова сильный контрудар, введя в бой две танковые и одну пехотную дивизии, чтобы отбросить советские части на исходные позиции. Советские войска сорвали замысел врага. В жестоких боях наши воины проявили массовый героизм и, упорно ломая оборону противника, продвинулись вперед.

18 июля 1944 года был опубликован приказ Верховного Главнокомандующего, в котором отмечались успехи войск 1-го Украинского фронта в прорыве сильной, глубоко эшелонированной обороны противника. Отличившиеся в этих боях 47 частей и соединений награждены орденами. В этот же день столица нашей Родины Москва салютовала доблестным войскам 1-го Украинского фронта двадцатью артиллерийскими залпами из двухсот двадцати четырех орудий.

П. Н. Лащенко, генерал армии, Герой Советского Союза
БАТАЛЬОНЫ ШЛИ В АТАКУ

П. Н. Лащенко, воспоминаниями которого мы открываем сборник, в 1944 году командовал 322-й стрелковой дивизией, отличившейся в боях на львовском направлении.

Ныне генерал армии П. Н. Лащенко — первый заместитель Главнокомандующего Сухопутными войсками.

Чем меньше оставалось времени до начала решительных действий на львовском направлении, тем большую нервозность проявляли гитлеровцы, страшась новых мощных ударов со стороны советских войск. Как установила наша разведка, в ночь на 10 июля они хотели скрытно отвести войска из первых двух траншей в третью, оставив на месте лишь огневое прикрытие, но в последнюю минуту отказались от своего намерения. Это давало основания полагать, что противник до нашей артподготовки попытается оттянуть всю живую силу в глубину, уберечь ее от уничтожения и ввести в действие лишь после того, как советская артиллерия израсходует по пустым позициям большую часть боеприпасов.

Днем 12 июля наблюдатели, расположенные по всей полосе прорыва, в один голос докладывали о том, что не обнаруживают признаков присутствия врага в первых траншеях. Видимо, в эти часы гитлеровская пехота была отведена по ходам сообщения на позиции, расположенные в глубине (лишь к вечеру она вновь заняла весь передний край). Одновременно резко усилился артобстрел наших позиций. Минометы противника старались

накрыть огнем все балки, лощины и обратные скаты высот, где предполагалось скопление нашей пехоты, артиллерии, танков, сосредоточенных, по расчетам гитлеровцев, для начала атаки. В небе кружились гитлеровские самолеты-разведчики, прикрываемые истребителями.

Чтобы перехитрить врага, спутать его планы и одновременно обнаружить систему обороны, Маршал Советского Союза И. С. Конев приказал до начала общего наступления провести разведку боем — сначала силами передовых отрядов от полков первого эшелона, а затем передовыми батальонами дивизий.

Первую разведку боем в полосе 15-го стрелкового корпуса провели в ночь на 13 июля две усиленные стрелковые роты от полка, который мы должны были сменить на передовой. Они установили, что противник с часу на час ждет начала наступательной операции и большую часть пехоты держит в глубине первой позиции. На основании этих данных командующий 60-й армией генерал-полковник П. А. Курочкин приказал провести перед началом повторной разведки боем получасовую артподготовку, чтобы создать у гитлеровцев впечатление перехода армии в решительное наступление.

В пять часов утра 14 июля первый батальон 1087-го стрелкового полка после огневого налета стремительно и дружно атаковал противника на высоте 396.0. Ведя разведку боем, он преодолел упорное сопротивление врага и к 11 часам овладел первой и второй его траншеями. В этот момент более полусотни немецких автоматчиков при поддержке шести танков пытались контратаковать наших бойцов из третьей траншеи. Но, потеряв два танка и почти половину солдат и офицеров, гитлеровцы отступили назад.

Отважно действовали в этом бою стрелки 7-й роты под командованием Н. Черткова. Под сильным пулеметным и минометным огнем врага они первыми преодолели проволочные заграждения и минное поле, с ходу ворвались в траншею, уничтожили охрану, закрепились и начали отражать контратаку гитлеровцев. Бойцы взвода лейтенанта К. Алексеева, оставшегося в строю после контузии, и отделения сержанта Х. Михасяна тоже проявили смелость и мастерство в боях на высоте, помогая друг другу в трудную минуту.

Передовой батальон поддерживали метким огнем полковые артиллеристы и минометчики. Они быстро и точно накрывали цели противника.

Учитывая успешные действия передовых батальонов, командующий 60-й армией П. Н. Курочкин приказал уменьшить продолжительность артподготовки перед началом общей атаки до

одного часа, поддерживать пехоту и танки последовательным сосредоточением артиллерийского огня.

Ровно в 14 часов 30 минут вздрогнула на десятки километров вокруг земля: началась мощная артиллерийская и авиационная подготовка. Советские орудия и самолеты обрушили огонь на вражеские укрепления, разрушая огневые точки и инженерные сооружения, сметая заграждения, выводя из строя пункты управления, уничтожая живую силу и технику противника. В течение долгих шестидесяти минут вся равнина впереди нас полыхала от разрывов тысяч снарядов и бомб, словно на ней бушевал огненный ураган. Поле боя затянуло плотной пеленой дыма и пыли, в которой непрерывно сверкали ослепительные молнии. Едва огонь был перенесен в глубину, как стрелковые полки атаковали противника на всем участке прорыва. Самоходки и орудия сопровождения следовали вплотную за пехотой и «тридцатьчетверками», уничтожая огневые точки врага.

На один из фашистских дзотов наткнулась в районе второй траншеи стрелковая рота лейтенанта Луданова. Бойцы были встречены пулеметным огнем, но не растерялись. Ослепив дзот гранатами, они ворвались в него с тыла и, уложив восьмерых фашистов, захватили два ручных пулемета и два противотанковых ружья.

На подходе к третьей траншее стрелки попали под массированный огонь артиллерии врага, расположенной в районе села Г арбузов. Прямым попаданием снарядов были подбиты два танка, сопровождавшие пехоту. На этом же рубеже сильным фланговым огнем со стороны села Лопушаны был остановлен и 1085-й полк полковника П. К. Тимофеева. Трудность положения усугублялась и тем, что соседи справа и слева — части других дивизий — отстали, и противник теперь брал в огневые клещи весь выступ, образованный нашими вклинившимися батальонами. Мы были вынуждены прикрывать частью сил свои фланги, ослабляя силу ударов, наносимых противником с фланга.

Один из стрелковых взводов, наступавший по левому фасу этого выступа, неожиданно попал в огневую засаду. Укрепившись у развилки дорог в прочном окопе, гитлеровцы видели наших бойцов как на ладони, и их очереди ложились кучно и прицельно вокруг стрелков, прижатых к земле. Положение создавалось тяжелое — не было пути ни вперед, ни назад.

Тогда к командиру взвода подполз старший сержант Василий Проничев.

— Разрешите, товарищ лейтенант, подобраться к этому пулемету, — сказал он — Может, погибну, но фрицев уничтожу, в этом не сомневаюсь.

Получив разрешение, Проничев взял с собой несколько гранат и медленно, по-пластунски пополз к дзоту, который продолжал сеять смерть. Свинец беспрерывно бил по земле, вздымая веером пыль, косил траву вокруг старшего сержанта, но тот упрямо продвигался вперед.

Вот до пулемета осталось не более тридцати метров. Проничев быстро приподнялся и одну за другой швырнул все три гранаты в немецкий окоп. Когда отгремели взрывы и слегка рассеялся дым, Василий увидел, что убиты только два гитлеровца, а двое невредимы.

Гранат больше не было. На беду, кончились и патроны в автомате. И все же Проничев не повернул назад, а используя замешательство пулеметчиков, бросился к окопу и упал, сраженный вражеской очередью. Однако и оба немецких пулеметчика, ошеломленные самопожертвованием русского воина, оставили пулемет и побежали, но фашистов догнали пули наших стрелков.

Так ценою жизни старший сержант В. И. Проничев спас от гибели многих товарищей. Подвиг мужественного воина остался в памяти однополчан.

Чтобы подавить опорные пункты врага, я приказал командующему артиллерией дивизии офицеру Н. С. Вакуленко сосредоточить весь огонь артиллерии по Гарбузову и Лопушанам. Одновременно через командира 1089-го полка майора Ф. С. Гришина поставил задачу одному из его комбатов, капитану В. Найденову, решительным броском овладеть третьей траншеей и выйти в тыл к немцам южнее Гарбузова. После этого во взаимодействии с батальоном капитана Н. Стороженко, наступавшим по прямой, оттеснить врага в направлении села Перепельники.

Полковник П. К. Тимофеев, в свою очередь, получил приказ: прикрывшись одним батальоном с фланга, обойти двумя остальными третью траншею фашистов, окружить, уничтожить и овладеть безымянной высотой северо-западнее Лопушан.

Оба маневра были умело осуществлены. Вследствие этого обстановка заметно улучшилась. Гитлеровцы, повсюду выбитые с первой позиции, начали отходить.

Хорошо помогали наземным частям наши летчики. Бомбардировщики, штурмовики и истребители наносили ощутимые удары по врагу. Используя поддержку с воздуха, стрелковые полки продолжали прорывать немецкую оборону, углубляя наметившуюся брешь.

Среди воинов царило большое воодушевление. Коммунисты, комсомольцы, агитаторы довели до каждого солдата обращение

Военного совета фронта, призывающее сокрушить оборону гитлеровцев, разгромить врага, скорее освободить родную землю. Успех всего наступления во многом зависел от действий воинов нашей дивизии. Пробить брешь в обороне противника нужно было во что бы то ни стало. И солдаты дивизии проявили величайший героизм, не щадили ни своей крови, ни жизни.

Для наращивания силы наступления при подходе к селу Перепельники я ввел в бой второй эшелон дивизии — 1087-й полк подполковника Д. П. Фомичева.

К исходу 14 июля полк Тимофеева вышел с боями на юго-западную окраину Перепельников. Бойцы Гришина и Фомичева, между тем, достигли окраин села Нуще, где и закрепились. Таким образом, в ходе первого дня наступления они прорвали главную полосу немецкой обороны на фронте шириной 2–3 км и продвинулись вперед на 9 км. В образовавшуюся брешь начали втягиваться флангами соседние 336-я и 302-я стрелковые дивизии.

В свою очередь, каше командование решило ввести здесь в бой 69-ю механизированную бригаду. Наступая совместно со стрелковыми полками на Тростянец, она должна была овладеть урочищем Городиловский лес, обеспечивая ввод в бой не только главных сил корпуса, но и 3-й гвардейской танковой армии.

В 8 часов 30 минут 15 июля после интенсивной артподготовки части дивизии возобновили наступление. В центре наших боевых порядков вошла в прорыв и механизированная бригада. Поначалу действия в целом развивались успешно. Однако около 10 часов утра бойцы Гришина наткнулись возле села Залуч на плотную оборону противника и были атакованы со стороны села Ивачев большой группой пехоты с 14 танками.

Продвижение 1089-го полка приостановилось. Но враг заплатил за это дорогой ценой. Артиллеристы офицеров Рубана и Васютинского, хладнокровно подпустив «тигров» на расстояние прямого выстрела, открыли ураганный огонь и подбили три танка, затем четыре других тяжелых машины были уничтожены огнем наших самоходок. Оставшиеся танки покинули поле боя и скрылись в лесу. Используя благоприятный момент, бойцы Гришина при поддержке мехбригады овладели селом Нуще и развили наступление на Тростянец, громя оборону врага.

Успешно продвигаясь вперед, 1089-й полк к исходу 15 июля достиг рубежа южнее Колтова, овладев селом Монастырок.

Следом за ним часом позже вступили в Монастырок и воины Фомичева. Их сосед слева — 302-я стрелковая дивизия вела напряженный бой с частями 8-й танковой дивизии противника на опушке рощи западнее Гукаловцев. Для прикрытия левого фланга

Фомичеву пришлось развернуть один батальон фронтом на юг. Полк Тимофеева отражал в этот момент очередную контратаку гитлеровцев со стороны Подлипцев, частью сил очищая от них хутора юго-западнее Тростянца.

Храбрость и высокий наступательный порыв проявили в этих боях автоматчики старшего лейтенанта Миронюка и бойцы роты противотанковых ружей офицера Арасламбекова. Находясь в авангарде, они были внезапно атакованы у хутора Лесного большой группой противника с тремя танками. Старший сержант Педенко, командир расчета ПТР, быстро поймал в прицел борт головной машины и выстрелил. Танк вспыхнул и остановился. Автоматчики тотчас перенесли огонь на вражескую пехоту. Не выдержав отпора, немцы подцепили на буксир еще один подбитый танк и начали медленно отходить на запад.

О напряженности тех боев и мужестве советских воинов можно судить и по такому эпизоду.

Во время очередной контратаки гитлеровцы бросили против наступающей пехоты «пантеры». Стреляя с ходу, танки двигались на больших интервалах, чтобы затруднить огонь нашей артиллерии. За танками, пригнувшись, бежали автоматчики.

— К бою! — приказал своим расчетам лейтенант Ф. Корнилов. — Бить врага до последнего! Дрогнем — танки сомнут и нас, и пехоту…

Бойцы мигом заняли места у орудий и открыли огонь по «пантерам». Первый танк подбил расчет старшего сержанта И. Лаптея. Ефрейтор Носов с помощью правильного Тюрина навел пушку в борт второго танка и поджег его.

Главным итогом боев 15 июля для нас было то, что 322-й стрелковой дивизии во взаимодействии с 69-й механизированной бригадой удалось к исходу дня глубоко вклиниться во вторую полосу немецкой обороны. В результате южнее Колтова была пробита брешь, так называемый «колтовский коридор», который сыграл исключительно важную роль в развитии всей наступательной операции на этом участке фронта.

М. К. Секирин, подполковник в отставке, кандидат исторических наук
ГРОМ ИЗ БОЛОТ

Н. П. Пухов и М. А. Козлов

Стояли теплые летние дни. Воздух наполнен запахами буйной, благоухающей зелени. Богата природа края, где поля чередуются с дремучими лесами и рощами, много рек и озер, окаймленных камышом и высокими травами. Здесь проходит линия фронта. Уже несколько месяцев советские войска находились в обороне. Относительно тихо. Но все понимали: это затишье перед бурей. Вот-вот грянет гром.

И орудийный гром грянул.

Два мощных стальных клина вонзились во вражескую оборону. Это были рассекающие удары наших войск, направленные на укрепления фашистской группы армий «Северная Украина». Один удар — на львовском направлении, второй — на рава-русском, а часть сил брошена в обход с севера и северо-запада бродовской группировки противника.

13-я армия генерала Н. П. Пухова действовала на рава-русском направлении. Я помню напряженную обстановку в штабе, в частях, соединениях армии как в период подготовки, так и в ходе наступления[1]. Находясь в обороне, воины изучали тактику противника, учились преодолевать водные преграды, штурмовать вражеские окопы, проволочные заграждения, вести уличные бои в городах и населенных пунктах. В штабе армии разрабатывались планы прорыва обороны и дальнейших боевых действий.

Полоса наступления 13-й армии определена в 80 км, а прорыв, намеченный на правом фланге между станцией Звиняче и

хутором Квасов, едва превышал четыре километра. Сюда нацелены пять дивизий, артиллерийские, танковые полки. Справа примыкали соединения 3-й гвардейской армии. А позади, за стыком двух общевойсковых армий, сосредоточивались для ввода в прорыв 1-я гвардейская танковая армия и конно-механизированная группа (1-й гвардейский кавалерийский и 25-й танковый корпуса).

Вскоре никто уже не сомневался, что гром наступления трех армий на правом крыле фронта грянет с заболоченной поймы верховьев реки Липы. А до начала операции замысел был неизвестен войскам. Помнится, как нелегко было сосредоточивать здесь такую массу солдат и техники. Танковая армия шла с Днестра за 300 км. Общевойсковые и артиллерийские соединения подходили с северо-востока и юга за 80—150 км.

Потребовалось подготовить исходный плацдарм для ударной группировки армии южнее станции Звиняче. И вот на болотистой торфяной пойме безымянного притока Липы за одну неделю возникло 9 гатей длиной по километру каждая. Их делали в основном по ночам, передвигаясь по колено в грязи и торфяной жиже, воины четырех батальонов 19-й Ровенской инженерно-саперной бригады полковника М. Д. Бараша.

Как ни скрытно готовилось наступление, гитлеровцы все же узнали об этом. В ночь на 13 июля генералу Пухову по телефону сообщили важную новость: перед соседом справа противник начал отход на вторую полосу обороны. Со штаба армии пошли приказы и распоряжения в корпус, дивизии. Глаза и уши наших войск — разведчики — на ногах.

В эту ночь на переднем крае уже трудились саперы. Быстро и сноровисто работали гвардии сержанты белорус Михаил Метла и уралец Родион Андрюшин со своими отделениями. Замысловатое расположение мин показывал им не раз побывавший в разведке минных полей ефрейтор Алексей Дворецкий.

Под утро в проделанные саперами проходы восточнее села Елизарев двинулись подразделения передового батальона 121-й гвардейской дивизии. Организованно, без суеты выводит их из расположения 337-го гвардейского полка старший лейтенант Г. Федоров. Одновременно из 870-го полка правофланговой 287-й стрелковой дивизии привел к станции Звиняче передовой батальон капитан М. Пастухов.

Прорезав утренний воздух, взвилась в небо ракета. Артиллерийские залпы возвестили о начале действий. Через 15 минут передовые батальоны поднялись в атаку. Искусный маневр и стремительность действий сочетались с отвагой и доблестью воинов.

Четко и громко передавал команды своего комбата капитана Пастухова коммунист И. А. Кузнецов. Выполняя обязанности связного, он в то же время уничтожил четверых фашистов, одним из первых достиг домов на западной окраине станции Звиняче, снял охрану у склада боеприпасов противника. Командир полка подполковник П. И. Степук представил отважного воина с Орловщины к награде — ордену Славы II степени.

Старший сержант П. Н. Омельчук из ручного пулемета уничтожил орудийный расчет врага, взял в плен шестерых немцев. Старший сержант Т. И. Несветеев, заменив выбывшего из строя командира взвода, повел бойцов к огневым позициям врага и захватил три пушки с расчетами. Старшие сержанты Омельчук и Несветеев стали кавалерами ордена Славы II степени.

Не менее храбро действовали воины батальона Федорова. Отделение пешей разведки во главе с сержантом Тимофеем Ткаченко уничтожило семь и взяло в плен трех фашистов, захватив ценные документы. Бойцы взвода во главе с сержантом И. Н. Пирожковым подползли к первой траншее противника и забросали врага гранатами, проложив себе путь ко второй. Фашисты пытались ускользнуть, но были накрыты минометным огнем. Корректировал огонь сержант В. Г. Погребняк.

Вперед двинулся взвод москвича младшего лейтенанта Бориса Шурова. Около полсотни гитлеровцев уничтожили бойцы под его командованием, а сами вышли из боя почти без потерь. Орден Александра Невского украсил грудь Бориса Шурова.

Комбат Г. Федоров и заместитель командира полка майор Н. Ефимов быстро произвели перегруппировку сил и в тесном взаимодействии с батареями старших лейтенантов И. Кашина и А. Силютина, а также дивизиона капитана Р. Сазонова начали глубокий обход вражеского опорного пункта. Пока артиллеристы подвергали интенсивному обстрелу немецкую оборону, Федоров осуществлял выдвижение сил для нового маневра. Одна рота наносила по противнику фронтальный удар, создавая впечатление, что именно этот участок является направлением главного удара. Пока немцы стягивали сюда основные силы, рота младшего лейтенанта И. Егорова обогнула деревню с юга, а рота старшего лейтенанта Г. Трофимца — с севера. Так два подразделения совершили быстрый обход села Холонюв, а затем, соединившись, нанесли удар там, где противник его не ожидал. Враг в этом бою понес большие потери.

За шесть часов первого дня наступления батальон Федорова продвинулся вперед на 8 км и освободил три населенных пункта.

Успех передовых батальонов Пастухова и Федорова 287-й и 121-й дивизий, действующих на главном направлении, позволил

перейти в наступление и в полосе 112-й дивизии, наносившей вспомогательный удар на широком фронте южнее села Красов. Ее передовой батальон под командованием капитана Д. Полищука продвинулся на юго-запад до 6 км и овладел деревней Куповальце. Этим он обеспечил удар дивизии в обход станции Горохов с юга в тот момент, когда с севера сюда уже подходили части 121-й гвардейской дивизии генерала Л. Д. Червония.

Гитлеровцы стремились уйти от удара. И чтобы не упустить врага, во второй половине дня с ходу вступили в бой свежие силы. Вечером наши части оказались перед второй, а у станции Горохов — даже перед третьей позицией главной полосы обороны немцев. На этот рубеж противник отвел основную массу своих войск и артиллерии. Тяжело здесь пришлось нашим штурмовым батальонам. Еще не подошли танки и самоходно-артиллерийские установки. Они только что выгружались из железнодорожных эшелонов.

Вечером была произведена перегруппировка артиллерии, а утром 14 июля начался штурм обороны врага. Поспешно занятый, но очень укрепленный оборонительный рубеж войска 13-й армии пытались прорвать с ходу, после короткой артиллерийской подготовки. Неблагоприятная погода не позволила действовать здесь нашей авиации.

Наибольшее сопротивление враг оказал на правом фланге армии, где он в стык с 3-й гвардейской армией еще с 13 июля начал выдвигать авангарды 46-го танкового корпуса, усиленного двумя бригадами штурмовых орудий. Первые колонны его 16-й танковой дивизии торопились помешать штурму города Горохова, но опоздали. И немалую роль в этом сыграла 287-я стрелковая дивизия под командованием генерал- майора И. Н. Панкратова. Она обошла Горохов с юга и с ходу вступила в бой с врагом. Ее 868-му стрелковому полку, которым командовал полковник А. Тарасов, был подчинен 87-й танковый полк И. Борцова, прибывший из конно-механизированной группы.

Разгорелся ожесточенный бой. Роты средних танков во главе с капитаном И. Колесниковым и старшим лейтенантом А. А. Малошенко уничтожали самоходные и полевые орудия, давили бронетранспортеры, пулеметы и пехоту, подавляли огонь дзотов. Одним из первых вывел свою «тридцатьчетверку» в расположение фашистов сержант Владимир Емельянов. Его танк нанес большие потери врагу, но и сам получил повреждение. Водитель хорошо владел боевой машиной и, невзирая на вражеский огонь, быстро вернул ее в строй.

Стремительно пробивали войскам дорогу на деревню Угов танковые взводы старшего лейтенанта Сергея Куликовского и

лейтенанта Михаила Маштакова. На их боевых машинах действовал десант роты автоматчиков Героя Советского Союза лейтенанта Василия Некрасова. Танкисты и автоматчики оседлали шоссе Радехов — Горохов, что облегчило соседней справа армии бой за Горохов.

Противник пытался вернуть шоссе, контратаковав полк четырнадцатью танками и батальоном пехоты на бронетранспортерах. Тогда генерал И. Н. Панкратов обрушил на фашистов огонь артиллерии, а подполковник Борцов ввел в бой резервные танки.

Успешно атаковал здесь гитлеровцев и 866-й полк под командованием участника гражданской войны, бывшего комиссара подполковника И. Кадникова.

В этот же день дивизия генерала Червония обходным маневром с флангов и атакой двух гвардейских полков сломила сопротивление врага у станции Горохов и совместно с 327-м гвардейским тяжелым самоходно-артиллерийским полком подполковника А. Симоненко создала условия для дальнейшего наступления на Дружкополь и Стоянов, через которые проходила вторая полоса обороны врага. Сюда устремились резервы обеих сторон: 17-я танковая дивизия врага и наша 6-я гвардейская дивизия. От исхода боев за эти пункты зависел срыв замысла гитлеровцев, рассчитывавших силами 46-го танкового корпуса разгромить дивизии первого эшелона 13-й и соседней армий.

Утро 15 июля. Части 13-й армии готовятся к прорыву второй полосы обороны. В течение часа бушует шквал огня артиллерии и минометов всех калибров. Грозным гулом заполнили небо краснозведные штурмовики и истребители. Летчики громят артиллерию противника в районах Дружкополя, Сельца и Стоянова.

С утра 24-й и 27-й корпуса нашей армии ввели в бой свои вторые эшелоны, развернув справа от 287-й 350-ю дивизию генерала Г. И. Вехина. Она нацелилась на Селец. Левее 287-й дивизии вводилась в бой 6-я гвардейская под командованием генерала Д. Онуприенко — на Дружкополь. Их полки после прорыва второй полосы вражеской обороны должны были стремительно двигаться к Западному Бугу.

Наиболее ожесточенными в этот день были бои у Дружкополя и Стоянова, где успела развернуться 1-я танковая дивизия противника.

Наступление на Дружкополь вел 25-й гвардейский стрелковый полк под командованием подполковника В. Абросимова. Впереди и на флангах его батальонов шли тяжелые самоходные артиллерийские установки подполковника А.

Симоненко. Гвардейский самоходный полк, ведя за собой пехоту, наступал в боевом порядке «углом вперед».

Во главе наступающих двигалась первая батарея гвардии лейтенанта Александра Шкурикова. Когда до вражеских траншей оставалось метров двести, позади самоходок возникла стена разрывов снарядов и мин. Противник вел огонь на отсечение нашей пехоты от самоходок, которым не удавалось огнем с места подавить вражеские орудия и минометы. И вот пять грозных машин батареи Шкурикова на полном ходу врываются в расположение гитлеровцев, разбивая и давя гусеницами пулеметные точки и минометы. Враг начал отходить.

При въезде в местечко головная машина лейтенанта П. Архипова вдруг остановилась. Мост через Липу оказался заминированным. Командир батареи вместе с Архиповым и наводчиком старшим сержантом С. Чалым выскочили из машины, извлекли из-под моста два пуда тола и двадцать противотанковых мин. Путь свободен! Преследуя и отражая контратаки врага, батарея уничтожила три вражеских танка и три самоходных орудия «фердинанд». Два танка противника поджег командир самоходной установки старший лейтенант В. Бирюков.

Бой выигран. Взят Дружкополь — важный узел сопротивления фашистов в центре полосы наступления ударной группировки 13-й армии.

Самоходно-артиллерийский полк, подчиненный 6-й гвардейской стрелковой дивизии, пошел в обход местечка Стоянов с запада. В это же время 121-я гвардейская стрелковая дивизия обошла Стоянов с востока и стала наступать на Радехов. 13-я армия расширила прорыв в сторону флангов — 24-м корпусом на Кристинополь (ныне Червоноград), а 27-м — на Радехов.

На полях еще не окончена жатва. Квадратные копны золотистых снопов стояли вдоль дороги на довольно близком расстоянии, как будто их специально собрали к югу от местечка Стоянов. Но когда гвардейцы из 121-й гвардейской дивизии генерала Червония двумя ротами обошли местечко, зашевелились, задвигались копны, словно огромные куклы. Из них выползали боевые машины с черно-желтыми крестами. Гвардейцы с ходу развернулись для отражения контратаки врага.

В полосе 13-й армии завершался прорыв всей глубины тактической зоны обороны противника. В полдень 16 июля два полка 121-й гвардейской дивизии освободили Радехов. В числе первых на машинах «ЗИС-5» в город ворвался 120-й гвардейский истребительный противотанковый дивизион под командованием капитана Николая Носова.

Разведчик дивизиона старший сержант Василий Павленко захватил средний немецкий танк. Огнем из его пушки он уничтожил легковую автомашину с офицерами, а затем этим танком раздавил два станковых, семь ручных пулеметов и до тридцати гитлеровцев.

Отличившиеся в боях за Радехов гвардии сержанты Василий Апальков, Александр Гаврин, Сергей Ефимов, Иван Кондрашов, Борис Удовенко, Вениамин Хасин, Иван Шевчук и Василий Павленко отмечены правительственными наградами.

На правом фланге армии воины 287-й и 350-й стрелковых дивизий генералов Панкратова и Вехина нанесли ощутимый удар оперативным резервам врага, его 16-й танковой дивизии. Одновременно с этим 27-й стрелковый корпус генерала Ф. Черокманова нанес значительный урон 17-й танковой дивизии противника. Создались условия для развития прорыва подвижными войсками.

На соседних участках фронта также наступил перелом. Так, в стыке с 3-й гвардейской вошла в прорыв 1-я гвардейская танковая армия генерал-полковника М. Е. Катукова. Развивая удар в направлении к Западному Бугу, она частью сил севернее города Кристинополь к утру 18 июля начала форсирование реки с ходу одновременно с передовыми отрядами дивизий ударной группировки 13-й армии.

Для ликвидации сильного узла сопротивления врага в Кристинополе генерал Пухов ввел в бой свой резерв — 71-ю дивизию, которая совместно с дивизией генерала Панкратова и 327-м гвардейским самоходно-артиллерийским полком 18 июля овладела городом, значительно расширив плацдарм на Западном Буге.

Конно-механизированная группа генерала Баранова к исходу 17 июля вышла к Западному Бугу на левом фланге ударной группировки армии у Каменки-Струмиловой. 25-й танковый корпус под командованием генерала Ф. Аникушкина нанес большой урон 20-й моторизованной и остаткам 17-й танковой дивизии гитлеровцев, отбросив их от Холуева и Руды-Селецкой за реку. С рассветом следующего дня кавалеристы и танкисты форсировали Западный Буг.

В это же время на львовском направлении настойчиво пробивались через узкий «колтовский коридор» воины 60-й и 38-й общевойсковых, 3-й гвардейской и 4-й танковых армий.

Вечером 18 июля небо Москвы озарилось двадцатью вспышками огней. Салютом из 224 орудий ознаменована победа наших войск, прорвавших сильную эшелонированную оборону противника на глубину до 50 км. Радостью и гордостью

наполнились сердца воинов. Но каждый знал, что впереди новые упорные бои.

На горящей самоходке

Продолжался бой за Дружкополь — небольшой населенный пункт на севере Львовщины. На правом фланге шла в атаку батарея самоходно-артиллерийских установок (САУ) старшего лейтенанта Быкова.

Метко стреляла по врагу самоходка Петра Горшенева. На окраине Дружкополя снарядами самоходного орудия разрушены два немецких дзота, мешавших продвижению пехоты, разбиты десятки машин, повозок, уничтожено около ста гитлеровцев.

Вдруг в стороне появились тщательно замаскированные вражеские танки. Засада!

— Вправо! — услышал водитель голос командира.

Первым же выстрелом самоходки был подбит «тигр», вторым — средний немецкий танк. Бьют по врагу и другие экипажи САУ.

Но огонь фашистских танков беспощаден. В самоходку Горшенева попал снаряд. Из машины вырвались языки пламени и дым.

В трудной обстановке оказался экипаж. Коммунист Горшенев крикнул в переговорное устройство:

— Спокойней, ребята! Спокойней! Будем продолжать бой!

Не раз Горшенев на фронтовых дорогах смотрел смерти в глаза. Но никогда не поддавался панике.

— Вперед, браток! — уже глотая дым, говорит Горшенев механику-водителю Васильеву. Голос командира был тверд и уверен.

Но Горшенев знал рубеж, за которым экипажу грозила гибель. И не перешагнул его. Когда броня самоходки была сплошь охвачена пламенем и оно стало просачиваться в боевые рубки сухопутного дредноута, раздалась команда:

— Оставить машину!

И вот, наконец, выпрыгивают из раскаленного чрева брони механик-водитель Евстафий Васильев, наводчик Семен Фефелкин, заряжающий Иван Козырьков.

Отползли от угрожающего пламени, прижались к земле.

— Автоматы, гранаты к бою! — скомандовал Петр Горшенев своим подчиненным. В их сторону бежали вражеские автоматчики, но, встретив град пуль, остановились. Взвизгнула, зашипела разорвавшаяся вблизи мина. Осколок угодил Горшеневу в ногу. «Вот тебе… в огне не сгорел, а тут надо же такому случиться…» — с горечью промолвил Петр. Ему перехватили жгутом ногу. Петр Горшенев не ушел с поля боя.

Л. И. СТРЕЛЬЦОВ, подполковник запаса
В ЖЕСТОКИХ СХВАТКАХ

А .В. Сивак

С. П. Денисенко

Новенький голубой автобус «Львов — Золочев» быстро мчался по широкой серой ленте асфальта. За окном февральский мороз, метель. Но в автобусе тепло, уютно. Как я и предполагал, все пассажиры, во всяком случае, большинство из них, — золочевцы и хорошо знают свой не очень-то большой город, его людей.

И верно, когда я спросил сидевшего рядом попутчика — мужчину лет пятидесяти, знает ли он живущего в Золочеве Андрея Васильевича Сивака, тот широко улыбнулся, как будто речь шла о его друге:

— А как же! — воскликнул он. — Андрей Васильевич у нас, пожалуй, всему городу известен. Заместитель председателя горсовета.

— Позвольте, — переспросил я. — Может быть, это другой Сивак? Тот, с кем надо встретиться, работает в профтехучилище строителей.

— Да, работал в профтехучилище. А месяца четыре — уже на новой должности.

Это сообщение обрадовало меня. Мне еще не приходилось встречаться с Сиваком, но я уже немало слышал о его славных ратных делах при освобождении Львовщины от немецко-фашистских захватчиков.

И вот Золочев. На фоне старых строений бросаются в глаза трех-, четырех- и пятиэтажные здания.

Встретились мы в горсовете. В небольшом, скромно обставленном кабинете навстречу мне поднялся среднего роста седеющий человек. На лице Андрея Васильевича приятная, открытая улыбка.

Усевшись за небольшой столик, мы разговорились о боях с гитлеровцами на львовской земле в июле сорок четвертого года. Андрей Васильевич говорит больше не о себе, а о своих боевых товарищах, с которыми вместе сражался и крепко дружит до сих пор.

— Несколько лет назад в нашем районе, там, где когда-то шли бои, состоялся финал областной пионерской военно-спортивной игры «Зарница», — вспоминает Сивак. — В горисполкоме обсуждался вопрос о том, как лучше подготовиться к проведению «Зарницы». Вдруг открывается дверь, заходит уже пожилой полковник с широкой, окладистой бородой. Заговорил с ним о предстоящей «Зарнице». Меня как током ударило… Неужели, думаю, мой бывший командир полка? «Знаешь, — тихо шепнул я сидевшему рядом инструктору райкома партии, — эта борода мне кажется знакомой. В войну, когда наш полк находился на марше, на перекрестках дорог мы ставили указки, на которых была надпись: «Хозяйство «Бороды».

— Кто сказал «хозяйство «Бороды»? — вдруг резко повернулся полковник, услышав мои слова.

Увидев меня, пристально всмотрелся, — узнал!

Вспомнил даже, как меня зовут. Мы обнялись, как старые товарищи по фронту: он, Георгий Васильевич Корнеев, — командир полка, я — пулеметчик.

А потом Андрей Васильевич с увлечением рассказывал мне о своем бывшем командире батальона — капитане Леониде Андреевиче Бирюкове и о старшине запаса, командире пулеметного расчета и парторге батальона Степане Петровиче Денисенко. С Бирюковым и Денисенко Сивак не раз встречался после войны здесь, в Золочеве.

— Вот посмотрите, как выглядит сейчас Степан Денисенко, с которым мы, можно сказать, прошли огонь, воду и медные трубы, — показал Андрей Васильевич фотографию друга.

С небольшого снимка на нас смотрел худощавый, уже в летах человек с кустистыми бровями над добрыми выразительными глазами. На пиджаке его — ордена Славы всех трех степеней, другие боевые награды.

Сейчас Денисенко — старший инженер Новосибирского завода строительных машин, ударник коммунистического труда.

— Для таких, как я, молодых солдат, Степан Петрович служил на фронте примером во всем, — с воодушевлением рассказывал Сивак о своем старшем товарище. — Очень спокойный, выдержанный, всегда заботился о молодых бойцах. Ведь за его плечами уже были годы довоенной службы, бои с белофиннами. На Отечественную он ушел прямо с парада в Москве 7 ноября 1941 года. Степан не только косил фашистов пулеметным огнем, но никогда не расставался и со своей снайперской винтовкой, всегда учил нас, молодежь, как надо бить врага.

Первый орден Славы Степан Петрович получил в боях за освобождение Тернополя и села Смыковцы. В Смыковцах мешала продвижению наших солдат выставленная на прямую наводку 75-мм вражеская пушка.

Когда упал, скошенный осколком, командир пулеметного взвода, в цепи бойцов раздался голос коммуниста Денисенко:

— Взвод, за мной!

Пригибаясь к земле, он преодолел опасную зону, за ним устремились бойцы. Еще несколько коротких, стремительных бросков, и пушка, из которой стреляли гитлеровцы, — в наших руках.

— Ого, вон сколько снарядов не успели выпустить! — заметил Денисенко рядом с орудием целый штабель боеприпасов. — А ну-ка, ребята, возвратим их фрицам вдогонку.

Долго ли бывалым фронтовикам развернуть захваченное орудие! И вот один за другим немецкие снаряды летят вдогонку отходящим гитлеровцам. А Степан и здесь не упустил случая, чтобы взяться за снайперскую винтовку и увеличить счет уничтоженным гитлеровцам.

Скупы строки приказа № 0179/Н по 60-й армии от 27 июля 1944 года, согласно которому Степан Петрович Денисенко награжден орденом Славы II степени. 14 июля 1944 года Денисенко со своим расчетом первым ворвался в село Манаев, гранатами подавил пулеметную точку фашистов. В уличном бою в этом селе из снайперской винтовки он уничтожил 17 немцев. Во

время боев по ликвидации окруженной группировки врага, когда выбыл из строя командир взвода, Денисенко принял командование. К этому времени снайперский счет Денисенко возрос до 125 уничтоженных гитлеровцев.

— Да, то были жаркие дни, — вспоминает Андрей Васильевич, и от нахлынувшего волнения на его лице отчетливее проступают затянувшиеся шрамы ранений. — Но Степан Денисенко и в этих условиях находил время, чтобы учить нас, как надо бить врага и самим зря не погибнуть.

Разгорелся бой за деревню Кругов. Сама деревня расположена в низине, с правой стороны ее — высота, на которой фашисты установили пулеметы. Они-то и мешали продвижению пехотинцев. Вражеские огневые точки не входили в сектор обстрела, указанный для пулеметного взвода.

— Инициативу надо проявлять, товарищи! — сказал Денисенко, заметив, что наша пехота прижата к земле. Он приказал перенести огонь гораздо правее, на высоту, откуда строчили вражеские пулеметы. Теперь уже фашисты не могли поднять головы. Вскоре деревня была полностью очищена от врага.

Неподалеку от населенного пункта Сасов на одной из высот фашисты соорудили опорный пункт. Мой расчет окопался перед высотой — из-за сильного лобового огня врага. Все у нас будто сделано, как положено: и площадка для «максима», и укрытие для расчета. Хорошо простреливалась впереди лежащая местность. Денисенко подполз к нам, прикрываясь кустарником, и как снег на голову свалился в окоп. «Что, не ожидали?»— спрашивает, заметив наше удивление. Осмотрелся вокруг и говорит: «Разве вы забыли, что противника надо ожидать с любой стороны? Немцы могут попытаться перерезать «колтовский коридор». Так что оборону сделайте круговую, чтобы с разных сторон отбивать возможное нападение врага».

Так мы и сделали: дооборудовали площадку, расчистили с тыла сектор обстрела. Словно в воду смотрел Денисенко. Вскоре из ближнего леска направилась на нас с тыла целая группа — десятка три фашистских автоматчиков. С ходу они открыли бешеную пальбу.

— Развернуть пулемет! — приказал Денисенко. — Огонь!

Немцам не удалось прорваться. Пятеро гитлеровцев сдались в плен, остальные были уничтожены метким огнем.

Андрей Васильевич Сивак удостоен ордена Красного Знамени и других наград. Однажды во время боя, раненый, он привел с собой на передовую 15 других раненых бойцов, чтобы помочь отбить очередную ожесточенную контратаку врага.

Вскоре после войны отважный пулеметчик уволился в запас, поселился в Золочеве.

Во время нашей беседы в кабинет вошел военрук Золочевской средней школы № 1 старший лейтенант запаса Евгений Петрович Степанишин. Он пригласил Андрея Васильевича на встречу с учениками. Юные золочевцы всегда с восхищением слушают ветерана войны, участвовавшего в освобождении родного района от фашистских захватчиков.

М. В. Вербинский, подполковник запаса «ВЕРТУШКА»

И. С. Полбин

Вертушка… Это, можете вы сказать, обычная деталь телефонного аппарата. Дети вертушкой называют игрушку, похожую на ветряную мельницу, только с маленькими парусиновыми или бумажными крыльями, которые крутятся от дуновения ветра.

А вот на фронте, в боях на львовском направлении в июле сорок четвертого года слово «вертушка» вошло в боевой лексикон летчиков.

Боевое напряжение царило тогда и среди находившихся здесь летчиков 2-го гвардейского бомбардировочного авиационного корпуса. Гвардейцы, летавшие на пикирующих бомбардировщиках «Пе-2», понимали: поддерживать с воздуха пехоту — святой долг воинов, владеющих крылатыми машинами.

Вчера, 14 июля, гвардейские экипажи «петляковых» висели над полыхавшей, клокочущей передовой. Наземные войска, пробивая дорогу ко Львову, продолжали ломать оборону, объявленную гитлеровцами неприступной. Добавляли своих «гостинцев» огрызавшемуся врагу и «петляковы». С грохотом рвались сброшенные на огневые точки опорных пунктов, на подходящие резервы противника бомбы.

На КП авиационного корпуса, расположенного рядом с аэродромом, беспрерывно поступали боевые донесения. Обрабатывались данные авиационной и наземной разведок. На карту крупного масштаба наносилась боевая обстановка, которая быстро менялась.

Из штаба 2-й воздушной армии передан очередной боевой приказ. Его принял начальник штаба корпуса полковник Качев. Доложил командиру корпуса генералу Полбину. Задача ясна: нанести бомбардировочный удар. Указан район, где нужно сбросить бомбовый груз. Экипажи ждут сигнала к вылету…

В колонне одного из авиационных полков командир корпуса решил идти ведущим. Три эскадрильи готовы к вылету. Летчики в приподнятом настроении: для них большая честь быть в строю, который ведет сам генерал.

О нем, Полбине, ходили легенды. Одни заверяли, что это врожденный снайпер бомбардировочного удара. Другие утверждали, что он завладел каким-то «особым механизмом», который помогает разыскать цель и точно поразить ее. «Полбин — гроза фашистов», «Полбин в воздухе — бомба у фрицев на голове», — говорили авиаторы о любимом командире и называли себя полбинцами.

Не только в авиационном корпусе — по всему фронту о Полбине шла добрая слава.

Летная биография командира корпуса полна героизма.

В тридцать девятом он водил эскадрилью бомбардировщиков на Халхин-Голе, внезапно появляясь над укреплениями самураев. От его бомб рушились доты и дзоты, навсегда затихали огневые точки врага. Еще тогда на груди Ивана Полбина засиял орден Ленина.

Когда гитлеровцы рвались к Москве, Полбин со своим полком меткими бомбовыми ударами преграждал путь фашистским танкам и пехоте. В одном из вылетов после атаки вражеских истребителей загорелся пилотируемый им самолет. Обгоревший, обессиленный летчик все-таки посадил машину, спас экипаж от гибели.

Во время Сталинградской битвы Полбин вместе с ведомым уничтожили крупный склад горючего на станции Морозовская.

Тот памятный бой, после которого ему присвоили звание Героя Советского Союза, состоялся 15 июля сорок второго года.

А сегодня — 15 июля сорок четвертого. Может, вспомнил в этот день Иван Семенович трудный бой под Сталинградом, когда, рискуя жизнью, пробивался сквозь сплошной огонь, пока не показались под крылом «петлякова» своеобразные купола — хранилища горючего. Огромный фонтан ярко-красного пламени долго бушевал над бензоскладом.

С тех пор прошло два года. Сколько было за это время еще таких трудных боевых вылетов? Всех не перечесть. Тогда он летал над Волгой, а нынче — над Западным Бугом. Неподалеку отсюда — синеющие в дымке Карпаты. Рядом родная граница.

Перед вылетом Полбин долго сидел с летчиками, которым предстояло с ним лететь на боевое задание. Вел речь о тактике действий группы, чертил на листе бумаги боевой порядок самолетов на маршруте, при подходе к цели…

— Все понятно? — спросил командир, сверкнув умными, веселыми глазами.

— Понятно! — последовал дружный ответ.

— Вот так и будем работать…

Направились к стоянкам боевых машин. С распластанными крыльями стояли они вдоль опушки рощи, укрытые зеленой листвой молодых курчавых дубков и буков.

— Легко на бумаге рисовать, а вот как получится на деле… — пожал плечами молодой летчик, только начинавший счет своим боевым вылетам.

— Тут, браток, все обдумано, — заметил коренастый, с орденами на груди капитан Плотников. — Семь раз отмерь, а раз отрежь — таков принцип у нашего генерала…

И вот бомбардировщики в небе. Обгоняют лохматые облака. Все ближе и ближе линия фронта. Видны белые и серые шапки дыма, разноцветные вспышки ракет. Но, кажущаяся сверху красивой, совсем иной эта картина была внизу. Броня таранит броню, снаряды перепахивают землю, идут смертельные поединки…

Наши войска, вбивая клин во вражескую оборону, по узкой полосе продвигались вперед. Гитлеровцы с фланга ударили по нему также стальным клином из двух танковых дивизий.

К району, где движутся вражеские танки, приближаются «петляковы».

Они идут пятерками. В каждой — ведущий, а справа и слева от него — по два ведомых. Три пятерки в кильватерном строю — одна за другой. Ведущий первой из них — вожак всей группы. Это Полбин.

Как он всегда рвался в бой! И когда был командиром эскадрильи, и когда ему доверили авиационный корпус. Сколько дел у него каждый день в штабе, на командном пункте. А он — в воздух, в бой! Это era стихия.

Заместитель командира корпуса по политчасти офицер Ф. И. Брагин, который всегда находился среди авиаторов, не раз слышал от летчиков: «Что же наш генерал, как пружина заведенная — никогда покоя не имеет: все в небе да в небе. Поговорите с командиром, — просили они замполита, — пусть побережет себя…» Говорил Полбину и сам Брагин об этом при случае.

— Лица на тебе нет, Иван Семенович, отдохнул бы хоть

денек. Крепко, видать, приворожило тебя небо!

— Насчет неба — это правильно. Любимой жены близко нет — вот и любуюсь небесами, — отшучивался Полбин.

А в другой раз на попытку удержать его от повторного вылета он сказал прямо:

— Я люблю посылать в бой летчиков, когда иду с ними сам. На душе тогда легко и весело…

Что касается нынешнего вылета, то участвовать в нем Полбин считал крайне необходимым. В его голове утвердился новый тактический прием действий «петляковых», и он хотел лично проверить, что же получится на практике.

Группа «петляковых» в воздухе. Полбин в кабине самолета внимателен, сосредоточен. Он должен все видеть. Шесть пар истребителей прикрытия, которые возглавляет капитан Гуляев, завязали бой с «мессерами». Наши ястребки — щит надежный. Значит, «петляковы» не скованы в своем маневре, но надо торопиться. В воздухе для летчика каждая секунда дорога.

Флагман увеличивает скорость. Правые ведомые становятся в хвост, за ними — левые ведомые. Так перестраиваются все пятерки. Самолеты вытягиваются в одну линию, как корабли в море.

Представитель авиакорпуса находился на КП наземного соединения, откуда хорошо было видно, что происходит в небе.

— «Пешки» встали в пеленг. Вот-вот ударят, — сообщил он.

«Петляковы» готовились к атаке. Машина ведущего опустила нос, входит в пике. Громовой гул моторов, свистящий шум встречных потоков воздуха. Чуть вздрагивает зажатый в руках штурвал… Огромная, безудержная скорость. Кто укротит ее? Кто заставит повиноваться метеором несущуюся к земле машину? Летчик. Его воля, внимание, глаза и слух. Не скованность, не страх овладевали в такие секунды Полбиным, а звенящая в груди радость.

Как там ведомые? Как они выполняют все элементы этого нового приема боя?

Ведущий направил самолет на голову тянувшейся змеей танковой колонны. Поднялся над змеиной головой султан густого дыма. Колонна распалась, рассыпалась. И зачернели отдельные танки по обочинам дороги, по зеленому полю.

Спикировавший самолет вышел из атаки и стал заходить в хвост группе бомбардировщиков, ходивших друг за другом по замкнутому кругу.

Когда ведущий нанес удар, тут же по крутой глиссаде устремился к земле другой самолет. За ним третий…

В воздухе круг бомбардировщиков кажется неподвижным. А

из этого круга то и дело спускаются вниз по одному самолеты и клюют мечущиеся танки. Каждый пикировщик выбирает «свою» цель и накрывает ее бомбой.

Вот эти «свои» цели! Там танк замер неподвижной глыбой, там вращается, как волчок, потеряв гусеницу. А там над броней полыхает пламя…

Видит с борта самолета Полбин, что фашистские танки сползли от дороги влево, прокладывают следы по лощине, за которой тянется зубчатая полоска рощи.

— Соколы! Соколы! Выбирай цель в лощине! Бей по «коробкам»! По «коробкам»! — слышали летчики в наушниках шлемофонов команду ведущего.

Крутятся над полем боя по замкнутому кругу самолеты, как колесо игрушечной вертушки. Только эта «вертушка» — огненная, грозная, посылающая беспощадную смерть врагу.

И снова уверенный, вдохновляющий голос ведущего:

— Молодцы, ребята! Молодцы, гвардейцы. Идем домой!

Бомбардировщики строятся в пятерки, пятерки — в кильватерную колонну…

На обратном пути из района Зборова флагман услышал по радио: «Спасибо, Полбин, за работу. Отлично действовали». Это передавал с земли в воздух маршал Конев…

На аэродроме Иван Семенович, вытирая платочком бусинки пота со лба, рассказывал замполиту Брагину и начальнику штаба корпуса Качеву:

— Сделали по восемь заходов. Бомбами угощали фрицев, огнем из пушек… «Вертушечку» применили… Получилось неплохо. Пятнадцать минут висели над целью.

— И все это время фрицы дрожали от страха, — заметил Качев.

— Вот именно, Феофан Иванович, выплясывали чечетку, — Полбин разразился веселым смехом. Он всегда смеялся от души — широко, заразительно… И в такие минуты его лицо становилось еще обаятельнее.

В боевых документах 2-й воздушной армии за 1944 год есть такие строки: «Впервые в истории боевой деятельности воздушной армии 15 июля 1944 года группа «Пе-2», возглавляемая И. С. Полбиным, применила новый метод бомбометания с пикированием, так называемый «замкнутый круг».

А летчики этот тактический прием назвали одним словом: «вертушка».

Обычно бомбардировщики, выходя на цель, сбрасывали по сигналу ведущего бомбы и уходили. Иное дело удар с замкнутого

круга. Тут уж самолеты висят над целью некоторое время. В упомянутом выше документе сказано, что такой новый метод — «большой эффективности и сильного морального воздействия на противника».

Именно этого и добивался Полбин. Поиски летчика-новатора увенчались успехом.

Удар за ударом наносили полбинцы по танкам в районе Зборова. Пикировали «петляковы» на цели с замкнутого круга — «вертушки». Захлебнулась вражеская контратака.

Но враг не унимался. Бои разгорались с новой силой.

— В те дни летнего наступления редко когда удавалось видеть Полбина на КП или в штабе, — вспоминал ветеран полбинского корпуса генерал Качев. — То Иван Семенович готовится к вылету, то он в воздухе… Он считал, что на войне его место только в боевом строю, только на боевом курсе…

— Ну, орлы, пошли работать, — каждый раз говорил Иван Семенович, обращаясь к летчикам. Это означало: «Пошли на боевое задание».

Среди тех, кто ходил на задания в группе командира корпуса, были прошедшие суровые боевые испытания летчики: полковник Добыш и подполковник Гаврилов, горячий и бесстрашный пикировщик майор Решидов, спокойный по натуре, но такой же мужественный воздушный боец капитан Гусенко, готовые пойти в огонь и в воду авиаторы майор Белявин и капитан Плотников…

Полбин каждый раз напоминал своим воспитанникам-гвардейцам:

— Лучше нам надо прокладывать путь пехоте…

Уничтожать огневые точки, орудия, минометы, танки противника на пути продвижения наземных подразделений — в этом видел Полбин назначение пикирующего бомбардировщика. Учил летчиков и требовал уметь поражать цели врага без промаха, как снайпер бьет из снайперской винтовки.

И между вылетами летчики не сидели сложа руки. Правило было строгое: после возвращения с боевого задания — разбор, анализ. Удачно бомбил — делись опытом. Промахнулся — выясни причину, учти на следующий раз недостатки. Тут же, на аэродроме, — тренировки. И в воздухе и на земле — учеба. Каждый успех в поединке — это победа оружия, разума и умения воздушного бойца. Выше умение — лучший выигрыш в бою. И за это боролся командир. Все, что способствовало успеху в борьбе с врагом, бралось в союзники.

Как-то после возвращения с боевого вылета Полбин встретился на аэродроме с инженером корпуса. Необычный вопрос обсуждали они: командир высказал предложение, чтобы

пустое пространство между мотором и капотом загружать небольшими осколочными бомбами.

— Это будут «подарки» для вражеской пехоты, — с удовлетворением отметили авиаспециалисты, загружая осколочные авиабомбы на самолеты.

Бойцам наземных войск была по душе работа «пешек». Сколько благодарностей высказали они в адрес авиаторов, которые водили сюда, на передовую, крылатых саперов. Летчики, штурманы, стрелки-радисты с любовью относились к «петлякову», ласково называли самолет то «пешечкой», то «пешкой».

…Взлетают, приземляются «петляковы», некоторые с пробоинами в фюзеляжах, с рваными дырами в плоскостях. Это — с передовой.

— Расчищали дорогу пехоте, — говорили летчики, выбираясь из душных кабин на свежий воздух.

Иногда воздушные бойцы возвращались на аэродром с хмурыми, скорбными лицами. Значит, какой-то из экипажей не вернулся — загорелся от вражеского снаряда, упал подбитой птицей. Фронт есть фронт. И фронтовые дороги в воздухе полны опасности.

Однажды приземлилась пара «петляковых». Одна из машин неуклюже покачивалась на пробеге. Видно, побывал самолет в сложном переплете. А когда машина зарулила на стоянку, прокатился слух:

— Наши «пешки» в ресторане во Львове гуляли…

— Ну и как? — спрашивали любопытные.

— Повеселились здорово!

В ресторане «Пекелко», который находился на улице Пекарской, собрались гитлеровские офицеры, генералы. Под звон бокалов здесь намеревались говорить о том, как остановить русских на львовском направлении. Место сборища как будто было в полной безопасности: надежное оцепление, масса зениток. «Муха не пролетит», — заверял комендант организаторов сборища.

И вдруг над городом зарокотали моторы «пешек». Сквозь сплошной огонь пробились воздушные бойцы. И вот уже машина отвесно пикирует на дом, где находится ресторан «Пекелко». С безукоризненной точностью падают бомбы. Пробивают крышу, взламывают перекрытия. И обрушиваются осколки, камни, щебень на гитлеровцев, беспечно рассевшихся за столами…

В этом стремительном прорыве сквозь зенитный огонь, в точном пикирующем ударе угадывался полбинский почерк, почерк мастера точного бомбового удара.

Сотни боевых вылетов совершили полбинцы. Тысячи бомб

обрушили на голову врага. Пикирующие бомбардировщики появлялись там, где сильнее оборона врага, где труднее было продвигаться вперед нашим наземным подразделениям. Экипажи «петляковых» до седьмого пота работали, обеспечивая успех наступления на пути к древнему Львову. И не случайно на знамени 2-го гвардейского бомбардировочного авиационного корпуса появилось почетное наименование «Львовский».

Командир корпуса генерал Полбин прокладывал крылатым богатырям воздушные трассы дальше, на запад.

С одного из прифронтовых аэродромов отправлено его очередное письмо жене Марии. «Манек, — писал Иван Семенович. — Я жив, здоров. Все сильнее надежда, что этот год будет последним годом нашей разлуки… Победу надо довести до конца… Получил награду — орден Богдана Хмельницкого. Пусть дети видят, что их отец в дни Великой Отечественной войны все делал для пользы Родины…»

Безустанно рвущийся в небо Полбин уже летал к Висле, за Вислу.

11 февраля сорок пятого года он повел девятку «петляковых» бомбить вражеские укрепления в осажденном нашими войсками городе Бреслау (ныне Вроцлав). Сбросив груз на цель, самолеты вернулись, взяли боеприпасы — и вновь в полет.

В этот раз на аэродроме вместо девяти приземлилось восемь самолетов. Не вернулся флагман. Авиаторы с волнением ждали ответа на тревоживший всех вопрос: «Где командир? Что случилось с Полбиным?»

И страшную весть услышали из уст поднявшегося на крыло самолета капитана Плотникова:

— Встали на боевой курс… И вдруг над целью — зенитный снаряд… прямо в носовую часть самолета… Машина взорвалась в воздухе…

«За смерть любимого командира!» — с такими надписями на фюзеляжах самолетов шли в бой крылатые богатыри-полбинцы.

…Есть в Ульяновской области село Ртищево-Каменка.

В 1905 году здесь проходила сходка бедняков-крестьян. Горячо выступила перед ними жена батрака Ксения Полбина. Жандармы бросили ее в тюрьму. Там она родила сына, которого назвала Иваном. Суровое было у него детство, нелегкая, но полная романтики юность. Комсомол, партия воспитали пламенного патриота.

Вскоре после того рокового дня, когда Полбин не вернулся с боевого задания, Родина наградила его второй Золотой Звездой посмертно.

В селе Ртищево-Каменке, на том месте, где в девятьсот пятом

году на крестьянской сходке была арестована Ксения Полбина, поставлен бюст ее сына-героя.

Не померкнет слава выдающегося летчика. Она звучит и на украинской земле, на Львовщине, где с таким блеском был применен в боях с гитлеровцами новый тактический прием — знаменитая полбинская «вертушка».

Достойный патруль

Группа истребителей барражировала в районе Горохов — Стоянов. В обязанности воздушного патруля входило не допускать сюда вражеской авиации. Погода в этот день, 15 июля, была переменчива. Вечером (истребители взлетели в 13 часов 50 минут) над землей плыли рваные облака. Зона обзора ограничивалась. О воздушной обстановке летчиков беспрерывно информировали с командного пункта.

Ведущий группы гвардии подполковник Горегляд принял по радио сигнал земли: с северо-запада приближаются 40 «юнкерсов» и 20 «фокке-вульфов».

Долго ждать не пришлось. Самолеты противника уже обнаружены нашими «ястребками», и Горегляд дал команду атаковать. Часть наших истребителей — четыре экипажа под командованием Горегляда, пошли в атаку на первую девятку «юнкерсов». Четверка Боброва — группа прикрытия — атаковала вторую девятку бомбардировщиков. В первой атаке Горегляд, зайдя в хвост Ю-87, сбил его. Открыл огонь по второму «юнкерсу» и поджег самолет, когда тот входил в пикирование.

Первые атаки наших «ястребков» оказались неожиданными для противника. Гитлеровские истребители находились на некотором удалении от бомбардировщиков и когда приблизились, те уже потеряли несколько машин. «Фокке-вульфы» ринулись в яростный бой.

— Своей парой отбить атаки «фоккеров»! — отдал Горегляд приказ Боброву.

Бобров решительно пошел наперерез «фокке-вульфам» и вместе со своим напарником завязал с ними крутую карусель. Остальные ястребки продолжали наносить удары по бомбардировщикам.

Два «фокке-вульфа» устремились в атаку на пару истребителей летчика Румма. Горегляд, державший в поле зрения весь район воздушного боя, поспешил на помощь товарищам. Со свойственной ему энергичностью развернул самолет и, сделав каскад сложных фигур, зафиксировал на сетке прицела ведомого нападающей пары «фоккеров». Стервятник, кувыркаясь, полетел вниз на зеленый ковер луга. А его ведущий скрылся в облаках.

Восемь самолетов потерял противник в этом бою. Одни из них разлетелись в щепки, упав на землю, другие — сгорели в воздухе.

Видели жаркие поединки летчиков с земли наши стрелки, артиллеристы, танкисты и радовались успеху крылатых братьев.

В. Н. Секретарюк, капитан запаса
В АВАНГАРДЕ
(Записки парторга полка)

В. Н. Секретарюк

Летом 1944 года после семидневного марша наш 205-й гвардейский полк был переброшен с Днестра в район Тернополя, где сосредоточился возле села Янковцы в урочище Средний Гай.

События на фронтах Великой Отечественной разворачивались нарастающими темпами. Громя врага, перешли в наступление советские войска в Белоруссии.

— Когда же настанет наш час? — спрашивали воины. — Получить бы скорее приказ — вперед!

И вот накануне предстоящего боя — партийное собрание. Сколько знакомых, дорогих лиц, с которыми шел дорогами войны.

С докладом выступил командир полка Герой Советского Союза коммунист Ф. И. Печенюк. Он говорил о роли и задачах коммунистов и комсомольцев в бою. Резолюция собрания была краткой: «Бить врага, как били в Сталинграде, под Курском и на Днепре!»

Перед выходом на передний край по подразделениям прошли митинги. На них выступали командиры, политработники, передовые бойцы. Гвардейцы клялись идти только вперед, до полной победы.

13 июля 1944 года полковник Печенюк сказал:

— Выступаем.

Долго ли собираться солдату! Вещмешок на спину, автомат через плечо и — в путь. Солнце уже садилось за урочище

Клещино, откуда мы начали добираться к передовой, чтобы сменить подразделения первого эшелона. Ни стука, ни скрипа, ни звона. В полной тишине приближаемся к переднему краю. Время от времени по ту сторону фронта взлетают в небо осветительные ракеты, строчат автоматы и пулеметы, через головы бойцов со свистом проносятся снаряды.

Уже за полночь прибыли на место. Ходами сообщения пробрались к командному пункту, где полковник Печенюк принимал участок. По дороге я заглянул в батальон старшего лейтенанта Яроцкого. Здесь кипела работа. Гвардейцы углубляли окопы, проделывали новые ходы сообщения, чтобы быть поближе к противнику. Разведчики в приборы наблюдения по вспышкам выстрелов засекали огневые точки врага. Офицеры мысленно намечали путь первых атак. Все делалось спокойно, неторопливо, с хозяйской обстоятельностью.

— Укрепления у врага сильные, попотеть придется, — слышу в окопе голос агитатора Олейника. — Где ты должен находиться, если с фланга начнет стрелять вражеский пулемет?

Прислушиваясь к разговору, заглядываю в укрытие.

— Возле первого номера, — отвечает белокурый солдат-новобранец. — Залегаю и подаю ленту.

— Верно! А если что случится с первым номером?

— Буду сам стрелять!

В других ячейках гвардейцы писали письма родным, знакомым. Как всегда последними строками были: «Ждите нас, вернемся с победой!». Я проследил за тем, чтобы письмоносцы собрали и своевременно отправили почту. Побывал я в ротах, заглянул в хозчасть, к артиллеристам, минометчикам.

Подразделениям полка предстояло нанести удар и прорвать оборону в двух километрах восточнее села Бзовица и выйти в районы населенных пунктов Ярославичи, Кабаровцы. На участке прорыва были сосредоточены артиллерия, минометы, в небольшом количестве танки и самоходная артиллерия.

Танковые экипажи заняли места в боевых машинах, готовые к рывку. Ждут сигнала гвардейцы-пехотинцы.

Раздались залпы «катюш», подхваченные множеством орудий и минометов. Все слилось в один оглушительный грохот. Заколыхалась земля, море огня обрушилось на вражескую оборону. По окопам и ходам сообщений прокатилась команда:

— Приготовиться к атаке!

Нужно было обезвредить минное поле, проволочные заграждения. Это еще ночью сделали саперы взвода гвардии младшего лейтенанта Харченко. Коммунист Харченко и парторг взвода Сидоров показали пример самообладания и выдержки в

трудной работе по разминированию. Задачу саперы выполнили с честью.

Взвилось несколько красных ракет. Огневой вал перенесся с переднего края в глубину обороны противника.

Гвардейцы дружно устремились вперед. Вместе с пехотой двинулись танкисты, артиллеристы, минометчики и пулеметчики.

Выскакиваю из траншеи вместе с бойцами третьего батальона. Врываемся в первую, а затем во вторую линию вражеских окопов.

На западной опушке рощи, возле высоты 426.0 попадаем под шквальный огонь вражеских пулеметов.

Старший лейтенант Яроцкий приказал окопаться и сковать противника, а взвод младшего лейтенанта Савина послал в обход высоты.

Снайпер рядовой Буга и агитатор Олейник выдвинулись ближе к позиции врага и начали охоту за гитлеровцами. Меткие выстрелы уложили 12 фашистов, их огонь ослабел. И тут ударил в тыл противника взвод Савина. 65 захватчиков уничтожил отважный офицер со своими бойцами.

Ползком добрались к Олейнику.

— Агитатор! Надо бы «молнию» посвятить Сазину.

Олейник на листке бумаги написал: «В боях за высоту 426.0 взвод Савина уничтожил 65 врагов. Гвардейцы, равняйтесь на героев!» «Молнию» передали по цепи.

Но впереди были новые испытания. Едва мы выбрались из рощи, как на полк обрушился сильный артиллерийский и ружейно-пулеметный огонь. Попытка отчаянным броском вырваться из-под обстрела не удалась. Здесь, перед второй линией обороны, командир полка приказал:

— Окопаться и приготовиться к отражению контратаки!

За перелеском послышалось урчание танков противника.

— Глубже закапывайся и пропускай танки! — пробежал перед цепью новичков агитатор Олейник. — В окопах танки не страшны. Добьешь гранатой.

Замелькали саперные лопатки, полетели комья земли. За какие-то пятнадцать минут каждый вырыл круглую ячейку и укрылся в ней.

Из-за перелеска под прикрытием артиллерийского огня ринулись в атаку 25 танков, самоходных орудий и около полка пехоты. В течение трех часов пехотинцы отбивали натиск врага. Тяжелые бои вел первый стрелковый батальон гвардии капитана Короткова.

Пренебрегая опасностью, от бойца к бойцу перебегали замполиты батальонов гвардии старшие лейтенанты Сорокин и

Хананов.

— Держитесь, гвардейцы! Ни шагу назад!

Прорвавшиеся танки воины уничтожили гранатами, бутылками с зажигательной смесью. В этом жестоком бою были тяжело ранены командиры батальонов Кулешов, Коротков. Их заменили другие офицеры-коммунисты.

За два дня гвардейцы полка отбили около 20 контратак противника, подожгли и подбили 13 танков.

Вечером 15 июля, едва затих бой, все замполиты, члены партийного бюро полка и батальонов собрались на короткое совещание. Командир части рассказал о ходе боя, поставил задачу на следующий день.

16 июля 1944 года после тридцатиминутной артиллерийской подготовки 205-й гвардейский стрелковый полк вновь устремился вперед. Гвардейцы второго батальона натолкнулись на минные поля. Саперный взвод батальона стал расчищать путь. Комсомолец гвардии сержант Зайнулин в течение двух часов обезвредил свыше 120 мин.

Гитлеровцы, отходившие на Мониловку и Ярославцы, упорно цеплялись за хутора, пригорки, узлы дорог, но ничто не могло остановить гвардейцев. К середине дня наши воины вышли на западную и юго-западную окраину Ярославичей. После уличных боев враг оставил два населенных пункта. Фашисты потеряли 200 солдат, уничтожено три дзота, захвачены пленные.

Буквально через час мы уже проводили беседы в отделениях и взводах, рассказывали о наших боевых успехах, о тех, кто отличился в боях.

Каждую боевую задачу командир полка Ф. И. Печенюк решал с глубоким знанием военного дела. Федор Иосифович зарекомендовал себя как тактически подготовленный, волевой командир. Перед наступлением он беседовал с бойцами, давал необходимые указания и советы, добивался, чтобы замысел боя в мельчайших подробностях был понятен воинам.

Так было и перед боем за Кабаровцы. После непродолжительного обстрела вражеской обороны гвардейцы двинулись вперед, охватывая с флангов населенный пункт. Как и предвидел полковник Печенюк, фашисты незамедлительно перешли в контратаку. Вражескую пехоту поддержали танки и самоходки.

Наши воины встретили гитлеровцев плотным огнем и заставили их повернуть назад. Оттесняя превосходящего силой в два-три раза противника, гвардейцы шаг за шагом, метр за метром продвигались вперед, выполняя поставленную перед ними задачу.

Воинскую находчивость и личную храбрость проявил комсомолец, командир стрелкового взвода 3-й роты гвардии старший сержант Бондаренко. Нескольким группам фашистов удалось прорваться к нашим окопам. И тут пошла в ход «карманная артиллерия» — гранаты. В короткой схватке нашли свою бесславную смерть десятки врагов. Бондаренко уничтожил пять фашистов.

Героически сражался в этот день комсорг батальона Истомин. Когда в атаку двинулись фашистские танки, он первым смело вступил с ними в единоборство.

В жестоких боях с врагом партийно-политическая работа среди бойцов не прекращалась ни на минуту. Партийные собрания обычно были краткими. Повестка дня диктовалась конкретной обстановкой: о месте коммуниста в бою, о воинской доблести членов партии, их авангардной роли.

Не ослабевала ожесточенность боев. Выбитые из деревни Кабаровцы, немцы открыли бешеный огонь по боевым порядкам второго стрелкового батальона. После артналета на батальон двинулось около полка вражеской пехоты, ставя под удар и первый стрелковый батальон.

Атакующие цепи гитлеровцев накатывались одна за другой. На помощь пехотинцам пришли бойцы пулеметной роты коммуниста гвардии старшего лейтенанта Донского. Меткий огонь пулеметов охладил пыл фашистов. Они бросились бежать.

Не успели закрепиться — новая контратака, пожалуй, самая ожесточенная за последние дни. Командир полка приказал второму батальону, который находился в центре, несколько отойти, чтобы заманить гитлеровцев в ловушку. Замысел удался! Когда вражеские цепи втянулись в мешок, с флангов ударили первый и третий батальоны. Заговорили пушки подразделения гвардии капитана Дворянинова. Особенно отличились бойцы-гвардейцы старшина Мирный и сержант Мельник. Они уничтожили взвод пехоты и два фашистских танка.

Героически дрались воины батальона гвардии майора Столярова. Командир батальона и его заместитель по политической части гвардии старший лейтенант Сорокин личным примером воодушевляли бойцов. Батальон истребил до 150 фашистов, уничтожил 17 пулеметных гнезд, 7 орудий.

В течение дня 18 июля противник подтянул свежие силы и попытался нанести удар в направлении Кабаровцев. Но и эта атака захлебнулась в самом начале.

На короткий ночной привал мы остановились в лесу. Подъехали ротные кухни, и кашевары начали раздавать горячую пищу. Разыскав почтальонов, я поторопил их раздать

доставленные письма. Что может быть отрадней для бойца, чем в минуту затишья получить весточку из дома?

Здесь, на привале, был получен приказ: на рассвете выступить в боевой поход. Мы продолжали наступление.

Ю. Л. Шульмейстер, подполковник запаса
СМЕЛЫЙ МАНЕВР

С. И. Иванов

Леса, лощины, болота… Здесь проходил рубеж обороны 388-го стрелкового полка.

Не жалея сил и энергии, воины сооружали доты и дзоты, рыли траншеи, ходы сообщения, делали проволочные заграждения, устанавливали минные поля.

— Как будто надолго решили засесть, — сказал один из бойцов. А другой ему в ответ:

— На войне, браток, так: на один день оборону занимаешь, а укрепляйся — будто стоять месяцами придется.

Впереди фронта обороны — Броды. Командир 388-го майор Иванов собирал данные о городе, о его гарнизоне, об окружающей местности. Беседовал однажды со старожилом. Тот сказал так:

— Не зря город Бродами называется. Кругом низменность, ручьи, речушки. В старину, чтобы в город попасть, надо было брод разыскивать…

— Верно говорит старик, — подтверждает Герой Советского Союза майор Поляков. — На себе это испытали, когда штурмовали Дубно, Млынов и подошли к Бродам…

В первых числах июня в 388-й полк для вручения боевого знамени прибыл член Военного совета 13-й армии генерал-майор М. А. Козлов. Когда полк был выстроен, в наступившей торжественной тишине генерал Козлов сказал: «Вручая вам боевое знамя, верю, что каждый боец и командир будет еще с большей самоотверженностью сражаться за полный разгром немецко-фашистских захватчиков, за быстрейшее освобождение

нашей Родины от врага».

Майор Иванов подходит к боевому знамени, становится на колено и целует его. Бойцы клянутся, не щадя крови и жизни, бить врага до полной победы…

…Командира 388-го стрелкового полка майора Иванова и командира 514-го стрелкового полка подполковника Митропольского вызвал комдив, Герой Советского Союза генерал А. А. Краснов. Он отдал приказ — прорвать оборону противника, овладеть городом Броды. Полк майора Иванова должен наносить фронтальный удар, подполковника Митропольского — зайти в тыл вражескому гарнизону и атаковать противника с северо-запада и запада.

Трудная задача поставлена перед 514-м полком. Ее успех решит судьбу боя. Перед фронтом дивизии враг создал мощную оборону, и прорыв будет нелегким.

— Должны же быть в обороне противника, среди лесов и болот, слабые местечки. Нащупайте их — вот и дорога во вражеский тыл, — сказал генерал командиру 514-го.

«Найти дорогу для прохода во вражеский тыл! — возвращаясь в часть, думал подполковник Митропольский. — Кому же поручить эту задачу?»

Выбор пал на старшего лейтенанта Морозова, начальника разведки полка.

Николай Морозов прославился многими дерзкими операциями. Недавно он в ночной темноте провел свою роту по дощатому помосту через реку Икву и, ворвавшись с группой воинов с южной окраины в Дубно, решил исход боя. А новая задача потяжелее!

Прибыв в часть, Митропольский зашел к начальнику штаба майору Крутоверцу. Обсудили с Титом Игнатьевичем поставленное комдивом задание. Вызвали старшего лейтенанта Морозова.

— Ходили уже по тылам, теперь надо проверить все заново, — вслух размышляет Морозов. — Одно дело мелкой группке через передовую пройти, другое — часть провести. Придется всю оборону прощупать.

— И много на это потребуется времени? — спросил Митропольский.

— Зачем много? — веселые глаза лейтенанта поблескивают хитринками. — Пустим несколько небольших разведгрупп, с одной сам пойду. Дня за два-три разведаем, нынешней ночью начнем, — сказал в заключение Морозов.

— Действуйте!

Фронтовая ночь на переднем крае. Периодически со стороны

противника взлетают ракеты, освещают землю желто-синим светом и медленно опускаются вниз. Где-то зачастит пулемет и замолкнет. Нервничают на той стороне. Оживают и наши позиции. Где-то сильно ухают минометы, заливается пулемет — начинается огневая дуэль. А на другом, тихом участке Морозов и его разведчики ползут по ничейной земле. «Тихий участок»! В любую минуту он может превратиться в гремящий. Взлетит очередная ракета — обнаружат фрицы, тогда… А что тогда?! Говорили, везет Морозову: сколько раз в разведку ходил, не обнаруживали. И Морозов соглашался: «Везет»! А кому «везет»? Смелым, отважным. Попадет командир в полосу неяркого света, прижмется к земле и лежит неподвижно. Погаснет ракета — дальше ползет. Тихо, спокойно, деловито, Так и разведчиков своих приучил. Вот она и «удача»! Не выдержат нервы, начнет солдат в полосе света метаться — тут его и обнаружат. Тогда и говорят — не повезло человеку.

Конечно, и смелого пуля находит, только реже. У смелого больше шансов на жизнь. Нелегкой ценой дается фронтовая закалка, но зато такой человек — крепче стали. Таков и Морозов. И на этот раз разведчикам «повезло». Ничейная земля преодолена — они уже на той стороне. В тыл не спешат углубиться, самое сложное и тяжелое — передовую прощупать, выяснить, какой он, «пустой участок» в лесу: его протяженность, имеются ли завалы, минные поля, колючая проволока, появляются ли здесь патрули и как часто, где ближайшие огневые точки врага. Много надо затратить тяжелого, изнурительного труда. А рядом ходит смерть. Только о ней в этот момент не думают.

Обследовал Морозов по-хозяйски облюбованный им участок и пробрался со своими разведчиками в глубину вражеской обороны. Все в порядке! По этому пути подразделение может пройти. Если ребята еще такие проходы найдут, задание будет выполнено. Прошла ночь, день и еще одна ночь. Вернулись морозовские группы, еще о двух проходах докладывают. Морозов помог начальнику штаба разработать план боя.

Из штаба 102-го стрелкового корпуса получен приказ — 17 июля дивизия должна перейти в наступление. Ближайшая задача: овладеть городом Броды.

Последняя ночь перед боем.

Разведчики Морозова глухими лесными тропами ведут подразделения 514-го полка в неприятельский тыл.

В 388-м полку в ночь с 16 на 17 июля на передовую выходят саперы. Полк должен прорвать вражескую оборону, а для этого надо сделать проходы в минных полях. Мужественно работает в темноте командир саперного взвода лейтенант Агафонов со

своими бойцами. Саперы замечены противником. Начинается перестрелка. Все плотнее огонь, но работа не прекращается ни на минуту. Тысячи мин обезврежено, а одну лейтенант Агафонов не заметил. Взрыв — и тяжело раненного командира несут санитары. Но путь для атаки проложен.

17 июля, 5 часов 30 минут. Земля содрогается от залпов артиллерийских орудий, гремят минометы, передний край 388-го полка обозначился мощным огнем пулеметов и автоматов. Подразделения атакуют врага. Оживают огневые точки противника, молчавшие во время артподготовки.

Бой разгорается, с каждой минутой становится все ожесточенней и яростней. Батальон майора Стешанова уже дерется на окраине города. Противник отчаянно сопротивляется. Труднее всего седьмой роте. Ее бойцы залегли у первых домов, отстреливаются, несут потери. Взяв резервный взвод, вовремя прибыл на помощь майор Стешанов. Он сам повел роту в атаку. Бой вспыхнул с новой силой.

В другом месте путь наступающим прегражден пулеметным огнем из дома, превращенного гитлеровцами в опорный пункт. Неужели и здесь захлебнется атака? Не захлебнется! Отважные бойцы-комсомольцы Карпенко и Архипов, преодолевая огненный шквал, вплотную подбираются к дому и пускают в ход гранаты. Умолкают немецкие пулеметы, бегут гитлеровцы. Пятнадцать вражеских солдат уничтожили в этом бою отважные комсомольцы.

Фашистское командование бросает в контратаку десять танков и новые подразделения автоматчиков.

«Медлить нельзя! Надо вводить в бой главный резерв», — решает майор Иванов и, отдав распоряжения начальнику штаба, спешит в 3-й стрелковый батальон капитана Попова.

Перед строем, у развернутого полкового знамени майор Иванов призывает бойцов:

— Святыня полка — боевое знамя — с вами идет в атаку. Вперед, на врага! Победу нашему знамени!

Отважно дерутся бойцы капитана Попова. В боевых порядках пехота. Ведут огонь противотанковые орудия. Один за другим выходят из строя фашистские танки. Бой идет за каждый дом, за каждую улицу. И там, где особенно трудно, появляется боевое знамя.

Включаются в бой за город подразделения полка, овладевшие Детковцами и Старыми Бродами. От бойца к бойцу передается призыв: «Взяли Старые Броды, возьмем и Новые!»

Напряжение схваток растет. Враг упорно сопротивляется. И вдруг… Канонада и мощный пулеметный огонь раздаются на

западной и северо-западной окраинах города. Во вражеском тылу бой за Броды начинает 514-й стрелковый полк. Гарнизон противника в стальных тисках. Первыми с северо-запада врываются в город подразделения батальона капитана С. Е. Враскова. Гитлеровцы уже не в силах удерживать оборону, а удары наступающих войск все сокрушительней. На железнодорожном пути, с юго-восточной стороны появляется бронепоезд № 608 из 58-го дивизиона капитана И. С. Мериджанова. Включаются в бой орудия бронеплощадок. Отлично действуют артиллеристы М. Злодеев, В. Касаткин, С. Сидоров.

Сопротивление врага сломлено, в центре города 388-й и 514-й полки встречаются. Объятия, рукопожатия, смех и радостные приветствия.

Бредут под конвоем в серо-зеленых мундирах пленные, жмутся жалкими кучками к развалинам.

Много горя принесли гитлеровцы жителям города Броды. Перед войной там проживало свыше двадцати двух тысяч человек. За время фашистской оккупации большая часть населения уничтожена, многих забрали на работы в Германию. Многих перед началом боев угнали на Запад. Гитлеровцы вывезли из домов все, что могли. Затем началось методическое разрушение города — дом за домом, квартал за кварталом.

Осматриваются бойцы — кругом одни руины. Целый дом — редкость. Гнев и возмущение переполняют солдатские души. Оставшиеся жители из подвалов, укрытий вышли на улицы, благодарят советских воинов-освободителей. Завязываются оживленные беседы. Возникает митинг — выступают командиры, бойцы.

У всех выступающих одно желание — громить фашистов, побыстрей изгнать с родной земли, добить в их собственном логове.

Слово взял пожилой человек в штатской одежде:

— Дорогие сыны! Низкий поклон за то, что освободили нас от извергов-фашистов. Много горя принесли гитлеровцы. За эти муки и страдания вы должны отомстить.

Митинг закончен. Передышка будет недолгой. Впереди снова бой.

Дымятся походные кухни. Бойцы угощают жителей. Легкораненым воинам тут же делают перевязки. В такое время они в тыл уходить не хотят.

Много работы у трофейной команды. У врага захвачены склад боеприпасов, 36 артиллерийских орудий разных калибров, около 400 автомашин, 50 мотоциклов и много другого

имущества.

«17. 7. 44. Противник в течение ночи и первой половины дня оказывал сильное сопротивление. Корпус перешел в наступление всем фронтом и в 19.00 17 июля овладел городом Броды», — такая запись сделана в оперативной сводке 102-го стрелкового корпуса, действующего на рава-русском направлении.

СЛОВО ДОКУМЕНТАМ
(Из материалов Архива Министерства обороны Союза ССР)

Штыком и прикладом

Командир взвода коммунист Стариков, парторг роты 1132-го стрелкового полка, выполнял поставленную боевую задачу.

Умело маскируясь, взвод скрыто обошел позиции противника и окружил в лесу около роты гитлеровцев. Завязался рукопашный бой. Личным примером отваги и мужества Стариков увлекал бойцов. Штыком и прикладом он уничтожил десять фашистов. Будучи раненным, не ушел с поля боя. Многие гитлеровцы были истреблены, а 33 взяты в плен.

Из политдонесения политотдела 336-й стрелковой дивизии от 17 июля 1944 г.

Штурм высоты

Во время штурма высоты 374,0 отважно и стремительно действовала 2-я рота 1198-го стрелкового полка, которой командовал лейтенант Ходаковский. Мужественный командир шел впереди штурмующих цепей. В руках Ходаковского развевалось красное знамя. Рота водрузила его на высоте. Ходаковский пал смертью храбрых.

Из политдонесения политотдела 23-го стрелкового корпуса от 19 июля 1944 г.

Инициатива воина

Комсомолец рядовой Петр Задорожный стремительным броском первым ворвался в траншею и ринулся к блиндажу. Гитлеровцы не успели опомниться, как были все уничтожены автоматным огнем пехотинца.

Вслед за этим Петр захватил пушку с тягачом. Наши артиллеристы развернули немецкое орудие в сторону противника. Свыше двухсот снарядов обрушилось на врага.

Из политдонесения политотдела 28-го стрелкового корпуса от 16 июля 1944 г.

На смену раненому наводчику

5-я рота 388-го стрелкового полка встретила сильное сопротивление гитлеровцев. В критический момент боя замолчал станковый пулемет. Ранен наводчик. Парторг роты лейтенант Кольдяев бросился к пулемету и стал вести меткий огонь, прокладывая путь наступающему подразделению.

Из политдонесения политотдела 117-й гвардейской стрелковой дивизии от 18 июля 1944 г.

Отвага комсомолки

В 1-м батальоне 504-го стрелкового полка все знали скромную, тихую Марию Приходько. 18-летняя комсомолка-санинструктор была отмечена медалью «За отвагу».

В бою 15 июля при прорыве обороны врага она перевязала 25 раненых. Под вечер гитлеровцы пошли в контратаку. Вражеские танки могли подавить наших раненых. Спасая их жизнь, Мария, напрягая все силы, оттаскивала раненых в укрытое место. Более половины бойцов спрятала она. А когда бежала за очередным — осколок вражеского снаряда оборвал ее жизнь.

Из политдонесения политотдела 28-г о стрелкового корпуса от 16 шюля 1944 г.

З. Н. Бондаренко
УГОЛ АТАКИ

И. И. Бабак

Среднего роста, плечистый, уже немолодой человек смотрел с Высокого Замка на панораму Львова — древнего и вечно молодого, широко раскинувшегося города. Это — полтавчанин Иван Ильич Бабак, фронтовик, прославившийся в боях с гитлеровцами летчик-истребитель, ныне труженик самой мирной профессии — учитель одной из полтавских школ.

А перед глазами ветерана возникал иной, объятый пожарами Львов, который он видел с высоты боевого полета в июльском небе сорок четвертого года. Не только над Львовом — на огромном пространстве гремело тогда небо в унисон грохоту танков, орудий, — войска 1-го Украинского шли в решающее наступление.

О боях в этих местах Иван Ильич рассказывал ученикам. Хорошо бы теперь привезти их сюда, показать сегодняшний Львов, Броды, Радехов…

Дети, школа… Им он посвятил всю жизнь. Получив педагогическое образование, работал в школе. Передавать детям знания, воспитывать их смелыми, верными Родине, — что может быть благороднее этого?

Перерыв был вынужденный. Он, учитель, взялся за оружие, чтобы в борьбе с врагом отстоять право своих воспитанников на учебу, на радость счастливого детства.

Иван Ильич Бабак поступил в летное училище. Быстро изучил боевой самолет — ведь еще раньше, студентом, он посещал аэроклуб. Весной сорок второго — он уже на фронте. Не терялся

во время первых воздушных боев. Его наставник, ведущий пары, — известный летчик Дмитрий Глинка. Под Мариуполем они атаковали паровоз. Молодежь, которую фашисты увозили на каторгу в Германию, из эшелона разбежалась. Позже, когда город был освобожден нашими войсками, мариупольцы подарили авиачасти несколько самолетов и один из них лично Ивану Бабаку с надписью: «От школьников Мариуполя».

В ноябре сорок третьего года младший лейтенант Бабак, имевший на своем боевом счету более десяти побед в воздушных боях, стал Героем Советского Союза.

Двенадцатого июля сорок четвертого года Бабак вместе с другими летчиками полка приземлился на полевом аэродроме близ переднего края обороны, на земле Западной Украины. А через день он, как говорят летчики, уже не вылезал из кабины. Да, именно так. Заглянем в летную книжку Ивана Бабака. Вот записи на одной из ее страниц:

14. VII — Воздушный бой с 2 «МЕ-109» и 4 «ФВ-190».

14. VII — Уничтожение аэростата противника в районе г. Броды.

14. VII — Прикрытие войск. Воздушный бой с 4 «МЕ-109», 2 «ФВ-190». Сбил «МЕ-109» в районе Миркова[2].

…Вражеские бомбардировщики шли под прикрытием четырех истребителей.

— Отрезаем конвой! — приказывает командир группы Бабак ведомому и стремительно бросает машину в атаку на ведущего «мессера». Огненная лента ударяет в бензобак фашистского истребителя, и тот дымящимся клубком сваливается на землю. Следом падает второй, расстрелянный ведомым. Бой продолжается — третий бой за эти сутки…

С каждым днем бои как на земле, так и в воздухе становились все более ожесточенными.

Еще одна запись в летной книжке И. Бабака;

15. VII. Прикрытие войск. Воздушный бой с 4 «МЕ-109» и 8 «ФВ-190». Сбил «МЕ-109» в районе Княжего[3].

Трудным был и день 16 июля…

16. VII. Прикрытие войск. Воздушный бой с 10 «ФВ-190». Сбил «ФВ-190» в районе Стоянова[4].

16. VII. Прикрытие войск. Воздушный бой с 18 «Ю-87» и 14 «ФВ-190». Сбил 2 «ФВ-190» в районе Тартакова[5].

16. VII. Прикрытие войск. Воздушный бой с 2 «ФВ-190». Сбил «ФВ-190» в районе Миркова.

Противник все чаще применял в качестве штурмовиков и легких бомбардировщиков многоцелевые истребители — «фокке-вульф-190» — маневренные, не требующие прикрытия. Тогда, под

Тартаковом, эти самолеты появились в конце боя группы Бабака с «юнкерсами». Строй «фокке-вульфов» был разрушен, машина ведущего сбита, за ней, пылая, падало еще несколько. Остальные повернули назад…

Заметил ли кто из летчиков четырнадцать увеличивающихся точек на горизонте? Бабак видел: тупой нос, характерные очертания, напоминающие наш «лавочкин», — «фоккеры». Они шли к расположению наших частей. Командир направляет свою группу навстречу немцам на максимальной скорости и атакует первым, не давая врагу опомниться.

В прицеле командирской машины вырос корпус «фоккера». Прошитый меткой очередью, он накренился, окутался дымом. В это время пара стервятников зашла в хвост одному из наших истребителей. Бабак стремительным маневром послал самолет направо вверх. Несколько огненных трасс перечеркнули то место, где он находился мгновением раньше… А теперь «фоккеры» проходили под ним. Он быстро поймал в прицел ведущего и нажал гашетку. Снаряды вошли в фюзеляж вражеской машины, и она распалась на части…

Когда львовяне расспрашивали Ивана Ильича об июльских боях, он отвечал: «Были обычные боевые задания».

Обычное боевое задание… Бабак делал по нескольку вылетов в день. Сколько нужно отдать сил и энергии, чтобы победить в воздушном поединке!

Наверное, для него боевая работа была обычной и тогда, когда в воздушном бою загорелся его истребитель и он как ни старался не смог сбить пламя. И сам обгорел…

Каждый боевой вылет, каждый воздушный бой — это подвиг летчика. Иван Бабак совершил эти подвиги во имя того, чтобы дети приходили в школу, учились, росли счастливыми.

Иван Ильич уже в поезде, который идет в Киев, затем в Полтаву… И снова он думает о том, что надо бы свозить во Львов своих ребят, о доме, о школе, о письмах, которые получает. Пишут в Полтаву летчику-герою, учителю бывшие ученики, однополчане. Вспомнил Бабак письмо друга-фронтовика, в котором тот писал, что в полку после того, как Иван однажды не возвратился с боевого задания, летчики шли в бой, сделав надписи на фюзеляжах самолетов: «За Ваню Бабака». Он писал: «Знаем, что ты, Ваня, сейчас такой же неугомонный, у тебя такая же кипучая энергия, та же высота, тот же угол атаки…»

Я. И. Денисов, майор запаса
БЕССМЕРТИЕ

Ф. Е. Столярчук

Была чудесная летняя ночь. Танкисты расположились на короткий отдых в молодом сосняке. После наполненного грохотом дня не верилось в пришедшую вместе с ночью тишину.

Вздремнуть хотя бы часок танкистам… Но и на привале есть дела. Хлопочут экипажи у машин, осматривают двигатели, ощупывают ленивцы, траки гусениц. Другие стоят группками, разговаривают, шутят. Хотя у каждого в голове — мысли об отгремевших сражениях, о завтрашних боях. А они грянут где-то на рассвете, а может, и раньше.

К одной из «тридцатьчетверок», где собрались танкисты, подошел полковник. Невысокого роста, худощавый, в аккуратно расправленной гимнастерке, О боевой доблести его свидетельствовали ордена Красного Знамени, Отечественной войны I степени, орден Ленина. Это — Флор Евстафьевич Столярчук, начальник политотдела танковой бригады.

— Ну что, братцы, набираться сил надо, — приветливо сказал он. — Ночка коротка, а выступать будем рано.

— Ничего, отдохнем… Танкисту важно походить вокруг своей машины, воздухом свежим подышать — и уже, считай, побывал на курорте, — громко промолвил молоденький сержант — механик-водитель с забинтованной рукой.

— Подышали лесным ароматом — и усталость как рукой сняло, — отозвался другой танкист. — Хоть сейчас в атаку! — разрубил он рукой воздух.

— Все вы рветесь в бой, — вновь заговорил Столярчук. — Но

к большому рвению нужно и хорошее умение. Вот сегодня экипаж Драника чуть машину не погубил. Вместо того, чтобы прямо идти на пушки противника, подавить их огнем, гусеницами, — развернул танк, подставил борт. А враг только того и ждал. Выручили товарищи, а то ходить бы Дранику безлошадным.

— Да это случайно, товарищ гвардии полковник, — оправдывался танкист.

— Оплошность в бою не милует солдата, и танкиста в том числе. Запомни это, Драник, — наставительно сказал Столярчук. — Да и все не забывайте.

Затем Флор Евстафьевич похвалил стоявшего здесь командира танка Сергеева. Атакуя опорный пункт, он первым ворвался на позиции врага, гусеницами раздавил минометную батарею, разбил в поединке самоходку и два бронетранспортера.

— Что пишут тебе, Петр, из дому? — спросил Столярчук Сергеева. — Пошлем письмо твоим родителям в Омск, пусть знают, как храбро ты воюешь.

Непринужденно текла беседа. Столярчук интересовался самочувствием бойцов, все ли в порядке в боевых машинах, достаточно ли снарядов.

Воины с уважением относились к начальнику политотдела, который был для них примером служения Родине. Никто им специально не рассказывал о боевых заслугах Столярчука, но все о них знали.

Всем известно, что до прихода в армию Флор Столярчук был секретарем райкома комсомола на Винничине. После срочной службы учился в институте, работал. Затем снова армия. Участвовал в освободительном походе на Западную Украину. Здесь, у западной границы, вступил в бой с гитлеровцами в сорок первом. С тех пор и не выходил из трудных военных будней. Подмосковье. Курская дуга. Днепр. Это он, высадившись с первыми десантниками на правом берегу Славутича, призывал: «Ни шагу назад! Победа или смерть!» И бойцы выстояли.

Фронтовыми побратимами, с которыми Столярчук форсировал Днепр и бился на плацдарме, были танкисты 150-й гвардейской танковой бригады. Много успешных боев провела 150-я на Правобережной Украине. Комбриг, Герой Советского Союза Пушкарев, обсуждая те или иные вопросы с начальником политотдела, частенько говорил: «Что ж, Флор Евстафьевич, скоро дойдем туда, где ты начинал воевать против гитлеровцев?»— Столярчук отшучивался: «Командиру виднее. На командирской карте расписание нашего похода. А с моей точки зрения, на днях на границу выйдем. Ведь до нее — рукой подать».

На долю танкистов 150-й гвардейской выпали нелегкие

испытания. Здесь, на рава-русском направлении, советские войска, прорвав оборону врага, развивали наступление. Но в районе Горохова противник бросил в контратаку полтораста танков. Сила немалая! Гитлеровцам удалось потеснить наши части и опять захватить накануне освобожденный город Горохов. Обстановка на этом участке фронта обострилась. Наше командование приняло меры, чтобы немедленно разбить силы контратакующего врага. С севера двинулась в атаку на гитлеровцев 58-я стрелковая дивизия под командованием Самсонова. С востока и юго-востока пошла в наступление 389-я стрелковая дивизия, которой командовал Колобов. В этом же направлении вместе с пехотинцами пролегла дорога в бой батальонов 150-й гвардейской танковой бригады.

После короткого ночного привала в сосняке прозвучал сигнал. Сборы были недолги, но начальник политотдела Столярчук успел пригласить нескольких танкистов, принятых недавно в партию, чтобы выдать одному кандидатскую карточку, а остальным — партийные билеты. Не в зале, не в кабинете, а здесь, в прифронтовом лесу вручал Столярчук партийные документы.

— Дорожите званием коммуниста, — сказал он одному.

— Партийный билет ко многому обязывает, а главное — быть всегда впереди, — говорил другому.

— Вы идете в бой с партийным билетом — крепче же бейте врага! — напутствовал, как отец сына, третьего танкиста.

И вот раздается команда:

— По машинам!

Заурчали моторы, зазвенели, заскрежетали гусеницы, вдавливаясь в мягкую песчаную почву. Кончился лесок, и на горизонте показались очертания Горохова. Туда и взяли направление, развернувшись в боевой порядок, машины гвардейцев.

Весь день 14 июля гремел бой. Идя стремительно вперед, наши части охватывали полукольцом город. Танкисты Пушкарева одну за другой преодолевали сильные засады, опорные пункты, огневые точки. То на правом, то на левом фланге вспыхивали поединки «тридцатьчетверок» с «тиграми» и «фердинандами». С передовыми машинами, там, где больше огня, пороховой гари, гвардии полковник Столярчук. Слышали танкисты его горячее призывное слово: «Возьмем Горохов! Смелей, гвардейцы! Вперед!» Слышали, как он с пламенными призывами обращался и к идущим следом за танками пехотинцам. Среди наступающих пехотинцев Столярчук словно видел себя. Ведь сам начинал службу солдатом стрелкового полка. Немало исхожено было во

время полевых занятий, тактических учений. И сейчас с каким-то особым азартом бежит он к стрелкам, поднимает бойцов, ведет в атаку. За энергичным, смелым полковником подчас не успевали молодые солдаты.

И вновь Столярчук с танкистами. «Тридцатьчетверки» вырываются вперед, достигают окраины города. Завязывают бой на улицах. Зажатые в клещи, гитлеровцы покидают город. Но путь на запад им прегражден. Туда устремляется танковый батальон офицера Сахарова, в том числе экипажи отличившихся в этом бою Драника и Сергеева.

Усилиями атакующих соединений и частей разбит танковый клин врага. Город Горохов, узел четырех важных шоссейных дорог, — в наших руках. На самом высоком здании полыхает красный флаг. Город возвращается к мирной жизни. А воины идут дальше громить врага. Путь наступающих — на запад.

Новую боевую задачу получила 150-я гвардейская: стремительным рейдом по тылам противника пробиться к Западному Бугу, захватить и удержать переправы через реку.

Столярчук ушел с передовым отрядом. Тяжелый бой с противником выдержали танкисты под селом Мирков. Еще более трудная обстановка для гвардейцев создалась в районе Подберезья. С правого фланга этого укрепленного пункта противника ударили орудия и танки. Передовой батальон потерял несколько машин. Подошедшие остальные батальоны на западной окраине села попали под огонь из тщательно замаскированной засады.

Пушкарев приказал вырвавшимся вперед экипажам отойти назад. Бой стал принимать затяжной характер. Группу танков во главе с Сахаровым комбриг посылает в обход засады, чтобы ударить по ней перекрестным огнем — с фронта и тыла. И, как всегда, на одной из передовых машин оказался Столярчук. Затрещал пулемет из оставленного жителями домика. Танк развернулся и ударил по пулемету из пушки. Сахаров повел дальше экипажи «тридцатьчетверок» по узким улочкам, затем через огороды.

«Тридцатьчетверка», на броне которой находился Столярчук, шла прямо на большой цветник с пламенеющими розами. Столярчук застучал по башне сапогом:

— Обогни, пусть растут. Это же розы, красные розы…

Механик-водитель, как и другие танкисты, знал о неравнодушии полковника к цветам. Он всегда беспокоился, чтобы не задеть, не помять цветники, клумбы. «Когда-то все наши города и села будут утопать в цветах», — говорил он.

Село уже было очищено от гитлеровцев. Но вдруг откуда-то

из-за леска западнее села Подберезье появилось десятка два вражеских танков. Вспыхнула жестокая огневая дуэль. «Тридцатьчетверки» в упор расстреливали крупповскую броню. Несли потери и наши танкисты. В самой гуще боя находился Столярчук. Осколок вражеского снаряда насмерть сразил мужественного политработника, когда он вел передовые машины в решительную контратаку. Это произошло 15 июля у волынского села Подберезье.

Танки 150-й гвардейской шли вперед, к Западному Бугу, чтобы выполнить приказ.

За неустанную работу по воспитанию личного состава на фронте, за мужество, доблесть и героизм, проявленные в боях, Флору Евстафьевичу Столярчуку посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

На могиле Флора Евстафьевича в Горохове не увядают цветы. Неугасимым огнем пламенеют здесь розы. Красные розы.

Много цветов и возле домиков в Подберезье, где вел свой последний бой Столярчук. Больше цветов — значит, краше живется людям. За их счастье политработник Столярчук отдал жизнь. Хлеборобы села Подберезье назвали колхоз именем героя.

Сын фронтовика Анатолий Столярчук окончил танковое училище, стал коммунистом. Он командует танковым подразделением. Владимир Столярчук отслужил срочную службу в войсках противовоздушной обороны, сейчас работает механизатором в колхозе. Самый младший сын Флормир закончил горнорудный институт, работает на шахте.

Достойные наследники у героического комиссара.

ОБ ЭТОМ ПИСАЛИ КРАСНОАРМЕЙСКИЕ ГАЗЕТЫ

Конник спас летчика

В воздухе разгорелся ожесточенный бой. Советский истребитель один героически сражался против трех «мессеров».

Фашистским летчикам удалось поджечь наш «ястребок». Раненый летчик успел выброситься из горящего самолета на парашюте. Приземлился он в нескольких десятках метров от немецких позиций.

Все это происходило на глазах старшины минометной батареи Лунина, проезжавшего верхом на лошади. Старшина видел также, как несколько гитлеровцев, строча из автоматов, направились к советскому летчику. Старшина принял решение спасти попавшего в беду сокола.

Пришпорив коня, Лунин галопом рванулся вперед. На ходу из автомата он уничтожил нескольких фашистов и, быстро спешившись, взвалил на седло раненого летчика и прискакал в расположение своей части. Все это было сделано так стремительно, что гитлеровцы даже не успели открыть огонь по нашему коннику.

Из газеты 322-й стрелковой дивизии «За Радину» от 23 июля 1944 г.

Примечание составителей. Случай, о котором рассказала газета, произошел южнее села Амброзы. Спасенный летчик — стрелок-радист экипажа «Ил-2» гвардии старшина Бережок из 162-го гвардейского штурмового авиаполка.

Василий Прокопьев вступает в партию

Просматривая заявление Василия Прокопьева о приеме его кандидатом в члены партии, парторг М. Лазов сказал:

— Расскажи ты нам, старшина, как два дня назад немцев глушил. И Прокопьев рассказал партийному собранию о своем последнем подвиге.

Дело было на лесистой высотке, а высотка эта находилась в руках гитлеровцев. Особенно мешал продвижению нашей пехоты один вражеский дзот. Тогда старшина Прокопьев сквозь кусты стремительно прорвался вперед к дзоту и метнул туда ручную гранату. Трех выскочивших немцев он уложил из автомата. Так, огнем и гранатой отважный воин проложил для своей пехоты

путь вперед, на высотку.

Собравшиеся в короткий перерыв между боями воины-коммунисты решили: принять товарища Прокопьева Василия кандидатом в члены партии.

Из газеты 184-й стрелковой дивизии.

Э. И. Липовецкий, младший лейтенант запаса
ПЕРЕПРАВА

А. К. Дикарев

Утром позвонили из военкомата.

— Алексей Кузьмич, не желаете ли совершить путешествие по местам вашей фронтовой молодости? Помните село Батьков?.. Да, да. Там в воскресенье состоится вручение юбилейных медалей ветеранам войны. Просим и вас принять участие в этой встрече.

Полковник А. К. Дикарев положил трубку, задумался. Тридцать лет прошло с тех пор, а достаточно было короткого телефонного разговора, чтобы нахлынули лавиной воспоминания. Будто в документальном кино, когда можно взглянуть на себя как бы со стороны и при этом вновь ощутить, казалось, забытую гамму чувств, пережить все сначала.

— Дальше не проедем, товарищ полковник, — юное лицо водителя газика встревоженно поворачивается к Дикареву. — Дороги нет. Придется объезжать вкруговую.

— Так вот же оно, Батьков! Совсем рядом, километр-два — не больше. И крайние хаты виднеются за холмом. Может, махнем напрямик, как мы когда-то в сорок четвертом?

— Никак нельзя, товарищ полковник. Завязнем. Болото ведь. Да и в речке, видно, нет брода.

— Нет в ней брода, сынок. И болота кругом топкие… А проскочили мы их в сорок четвертом за одну ночь, под аккомпанемент разрывов бомб и снарядов. И танки прошли, и орудия, и пехота. Для саперов не было непроходимых мест.

Начальник штаба саперного батальона капитан Дикарев

хорошо знал обстановку на отведенном для 99-й стрелковой дивизии участке наступления. Перед батальоном была поставлена задача: в ночь на 14 июля навести переправу через реку. Доложить о готовности проходов через заболоченные участки в минных полях к четырем часам утра.

Сумерки июльского вечера тушевали окрестности. Бойцы саперных рот, которыми командовали капитаны Колдышев и Козырев, приступили к разминированию. Трудная это работа! Впрочем, легкой работы у саперов никогда не бывает. Тем более сейчас, когда над головой то и дело свистят пули, а под ногами — мины. Натяжные, нажимные бетонные мины, таящие в себе смерть.

Отделения по пять-шесть человек обезвреживали участки шириной шесть-десять метров. По сделанным проходам пойдут в наступление войска. А пока чувствительные руки солдат ощупывают пядь за пядью намеченный участок земли, перебирают грунт. Так было надежнее, чем при использовании щупов.

Один за другим выковыривали и обезвреживали смертоносные механизмы рядовые Иван Журило и Николай Федин. Они работали рядом. Как и все, торопились. Не успеешь оглянуться — рассвет. Время не ждет. Действуй, солдат, но помни: сапер ошибается только раз. В тот момент, когда Журило нащупал взрыватель очередной мины и начал его осторожно выкручивать, застрекотали немецкие пулеметы. Пули черкнули землю в нескольких сантиметрах от солдата, комки взметнувшейся грязи обрызгали лицо. Шевельнись в этот момент Журило — и сработал бы чувствительный к малейшему нажиму механизм. Но воля и отвага солдата выдержали испытание. Саперы переждали, пока обстрел затихнет, и продолжили напряженный труд. Потом Иван Журило и Николай Федин воевали на Дунае. Обоим было присвоено звание Героя Советского Союза.

В половине четвертого капитан Дикарев принял последнее донесение о готовности проходов в минных полях.

В сосновом лесу, начинающемся сразу за деревней Гнидово, саперы рубили деревья, скрепляли бревна — делали переправу, чтобы обеспечить переход техники на ту сторону реки. Выполнить эту задачу саперам помогли артиллеристы и пехотинцы, танкисты и связисты.

Началась артиллерийская и авиационная подготовка.

Погружаясь по колено в топкую жижу, солдаты подтаскивали к реке многометровые бревна. Разгоряченные входили в холодную воду, вбивали сваи в илистое дно. Сучки, ветки рвали обмундирование, царапали тело. Никто не обращал внимания на

свист пуль, на дальние и близкие разрывы вражеских снарядов.

Вскоре по деревянным настилам двинулись танки, вслед за ними пехота, гаубицы, пушки. Мимо минеров, указывающих проходы, проехала и штабная машина капитана Дикарева.

Дикарев видел, как наши танки, прорвав оборону противника, вошли в Батьков. Как пехота с криками «ура!» влетела в траншеи, как побежали гитлеровцы. Заметил, что артиллеристы разворачиваются на одной из высот перед Батьковом. И вдруг — взрыв. Разворотило 45-мм пушку. Данных о минировании этого района у него не было. Кроме Дикарева на машине находились еще два солдата и ординарец — Николай Чумаченко из Славуты.

— Всем оставаться на своих местах! — закричал капитан, как только водитель по его приказу подвел машину почти вплотную к батарее.

Опытный взгляд капитана сразу обнаружил на холме следы свежевзрыхленной земли. Противник знал, откуда лучше всего просматривается деревня, где может быть наиболее выгодная позиция для артиллеристов. Дикарев разделил косогор на участки, взяв себе самый ответственный: там, где находились люди, замершие на местах и наблюдавшие за действиями саперов. Капитан осторожно приблизился к взрыхленному участку, снял несколько комков земли, покрытых сетью корешков и начавшей ржаветь травкой. Под ними — металлический блеск.

Мина! Противотанковая или пехотная? Немцы обычно ставили их на небольшом расстоянии друг от друга. Если противотанковая, можно действовать смелее. Если нет, одно неверное движение может стоить жизни многим людям.

Офицер ребром ладони провел по открывшемуся краю мины, ножом определил ее очертания; точно так же обнажил ее со всех сторон, проверил нет ли «якорька», связывающего взрыватель с почвой. И только после того, убедившись, что мина без «секрета», обезвредил ее. Перешел на другое, вызывавшее опасение место. Время, казалось, остановилось. А на самом деле семь смертоносных коробок были изъяты из земли в короткий срок. Может, именно тогда в его волосах появились сединки. А батарея, развернувшись на косогоре, вскоре произвела по врагу первый залп.

Воспоминания, словно разбуженные запахом весны пчелы, роились в голове полковника Дикарева, пока юркий газик мчался по неширокой проселочной дороге.

Алексей Кузьмич увидел белый дом, в котором тогда остановился штаб саперного батальона. Кто был в тот день с ним? Ординарец Чумаченко, писарь Дьяконов, командир отделения

разведки Дьяченко, помощник командира батальона по снабжению Костин, повар Межеревский и еще один солдат, охранявший знамя полка. Каждый занимался своим делом, когда услышал тревожный голос часового.

— Фашисты!

Все бросились к окнам: у леса появились танки с отчетливо различимыми крестами на броне. За ними шла гитлеровская пехота. Танки ударили по селу. Один из снарядов угодил прямо в походную кухню, разбросав уже готовую овсяную кашу по крыше.

Капитан Дикарев соединился по телефону со штабом дивизии: «Нас окружают танки. Автоматчики уже метрах в ста, бьют прямо по окнам. Со мной знамя батальона, два обоза с минами. Что делать? Ждем подмоги». В ответ: «Держитесь. Только не стреляйте пока. Немцы узнают, что вас мало, — пойдут в атаку. Что-нибудь предпримем».

Семеро саперов приготовились к своему последнему бою. Каждый дал клятву драться до последнего патрона. Дьяченко снял с древка знамя, спрятал на груди. Хозяев дома капитан Дикарев отправил в подвал. Воины открыли огонь по приближающимся врагам. Разгорелась жаркая перестрелка. Одну атаку фашистов отбили. В небе над селом появилось шесть «илов». Они пронеслись совсем низко над лесом и ринулись в атаку на фашистские танки. Один за другим загорелись «тигры». Ни одному фашистскому танку не удалось увернуться от ударов штурмовиков.

И вот полковник Дикарев у того самого дома с железной калиткой. Только толкни рукой, сделай пару шагов, и окажешься у окна, за которым стоял в напряженном ожидании с автоматом в руках. Неожиданно калитка распахнулась, на улицу вышли две пожилые женщины. Они взглянули на Дикарева и почти одновременно всплеснули руками. Одна из них, что постарше, худенькая, с морщинистым лицом, обняла его со словами: «Сынку, ты жывый? От щастя-то яке». По морщинистым щекам обеих женщин текли слезы. Дикарев тоже ощутил комок в горле. Значит, помнят, значит, узнали его, одного из тысяч советских солдат, принесших на эту землю освобождение от немецко-фашистского рабства.

«На минуту» остановил машину возле дома полковник Дикарев, а задержался на полчаса, — не решился обидеть невниманием людей, с которыми связал его один день из фронтовой биографии. Прощаясь, пообещал приехать еще, пригласил к себе в гости.

…У околицы села Батьков почетного гостя встречали председатель колхоза имени Жовтневой революции и ветераны

Великой Отечественной войны. Каждый из них прошел по трудным фронтовым дорогам, прежде чем познал радость победы. И сейчас, через тридцать лет, нередко просыпался от неожиданно нахлынувших воспоминаний. Поэтому так понятны были им чувства, владевшие немолодым офицером, когда после торжественного вечера он долго стоял у обелиска, на котором высечены имена погибших при прорыве гитлеровской обороны. А потом они еще долго сидели в саду, в тиши летней звездной ночи. Кто-то из фронтовиков затянул «Землянку». Пели все, а когда отзвучал последний куплет, Дикарев услышал, как его фронтовому товарищу, известному своей молчаливостью, сказали:

— И ты, Мыколо, пидтягнув? Вид тэбэ ж и двох слив нэ почуеш.

Фронтовик заулыбался:

— Душа писни просыть…

Н. А. Емельянов, подполковник в отставке
ТРИНАДЦАТЬ — ЧИСЛО СЧАСТЛИВОЕ

З. И. Жук

О. Е. Ермакова

В один из летних дней во Львов съехались ветераны 996-го штурмового авиационного полка, сражавшегося в грозном сорок четвертом в небе Львовщины. Среди собравшихся однополчан находились бывший летчик-штурмовик Захар Иларионович Жук и воздушный стрелок Ольга Егоровна Ермакова.

Беседуя с ними, мне удалось узнать многое об этом экипаже.

— Утром 14 июля, — говорил Захар Иларионович, — на полевом аэродроме выстроился весь личный состав авиаполка. Зачитан боевой приказ. Лица просияли радостью — наши войска идут в наступление!

Тяжело груженные машины поднимались в воздух. Полк вылетел в полном составе и взял курс на запад.

Впереди шел самолет командира — майора А. И.

Шепельского. Я как штурман полка был у него ведомым. Летели на высоте 1500 метров. Нас сопровождали истребители. По команде майора Шепельского я вышел вперед и, перейдя на детальную ориентировку, повел полк. Недалеко от Зборова шел ожесточенный поединок нашей артиллерии с артиллерией противника. Сверху видны траншеи, окопы, скопление боевой техники врага. Поле боя покрылось черным дымом.

Я дал команду: «В атаку!» От сброшенных бомб загорелось несколько танков и автомашин, в панике разбегалась вражеская пехота. Противник открыл сильный огонь из зенитных орудий. В воздухе появились немецкие истребители. Их сразу же атаковали наши сопровождающие.

— Первый заход прошел у нас удачно, — вспоминала Ольга Егоровна. — Все тридцать шесть самолетов остались целы и невредимы. А когда стали заходить на второй круг, огонь зенитных орудий противника усилился. Снаряды огромными огненными иглами прошивали небо. Несколько прошло около фюзеляжа нашего самолета, и я инстинктивно сжалась, ожидая удара. И все же не думала, что нас могут сбить. Почему-то считала, что мы счастливые, хотя номер самолета у нас был «тринадцать».

Я неотступно следила за вражескими истребителями. И вдруг увидела, как штурмовик накренился и камнем пошел вниз. А в воздухе раскрылись два купола парашютов. Чей-то экипаж спускался на позиции наших войск. Но внезапно появился «мессершмитт» и расстрелял беззащитных летчиков в воздухе. У меня защемило сердце от боли.

Позже мы узнали, что погибли летчики младший лейтенант Осипов и его воздушный стрелок старший сержант Тутаринов. Я хорошо помню Виктора Осипова — молодого, жизнерадостного летчика. Помню, как перед вылетом на это последнее для него боевое задание он пел под аккомпанемент баяна:

Улетал штурмовик на задание,
и не сказал он милой «прощай»,
а сказал «до свидания».

Рассказывали мне ветераны и о боевых действиях штурмового полка 15 июля.

В этот день летчики полка вылетали штурмовать танки противника в районе села Плугов. Летчики наносили бомбардировочно-штурмовые удары по скоплению вражеских танков и артиллерии. Когда кончались боеприпасы, машины возвращались на аэродром, нагружались ими до предела,

заполняли баки горючим и снова уходили на штурмовку. В течение пяти часов несколько раз вылетали в район Плугова.

Как и другие экипажи самолетов, капитан Жук и младший сержант Ермакова действовали тогда смело и решительно. Меткими попаданиями бомб и снарядов подожгли два фашистских танка и автомашину, уничтожили артиллерийское орудие и миномет.

Беседуя с Захаром Иларионовичем и Ольгой Егоровной, я узнал, какими путями пришли они в авиацию.

Захар Иларионович не случайно стал профессиональным летчиком. Родился он в 1914 году на хуторе Дубовый Червоноармейского района Запорожской области, в семье кузнеца. После окончания семи классов учился в Запорожском авиационном техникуме. В 1937 году окончил военное авиационное училище и стал летчиком. Сражался под Москвой, на Курской дуге и на Правобережной Украине, участвовал в освобождении Польши и Чехословакии. На груди Захара Иларионовича три ордена Красного Знамени, орден Александра Невского, Отечественной войны I степени, Красной Звезды, Чехословацкий Боевой крест, медаль «За освобождение Праги».

А как пришла в авиацию Ольга Ермакова? Родилась она в 1922 году в деревне Тельче Клетнянского района Брянской области. Ее отец был лесником. До войны Ольга никогда не думала о службе в армии, тем более, в авиации. Ее мечтой было стать учительницей.

Начало войны застало Ольгу Егоровну в городе Пушкине Ленинградской области. В марте 1942 года она эвакуировалась в Красноярский край, где жили ее родственники. В декабре Ольга подала в райвоенкомат заявление с просьбой направить в военное авиаучилище. Но ее послали в школу младших авиаспециалистов. Там она получила специальность радиста-кодировщика метеостанции и была направлена в 210-й батальон аэродромного обслуживания, входивший в состав 2-й воздушной армии.

Но Ольге очень хотелось самой громить гитлеровцев. Она рассказала:

— Когда был освобожден от фашистов мой родной город, я с фронта послала много писем родственникам и знакомым. Через некоторое время получила ответы. Из письма школьной подруги я узнала страшную весть: за связь с партизанами гитлеровцы убили мать и отца, а младшего брата Николая — партизана живым сожгли.

Гнев и ненависть к фашистским убийцам кипели у меня в душе.

В ноябре 1943 года Ольга попросила послать ее на курсы,

которые готовили воздушных стрелков-радистов. После учебы направили в 996-й штурмовой авиационный полк.

— Воздушных стрелков парней сразу определили в экипажи, — продолжала свой рассказ Ольга Егоровна. — А меня никто не хотел брать. Некоторые так и говорили: «Женщина на корабле — быть беде. Струсит в бою — и все пропало». Но капитан Жук сказал: «Будете летать со мной». В то время полк готовился к боям на львовском направлении.

В служебной характеристике на О. Е. Ермакову, написанной после окончания войны, сказано, что… «за время пребывания на фронте совершила 72 успешных боевых вылета в качестве воздушного стрелка. Сражалась храбро. В воздушных боях 20 февраля 1945 года сбила «ФВ-190», 3 апреля сбила «МЕ-109»… была ранена в воздушном бою. Награждена медалью «За отвагу», орденом Отечественной войны II степени, орденом Красной Звезды, медалью «За освобождение Праги». Демобилизовалась из армии О. Е. Ермакова в декабре 1945 года.

Разные биографии у Захара Жука и Ольги Ермаковой, разными путями пришли они в авиацию. Захар Жук — украинец, Ольга Ермакова — русская. Но одинаково было у них стремление — беспощадно громить гитлеровцев, не жалеть ни крови, ни жизни для достижения победы над фашистскими захватчиками.

…Окончилась война. Захар Иларионович Жук еще долгое время служил в армии. После ухода в запас приехал во Львов. Уже более десяти лет работает на мотозаводе. Несколько раз избирался секретарем цеховой партийной организации.

Осуществилась давняя мечта Ольги Ермаковой: она окончила педагогический институт. Участница войны, член КПСС Ольга Егоровна — один из лучших педагогов индустриального техникума города Жданова Донецкой области. С берегов Азовского моря приезжала она во Львов на встречу с однополчанами — воинами, храбро сражавшимися за освобождение украинской земли.

Сегодня там, где шли бои. Фотоочерк РАДЕХОВЩИНА

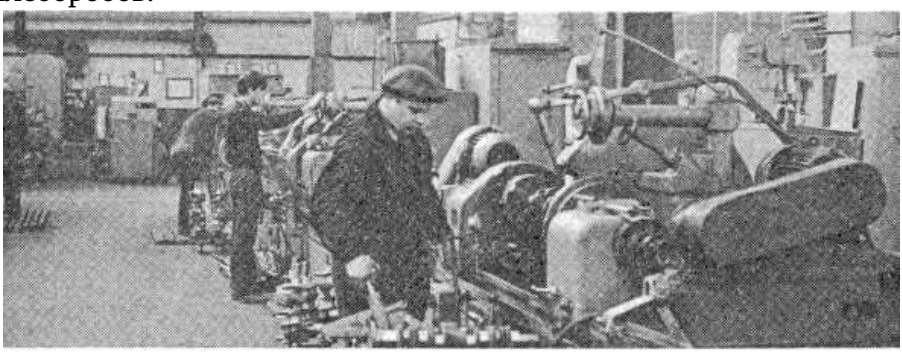
В руинах лежали Радехов, Лопатин, Стоянов… Ряд населенных пунктов были снесены с лица земли, сожжены фашистскими варварами.

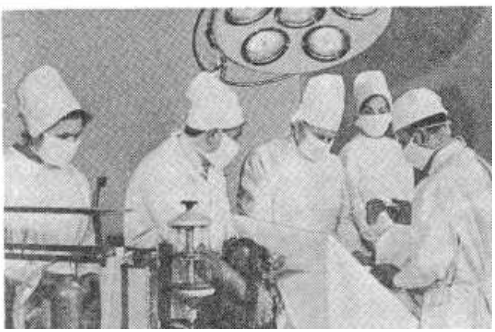
Давайте сейчас проедем по дорогам Радеховщины, которая лежит на севере Львовской области, между Стырью и Западным Бугом. Повсюду увидим леса новостроек, помолодевшие города, села. Радует взор раздвинувший свои границы районный центр город Радехов.

На окраине города за послевоенные годы вырос крупный авторемонтный завод. Здесь не только ремонтируют автомобили, но также изготовляют насосы-смесители, установки для централизованной заправки машин и другую продукцию. В районе введены в действие завод строительных материалов, два спирто-крахмальных комбината, более десяти других промышленных предприятий.

Меняется и облик сел. Вот одно из них — Николаев.

В центре его красивые здания Дома культуры, школы, сельмага, детского сада. На ровных улицах вырастают жилища хлеборобов.





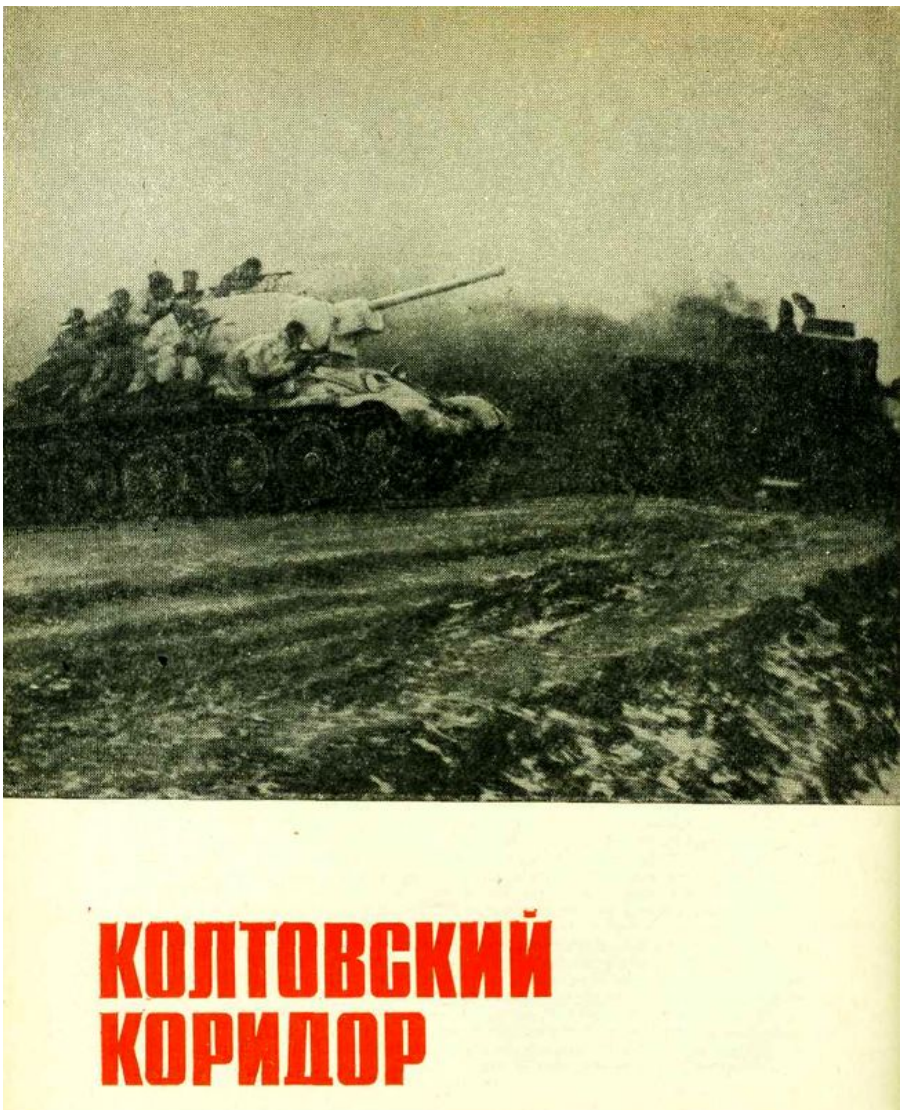
Давно распаханы за селом окопы и блиндажи. Сразу после войны земля давала скудные урожаи — по 12–15 центнеров с гектара. Старожилы утверждали, что на здешних мергелях и песках хорошо растет лишь буркун. Но колхозные специалисты доказали иное, В третьем году девятой пятилетки по району было собрано в среднем 26,3 центнера зерновых с гектара, по 355 центнеров сахарной свеклы. А в колхозе «Жовтень» урожай зерновых составил 33, сахарной свеклы — 502 центнера с гектара.

Значительные успехи достигнуты в развитии животноводства. В совхозе «Радеховский», в колхозах построены новые помещения ферм, животноводческих комплексов.

На Радеховщике — 49 средних, восьмилетних и начальных школ, в которых работает 672 учителя. К услугам трудящихся — 54 библиотеки и 35 из них присвоено почетное наименование «Библиотека отличной работы». В 20 Домах культуры и 56 клубах работает 407 кружков художественной самодеятельности.

За послевоенные годы 593 передовых труженика района награждены орденами и медалями. Среди них — 29 кавалеров ордена Ленина. Председатель колхоза имени XXII съезда КПСС В. Г. Тронь и бригадир этого колхоза Р. П. Брановский удостоены звания Героя Социалистического Труда.

КОЛТОВСКИЙ КОРИДОР



По болотистой и холмистой местности проходил в обороне противника 18-километровой длины и шириной 4–6 километров «колтовский коридор». Он простреливался не только артиллерийским и минометным, но и пулеметным огнем. По этому огненному «коридору» были введены в прорыв 3-я гвардейская, а за ней и 4-я танковые армии, стремившиеся на оперативный простор.

Враг неистовствовал. Такой узкой полосой шли и шли

советские танки! Гитлеровцы принимали решительные меры, чтобы перерезать «коридор». Из лесов, что севернее Колтова, гитлеровцы бросили в бой крупные силы пехоты, артиллерии, а из района села Иванов — танковую дивизию. Контратаки противника принимали ожесточенный характер. Бои за удержание «колтовского коридора» достигали наивысшего накала.

Наши воины героическими усилиями удерживали эту дорогу величайшего мужества. Проявляя железную стойкость, самоотверженность, сражались артиллеристы, танкисты, мотострелки, пехотинцы. Эффективную поддержку наземным войскам оказали славные летчики.

Для удержания пробитой бреши в обороне врага командование фронта перебросило сюда 4-й гвардейский танковый Кантемировский корпус под командованием генерала П. П. Полубоярова. Кантемировцы с ходу вступили в бой. Для удержания «колтовского коридора» выдвинулся 31-й танковый корпус генерала В. В. Григорьева и 6-й гвардейский танковый корпус генерала В. В. Новикова. Танкисты этих соединений во взаимодействии с пехотинцами и артиллеристами 60-й армии были непреодолимой стеной на пути контратакующего врага.

«Колтовский коридор» удержан. Наступление на львовском направлении продолжалось.

С. А. Красовский, маршал авиации
КРЫЛАТЫЕ БОГАТЫРИ

С А. Красовский

В дни июльского наступления войск 1-го Украинского фронта в небе, над районом боевых действий стало поистине тесно. Много шныряло в воздухе немецких, помеченных зловещими крестами, самолетов. Действовавший здесь 4-й воздушный флот гитлеровцев насчитывал до 900 бомбардировщиков, истребителей, разведчиков новейших модификаций. Но наших краснозвездных крылатых машин было больше. Сила встала против силы.

Кратко остановлюсь на том, как готовились мы, авиаторы, к этим боям — наступлению стратегического характера.

24 июня 1944 года в Москве в Ставке мне сообщили, что 2-я воздушная армия, находившаяся на рубеже 1-го Украинского фронта, усиливается новыми авиасоединениями. Для перебазирования летчикам много времени не надо. Нужны были новые аэродромы. Не один, не два — десятки. Задача не из легких. Но воины тыла воздушной армии взялись с энтузиазмом за сооружение новых посадочных площадок для самолетов. Активно помогало местное население. Крестьяне давали лошадей, повозки, заготавливали необходимый лесоматериал, выполняли земляные работы.

Люди трудились день и ночь. Выравнивали, укатывали площадки, строили укрытия для техники, боеприпасов, землянки для личного состава. Трудовой бой длился десять суток.

На 33 новых аэродромах вблизи линии фронта в течение пяти-семи суток в начале июля мы приняли дополнительно

четыре авиакорпуса и три отдельные авиадивизии. К началу наступления во 2-й воздушной армии насчитывалось девять авиакорпусов, ряд отдельных авиадивизий и авиаполков.

Нужно было умело и разумно использовать эту силу для ударов по врагу с воздуха. Авиаторы пришли на новый рубеж закаленными во многих предыдущих боях. В авиационных частях и соединениях имелись прекрасные летные и технические кадры.

Истребительные авиакорпусы возглавляли генералы Д. П. Галунов, М. М. Головня, А. В. Утин, бомбардировочные и штурмовые — И. С. Полбин, П. П. Архангельский, Н. П. Каманин, В. Г. Рязанов, В. В. Ненейшвили, В. И. Аладинский — умелые летчики, опытные командиры. Одной из авиадивизий командовал прославленный воздушный боец А. И. Покрышкин.

Атаке пехоты и танков на львовском и рава-русском направлениях предшествовала мощная авиационная подготовка. 13 июля на рава-русском направлении эскадрильи бомбардировщиков, штурмовиков громили узлы сопротивления врага, обрушивали бомбы на переправы через Западный Буг, по скоплениям техники противника. Истребители прикрывали боевые порядки наступающих войск.

Настало 14 июля. В 16 часов 20 минут в воздух поднялись сотни самолетов. В течение часа бомбардировщики и штурмовики совершили 600 самолетовылетов. Наносились удары непосредственно у переднего края и по тактической глубине немецкой обороны. Ощутимым ударам подверглись станции выгрузки резервов, колонны вражеских войск на марше.

Второй массированный удар 14 июля был направлен против контратакующего противника на рава-русском направлении, где он бросил в бой 150 танков. Северная группа авиационных частей воздушной армии бомбовыми и штурмовыми налетами расстроила планы врага.

За этот день бомбардировщиками, штурмовиками, истребителями произведено 3730 самолетовылетов. Поистине предельным был накал боевой работы летчиков.

Гитлеровцы принимали все меры к тому, чтобы сорвать наступление наших войск. В ночь на 15 июля противник спешно подтянул свои резервы в район Плугов — Зборов. Более 200 танков, крупные силы мотопехоты пошли в контратаку против наступавших советских частей. Положение создалось напряженное. И здесь серьезную помощь наземным войскам оказали летчики.

Бомбардировщики, штурмовики под прикрытием истребителей вылетели в район продвижения вражеских танков. Наши воины радостно встречали каждую новую группу

«петляковых» и «илов». С восхищением наблюдали они с земли за смелыми действиями истребителей. В течение двух часов полковыми колоннами двести бомбардировщиков и более трехсот штурмовиков сбрасывали смертоносный груз на врага. В результате противник потерял до 40 процентов боевой техники, — контратака захлебнулась. Наши войска получили возможность развивать наступление в глубину.

Наносившая из района Золочева контрудар 8-я танковая дивизия немцев подверглась сокрушительному воздействию с воздуха, и сила ее удара была резко ослаблена.

С началом наступления советских войск на КП командующих наземных армий прибыли оперативные группы от действующих на данном направлении авиационных корпусов. Летчикам, находившимся в воздухе, уточнялись задачи, указывались новые цели, что способствовало общему успеху наступательных боев.

Так, командир штурмового авиакорпуса генерал В. Г. Рязанов находился при командующем 3-й гвардейской танковой армией у населенного пункта Нуще. Командир хорошо видел двигавшиеся впереди наши танки и огневые точки противника на высотах в районе Колтова. В. Г. Рязанов по радио указывал цели штурмовикам, помогал их отыскивать. Это повышало эффективность ударов с воздуха.

С первых же боевых вылетов, с начала наступления, летчики проявляли исключительную выдержку, мужество. Все были преисполнены стремления сломить сопротивление гитлеровцев, освободить советскую землю от захватчиков, бить врага дальше, до полного разгрома. Перед началом боевых действий в авиачастях проходили партийные, комсомольские собрания, митинги. Авиаторы клялись: не жалея сил и энергии сражаться с коварным врагом.

— Беспощадно буду бить врага, каждую очередь — в цель, — говорил перед личным составом Иван Бабак.

Не бросал слов на ветер Бабак. Восемь самолетов уничтожил он за время боев по окружению и разгрому бродовской группировки гитлеровцев, в боях за Львов.

Летчик Иван Домбровский из авиадивизии генерала Витрука 14 июля вел 12 «илов». У дороги, в овраге, он обнаружил танки и колонну автомашин. Штурмовики сделали шесть заходов. Летчики Сергей Фролов и Константин Родионов, снижаясь до бреющего, расстреливали гитлеровцев. В этот же день экипаж Родионова взорвал склад с боеприпасами.

Восемнадцать штурмовиков, ведомых Героем Советского Союза майором Лобкевичем, восемь раз заходили на цель. Несмотря на огонь зениток, летчики наносили удар за ударом. С

наземного КП им передавали по радио: «Молодцы! Задание выполнили отлично!»

Танкисты горячо благодарили летчиков за высокоэффективную помощь с воздуха. Так, например, командующий 3-й гвардейской армией П. С. Рыбалко писал в штаб воздушной армии: «Штурмовики первого гвардейского штурмового авиационного корпуса за период взаимодействия с войсками 3-й гвардейской танковой армии на поле боя работали отлично. Личный состав танковой армии восхищался работой штурмовиков, когда они находились над полем боя и уничтожали технику и живую силу противника».

Немало похвальных отзывов было высказано в адрес наших летчиков, действовавших на львовском, рава-русском направлениях, и другими общевойсковыми командирами.

В период самых напряженных боев истребители авиационных соединений являлись надежной защитой войск от действий фашистской авиации. Отважные воздушные бойцы немедленно пресекали попытки вражеских бомбардировщиков атаковать наступающие наземные войска.

Прорыв сильно укрепленной обороны гитлеровцев на львовском и рава-русском направлениях — результат героических усилий всех родов войск: пехоты, танков, артиллерии. С честью выполняли свой долг в этих наступательных действиях авиаторы 2-й воздушной армии. Приведу несколько цифр, характеризующих напряженную боевую деятельность летчиков. За четыре дня с 14 по 17 июля бомбардировщиками, штурмовиками, истребителями произведено более 12 тысяч боевых вылетов. За это время уничтожено воздушными бойцами сотни немецких танков, 1219 автомашин, 117 орудий, взорвано 24 склада с горючим и боеприпасами, сбито 219 вражеских самолетов.

Партийное собрание во 2-й авиаэскадрилье 144-го гвардейского штурмового авиационного полка. Июль, 1944 г.

Наши летчики во время прорыва вражеской обороны, при окружении и разгроме бродовской группировки и в дальнейших наступательных боях показали не только высокие образцы мужества и отваги, но и подлинного боевого мастерства.

Штурмовики умножили свою славу ударами с бреющего полета, славу «ила» как воздушного сапера, блестяще расчищающего путь наступающей пехоте.

Наши истребители в боях продемонстрировали безраздельное господство в воздухе. Прославленные асы выходили неоднократно победителями в боях с превосходящими по численности группами самолетов врага.

В период боев, развернувшихся в июле 1944 года в небе Западной Украины, наши летчики совершили много бессмертных подвигов. Летчики-штурмовики Сергей Милашенков и Михаил Хохлачев повторили подвиг капитана Гастелло. Герой Советского Союза Сергей Глинкин на горящем самолете таранил вражеский истребитель, а сам остался жив и воевал до конца войны.

Механики, авиаспециалисты, воины авиатыла в трудных условиях работы безупречно готовили авиационную технику. Бывало, возвратится перед вечером с боевого задания изрешеченный осколками самолет, а техники, авиаремонтники за ночь восстановят его. К утру самолет уже в строю, и снова — в полет.

На земле и в воздухе авиаторы отдавали все для скорейшего

разгрома врага. И труженики тыла ничего не жалели для фронта. Из газет, радио летчики знали о трудовых победах коллективов заводов, фабрик, колхозов и совхозов.

В нашей части был второй самолет, приобретенный на личные сбережения колхозника Ферапонта Головатого. Исправно нес боевую службу и самолет — подарок колхозника Николая Жадана. Сражалась целая эскадрилья на машинах, купленных на средства трудящихся Ростова-на-Дону. Все это красноречиво говорило о единстве армии и народа!

С первых же дней наступления для летчиков, для всех авиаторов не было передышки. Бои приобретали все больший накал. С начала прорыва обороны и до 27 июля, когда освободили Львов, летчики 2-й воздушной армии совершили свыше 30 500 боевых вылетов. Количество уничтоженных на земле и в воздухе вражеских самолетов возросло до 350.

А воздушные бои продолжались еще с большим ожесточением. В конце июля они уже шли на Сане, затем на Висле. Это были бои, обеспечившие успех всей Львовско-Сандомирской операции.

З. К. Слюсаренко, дважды Герой Советского Союза, генерал-лейтенант танковых войск запаса
СКВОЗЬ ОГОНЬ

В ясный летний день я еду по дорогам Львовщины. Давно отгремели бои с фашистскими захватчиками. Кажется, нет и в помине следов войны на этой земле. Повсюду в раскинувшихся вдоль шоссе селах и местечках — новые дома. Порадовал меня своими новостройками и разросшийся, помолодевший Золочев.

С этим городом, который находится между Тернополем и Львовом, у меня связаны особенно яркие воспоминания.

Осенью тридцать девятого года вместе с воинами моего танкового соединения я участвовал в освободительном походе на Западную Украину. Неизмеримым было счастье трудовых людей этого края, сбросивших гнет помещиков и капиталистов. И безграничной — наша радость, радость советских воинов, выполнивших братский долг, подавших руку помощи западноукраинским трудящимся.

В канун нападения фашистской Германии я служил в одном из гарнизонов на Львовщине. Часто приходилось мне бывать в Золочеве и его окрестностях, где мы проводили полевые занятия, тактические учения. А в тот тревожный день 22 июня наша 10-я танковая дивизия, в 19-м полку которой я командовал батальоном, вместе с другими соединениями вступила в бой с фашистскими полчищами.

Никогда не забудутся те первые схватки, когда мы дрались с превосходящим в силах врагом.

Помню, как в районе Радехова, уже захваченного фашистами, вывел я свой танковый батальон на огневой рубеж. На вооружении у нас находились тяжелые танки «КВ». У них прочная броня, однако малая скорость и слабая маневренность. Да и таких машин не хватало. Преобладали средние, легкие танки устаревших конструкций. Мы с завистью смотрели на «Т-34», которых было считанное количество: наша промышленность только начала их выпускать.

И вот «КВ» моего батальона идут в атаку. Противник встретил их ливнем огня. Это заговорили орудия врага, не обнаруженные нашей разведкой. А потом из укрытий хлынули немецкие танки. Загорелся один «КВ», второй, третий… Большие потери понес батальон. Отбросить врага не удалось. «Вот так, Захар, две

батареи противника уничтожил, а сколько своих танков не досчитался? — ругал я тогда сам себя. — Надо учиться бить врага, учиться воевать…»

С чувством досады и горечи отступали мы на восток, до последней возможности защищая каждый рубеж, каждую пядь родной земли. Отходили, твердо заявляя: «Мы скоро вернемся!»

Те неравные июньские бои вспомнились нынче. Да, тяжелые нам выпали тогда испытания. Много было суровых этапов проверки нашей стойкости, воли и мужества, прежде чем вернулись мы вновь туда, где началась война. Вернулись окрепшими, закаленными в битвах под Москвой, Сталинградом, на Курской дуге, на Днепре. Мы научились бить врага по всем правилам военного искусства. И хотя, отступая на запад, враг оказывал ожесточенное сопротивление, мы сражались в едином порыве: «Вперед!»

Нелегкая обстановка сложилась при прорыве вражеской обороны на львовском направлении. Первые атаки советских войск не принесли успеха. Крепка была оборона противника. Но на одном узком участке наши славные пехотинцы при поддержке артиллерии вклинились в укрепленные позиции гитлеровцев. В наметившуюся брешь вместе с пехотой пошли танки. Двинулась вперед и вверенная мне 56-я гвардейская танковая бригада.

То, что я до войны нес службу в этих местах и сражался с гитлеровцами здесь в сорок первом, давало мне право идти сейчас первым.

Местность в районе села Колтов, где наметилась брешь в обороне врага и куда устремились танки бригады, сильно пересеченная. Овраги, холмы, рощи, леса, болота… Может, потому и удалось углубиться здесь в оборону противника, что гитлеровцы считали эти места непроходимыми для боевой техники и меньше укрепляли данный рубеж. Я говорю «меньше» по сравнению с другими участками обороны. А вообще-то и на колтовских холмах враг прочно укрепился, хорошо замаскировав огневые средства. Мы шли буквально сквозь огонь. Указываю танкам маршрут по трудным, но знакомым мне дорогам. То и дело ведем бои с засадами, опорными пунктами противника. Вот снова двигавшиеся впереди танки взвода гвардии младшего лейтенанта Гордиенко остановились. Сваленные деревья, словно длинный ледяной торос, выросли на пути.

Комбат докладывает о встретившемся препятствии. Да, торос из бревен тянется на сотни метров. С одной и другой стороны — непроходимое болото.

— А скажите мне, хлопцы, — обращаюсь к танкистам, — из чего наши танки?

— Из стали и брони! — отвечают они.

— Верно, братцы! Так что же, мы вот этот завал не преодолеем?! Ударим по нему!

З. К. Слюсаренко среди жителей села Колтов. Июль, 1971 г.

Отошли танки чуть назад. По команде разрядили пушки, наведенные в один участок препятствия. Бревна разлетелись, раздвинулись. Машина Гордиенко берет разгон и идет на уменьшившуюся гору колод. И сразу несколько танков на той стороне вступают в схватку с вражескими артиллеристами, занимавшими огневые позиции вблизи.

— Путь свободен! — передаю по рации командарму.

Но не надолго. Снова разворачиваем танки для боя с крупной засадой «тигров» и «фердинандов». Завязалась дуэль. Наши «тридцатьчетверки» одну за другой подожгли четыре вражеских машины. В этой схватке погиб комбат Алексеев. Он всегда первым шел в атаку. И сейчас, подбив «тигра», он вел машину дальше. Вражеский снаряд угодил в борт, и танк мгновенно был охвачен пламенем.

Бой продолжался. Вновь отличился сноровкой и храбростью лейтенант Гордиенко. Экипажу Гордиенко на своем фланге довелось сдерживать до десяти немецких танков. И они справились с этой задачей. Находясь на отдаленной дистанции от противника, танк, меняя позицию, периодически выскакивал на высотку и метко бил по вражеским машинам. Так один за другим были подбиты шесть танков противника. Гитлеровцы и не догадывались, сколько машин ведут по ним огонь, считая, что за этой высоткой находилась целая танковая рота.

Когда у Гордиенко кончились снаряды, он с экипажем, вооружившись пулеметом, автоматами, занял оборону близ танка, чтобы отразить атаку вражеской пехоты. Вскоре подоспели другие батальоны бригады на помощь танкистам, выдержавшим напор превосходящего по силам врага.

Это был трудный путь. Полоса продвижения в обороне врага

оставалась узкой и со всех сторон простреливалась. За нашей бригадой сквозь такой же сплошной огонь шли другие части 3-й гвардейской танковой армии.

Мы получили приказ перерезать дорогу Львов — Красне, захватить железнодорожную станцию Куткор. Советуюсь с замполитом, начальником штаба: кого послать брать Куткор? Выбор пал на роту гвардии старшего лейтенанта Галея Шамсутдинова. Этот волевой, горячий танкист, родом из Татарии, всегда отличался упорством в бою.

Ушла рота Шамсутдинова по направлению к Куткору. Через сутки сообщает: «Ведем бой за станцию. Осталось две машины. Прошу помощи». Как выяснилось впоследствии, станцию противник оборонял артиллерийскими батареями, танками. Здесь же находился бронепоезд. Роте Шамсутдинова пришлось выдержать трудный бой с «тиграми» и орудиями врага. Уничтожив три танка, артиллерийскую и минометную батареи, рота Шамсутдинова потеряла и своих несколько «тридцатьчетверок». Бронепоезд, маневрируя, оставался неуязвимым.

На помощь танкистам пришли саперы. Группа подрывников во главе со старшим сержантом Зориным под покровом темноты взорвала железнодорожный мост, находившийся неподалеку от станции. Движение бронепоезда было ограничено. А с другой стороны станции саперы разобрали участок колеи.

Вскоре подоспели и танковые взводы Бориса Попова и Григория Гусара. Бронепоезд прижали к разрушенному мосту. По разбегавшимся из бронепоезда гитлеровцам открыли огонь автоматчики танкового десанта.

А по узкой бреши — «колтовскому коридору» — двигались остальные части 3-й гвардейской и 4-й танковой армий. Гитлеровцы прилагали большие усилия, чтобы перерезать коридор, застопорить наступление советских войск. Но попытки противника не увенчались успехом.

Да, «колтовский коридор» — славная страница в летописи Великой Отечественной. В ходе войны это беспримерный случай: по узкой полосе, отвоеванной у врага, вводились в прорыв крупные подвижные войска — две танковые армии. Смелое решение командующего фронтом основывалось на уверенности в хорошей организованности, мобильности и высоком моральном духе наших войск.

И вот сейчас мирные, пролегающие по счастливой земле дороги привели меня в Колтов. Те же высокие холмы с крутыми склонами, ложбины с колосистыми хлебами. Волнующей была встреча с хлеборобами колхоза имени Чапаева. Над селом

благодатная тишина. Как будто здесь никогда не гремели бои. Но люди старшего поколения помнят страшную военную грозу: как все здесь горело вокруг, дыбилась от разрывов бомб и снарядов земля, как шли в наступление наши воины. Узок был «колтовский коридор», но какую огромную силу вобрал он в себя! И эта сила, преодолев узкую огневую полосу, разлилась затем неудержимой лавиной, неся возмездие врагу.

Отсюда открылся для нас путь на Львов, Сан, Вислу. И, штурмуя логово фашистского зверя у берегов Тельтов-канала в Берлине, я помнил о «колтовском коридоре» — одной из трудных военных дорог, что вела к Победе.

Б. П. Ешурин, полковник в отставке
СТОЙКОСТЬ

Н.Н. Силин

К вечеру второго дня трудных боев после прорыва фашистской обороны батальон капитана Силина вышел к лесному урочищу Ошовица. Получен приказ закрепиться перед селом Колтов.

Передний край обороны батальона проходил метрах в ста от опушки леса. Впереди было большое поле неубранной пшеницы, за которым краснели черепичные крыши маленького хуторка.

Всю короткую июльскую ночь провел Силин на переднем крае: побывал в каждом отделении, придирчиво проверял оборудование позиций. Первая траншея готова. А вот в глубине — работы только начали.

Рассвет застал комбата на огневых позициях пулеметного взвода, на правом фланге батальона.

— Ну и что же ты думаешь, сержант, господь бог тебя от фашистской пули спасет? Как на ладошке тут сидишь, — отчитывал капитан командира отделения. — И одной ленты не успеешь сработать — снимут тебя с этого тычка! А запасные позиции где? Быстро перенеси пулемет вон за ту складочку. Запасные — здесь и здесь. Отрыть окоп полного профиля. Да поторапливайтесь!

Пулеметам капитан всегда придавал первостепенное значение. Еще со времени боев на Курской дуге и особенно после форсирования Днепра.

…В холодную сентябрьскую ночь 1943 года с сотней бойцов и тремя станковыми пулеметами (все, что осталось от батальона)

под ураганным огнем фашистов Силин ступил на правый берег Днепра.

Комбат первым взобрался на отвесную днепровскую кручу, ведя за собой пулеметные расчеты. А потом, лежа за щитком «максима», расстреливал во фланг фашистов, пытавшихся сбросить в реку горстку бойцов батальона, которые выбрались вслед за командиром на высоту. Одну за другой уничтожал он своими тремя пулеметами огневые точки врага, одну за другой отбивал контратаки и обеспечил переправу через реку главных сил полка, а за ними и всей дивизии.

Ну как ему после этого боя не ценить пулеметы!..

Вскоре голос капитана послышался во взводе сержанта Никифорова:

— Ну здравствуй, дезертир!

— Да какой же я дезертир, товарищ капитан? — поняв шутку, с улыбкой ответил сержант. — Я же не в тыл, а на фронт…

Два дня назад при прорыве фашистской обороны Никифоров был ранен. В полковом медпункте сержанту перевязали рану, сказали, что отправят в тыл на лечение. А он решил, что больше медицине тут делать нечего, и очутился в своей роте, на передовой.

— Что у противника нового? — спросил Силин сержанта.

— Вот на том хуторке за ночь новый стог сена появился. Да какой- то стог неаккуратный… А справа, из-за сарайчика, похоже, что ствол пушки торчит.

— Наблюдай, сержант. Фрицы так просто не успокоятся. Будут пробовать нас отсюда столкнуть. А в хуторе, думаю, их танки накапливаются…

Когда Силин добрался до НП, шел девятый час. Было облачно, хмуро. Только на востоке солнце изредка пробивалось сквозь серую слоистую накипь облаков.

Над пшеничным полем нависла легкая дымка, красные крыши хуторка как бы затушевались.

— Давай карту, начштаба, — обратился комбат к капитану Спирину, — нанесем кое-что новое о противнике.

На снарядном ящике разложена карта. Спирин достал из-за голенища цветные карандаши.

«Встать! Смирно!», — раздалось в траншее рядом с НП. И вслед за тем голос с кавказским акцентом:

— Отставить! Зачем ты такой шум поднимаешь? Мы не на строевом плацу!

Откинув плащ-палатку, закрывавшую вход в блиндаж, вошел стройный, черноволосый с проседью полковник. Левой рукой он опирался на палку с серебряным набалдашником. Это был

командир полка лезгин Хаирбек Заманов. В боях за Тернополь вражеский осколок раздробил ему ступню, но и двух недель не пробыл он в медсанбате, вернулся в полк.

— Докладывай, комбат, обстановку, — приказал полковник.

Он внимательно выслушал Силина, долго рассматривал местность перед фронтом батальона.

— Что ж, все правильно, комбат. Помни, не сегодня-завтра фрицы опять полезут. Не боишься? Готов встретить? — Полковник, не ожидая ответа, продолжал: — Имей в виду, дивизия главными силами дальше на северо-запад пошла, растянулась. Мой левый сосед дерется за село Белый Камень. Взгляни на карту. Вот-вот посадим фрицев в котел. А им этого ох как не хочется! Вот и будут рвать, лезть напролом. А скорее всего, через наши боевые порядки. Так что держись, капитан. Береги свой резерв. Думай, крепко думай, комбат!

«Не боишься?..» Не обидел Силина этот вопрос полковника. Знал, что нет у него оснований сомневаться в мужестве своего подчиненного. Он пришел в этот полк с орденом Ленина и Золотой Звездой Героя, которые ему вручили за форсирование Днепра. Трудные бои, которые вел его батальон в Тернополе, происходили на глазах Заманова. Полковник знал, как капитан Силин с штурмовыми группами по пять-семь человек каждая выбивал фашистов из старинных домов со стенами метровой толщины. Выбивал гранатами, автоматной очередью в упор, а то и штыком, прикладом — в рукопашной схватке.

Ни тогда, ни сейчас не думал сибиряк Николай Силин об опасности, которую несет каждая минута боя. Он думал лишь о том, что надо еще сделать, чтобы крепче стоял батальон на занимаемом рубеже.

Комбат отдал еще несколько распоряжений начальнику штаба, командиру приданного артдивизиона майору Шишканову, саперам…

— Товарищ капитан, может, позавтракаете? — Ординарец Кузьмич принес наполненный котелок. — Сегодня гуляш с гречневой кашей.

Однако позавтракать не удалось. На севере, на фоне тяжелой пелены облаков, замелькали один за другим красные сполохи. Прокатились громовые раскаты, вокруг взметнулись грязные султаны разрывов, засвистели осколки.

— Спирин, быстро свяжись с ротами! Шишканов, как твои пушкари? Проверь! — крикнул комбат, бросившись к амбразуре.

Налет был сильным, но непродолжительным. Как только стихла артиллерия, послышался знакомый, противный вой: четверка «мессеров» пронеслась на бреющем, поливая передний

край свинцовыми очередями.

— Ну, сейчас жди танков с пехотой, — проговорил замполит старший лейтенант Колесников. — Встретим как полагается! Верно, командир?

— Не впервой, есть у нас опыт, — ответил Силин.

— Пойду во вторую, — сказал Колесников. — Новый ротный. Надо ему помочь.

— Иди, Сергей, только будь осторожен.

Серые облака опустились еще ниже. Лениво начал брызгать не по-летнему холодный дождь. Хутор, который виднелся перед фронтом батальона, затянуло мокрой кисеей, однако комбат разглядел, как разваливался там стожок, как качнулся деревянный сарайчик и из-за них выползли три «тигра». Взахлеб, на высокой ноте застрочили автоматы идущих следом гитлеровцев.

Все ближе и ближе их цепь. И вот заговорил наш передний край. Тяжелые вздохи гаубиц перекликались со звонкими ударами «сорокапяток». Четко стучали «пэтээры». Застрочили «максимы», «Дегтяревы».

Перед самой траншеей второй роты свечкой вспыхнул один «тигр». Среди помятой пшеницы юлой завертелся, разматывая гусеницу, и замер на месте другой. Поредела цепь гитлеровской пехоты.

Комбат взялся за бинокль. Справа, перед первой ротой, танки немцев вроде бы начали пятиться, а пехота совсем исчезла.

— Эх, плохо видно справа! — проворчал Силин. — Что докладывают из первой?

— Автоматчики залегли, танки отходят. А вот с Гребенниковым связь прервана. Послал связистов на линию, — ответил начштаба.

Слева было лучше видно, но беспокоило больше положение второй и третьей рот. Там появилось еще два танка, которые подошли к самой траншее, и цепи пехоты снова стали гуще. «Что же там Сергей делает? — вспомнил комбат о замполите. — А может, пора бросить туда резерв?»

Обстановка во второй роте сложилась трудная: фашисты лезли упорно, потери в роте уже велики, противотанковых средств не хватало. Но бойцы дрались зло, пренебрегая опасностью. Прошло то время, когда наши солдаты только приноравливались бить немецкие новинки — «тигры», «пантеры», «фердинанды». Теперь научились они уничтожать бронированных хищников.

Какой-то смельчак выполз за передний край, подпустил фашистский танк вплотную и метнул в него одну за другой две

бутылки с горючей смесью. Танк вспыхнул ярким костром, цепь фашистов, идущих за ним, залегла. Но вот из-за гребня выползли еще две «пантеры», а за ними шло около полсотни эсэсовцев. Старший лейтенант Гребенников напрасно крутил ручку полевого телефона, чтобы попросить у комбата «огонька». «Сорокапятку», которая была с ротой, подбили, а две гаубицы стояли далеко на фланге и неизвестно почему молчали. Связь была прервана…

К командиру роты подошел невысокий, коренастый боец — рядовой Старощук.

— Товарищ старший лейтенант, разрешите мы с Пузырем вон за те кустики выползем и во фланг ударим…

— Действуй, Старощук. Только ведь по голому месту проползти надо метров сто…

— Проползем!

Солдаты со станковым пулеметом перевалились через бруствер.

Через несколько минут из кустов застрочил «максим». Хорошо выбрал момент Старощук! Почти поравнялась с ними цепь фашистов, и внезапный огонь во фланг был губительным.

А к этому времени замполит Колесников, собрав десятка полтора бойцов левофлангового взвода, выскочил на бруствер окопа.

— За Родину, в атаку! — устремился он вперед, увлекая за собой остальных.

Не ожидали фашисты этого броска, попятились, стали удирать. Не меньше полусотни гитлеровцев уложил на месте свинцовый ливень автоматов.

Контратака была короткой. Санитары несли убитых, тяжело раненных солдат. Принесли на носилках окровавленного Колесникова. Он еще дышал. Прибежавшая медсестра вынула шприц, чтобы сделать укол. Но медицинская помощь уже оказалась ненужной.

Командир роты снял фуражку.

— Геройски ты погиб, комиссар.

В это время по траншее, а где и напрямик между кустов пробирался к НП батальона рядовой Кшановский — связной командира второй роты. Надо было доложить комбату обстановку.

На этом участке почти пусто. Не хватало у ротного людей, чтобы расставить по всей траншее. Вдруг видит Кшановский, как сюда направляется гитлеровская «пантера», за которой бегут несколько фашистов. Из артиллерийского окопа справа звонко стукнула «сорокапятка», еще, еще, да, видно, промазал наводчик.

Кшановский одним прыжком перемахнул через бруствер,

скатился по крутому склону к ближайшему кусту, достал из сумки противотанковую гранату и с размаха швырнул под брюхо танка. Грохот близкого взрыва на мгновенье оглушил солдата. Когда он поднял голову, «пантера» стояла с сорванной гусеницей. Из танка вылез гитлеровец. За ним — еще четыре члена экипажа. Кшановский длинной очередью срезал всех пятерых. Но в глубине вытоптанного пшеничного поля показалось еще три танковые башни. Связной бегом пустился к НП комбата.

— Товарищ капитан, вторую фашисты обходят. Танки и пехота.

— Без паники! Не обойдут. Я вижу. — И он крикнул начальнику штаба: — Спирин, я поведу резервы в контратаку! Ты останешься вместо меня!

Комбат мгновенно бросился в район сосредоточения резерва.

— Взвод! В атаку, за мной, вперед!

Одновременно перед самой цепью фашистов взметнулись фонтаны разрывов. «Хорошо действует Шишканов!» — подумал капитан. Справа прямой наводкой по танкам ударили 76-мм орудия. Вот одна из немецких машин, как бы споткнувшись, остановилась. Однако пехота идет.

Комбат поднял руку с пистолетом.

— За мной! Ура-а!..

И не выдержали фашисты…

Еще один танк вспыхнул дымным пламенем, а последний, отстреливаясь, дал задний ход и скрылся в лощине. Туда же отошла и вражеская пехота.

До вечера немцы бросали на батальон Силина танки и пехоту еще дважды. Накрепко стояли силинцы!

…Кончился трудный боевой день. Командир батальона вышел из блиндажа, глубоко вдохнул свежий воздух. «Надо пройти по ротам, проверить, как там дела. К утру фрицев надо ждать снова», — подумал Силин.

…Не было у Н. Н. Силина легких фронтовых дорог. И одна из них пролегла на львовском направлении.

Неожиданная встреча

После боя, за чудом уцелевшей хатой, механик-водитель Люберанский заглушил двигатель. Командир танка младший лейтенант Василий Моченый подошел к развесистой черешне. Сорвал несколько ягод. Но не стал их есть. Горький ком застрял в горле…

Такая же черешня стояла и у домика в Ольховатке на Полтавщине. Очень любила это дерево мать. Когда наши войска освободили Полтавщину и выдался случай — Василий заскочил в Ольховатку. На месте домика — пепелище. От черешни — пень. Не нашел и матери. Соседи сказали, что ее забрали фашисты и где она — никто не знает. Угрюмый вернулся Василий. Еще злее стал в боях. В блокноте начал вести записи боевых побед — счет мести.

И сейчас, сидя под черешней, Василий достал блокнот и записал: «14 июля поджег «тигр». Уничтожил 2 орудия, 3 огневые точки противника. Расстрелял 45 гитлеровцев».

А на рассвете танки пошли дальше. Вновь атаковали «тигров», таранили на вражеских позициях орудия и минометы. Так приблизились к железной дороге. На полустанке — товарный состав. Туда уже устремилось несколько танков их батальона.

К полустанку повел машину и Моченый. Едва успевший тронуться состав был остановлен. Моченый увидел, как с локомотива и с тамбуров соскакивали гитлеровцы. Лейтенант приказал ударить по ним из пулеметов.

Наши бойцы раскрыли двери вагонов. Оттуда с радостными возгласами и слезами на глазах высыпали женщины, девушки, парни-подростки.

— Спасыби вам, ридненьки! — благодарили люди танкистов.

Моченый сказал своему экипажу:

— Ребята, я посмотрю на людей, мне надо… — и побежал к вагонам. Затем ускоренным шагом прошел вдоль состава. Смотрел на худые, изможденные лица. Искал…

— Мама! — звал он, размахивая правой рукой, в которой был зажат снятый с головы шлем. — Мама! Я — Вася, сын твой!

— Вася! Сынок мой! — крикнула женщина, бросившись к танкисту.

Они крепко обнялись.

…Через день Моченый снова записывал в блокнот: «Уничтожил «тигр». Раздавил гусеницами 3 орудия, 2 бронетранспортера, 12 огневых точек».

Так сражался отважный танкист на львовском направлении.

Б. В. Самарин, полковник запаса
«ФРОНТОВАЯ ПОДРУГА»

К. И. Байда

Вдоль опушки соснового леска стоят под зелеными ветвями танки. Возле «тридцатьчетверки», на башне которой сделана надпись «Фронтовая подруга-2», собрались воины. Среди них — старший лейтенант Кирилл Байда. У него в руках свежий номер газеты 4-й танковой армии «На штурм врага».

— «Герой боев», — прочитал он заголовок одной заметки. — Так это же про нас пишут!

— Прочитайте, товарищ командир, — попросил механик-водитель старшина Алексин.

— Уж лучше прочитай ты, — и Кирилл передал газету.

Алексин стал читать: «Воинскую доблесть и высокое мастерство проявили в последних боях танкисты старшего лейтенанта Байды. Его экипаж в жестоких двухдневных боях, действуя днем и ночью, уничтожил три «тигра», один «фердинанд», один средний танк противника…»

Все притихли, вспоминая каждый о своем.

Погружен в раздумья и Байда. Скромный из скромных, он всегда казался незаметным среди людей.

До войны он был учетчиком полеводческой бригады в колхозе. На действительной прослужил писарем в штабе полка. В начале Великой Отечественной пошел на фронт рядовым. А потом стал офицером. После Курской битвы возглавил танковую роту. За прошедшие только что бои их похвалили в газете. А бои были жаркие…

Командир батальона вызвал Кирилла Байду.

— Гитлеровцы третий день наносят удары с колтовских высот. Надо помочь нашим пехотинцам, — сказал он, помечая на карте ротного рубеж, где должна встать рота Байды, прикидывая вероятные направления атак противника.

Кирилл взглянул на карту.

— Задача ясна? — спросил командир батальона и пристально посмотрел на Байду.

— Выстоим… Дадим гитлеровцам по зубам! — твердым голосом ответил Кирилл.

— Действуйте! И чтоб ноги фашистской не было в селе.

После недолгого марша рота заняла рубеж недалеко от села Обертасив.

Старший лейтенант определил место и огневые задачи каждой «тридцатьчетверки», приказал тщательно замаскироваться. Рота стала в засаду на широком фронте.

Байда вернулся к своему танку. Воины «Фронтовой подруги» находились в машине, на местах. Кирилл прилег на землю, всматриваясь в темный лес. Что готовит враг? Как и всех танкистов, ожидание томило его. Мысли невольно обращались к прошлому. Пытался представить родное село Кривое Озеро, где родился, где прошла юность.

Что-то давненько не пишет Дарья, его жена, нет весточки и от старшего брата Ефима, ушедшего добровольцем на фронт.

Львов! Как сказал комбат, нашим передовым частям оставалось пройти до него всего около двадцати километров. Кирилл хорошо помнит этот город. В сороковом году он служил в одном из подразделений Львовского гарнизона. На всю жизнь запомнилось радостное событие — тогда, в сороковом, его приняли в партию. Вручили партбилет под номером 3337961.

Но воспоминания не смогли вытеснить мысли о предстоящем бое. Как он пройдет? Просматривая местность, старший лейтенант определял вероятный путь противника, возможный маневр вражеских танков, намечал варианты действий своей роты.

Раздумья старшего лейтенанта были прерваны: противник открыл огонь. Снаряды рвались позади, среди хат и садов окраины Обертасива. Байда быстро поднялся и сел в машину.

— Начнем, друзья! — произнес он, прильнув к окулярам перископа. — Сержант Ботов, заряжай бронебойным! Радист, передай взводным: приготовиться к бою. Да скажи, что я приказал не спешить.

Отдавая распоряжения, Кирилл не выпускал из поля зрения всю панораму местности. Минут через пять он увидел, как из леса выползли танки и самоходки. Развернувшись в клин, двинулись к

селу, стреляя на ходу. За ними шли группы пехотинцев.

Все ближе рокот моторов, явственнее стали различаться кресты на бортах. Головные танки были уже метрах в трехстах-четырехстах.

— Огонь! — скомандовал Байда.

Прогремел выстрел — снаряд пролетел мимо.

Наводчик младший лейтенант Косолапое внес поправку. Снова выстрел. Фашистский танк замер. Стрельба усилилась. Задымил второй танк. Над третьим появился черный столб дыма. Падали и падали вражеские пехотинцы.

Прыти у гитлеровцев поубавилось. Их машины замедлили ход, остановились. Рассыпался стройный сначала клин. Огрызаясь пушечными выстрелами, танки и самоходки пятились к лесу.

— Прекратить огонь! Третьему взводу — влево, ориентир — отдельно стоящее дерево. Второму — в обход справа. Я с первым — прямо. Вперед! — отдал приказ командир роты.

«Тридцатьчетверки», набирая скорость, двинулись с рубежа засады на врага. Снаряды догоняли отходивших.

— Стой! Возвратиться назад, на свои места! — распорядился Байда. А затем по рации доложил обстановку в штаб батальона.

Крышка люка приоткрылась, и командир, а за ним и остальные члены экипажа вылезли из машины.

— Что ж, сможем перекурить, — сказал Косолапое.

— Отдых придется отставить, — раздался голос Байды. — Радист, передай: осмотреть машины. Взводных ко мне!

Прибыли командиры взводов. Байда обратился к ним:

— Приметил я высотку, — и он показал рукой вправо. — Быстро перемахнем туда, встанем на склонах и преподнесем фрицам сюрприз. А здесь маскировочку оставить в сохранности.

Смеркалось. На землю опустилась голубовато-белесая дымка. Потянуло прохладой, сыростью. Танк ротного, а за ним остальные пошли к высоте. Машины расположились под скирдами соломы. Байда побывал во всех экипажах и возвратился к своей «тридцатьчетверке».

Прошло больше часа. Вдруг небо над лесом, темное от низких туч, озарилось сполохами выстрелов. На участок, где раньше стояла рота, обрушился огонь десятков немецких орудий. Минут десять длился огневой налет.

Вечернюю мглу пронизывал мерцающий зеленый свет ракет. Под орудийную канонаду к лесу устремились гитлеровцы. Но теперь их танки и самоходки шли с малыми интервалами, в затылок, ведя беспорядочную стрельбу.

— Ага, попались, голубчики, — произнес командир роты. — Огонь!

Все «тридцатьчетверки» дружно открыли уничтожающий фланкирующий огонь. Неся потери, фашисты опять откатились в лес. Слева по ним стали стрелять подоспевшие артиллеристы.

Прошло часа два. Атаки не возобновлялись.

После полуночи пришел приказ: выйти в лесок, пополнить танки боеприпасами, горючим. Какой-то час воины поспали. Сон фронтовика короткий. Вновь танкисты на ногах, хлопочут у машин, ожидают новое задание…

Об этих жестоких атаках и сообщала армейская газета «На штурм врага», назвав танкистов роты Кирилла Байды «героями боев».

Когда была прочитана газетная заметка, воины оживленно заговорили, радуясь. Еще бы! Об их боевом успехе теперь узнают товарищи по оружию во всей 4-й танковой армии, которая вела упорное наступление на львовском направлении.

— Теперь не стыдно написать письмо родителям нашей «Фронтовой подруги», — сказал Косолапов.

— Дельное предложение, — одобрил Байда.

«Родителями танка «Фронтовая подруга» воины назвали работниц макаронного комбината города Свердловска. За счет собранных средств из личных сбережений женщин был приобретен танк, названный «Фронтовая подруга». Экипаж этой машины, возглавляемый Кириллом Байдой, уничтожил несколько вражеских танков, орудий. Но в жестоких боях осенью сорок третьего года «тридцатьчетверка» была подбита и сгорела.

Узнав об этом, работницы вновь собрали деньги на танк «Фронтовая подруга-2». Машину вручили тому же экипажу. И вот танкисты решили послать труженицам комбината очередную весточку с фронта.

Поудобнее устроившись на траве, Байда писал письмо:

«Здравствуйте, родные!

Недавно наше командование вручило нам преподнесенный вами драгоценный подарок — танк «Фронтовая подруга-2». Сообщаем вам, что «Фронтовая подруга-1» прошла с боями более двух тысяч километров, изгоняя врага с нашей священной земли. Можете быть уверены, что и этот танк будет так же беспощадно громить врага. Бронированная «Фронтовая подруга» — меч для расплаты с проклятым врагом…» Воины заслушали текст письма и поставили под ним подписи.

…Окончилась передышка. 93-я отдельная танковая бригада на другой день сражалась в районе села Княже. В двухдневных боях с танками и пехотой противника вновь отличились экипажи роты, которой командовал Кирилл Иванович Байда.

После освобождения Львова в бою за предгорное село

Лютовиска 30 июля сорок четвертого года Кирилл Байда погиб.

* * *

А недавно в Старом Самборе и соседнем селе Надыбы состоялись волнующие встречи. Прибыли земляки и близкие Кирилла Байды — вдова героя-танкиста Дарья Петровна, брат Ефим Иванович Байда — участник Великой Отечественной войны, представители с Урала — инициаторы приобретения двух танков «Фронтовая подруга».

Жители Старосамборского района, в боях за освобождение которого погиб Байда, родственники, земляки танкиста, свердловчане почтили память мужественного воина. У его могилы посажены молодые березки, привезенные с Урала и из украинского села Кривое Озеро, где родился, рос и мужал Кирилл Байда — храбрый защитник Советской Отчизны.

К.Я. Егоров, майор запаса
В УПОРНЫХ ПОЕДИНКАХ

В. Ф. Валуйкин

Танкисты отдыхали. В леске — десятки наших танков. Здесь, на рубеже Гукаловце — Лопушаны, стали танкисты 13-й гвардейской танковой бригады, которой командовал гвардии полковник Бауков. Их задача — не допустить прорыва противника.

— Теперь фашистам одна дорога — отступать на запад, к своей берлоге, — говорил Валуйкин, прислушиваясь к отдаленному гулу боя. — Прижмем их! Слышите, как грохочет? Видно, контратаку предприняли… Приготовьтесь, ребята.

Валуйкин был опытным воином.

В 1943 году на фронте Василий Валуйкин получил путевку в один из сибирских городов в танковое училище. Оттуда, уже в звании младшего лейтенанта, он попадает в Челябинск, где формировались новые танковые части. Тут и стал он командиром экипажа в 13-й гвардейской танковой бригаде, той самой, которая прославилась в боях за освобождение Тернополя и других городов Украины.

…Все еще прислушиваясь к грохоту боя, Валуйкин подошел к прикрытому березовыми ветками танку и положил ладонь на шероховатую броню.

Славная боевая «тридцатьчетверка»! Краска на ней кое-где уже облупилась, во многих местах видны вмятины от снарядных осколков и следы пуль. Но не стерлась, не потускнела надпись на броне: «Подарок Красной Армии от колхозника Ф. А. Ильенко».

В полевой сумке Валуйкина хранился номер армейской

газеты «Красноармейская правда» с небольшой заметкой на первой странице: «Танк колхозника Ильенко — в надежных руках». Она много раз читана и перечитана.

В заметке говорилось:

«Три месяца назад экипажу гвардии младшего лейтенанта В. Валуйкина вручен танк, сделанный на личные средства колхозника Филиппа Александровича Ильенко из колхоза «Червоный партизан» Остерского района Черниговской области. Танкисты, принимая танк, поклялись беспощадно громить врага.

Экипаж оправдал оказанное ему доверие: пять вражеских пулеметов, два орудия, тридцать гитлеровцев уничтожил он в первом бою.

Танк уже прошел около 700 километров. В составе экипажа, кроме командира, — башнер гвардии сержант Петр Шиплаков, стрелок-радист гвардии сержант Василий Лопатин и механик-водитель старший сержант Алексей Зубцов».

Вот они сейчас перед Валуйкиным, эти славные ребята. Курят, спокойно разговаривают, отдыхают после недавнего боя, как после привычной тяжелой работы. И ждут нового приказа, готовые в каждую минуту занять места в боевой машине, подаренной незнакомым колхозником, истинным патриотом.

Хотя газетная заметка совсем свежая, не мешало бы дополнить ее новыми фактами. К подбитым в первом бою орудиям и пулеметам следует приплюсовать уничтоженные в последующих боях три танка, из них два «тигра», бронетранспортер и около роты пехоты противника. Впрочем, боевой счет далеко еще не закончен!

…Приказ поступил внезапно. Экипажам Василия Валуйкина и гвардии лейтенанта Александра Белозерова надо было отправиться на разведку дислокации противника в район одного из населенных пунктов. Есть предположение, что там скапливаются танковые силы гитлеровцев для удара по нашим частям с фланга.

Танкисты быстро заняли места в боевых машинах и, маскируясь в складках местности, на большой скорости двинулись вперед.

Высунувшись из люка, Валуйкин приставил к глазам бинокль. Немного поодаль шел танк Белозерова. Он тоже внимательно всматривался в густой кустарник, тянувшийся впереди темной лентой, скрывая приземистые сельские домики.

Теперь стрельба доносилась слева. А тут — такая тишина, что если бы не лязг гусениц и не шум мотора, то можно услышать беззаботное чириканье птиц.

Вынырнув из лощины, танк Валуйкина оказался на открытой

местности, почти рядом с селом. И тогда командир увидел: за кустарником плотной стеной стояли немецкие танки, видимо, ждавшие сигнала к контратаке. Поворачивать назад уже поздно — подставишь под вражеский огонь борт. Да и не в привычке наших танкистов отступать.

— Вася, будешь принимать бой! — приказал Белозеров, который был в разведке старшим. — Открывай огонь! А я доложу командиру бригады обстановку.

Танк Валуйкина вздрогнул от пушечных выстрелов. Ударил по немецким машинам и Белозеров. Опомнились от внезапного нападения и гитлеровцы. Завязалась танковая дуэль.

Белозеров передал:

— Слушай, Валуйкин, приказ комбрига: надо задержать противника. Занимай прочную оборону! Ни шагу назад!

— Ни шагу! — повторил Валуйкин, давая указания механику-води- телю Алексею Зубцову.

Две советские «тридцатьчетверки» приняли на себя удар шести немецких «тигров» и «пантер». Гитлеровцы, не добившись успеха в дуэли, предприняли попытку обойти наши танки слева и справа. Белозеров разгадал их маневр и так развернул машину, что борта двух немецких танков оказались под обстрелом. Выстрел, второй… Вспыхнув, остановилась первая вражеская машина, за ней — другая. Тот же прием применил и Валуйкин. С первого выстрела подбит третий «тигр». Двинувшаяся было за танками пехота откатилась под пулеметным огнем наших танкистов. На поле зачернели трупы.

— Для первого раза — отлично! — сказал Валуйкин. — Теперь надо ждать нового натиска. Приготовиться!

Но понесшие серьезные потери гитлеровцы не спешили. Они никак не могли определить, сколько же советских танков действует против них. Наступила ночь. Белозеров, Валуйкин и их товарищи не сомкнули глаз до самого рассвета.

Утром, когда взошло солнце, все пришло в движение. Над полем боя взвились столбы пыли. На наши две машины с ревом катилась стальная лавина. Фашистские танки, идя «подковой», намеревались взять наших в клещи.

— Теперь держись, ребята! — спокойно сказал Валуйкин, пытаясь рассмотреть немецкую «подкову». — Бить без промаха! Каждый снаряд — в цель!

Но не успела гитлеровская цепь пройти и половины пути, как с востока донесся рокот множества боевых машин и громкое, перекатывающееся «ура!» Это подходили основные силы танковой бригады и бойцы стрелковой части. В рядах противника произошло замешательство. Потом вражеские танки резко

повернули против наступающих советских войск. Откуда-то подтянулись новые подразделения. Бой принял острый характер.

Белозеров и Валуйкин снялись со своих позиций и атаковали врага с фланга. Гитлеровцы дрогнули, стали откатываться, оставляя на поле подбитые танки и самоходные орудия… Но они судорожно цеплялись за каждый мало-мальски выгодный рубеж.

И вдруг продвижение нашей пехоты замедлилось, приостановилось. Стрелки залегли в траве под кинжальным пулеметным огнем. Голову не подымешь.

Какой-то офицер подполз к танку Валуйкина и крикнул:

— Выручайте, братцы! Вон он, проклятый, где засел… Долбаните раз-другой из пушки!..

— Сейчас долбанем! — ответил Валуйкин и приказал механику-водителю направить танк на огневую точку гитлеровцев.

Сам сел к орудию. Но не прошла машина и ста метров, как откуда-то справа ударили немецкие танки. Что делать? Идти на подавление огневой точки или вступить в бой с танками? В первую очередь, конечно, надо помочь пехоте. И, развернувшись, Валуйкин послал меткий снаряд в огневую точку врага. Для верности добавил еще один. Наши пехотинцы снова поднялись и возобновили атаку.

А немецкие танки наседали. Пушка Валуйкина заряжена осколочным снарядом. Перезаряжать некогда. И командир бьет осколочным под башню вражеского танка. Спешно заряжает пушку уже подкалиберным снарядом. Все решали секунды. Кто выстрелит первым?

Первым выстрелил гитлеровец. Танк Валуйкина задымил. Заряжающий и радист были ранены. Не теряя самообладания, Василий приказал товарищам по экипажу:

— Всем покинуть танк! Немедленно!

— А вы, товарищ гвардии младший лейтенант? — спросил механик- водитель.

— Без разговоров! Машина может взорваться…

Валуйкин остался в горящем танке один. Навел пушку, выстрелил в «тигра», заклинив ему башню. Но гитлеровец продолжал бешено огрызаться. «Т-34» вздрогнул от сильного удара. Василий почувствовал, как что-то толкнуло в грудь, боль обожгла голову, руки… Уже теряя сознание, подумал: «Сгорю. А ведь только ранен…»

Но Валуйкин не сгорел. Его поединок с «тигром» видел механик-водитель белозеровской машины. Он проник в горящий танк, вытащил гвардии младшего лейтенанта и на руках отнес в безопасное место.

И тогда раздался взрыв. Там, где находилась боевая машина Валуйкина, к небу взвился столб дыма и огня.

Так закончился путь этой героической «тридцатьчетверки».

Наши части, разгромив бродовскую группировку врага, продолжали развивать наступление на запад. 13-я гвардейская танковая бригада, в составе которой воевал Валуйкин, участвовала в боях за Львов, в конце июля 1944 года с ходу форсировала реку Сан и продолжала громить гитлеровцев.

Валуйкин лежал в госпитале во Львове. Тяжелые раны заживали медленно. Он слушал сводки Совинформбюро, радовался стремительному наступлению советских войск и… волновался. С надеждой смотрел Валуйкин на врачей, по нескольку раз в день задавал им один и тот же вопрос:

— Скоро выпишете? Я ведь отстану от своих… Не лежать же мне до тех пор, когда они в Берлин войдут!..

Врачи отвечали неопределенно:

— Надо сперва на ноги встать…

Валуйкин встал на ноги лишь через два месяца.

Наши были уже за Вислой. А Василий ходил хмурый. Чувствовал, что не быть ему в боевом строю.

Молча, с тяжелым сердцем выслушал приказ: в связи с инвалидностью демобилизовать…

…Много времени прошло с тех пор, но не затерялся след Василия Филипповича, не забыты его подвиги. Отыскали фронтовика львовские ветераны: проживает Василий Валуйкин в городе Комсомольске Ивановской области.

Недавно герой-танкист прислал письмо во Львов. Сообщил, что два сына уже отслужили срок в армии, а теперь работают. Сам он тоже продолжает трудиться.

«Спасибо вам, дорогие товарищи, за то, что не забыли обо мне. Пусть наши дети и внуки знают, как мы воевали, отстаивая их будущее счастье», — написал Валуйкин. И поинтересовался: «А какова судьба колхозника Ильенко, который подарил нам танк?»

Львовские ветераны сообщили Валуйкину: Филипп Александрович не только приобрел для Красной Армии танк на личные сбережения, но вскоре и сам пошел на фронт. В 1944 году погиб смертью храбрых. В селе Волевачи Остерского района Черниговской области проживают его жена и сын — Иван Филиппович.

Память о славном патриоте колхознике Ф. А. Ильенко живет в сердцах бывших фронтовиков и людей нынешнего поколения.

Всем смертям назло

Много раз эта «тридцатьчетверка», идя по фронтовым дорогам, разворачивалась для ведения боя, утюжила позиции врага, преодолевала на своем пути противотанковые заграждения, минные поля.

Однажды в разгаре боя экипаж не заметил, как вражеский снаряд попал в борт танка. Вспыхнуло пламя.

— Оставаться на своих местах, продолжаем драться! — крикнул командир экипажа лейтенант Боровик — парторг танковой роты — уроженец Донбасса.

При помощи огнетушителя танкисты ликвидировали пожар.

Гитлеровцы не оставляли в покое «тридцатьчетверку» и очередным попаданием снаряда заклинили орудие. Погибли механик-водитель и радист. Боровик остался вдвоем с башенным стрелком — старшиной Николаенко.

— Берись за пулемет, бей по гадам короткими очередями, — наставлял Боровик старшину, который мастерски владел пулеметом.

Гитлеровцы подходили все ближе. Им хотелось взять живыми храбрецов. Но вражеские автоматчики сразу попадали под огонь пулемета Николаенко.

— Погибать — так с музыкой! — хрипел лейтенант. Он приоткрыл люк, бросил одну за другой две гранаты и снова захлопнул крышку люка.

— Пойдем на прорыв! — решил в эти критические минуты Боровик. Освободившись от противогазов, они вылезли из танка, поливая свинцом дымное поле.

Танков наших, как показалось Боровику в грохоте боя, вблизи не было. На этом участке противник, имея перевес в силах, потеснил наше подразделение. И никто уже, конечно, не мог и предположить, что в горящей «тридцатьчетверке» оставались еще в строю члены экипажа. А они не только были живы, но и боролись, исполненные решимости выстоять в этой трудной схватке с врагом, пробиться к своим.

Расчищая путь огнем пулемета и гранатами, танкисты отползли в густую нескошенную рожь. За ними устремились немецкие автоматчики, но, встреченные пулеметным огнем, отстали.

— Неужели из того сгоревшего танка! — удивлялись пехотинцы, увидев танкистов в наполовину истлевших комбинезонах, с кровавыми ссадинами на руках и ногах.

— Да, — отвечал лейтенант Боровик, — с того самого, ребята.

Мы крепче огня. Выстояли, выжили всем смертям назло.

В. М. Житаренко, старший лейтенант
К БОЕВЫМ НАГРАДАМ — ТРУДОВЫЕ

И. В. Пробитый

Он часто бывает здесь. Подолгу стоит у обелиска. Ветер треплет чуб, слегка припорошенный инеем седины. А взгляд ветерана пробегает по ровным рядам фамилий, высеченных на плитах. И встают словно живые в памяти Ивана Васильевича Пробитого односельчане, Те, с которыми ходил в рукопашные схватки с врагом, кто не дожил до светлого Дня Победы и ему, оставшемуся в живых, завещал сделать послевоенную жизнь счастливой, высоко нести гордое знамя советского солдата.

Суровыми фронтовыми дорогами прошагал Иван Васильевич в составе 29-й гвардейской мотострелковой Унечской бригады. Освобождал Львов и Прагу.

За каждой боевой наградой ветерана (а их у него свыше десяти, в том числе два ордена Славы, два — Красной Звезды) — подвиг. Одним из первых форсировал Одер. В самый напряженный момент боя под Бреслау прикрыл собой командира роты.

Но, пожалуй, наиболее памятным для него был первый бой, когда боец Иван Пробитый получил из рук командира части первую награду — медаль «За отвагу».

…Тогда наши войска вели упорные бои за расширение «колтовского коридора», затягивая крепким узлом петлю вокруг окружаемой бродовской группировки фашистов. Враг предпринимал отчаянные контратаки.

Батальон гвардии капитана Федора Дозорцева в ночь на 17 июля 1944 года занял оборону на окраине села Почапы. Приказ

требовал быть предельно внимательным, замаскироваться так, чтобы противник ни в коем случае не смог определить расположения огневых средств, систему боевых порядков.

Коротка летняя ночь. Но и нескольких часов хватило для того, чтобы оборудовать огневую. Иван Пробитый про себя отметил: встретим врага и угостим как полагается.

Под бомбами и снарядами ему еще не приходилось бывать. А вообще-то в жизни Пробитого это далеко не первый бой.

Вспомнил солдат родную Хмельниччину. Есть там село с красивым названием Лесоводы, Издавна славились тамошние места и своими плодородными землями, ухоженными заботливыми руками хлебопашцев. Уже в тридцатые годы стал крепким колхоз: обильные урожаи собирали люди, перепахав вековые межи, вкусив радость свободного труда.

Но грянула Великая Отечественная война, в село ворвались фашисты. Почти все колхозники ушли в партизаны. Отряд народных мстителей, базирующийся в окрестных лесах, уничтожал вражеских солдат и офицеров, захватывал оружие и боевую технику.

В один из летних вечеров сорок третьего года выстрелом в упор был убит фашистский наймит, заместитель начальника железнодорожной станции Лесоводы, отличавшийся особой жестокостью. Полицию района подняли на ноги. Ей удалось напасть на след подпольщиков, арестовать их связную — Марфу Беду. Патриотку зверски пытали, но так и не узнали от нее фашистские палачи имени того, кто произвел выстрел мести. А им был двадцатилетний Иван Пробитый. И сейчас, лежа в окопе возле села Почапы, Иван Пробитый поклялся: закончится война, останется живым — в центре Лесоводов своими руками соорудит памятник отважной односельчанке…

…Свой окоп Иван Пробитый вырыл за углом полуобвалившегося дома: отсюда хорошо просматривалась лежащая впереди лощина, по которой могут подойти атакующие. И когда уже можно было разглядеть отдельные кусты в лощине, разбитую телегу возле них, когда нервное напряжение понемногу начало спадать — за углом послышался шорох. Острый слух бойца его сразу уловил: наверняка ползет человек. Сжался Пробитый, даже дыхание затаил. Через минуту-другую шорох повторился. Тот, кто крался сюда ползком, действовал не менее осторожно. Проползет немного — остановится, видимо, чутко вслушиваясь в предутреннюю тишину. Непросто будет справиться с таким!

А шорох все приближался. И казалось Пробитому: вот-вот покажется из-за угла лицо незнакомца. И тогда…

Тогда он выстрелит в него в упор. Как стрелял в изменника Родины на станции Лесоводы… Но тут же, подумав, заключил: нельзя! Выстрел демаскирует весь батальон. Нужно действовать тихо, без шума.

Приготовился было к «встрече», но еще через минуту-другую понял: схватки не будет. Шорох отдалялся.

Вздохнул облегченно. Как-никак, опасность встречи с сильным и опытным врагом (другого в разведку, разумеется, не пошлют!) миновала. А затем обругал себя. Вот как ты понял приказ! Затаился, ждал: если враг наткнется на тебя — буду, дескать, защищаться. А удалился он — ты чуть в ладоши не захлопал. Но ведь не зря тот змеей уползает: видимо, свое дело уже сделал, пронюхал что к чему. Так неужто можно его упускать? Нет, не по-солдатски это!

И Иван пополз за «гостем». Однако у лазутчика было преимущество: он оторвался от преследователя на добрых два-три десятка метров.

Попробуй догони! Ведь догнать «гостя» надо незаметно, ни в коем случае не вспугнуть. Иначе он обязательно поднимет шум!

Локти, чувствовал Пробитый, начинают кровоточить. Все-таки не привык по-пластунски землю мерить. От перенапряжения гудело в голове. Разведчика настиг как раз в тот момент, когда немец, видимо почувствовав себя в безопасности, перевернулся на спину, чтобы отдышаться. Резкий бросок на грудь, пальцы впились в горло. И опять мысль, как игла, пронзила мозг: а ведь «язык» ой как нужен живым! Пальцы расслабились — и здесь пришлось пожалеть о своем решении. Враг оказался физически намного сильнее, чем он предполагал. Теперь уже гитлеровец подминал Ивана, а его правая рука тянулась к ножу.

А там, за каких-то несколько десятков метров отсюда, сидят в окопах ничего не подозревающие товарищи. Лазутчик доставит собранные разведданные. А через несколько часов противник нанесет по батальону точно рассчитанный удар. Кто будет виновен в неудаче? Кто, как не он, солдат Иван Пробитый?

Нет, не страх за свою жизнь придал силы бойцу. Страх силы убавляет, а не придает. Помогла решимость не выпускать врага из расположения опорного пункта части, во что бы то ни стало выполнить приказ командира. Вновь подмял лазутчика под себя, в удар кулаком по каске вложил всю мощь правицы…

Обливаясь потом, раздирая до крови локти, тащил за собой тяжелую тушу сопящего гитлеровца. Опять-таки, вжимаясь в землю, маскируясь в траве. Таков был приказ: ничем не выдавать себя!

Светилось радостью лицо Ивана Пробитого, когда командир

подытожил сделанное солдатом: пленный дал ценные показания. Теперь замысел противника ясен, теперь бить его будет легче!

Стоит перед обелиском человек. Вспоминает боевых побратимов- односельчан. Некоторые сложили головы в том первом бою под селом Почапы. Другие — чуть позже, под Лисичанами, где в жестокой схватке с врагом от роты осталось не больше половины. А разве легок был путь через Карпаты?

Четыреста двадцать восемь лесоводчан отдали жизнь за счастье Родины. И он, оставшийся в живых, может со всей ответственностью заявить перед памятником: сегодняшняя жизнь, дорогие мои боевые товарищи, действительно счастливая! В селе Лесоводах каждая семья живет в новом благоустроенном доме. Новые Дворец культуры и школа, детский комбинат и больница. Десятки выпускников институтов работают в колхозе. Пять колхозников стали Героями Социалистического Труда, четырнадцать человек награждены орденом Ленина.

Иван Васильевич удостоен высшей награды: он кавалер ордена Ленина, Золотой медали «Серп и Молот» и двух орденов «Знак Почета».

П. Н. Тыртов, подполковник запаса
ЭКИПАЖ ОТВАЖНЫХ

Б. С. Гармаев

К свисту снарядов прибавился железный скрежет танков, за которыми двигались цепи гитлеровцев. Враг начал контратаку, чтобы пробить брешь в кольце окружения.

Танковая рота капитана Болгара, укрепившаяся на высотке у небольшого хутора близ села Княже, приняла на себя удар. Не менее получаса длилась танковая дуэль. Гитлеровцы отступили.

Наступила передышка. Танкисты вышли из машин. Усталость валила с ног. Расположились на изрытой земле, вдыхая запах трав, смешанный с запахами порохового дыма. Механик-водитель Буянто Гармаев осмотрел танк.

— Отдохни, легче на душе станет, — сказал механику лейтенант Сорокодум. — Впереди трудная дорога…

Гармаев лег на краю обвалившегося окопа. Закрыл глаза. Хотелось хоть на минуту забыть обо всем.

«Трудная дорога!.. А когда она была легкой? — думал Буянто. — Может, на Курской дуге?»

Гармаеву вспомнилось, как в удушливой от пыли и дыма тьме он вел танк на позиции гитлеровцев, утюжил гусеницами окопы. И вдруг ощутил резкий удар в башню. Ранен командир экипажа. А машина все шла вперед и вперед. Снова близко взрыв. Танк загорелся… Вскоре дали новую «тридцатьчетверку». Вот на ней-то и шел Гармаев к Десне, к Днепру. Под бомбами самолетов. Через обстреливаемые врагом переправы.

А разве здесь легкая дорога? Это только просто сказать: отбили у врага еще одну деревню. Сколько сил, крови приходится

отдавать за освобождение каждого населенного пункта.

Федора Хейло обуревали другие мысли.

— Эх, убрать бы тебя, милая, — мечтательно произнес он, обращаясь, словно к живому, к пшеничному стеблю с полновесным колосом. — У нас на Полтавщине урожай, наверное, уже убрали.

— А мне пишут из Чувашии, что комбайны лишь выходят на поля, — отозвался Егор Воронцов.

Беседовали два хлебороба, истосковавшиеся по работе в поле. Казалось, они забыли, что происходит вокруг. Но нет! Украинец сержант Федор Хейло, чуваш младший сержант Егор Воронцов и их товарищи по экипажу бурят Буянто Гармаев и командир — русский Василий Сорокодум по первому сигналу готовы ринуться в бой.

В этом составе экипаж был скомплектован, когда 72-й гвардейский тяжелый танковый полк сражался на правобережье Днепра. В трудных походах крепла дружба воинов четырех национальностей.

Утром в поле за нескошенными хлебами появились немецкие танки. Врага встретили залпы артиллерийских орудий. Буянто вывел на удобную позицию машину. Егор Воронцов быстро досылал в казенник снаряды, Федор Хейло умело наводил танковую пушку по целям.

— Есть один! — закричал лейтенант Сорокодум, когда левофланговый «тигр» клюнул кормой и остановился.

Затем Хейло перенес огонь на второй вражеский танк и уничтожил его двумя снарядами.

Метко били и другие экипажи.

На поле, перед ротой капитана Болгара горело пять вражеских машин. Атака гитлеровцев захлебнулась.

Но прошло всего несколько часов, и вновь тревожный голос наблюдателя:

— Танки!

А в небе показались фашистские бомбардировщики.

— Тщательно замаскироваться! — приказал командир роты. Механик-водитель развернул машину к старому саду, который находился немного правее. Другие танки роты пошли к молодому осиннику, зеленым островком примыкавшему к окраинам опустевшей деревни.

Еще не успели рассеяться пыль и дым от бомбежки, как Сорокодум приказал идти в бой.

Гармаев вел машину по кочковатому полю на повышенной скорости. Короткая остановка — Федор Хейло, тщательно прицелившись, выстрелил. Массивное тело «тигра» вздрогнуло,

но танк продолжал двигаться.

— Эх, промазал, — с досадой обронил наводчик.

Егор Воронцов ловко схватил из боекомплекта очередной снаряд и тут же дослал его в казенник.

Прозвучал раскатистый выстрел, и Федор на всю машину закричал:

— Есть! Есть! — танк был подбит.

Потом он увидел, как справа от него задымились еще два «тигра». Приятно на сердце, когда успешно бьют врага и боевые побратимы.

— Давай, Егор, давай! — торопил Федор Хейло заряжающего.

Шесть бронированных машин, помеченных крестами, окутались пламенем и дымом.

Тяжелый танк Сорокодума огибал стену огня и дыма. И тут, чуть приподняв люк, лейтенант увидел вражеских пехотинцев. Они двигались плотными цепями, ведя беспорядочный огонь из автоматов. «Не сдаваться же в плен идут гитлеровцы, а прут в контратаку», — рассудил Сорокодум и тут же подал команду:

— По пехоте!..

С воем и шумом вырвался осколочный и разорвался на мелкие части перед рядами немецких автоматчиков. Затем снова и снова осколочный град осыпал врагов.

Падали и падали фашисты, устилая трупами поле. И видели в этом Сорокодум и его друзья по экипажу священную месть за разоренную землю, за кровь своих братьев, за слезы сестер и матерей.

Оставшиеся в живых гитлеровцы разбежались. Поднимали руки, спрашивали, куда «идти в плен».

А наши танкисты устремились за уцелевшими, пытавшимися уйти фашистскими танками.

— Уходят, не по зубам оказалась им уральская броня! — оценивал обстановку Сорокодум.

А от командира роты последовал приказ:

— Вперед! За отходящими танками!

Гармаев направил машину через общипанную артиллерийским огнем рощицу, через луг. И вот гусеницы уже приминают рожь на неубранном поле. Командир роты доложил по рации:

— Прошел проселочную дорогу на Тростянец.

Вдруг что-то ударило в танк. Послышался сильный взрыв, скрежет. Выстрелила немецкая пушка. Хейло свалился на сидение. Как ни старался удержать направление Гармаев, танк резко развернуло, и он остановился. Водитель заглушил двигатель.

Другие танки утюжили вражескую засаду.

— Начнем ремонт! — громко сказал Гармаев.

Но вот новая беда — ранен командир. Хейло перевязал ему руку. Гармаев и Воронцов хлопочут у машины. Отремонтировали гусеницу, стали натягивать ее на катки.

Летний день подошел к концу. Солнце все ниже спускалось, густо покрывая прощальной золотистой россыпью верхушки деревьев. Раненый лейтенант Сорокодум сидел на траве, усеянной белыми ромашками.

— Никуда я не пойду! — наверное, в десятый раз он повторял воинам экипажа, которые уговаривали его отправиться в медсанбат.

Воины-гвардейцы экипажа тяжелого танка лейтенанта Василия Сорокодума отмечены правительственными наградами за храбрость и мужество, проявленные в боях с гитлеровцами на львовском направлении. Василий Сорокодум и Буянто Гармаев награждены орденом Отечественной войны I степени. Сержант Федор Хейло — медалью «За отвагу», Егор Воронцов — орденом Красной Звезды.

…После окончания войны разошлись дороги славного боевого экипажа. Но жива в сердцах ветеранов скрепленная кровью верная солдатская дружба.

СЛОВО ДОКУ МЕНТАМ (Из материалов Архива Министерства обороны Союза ССР)

Вклад Талгата

Во 2-й воздушной армии сына казахского народа Талгата Бегельдинова знали как одного из лучших летчиков-штурмовиков. В 1944 году в небе Львовщины он воевал, имея уже Золотую Звезду. А когда закончилась Львовско-Сандомирская операция, летчик был вторично представлен к званию Героя Советского Союза. Вот некоторые строки из наградного листа-представления Талгата Якубековича Бегельдинова:

«Большая самоотверженность, мужество и дерзость со стороны тов. Бегельдинова были проявлены 14 и 15 июля 1944 года при прорыве сильно укрепленной оборонительной полосы противника на львовском направлении.

Особенно сокрушительный удар нанес тов. Бегельдинов своей эскадрильей по группе танков в 18 единиц и по 30 автомашинам в районе села Колтов. После пяти заходов штурмовиков с круга на поле боя загорелись 4 танка и 12 автомашин.

Всего за время боя на львовском направлении лично Т. Бегельдинов сделал 11 успешных боевых вылетов. Его эскадрилья совершила 130 успешных боевых вылетов, во время которых уничтожено 1 самолет, 27 танков, 42 автомашины с грузами и живой силой противника, 12 орудий разных калибров, подавлен огонь 9 вражеских артиллерийских батарей».

Грудью прикрыл командира

Комсомолец первого стрелкового батальона 823-го стрелкового полка Иван Пятак в рукопашном бою 17 июля противотанковой гранатой убил семь гитлеровцев.

На окоп Пятака шел немецкий танк. Боец укрылся в яме. Увидев лежащую вблизи немецкую противотанковую мину, положил ее впереди своего укрытия.

Немецкие танкисты не заметили этого и шли прямо на Пятака. В результате танк наскочил на мину.

Рядом командир взвода подвергся нападению двух вражеских солдат и офицера. Пятак бросился на помощь. В момент, когда гитлеровский офицер прицеливался в командира. Пятак закрыл

его своей грудью. Пуля врага пробила сердце Ивана Пятака и его комсомольский билет № 12780829.

Из политдонесения политотдела 302-й стрелковой дивизии от 25 июля 1944 г.

Стояли насмерть

Батарея старшего лейтенанта Щербакова 22-й самоходно-артиллерийской бригады в районе села Княже отражала атаки превосходящего силами противника. «Стоять насмерть!» — таков был приказ комбата. Батарейцы били по танкам, коннице, пехоте врага. В итоге ожесточенного боя уничтожили 6 немецких танков.

Коммунист младший лейтенант Крупский своим орудием бил по контратакующему противнику прямой наводкой. Экипаж расстрелял несколько сот гитлеровцев, более 250 сдались в плен.

Из политдонесения политотдела 22-й самоходно-артиллерийской бригады от 21 июля 1944 г.

Засада на дереве

Окраина села Обертасив… Комсомолец снайпер Мякинников, забравшись на дерево, метким огнем стал выводить из строя экипажи вражеских танков и самоходных орудий.

Противник, обнаружив Мякинникова, принялся из самоходки обстреливать сад. Отважный снайпер не растерялся, не слез с дерева, а продолжал стрельбу.

В этом бою снайпер Мякинников уничтожил девять гитлеровцев.

Из политдонесения политотдела 246-й стрелковой дивизии от 21 июля 1944 г.

А. С. Силаков, сержант запаса
СИНИЙ ПЛАТОЧЕК

Г. М. Головин

На столе в светлой комнате — четыре гипсовых скульптурки. В этих статуэтках, сделанных в часы досуга, хозяин дома Григорий Максимович Головин изобразил своих фронтовых друзей.

Среди четверки боевых побратимов Головина — командир огневого взвода артиллерийской батареи Гайдаш. Это он во время яростной контратаки гитлеровцев южнее города Броды подбил два «тигра». В одном из подбитых танков, видимо от детонации, взорвались снаряды, сорвало башню, и сильный огненный смерч на мгновенье ослепил всех батарейцев яркими багровыми вспышками. Вокруг бушевало море огня, стоял дым и неимоверный грохот. Падали убитые и раненые у орудий. Вражеский снаряд разорвался вблизи КП дивизиона, осколком ранило командира. А он, Головин, замполит дивизиона, отрывисто подавал команду: «Справа танки! Пятая батарея… огонь!»

— Давно это было, а все как будто сейчас вижу… Как движутся танки, как бьют орудия… — рассказывает Григорий Максимович.

Звания Героя Советского Союза Г. М. Головин был удостоен до того, как пришел сражаться с врагом на западные земли Украины. Золотая Звезда украсила его грудь после смелой и дерзкой переправы через Днепр.

С этой высокой наградой Григорий Максимович со своими храбрецами-артиллеристами шел в бой летом сорок четвертого

года на рава-русском направлении. Он говорит, что эти бои почему-то особенно ярко врезались в память. И не только ожесточенностью схваток…

В один из июльских дней, когда артиллеристы готовились к наступлению на оборону противника, старший лейтенант Головин по телефону услышал необычное сообщение: «Встречайте гостей-девушек!».

Вскоре к расположению дивизиона подкатил грузовик. С кузова соскочили шесть одетых в легкие летние наряды девчат.

— Наши шефы — киевлянки, — сказал сопровождающий их офицер. — Познакомьте девушек с жизнью передовой.

Командир был в штабе бригады, и замполит взял на себя прием гостей. Он проводил их на батарею. Веселая, бойкая комсомолка Зина от имени делегации и всех киевлян благодарила воинов, освобождавших Киев, другие города и села Украины. Сообщила бойцам, что уже начал работать знаменитый «Арсенал», восстанавливается разрушенный гитлеровцами Крещатик. Она рассказывала, как труженики предприятий Киева все силы отдают для фронта.

Выступали другие комсомолки, передовые работницы заводов и фабрик. Передавали фронтовикам приветы и добрые пожелания киевлян.

Эти слова доходили до сердца каждого, согревали душу бойцов.

Гости преподнесли воинам скромные, но дорогие для них подарки. Кому вручили кисет, кому папиросы, конфеты… А старшему лейтенанту Головину Зина повязала необыкновенной легкости синий платочек.

Рассматривали девушки грозные орудия, снаряды, приговаривали:

— Вот это пушки!

— Каждый снаряд больше пуда весит, — пояснил высокий ефрейтор. — Как забросим фрицам — сразу десяток одним давится.

Не стихали разговоры, шутки… С волнением всматривались воины в лица девушек, словно угадывали среди них кто жену, кто невесту, а кто — ту, которую хотел бы назвать своей любимой.

Тепло прощались артиллеристы с шефами.

— Спасибо за добрые пожелания, за подарки, — благодарил замполит Головин. — За синий платочек…

Расстались. Девушкам дорога к Днепру, к Киеву, воинам — к Западному Бугу, навстречу новым боям.

А бои начались спустя несколько дней. Бойцы 17-й артиллерийской дивизии пошли вслед за пехотой и танками на

прорыв, И вскоре громили гитлеровцев, зажатых в бродовском котле.

Враг ожесточенно сопротивлялся. Шквал огня бушевал со всех сторон, и казалось, что батареи находятся на огненном острове. Это упорство противника еще больше поднимало благородную ярость наших бойцов. Расчеты гаубиц, сопровождая пехоту по мере ее продвижения вперед, сошлись с фашистской батареей так близко, что вместо снарядов пустили в ход гранаты и автоматы.

— Правильно, Суровец, бей их, окаянных! — похвалил Головин командира расчета, который первым пошел врукопашную.

Где напряженнее обстановка, где выше накал боя — там замполит дивизиона коммунист Головин. В сплошном грохоте боя Головину не приходилось много говорить. Главное он сказал бойцам накануне: «Идут решающие бои за освобождение родной земли. Будем же драться мужественно и бесстрашно. Страх — плохой советчик бойца. Страх укорачивает жизнь фронтовика. И только бесстрашие, как невидимая сила, спасает нас там, где, кажется, нет надежды на спасение. Помните об этом друзья…»

И сейчас, в жестоком бою, сам поступал так, как призывал действовать других, показывая воинам личный пример храбрости и отваги.

Слышны были его краткие вдохновляющие призывы: «А ну, братцы, веселее!», «Не нас бьет враг, а мы бьем врага!», «Наша возьмет!»

Тучи пыли стояли над батареей. И в этом грохочущем аду Головин увидел вблизи орудия вспыхнувший костер. Упал зажигательный снаряд. Взметнулся огромный фонтан пламени, которое угрожало штабелю боеприпасов.

— Погасить огонь! Лопаты в руки! — крикнул Головин и первый побежал к опасному костру.

Лопатой бросал землю на огонь, потом с тремя бойцами схватили большой брезент и стали набрасывать его на костер. Но в этот момент воспламенилась гимнастерка Головина.

Командир расчета увидел страшную картину: горит человек. Сержант шагнул, чтобы помочь Головину, но замполит остановил его:

— Суровцев — назад! Снаряды спасай!

Ведь верно: не спасет он старшего лейтенанта, если взорвутся боеприпасы.

Головин быстро снял гимнастерку вместе с рубахой и планшеткой и отшвырнул в сторону.

— Планшетки жаль, — промолвил Головин, но броситься за

ней не мог — надо было гасить тлеющие брюки.

Пламя под брезентом унималось. И Суровцев побежал за планшеткой. Он, как и все бойцы, знал, что там, кроме блокнота, свежих газет, лежал подарок девушек — синий платочек.

Суровцев выхватил планшетку из огня. Она разваливалась на части. Прожженный в двух местах платочек сверкнул яркой синевой. Сержант поднял его над головой.

И развевался на ветру синий платочек, как знамя, призывая каждого бойца еще крепче бить врага.

Из-за укрытий вынырнули немецкие танки. Они с отчаяньем обреченных стремились пробиться сквозь кольцо окружения. Каждая гаубица била по этим стальным чудовищам прямой наводкой с безупречной точностью. Бронированные машины останавливались с разорванными гусеницами, побитыми боками, некоторые поворачивали назад. И тогда вслед им несся шквал смертельного огня…

— Да, то был грозный говор орудий, — вспоминает Герой Советского Союза Григорий Максимович Головин. — Слышали залпы наших пушек Львов, Перемышль, Сан, Висла и Одер…

…Живет Григорий Максимович в городе Пушкине. Летом здесь все утопает в зелени, цветах. Быть может, красота природы и вдохновила Григория Максимовича — он взялся за кисть. В той комнате, где стоят статуэтки, висят его картины. На них — вековые деревья, цветы, белогривое море… В разноцветье красок на полотне вкладывает самодеятельный художник любовь к городу, природе.

Но есть здесь и картины, на которых изображены орудия, рвущиеся снаряды. Они нарисованы Григорием Максимовичем в память о былых боях.

В. Л. Березовский, майор запаса
ПРЯМОЙ НАВОДКОЙ

Н. Ф. Сорокин и А. А. Кордюк

Артиллерист Николай Сорокин получил боевое крещение на Волховском фронте. Участвовал в боях на Курской дуге. Там он открыл личный счет уничтоженным вражеским танкам. Затем — Днепр, Киев, Житомир…

Были минуты, когда он смотрел смерти в глаза. Тогда Николай вспоминал слова отца, участника гражданской войны, штурмовавшего укрепления на Сиваше в 1920 году. Провожая сына в армию, Федор Иванович говорил: «Будь смелым и мужественным солдатом…»

Вспомнилось Николаю Сорокину напутствие отца и когда летом 1944 года он сражался с гитлеровцами за освобождение Львовщины.

В ночь с 16 на 17 июля 37-я легко-артиллерийская бригада, которой командовал полковник А. Кордюк, выдвигалась на новые огневые позиции.

По раскисшему от дождей полю тягачи тащили пушки на указанный рубеж — высотку, перед которой лежала ровная местность.

Установил свое орудие и сержант Сорокин.

Как ни маскировали позиции артиллеристы, орудийные щиты издали вырисовывались темными пятнами на зеленом фоне. Сорокин снял щит с орудия и еще раз проверил маскировку. Наступала ночь. Внезапно заболевшего солдата сержант отправил в тыл. В расчете осталось двое. «Ничего, дадут пополнение», — сам себя успокаивал Сорокин.

Не успели вздремнуть — уже светает.

«А может, постоим здесь без дела, да и на новую огневую?» — подумал сержант. Он не знал еще того, что их батарея встала на танкоопасное направление. По узкому, пробитому в обороне противника коридору входят в прорыв наши части, устремляясь вперед. А немецкое командование из района Плугова, Ивачева готовило удар, чтобы любой ценой перерезать эту дорогу и тем самым сорвать наступление.

Едва над полем начал рассеиваться утренний туман, Сорокин услышал возглас:

— Танки!

Бронированные машины двигались с правого фланга боевого порядка батареи. Это были «тигры». Грозно урча моторами, ощупывая жерлами пушек лежащее перед ними поле, они ползли на позиции наших артиллеристов.

У орудия — трое: сержант с бойцом да случайно оказавшийся рядом орудийный мастер старшина Петр Новиков.

— К бою! — скомандовал Сорокин.

Несколько десятков железных чудовищ, стреляя на ходу, подходили все ближе и ближе. Соседние орудия уже вели огонь. Зарядив пушку, Сорокин сам занял место наводчика. Еще он не выстрелил, как впереди грохнул взрыв. Пушка Александра Ходцева повреждена. И туда побежал орудийный мастер Новиков.

— Справимся и вдвоем, — сказал Сорокин.

Сержант словно сросся с орудием. «Спокойно цельсь, — говорил сам себе. — Ведь бил же ты под Тернополем этих треклятых «тигров»… Так… Точней…» — Нажал на спуск. Орудие от выстрела содрогнулось. Танк остановился и задымил. Но за ним двигался второй, третий, четвертый…

На поле плясали огненно-серые разрывы. Неподалеку ухнул снаряд. Осколки осыпали орудия. Сорокина не задело. А заряжающий тут же скончался от тяжелой раны. «Теперь ты один, Николай, крепись, Сорокин», — шептали пересохшие губы сержанта. Он быстро зарядил орудие. И вдруг понял, что подъемный механизм заклинило.

В прицеле очередной танк. Но что это? «Тигр» приостановился и начал разворачиваться в его сторону. «Неужели заметил? — мелькнула в голове мысль. — Скорее!» — И снова грянул выстрел. Сержант оторвался от прицела и посмотрел на поле. Буквально в двухстах метрах от его позиции «тигр» замер с продырявленным боком.

Другой вырвавшийся вперед танк шел на правофланговое орудие батареи. Сорокин выстрелил в борт фашистской машины. Но «тигр» продолжал двигаться, ведя непрерывный пулеметный

огонь.

«Неужели промазал? — прошептал Николай. — Не может этого быть!» — Он схватил последний снаряд, зарядил, повел стволом пушки за танком. «Так, так… — приговаривал Николай. — Перекрестие вперед! Чуть выше катка… Ну вот тебе и крышка!» — и он нажал на спуск. Увидел, как «тигр» развернулся на 180 градусов и застыл. Из люка начали выскакивать фашисты.

Сержант Сорокин схватил автомат и начал стрелять короткими очередями.

Батарея, которой командовал лейтенант Николай Филипцов, преградив путь фашистским танкам, понесла большие потери. Ранены лейтенант Н. Селезнев, командиры орудий Бугров и Капранов, пал смертью героя наводчик Деришев… Но те, кто оставался в строю, продолжали трудный бой с танками и пехотой врага.

Фашистские танки пятились назад, чтобы через некоторое время снова двинуться в атаку.

Смеркалось… Бой затихал. У Николая кончались снаряды. Перед фронтом батареи пылало восемь «тигров» и один «фердинандж. Прибежал к Сорокину Петр Новиков.

— Жив! — радостно крикнул он сержанту. — На кого похож, гляди, — подал маленькое зеркальце.

Тот не сразу узнал себя. В кровоподтеках и копоти лицо, красные воспаленные глаза. В ушах стоял невообразимый шум, заглушавший голоса людей.

А Новиков восхищенно смотрел на дымящиеся танки и кричал ему в ухо: «Раз, два, три, четыре!.. Все твои?!»

Николай устало посмотрел на притихшее поле боя и, насчитав девять горящих машин, ответил:

— Не знаю, Петя. Стрелял вроде точно. Какая разница — чьи? Дрались все. Ты тоже не сидел сложа руки. — И шутя провел пальцами по щекам друга, оставив черные полосы копоти. — Во какой красавец!

Орудие откатили в овраг. Петр Новиков сразу же начал «колдовать», забравшись под пушку.

— Завтра с утра, наверное, снова полезут. Исправишь? — спросил Сорокин.

— Будет сделано.

На следующее утро фашисты, сосредоточив более двадцати танков с пехотой, снова ринулись на позиции артиллеристов.

Батарея приняла на себя танковый таран. У орудий оставалось по два человека, остальные брали в руки пулеметы и автоматы и, заняв оборону, вели плотный огонь по пехоте.

Вместе с ними в боевом строю батареи дрался Николай

Сорокин, прибавивший за вчерашний день к личному счету четыре уничтоженных немецких «тигра».

…Каждое утро из дома № 4 по Красносельской улице в Калининграде выходит человек с приветливой, доброй улыбкой. Здесь, где живут многие работники второго целлюлозно-бумажного комбината, его знают хорошо. Да и как не знать своего начальника отдела кадров, активного общественника. Ветеран войны, отзывчивый товарищ, Николай Федорович Сорокин пользуется у всех заслуженным уважением и авторитетом.

…В 1971 году во Львове проходила военно-историческая конференция, на которую с разных концов страны съехались участники боев по окружению и разгрому гитлеровцев в бродовском котле. Вот тогда впервые после войны встретились старшина запаса Н. Ф. Сорокин, приехавший с берегов Балтийского моря, и полковник в отставке А. А. Кордюк, прибывший из Харькова. Радостной была встреча двух однополчан. Они побывали на месте боев близ Западного Буга, где, сдерживая натиск вражеских танков, стояли насмерть. Было о чем вспомнить ветеранам…

ОБ ЭТОМ ПИСАЛИ КРАСНОАРМЕЙСКИЕ ГАЗЕТЫ

Массированные удары штурмовиков

С командного пункта наземных войск сообщили на аэродром, что противник недалеко от переднего края сосредоточил большую танковую группировку для контратаки.

— Сорвать контратаку. Разгромить немецкие танки! — приказал командир.

Штурмовики без промедления поднялись в воздух. В течение дня они нанесли ряд эффективных массированных ударов по танковой группировке противника. Успешно выполнили боевое задание группы, ведомые летчиками Шепельским, Герасимовым, Жуком. Они сбросили бомбы точно по цели.

Летчик Герасимов во время выполнения боевого задания обнаружил в роще вражеский склад с горючим и большое скопление бронетранспортеров. Он дал команду ведомым атаковать склад. Только сбросили бомбы, как в лесу раздался сильный взрыв. Внизу бушевал большой пожар, огромные столбы дыма поднялись вверх,

Славные штурмовики беспощадно бьют врага. Вечером они получили телеграмму, в которой наземное командование сообщало: «Благодаря вашим эффективным ударам с воздуха контратака немцев была сорвана».

За несколько вылетов штурмовики уничтожили свыше 90 немецких танков и бронетранспортеров.

Майор И. КОШЕЛЕВ.

Из газеты 2-й воздушной армии «Крылья победы» от 21 июля 1944 г.

В боевых порядках пехоты

Мы наступали. Наше противотанковое орудие — в боевых порядках пехоты. Въезжаем в село. Налетели вражеские бомбардировщики. В это время послышались голоса бойцов:

— Справа — немецкие танки!

Я и заряжающий Павловский бросились к орудию. По косогору на дорогу выползло 12 танков. Мы вступили в бой, не успев окопать станины. К нам в профиль вышел на дорогу первый танк. Но не успел он и развернуться, как под основание башни врезался наш снаряд. Башню заклинило. Еще один снаряд

врезался в ходовую часть. Танк замер.

Сползает второй. Осколок вражеского снаряда отбил у пушки стопор и повредил станину, на которой я сидел у прицела. А тут снова налет «мессеров».

— Либо погибнуть, — говорю Павловскому, — либо победить!

Под визг и разрывы вражеских бомб бьем по второму танку. Покончили и с этой гадиной.

Фашистские танки начали отход. Те, которые проскользнули через дорогу, шли теперь прямо на нас. Мы оттянули свою пушку выше, и опять — огонь.

Так в одном бою при весьма трудных условиях мы уничтожили три гитлеровских танка и осколочными снарядами рассеяли и обратили в бегство сопровождающую их пехоту.

Старший сержант П. Коваленко.

Из газеты 100-й стрелковой дивизии от 18 июля 1944 г.

Г. Г. Кузовкин, подполковник запаса
ВЫСОКОЕ БЛАГОРОДСТВО

Дорога, которая ведет от окраины Львова на юго-восток, пролегает по высоким холмам и долинам. И автомашина все время делает резкие подъемы и спуски, словно лодка на крутых волнах. Миновали одно селение, другое, третье… Они все лежат в низине, защищенные от ветров и бурь лесистыми холмами.

А когда проехали километров тридцать, показалось местечко Свирж, раскинувшееся на высоком правом берегу речки.

Свирж… Маленькое местечко, затерявшееся среди лесов. А слава у него звонкая. О высоком благородстве жителей Свиржа в период боев с гитлеровскими захватчиками говорится в «Истории Великой Отечественной войны».

…Был ясный летний день, когда мы прибыли в Свирж. Неширокие улочки, одноэтажные белые домики. На их фоне уныло и хмуро выглядит стоящий на отшибе старый замок с массивными стенами, бойницами. Вокруг замка — вековые деревья, а дальше — зубчатая стена соснового леса.

Мы подъехали к конторе колхоза имени 40-летия Октября. Первым, кто нам здесь встретился, был колхозный бригадир Леон Иванович Палько. Он — фронтовик, сражался с гитлеровцами в Карпатах, затем на венгерской земле. Потом знакомимся еще с одним фронтовиком. Это кладовщик Иосиф Михайлович Демкович, кавалер ордена Славы III степени.

— Помнят ли у вас о том, как в июле сорок четвертого года здесь, в Свирже, местные жители спасли жизнь многим советским воинам? — спрашиваем у своих собеседников.

— А как же, конечно, помнят, — ответил Палько. — Хотя и давно это было, но об этом знают все.

— Недалеко отсюда живут Прокофий Иванович Дацко и его дочь Ядвига, — говорит Демкович. — Они многое могут рассказать.

Завернули мы к домику, где проживает Ядвига Прокофьевна со своей семьей. Тут был и ее отец Прокофий Иванович. Он живет в другом доме, но часто наведывается к дочке. Многое, как сказал он, выветрилось у него из памяти, а вот то, что происходило в войну, хорошо помнит.

В один из июльских дней сорок четвертого года прогремели бои за околицей. Проносились в небе самолеты. И под этот грохочущий гул, свист, вой, отогнав гитлеровцев, в местечко вступили воины Красной Армии.

— Наши! Наши! — радовались местные жители. Выносили советским бойцам яблоки, молоко, ягоды.

В местечко завезли около 70 раненых бойцов и командиров. Разместили их в бывшем графском замке. Женщины принесли белье, простыни. Организовали уход за ранеными…

Но жители не знали тогда, как развертывались боевые события. А было так. Свирж освободили воины 6-го механизированного корпуса. Немцы, откатываясь дальше, на запад, перед фронтом наступающих войск, проникли в тылы 6-го механизированного корпуса и временно вновь захватили Свирж.

В местечке люди ахнули: снова гитлеровцы, снова начнутся грабежи, насилие, убийства. Все переживали за раненых бойцов. Ворвутся в замок фашисты — не избежать кровавой трагедии.

Раненых сразу же переместили в подвал и другие потайные места здания. А ночью местные жители забрали бойцов по домам и спрятали кто как мог.

— Я тоже принес домой одного, — вспоминает Прокофий Иванович. — Танкист. Рана на ране, еле дышит. Переодели его в чистую одежду, уложили в постель прямо в квартире. Знали: нагрянут фашисты — не помилуют, расстреляют и танкиста, и нас. Но желание спасти советского воина было сильнее. К счастью, обошлось благополучно… Расскажи, Ядвига, как ты выдержала бой с нагрянувшими в дом фашистами.

Женщина вздохнула. Нелегко вспоминать трудное военное время.

— Лежит раненый в постели, хлопочем возле него, — рассказывает Ядвига. — И вдруг вваливаются два фашиста: «Кто это есть? Русский солдат? Большевик?» — Один гитлеровец вытаскивает пистолет, второй начинает срывать одеяло с больного. Я встала возле него, расставила руки: «Это мой муж! Не дам! Убейте меня, а его не отдам! Больной он тифом!» — Плачу. А ко мне жмется пятилетняя дочурка и тоже — в слезы: «Не трогайте моего татка!» — кричит.

— И я все время твержу, что это муж дочери, — дополняет сказанное Ядвигой Прокофий Иванович. — Господами фрицев называю, кланяюсь им, лишь бы отцепились. А они не верят, хоть кол на голове теши… Но, наконец, отошли от кровати. Один из них, видно старший по званию, говорит: «Пойдем проверим, чей это муж, а завтра вернемся сюда. Если обман — всех к стенке. Понятно?»

Всю ночь семья не спала. Как быть? Что предпринять? Немцы придут вновь — тогда добра не жди. Решили спрятать раненого в сарае.

В куче сена Ядвига вырыла углубление, принесла постельное

белье. Сюда и поместили воина.

На следующий день пришли в дом те же гитлеровцы: «Где русский? Где большевик?» — А Ядвига в слезы: «Ваши забрали. Час назад приходили, увели…» — плачет, слезами заливается. Но не такие фашисты, чтобы поверить на слово. Стали искать. Обшарили кладовую, чердак. Переволновались мы.

Но обошлось благополучно. Как раз сарай выпал из поля зрения гитлеровцев. Они ушли ни с чем. Жизнь советского воина спасена!

Через несколько дней вновь вступили в Свирж советские части. Всех раненых увезли в госпиталь. Был отправлен и танкист, которого лечила и спасла от лап фашистов семья Дацко.

Вскоре жителям местечка Свирж за оказание помощи в размещении и уходе за ранеными, за спасение их от расправы немецко-фашистских захватчиков в приказе войскам 38-й армии 1-го Украинского фронта была объявлена благодарность.

— А кто же он, спасенный вами воин? — интересуемся у Ядвиги и Прокофия Ивановича.

— Знаем своего уральца, — отвечает Ядвига. — Частенько пишет нам. А однажды навестил.

Несколько лет назад в Свирж приехал уже немолодой, среднего роста человек. Он проделал большой путь — от села Усть-Кишерти Пермской области до Львова. Выйдя из автобуса Львов — Свирж, он сразу направился к старому замку. Это был П. И. Ташкинов, бывший командир танкового взвода 6-го механизированного корпуса.

Затем ветеран отыскал домик Дацко. Радостной и волнующей была встреча фронтовика с людьми, которым обязан своей жизнью.

— Узнаете меня, дорогие мои? — голос Ташкинова дрожал от волнения. — Я вас никогда не забывал. Вы спасли меня от верной гибели в сорок четвертом году.

Больше недели гостил уралец в Свирже. Побывал на колхозной ферме, в саду, на пасеке. Уезжал он с горячими чувствами благодарности к своим украинским братьям.

…В Свирже мы встретили еще нескольких местных жителей, которые в июле сорок четвертого года спасали советских воинов. Бартош Тур и Текля Черняк в те дни, когда гитлеровцы ворвались в местечко, укрыли шестерых раненых.

— Тогда мы не думали о грозившей нам опасности, — говорит Черняк. — Все наши мысли были об одном: защитников Родины, проливавших кровь за наше освобождение, любой ценой надо спасти.

…Обо всем этом мы узнали в один из летних дней, побывав в

небольшом тихом местечке Свирж, люди которого в дни военной бури проявили высокое благородство.

А. Г. Любарский, старшина запаса
ПУТЬ СВОБОДЕН

В. И. Буслаев

П. М. Щусь

Изрытое снарядами и минами кочковатое поле. Между воронок, прижимаясь к земле, по-пластунски ползут двое, одетые в маскхалаты. Они прислушиваются к доносящимся издали раскатам орудий, треску пулеметов. А когда снаряд разорвался вблизи, один из них, выдвинувшись чуть вперед, посмотрел на отставшего и промолвил:

— Голову пригибайте, товарищ лейтенант.

У лейтенанта из-под пилотки выбивались длинные золотистые волосы. Это была молоденькая женщина-офицер, недавно прибывшая в полк. «И куда она рвется? — думал сопровождавший ее боец. Сказано ясно — батарея на «нейтралке», считай, в тылу противника, а она: «Ничего, пройти нельзя —

проползем…»

И вот пробираются сейчас по нейтральной полосе. Невдалеке прошумела мина.

— К воронке отползай! — это уже командует лейтенант бойцу. — Да побыстрей двигайся!

Боец, извиваясь как уж, подполз к снарядной воронке, втиснулся в нее. «Ну и баба, — подумал он. — Наверное, все фронты исходила…»

Наконец добрались до батареи. Встретил старшина.

— Лейтенант Булавенко, работник штаба полка! — представилась гостья. И тут же пояснила, что в полку она новенькая, поэтому ее мало кто знает. Ей нужен комбат. Но комбат Буслаев как раз находился на наблюдательном пункте.

— Обождите малость, — сказал старшина, предложив гостье зайти в землянку.

Одолевала усталость, и не заметила, как вздремнула. «В это пекло пришла? Видать, храбрая…» — услышала она сквозь сон мужской бас, такой знакомый, родной.

— Здравия желаю, товарищ комбат!

Буслаев так и застыл на месте, не веря своим глазам. Перед ним — жена. А ему сообщили, что она погибла.

— Дина! Диночка! — воскликнул он. — Откуда ты? И как ты сюда попала? — Они крепко обнялись, поцеловались. — А где наши дети? Ведь я ничего не знаю с тех пор, как распрощался с вами во Львове в сорок первом.

— Живы! — радостно ответила Дина. — А теперь о главном: командир полка приказал батарее ночью сняться с огневой позиции и идти на Золочев. Вот здесь маршрут! — вынула она карту.

В этот момент наблюдатель громко доложил:

— На нас движутся фашистские танки!

Буслаев взглянул на жену, будто извиняясь за прерванный разговор, и побежал вверх по ступенькам. Приложил к глазам бинокль. Из-за холмиков, местами покрытых кустарником, появлялись бронированные машины, за ними темнели цепи автоматчиков.

— Приготовиться к отражению атаки! — прозвучала властная команда Буслаева.

Одетые в броню черные чудовища приближались. Но они шли не прямо на батарею, а справа от нее. Туда, ближе к дороге, Буслаев послал два расчета противотанковых ружей. Станковый пулемет поставили на запасной огневой позиции между батареей и большаком.

Когда противник оказался на расстоянии шестисот метров,

комбат приказал открыть огонь. Удары артиллеристов приходились по бортам фашистских танков и самоходок. Выстрелами в борт расчет сержанта Нечаева подбил тяжелый танк, а затем поджег самоходку «фердинанд».

Танки, развернувшись, открыли огонь по позициям артиллеристов. Снаряды падали вокруг батареи, окутывая ее тучами пыли и дыма. Лейтенант Булавенко тоже находилась на линии огня: присоединившись к орудийному расчету, где не хватало бойцов, подносила снаряды. «Вот так встреча…» — думала она, поглядывая на Владимира, который, оценивая быстро меняющуюся обстановку, управлял боем.

Некоторые вражеские машины ринулись прямо по большаку, но здесь попали под огонь противотанковых ружей. Безуспешны были попытки трех танков прорваться к батарее. С близкой дистанции их навсегда остановил меткий огонь расчета сержанта Бородавкина.

А когда сумерки густой пеленой окутали землю, бойцы переводили орудия в походное положение. Двигаясь в боевом порядке полка, которым командовал майор Шуруй, вторая батарея Буслаева вырвалась вперед. Основные силы полка задержались, отражая вражеские контратаки.

— Была бы с нами вторая батарея — скорее добились бы здесь успеха, — заметил начальник штаба в разгар завязавшегося боя.

— Справимся и без второй, — рассудительно сказал майор Шуруй, всегда поддерживающий смелую инициативу. — Пусть вперед продвигается Буслаев. Это очень важно.

Буслаевцы удалились уже километров на десять. Радист второй батареи ефрейтор Бублик передавал в полк:

— Мы в Золочеве. Ведем бой.

А схватка была жаркая. В районе церкви, стоявшей на окраине города, у гитлеровцев оказался опорный пункт. Тут у них и танки, и орудия. Из пулемета, установленного на колокольне, фашисты били по перекрестку дорог. С высоты летели свинцовые очереди.

Буслаев с иронией промолвил:

— Божий храм превратился в пристанище фашистов. Надо выкурить их из святого гнездышка.

Комбат приказал выкатить орудие, чтобы ударить прямой наводкой по колокольне.

«С первого выстрела нужно снять», — решил он и сам приник к прицелу. Посланный снаряд сделал свое. И у окопавшихся вокруг церкви гитлеровцев сразу поубавилось прежней спеси. Среди них произошло какое-то замешательство. Этим

воспользовались наши батарейцы. Все орудия, расчеты противотанковых ружей, пулеметы моментально обрушили удар по огневым точкам врага.

— Путь свободен! — передавал Буслаев в штаб полка после разгрома вражеского опорного пункта.

Ведя непрерывные бои, шли вперед артиллеристы. В авангарде по-прежнему находилась вторая батарея. Проселочными дорогами, а иногда прямо по полям шли тягачи, буксируя орудия. На одном из участков маршрута разведчик, расторопный и отважный донбассовец Павел Щусь предупредил:

— Стой! Мины!

И дорога, и большие участки поля справа и слева были сплошь покрыты противотанковыми минами. Чтобы сделать проход для машин, саперам потребовалось бы немало времени. А тут каждая минута дорога. Осматривая поле, Буслаев увидел, что минные ряды тянутся по маршруту движения батареи. Если направить колеса машин между рядами, то препятствие можно преодолеть. Эта мысль осенила комбата. Он приказал всем идти за первым тягачом строго по первой колее, ни на сантиметр не сворачивая в сторону.

Буслаев сел за руль. Машина покатилась по минному полю. Хотя все знали, что комбат предусмотрительный, осторожный, все же многих прошибал холодный пот. А вдруг какую-то мину заденут колеса и произойдет взрыв? Буслаев крепко держал баранку тягача, зорко вглядываясь в начиненное взрывчаткой поле. Ряды мин пролегали по далеко не идеальной прямой. Руль приходилось поворачивать то вправо, то влево. Маневрируя и напрягаясь, словно канатоходец, ловко управлял Буслаев машиной, буксирующей орудие.

После того как тягач, которым управлял комбат, прошел метров сорок, за ним повел машину лейтенант Курсилев. Он направлял ее точно по первой проложенной колее. Затем прошли третий, четвертый тягачи с буксируемыми орудиями.

Все с облегчением вздохнули, когда батарея очутилась на другой стороне минного заграждения. Остановив машину, Буслаев вытер вспотевший лоб, передал солдату-водителю руль.

— Это для меня хороший урок, — сказал боец. — Спасибо, товарищ гвардии старший лейтенант, за науку.

— Век живи, век учись, — улыбнулся Буслаев. — Это и для меня экзамен. Впервые ведь вел машину по такой дороге.

А вскоре артиллеристы вступили в бой за Перемышляны. Особенно ожесточилась схватка, когда противник подтянул сюда более тридцати танков и самоходок.

Танки рассредоточились, укрывшись в садах, огородах, за

опустевшими окраинными домиками городка. Так, маскируясь, бронированные машины огнем поддерживали свои оборонявшиеся подразделения.

Перед фронтом второй батареи в двадцати метрах от позиций противника, на бугре, находился полуразрушенный блиндаж, откуда хорошо обозревалась местность.

— Удобное место для артиллерийского разведчика, — сказал Буслаев, обратив внимание на блиндаж.

— Сейчас я там буду! — заявил Павел Щусь.

— Отправляйтесь вместе с Киселевым, — распорядился комбат.

Щусь и Киселев, таща за собой кабель для телефонной связи, подобрались к блиндажу, замаскировались и стали наблюдать за противником.

— Ориентир три, домик с отдельным деревом — «тигр»! — передал Щусь на командный пункт батареи. Грянули выстрелы. Другие расчеты били по целям, которые указали разведчики, находившиеся на нейтральной полосе.

— Молодцы! — похвалил их Буслаев после того, как были подбиты два «тигра» и «фердинанд».

Бой с танками принимал все более ожесточенный характер. По вспаханному снарядами полю в обход правого фланга устремилось несколько «пантер». Два танка были подожжены. Их экипажи поспешно выскочили из машин и пустились наутек. Остановилась и третья прорвавшаяся «пантера». Из нее также вылезли гитлеровцы, намереваясь удирать. Но это им не удалось. Буслаев заинтересовался брошенным танком, от которого доносился шум мотора.

Приблизившись к «пантере», Буслаев постучал камнем по борту машины. В ней не оказалось никого. Владимир был знаком с танковой техникой. Быстро вскочив в машину, он включил скорость, дал газ и повел «пантеру». Как хотелось комбату направить этот танк в атаку на врага, но нужно было управлять боем.

Буслаев поставил «пантеру» на удобной для стрельбы позиции возле блиндажа, где находились разведчики, и стал посылать снаряды по фашистам.

Противник, терявший танк за танком, уменьшил огонь. Увидев, что «пантера» стреляет по своим, гитлеровцы решили уничтожить ее. Вокруг танка заплясали взрывы. Но Буслаев и так уже успел расстрелять небольшой запас боеприпасов. Он выскочил из машины и бросил гранату в бак с горючим. Над «пантерой» поднялся густой дым.

Огневая дуэль продолжалась. Вражеский снаряд упал в

блиндаж, где находились разведчики. Два бойца, посланные Буслаевым, побежали туда. К блиндажу поспешил военфельдшер Николай Обрубов. Разведчиков на поверхности не оказалось.

— Разгребай, хлопцы, землю над накатом! — приказал Обрубов бойцам. — Разведчики там засыпаны!

Вскоре вытащили из-под бревен наката Павла Щуся и Володю Киселева. Оба были контужены. Военфельдшер направлял разведчиков в санбат. Но уходить с передовой бойцы наотрез отказались.

Повреждено одно орудие. Около десяти артиллеристов ранены. Положение трудное. А тут еще откуда ни возьмись из-за укрытия повалили в сторону батареи цепи вражеского десанта. Буслаев не растерялся.

— Осколочными! — скомандовал он огневым расчетам.

Противник был отброшен.

Но на следующий день гитлеровцы вновь начали наступление на позиции артиллеристов с другого направления, и бой разгорелся с новой силой. Вот что говорилось о боевых действиях батареи в оперативной сводке штаба бригады: «23 июля 1944 года немцы вновь предприняли в районе Перемышлян контратаку. Вторая батарея гвардии старшего лейтенанта Буслаева и третья батарея лейтенанта Косарева 330-го полка открыли огонь по противнику. Фашисты вынуждены были отступить. Артогнем уничтожено 7 бронетранспортеров, 2 автомашины, 150 гитлеровцев, 28 фашистов взято в плен».

В боевой летописи 9-й гвардейской отдельной истребительно-противотанковой бригады записано много славных имен солдат и офицеров, проявивших отвагу и мужество в боях. И среди них — имя Владимира Ивановича Буслаева. В сорок четвертом после боев за Золочев и Перемышляны грудь его украсил орден Красного Знамени.

Вместе прошли фронтовыми дорогами до Берлина Владимир Буслаев и его боевая подруга, отважная разведчица — Дина Булавенко. Когда отгремели бои, супруги продолжали службу в армии. После увольнения в запас они остались жить в полюбившемся им Львове.

В домик на утопающей в зелени улице Энгельса, где проживает семья Буслаевых, часто приходят письма от ветеранов 9-й гвардейской. Пишет бывший комбриг, Герой Советского Союза Александр Карозин из Москвы. Присылает весточки Сергей Курсилев из Домодедова Московской области.

А разведчик Павел Щусь — рабочий-маляр Львовского завода кинескопов — частый гость в доме Буслаевых.

И. И. Горяев, майор запаса
ЗЕНИТЧИКИ

Ф. В. Лукашев и И. И. Горяев

С изъезженной дороги, превратившейся в серое сплошное месиво, мы свернули на зеленый ковер поля. После дурманящих паров бензина в нескончаемом потоке машин здесь повеяло нежным ароматом чабреца. Запахи родного поля будто удвоили энергию, подвижность бойцов — с поразительной быстротой орудовали они возле зенитных пушек, приводя их в боевое положение. Зенитчики всегда помнили: быстрота, сноровка — залог успеха.

Мы остановились, когда разведчик доложил о приближении немецких бомбардировщиков. Коршунами шныряя над полем развернувшегося сражения, вражеские самолеты устремлялись к раскисшим дорогам «колтовского коридора», который напоминал огромную движущуюся ленту, сотканную из танков, орудий, бронетранспортеров, автомашин. Небо было покрыто рваными облаками, что облегчало гитлеровским летчикам скрытно подходить к объекту атаки. Но зенитчики батареи — начеку. Зорок глаз и поистине чутье разведчика у ефрейтора Фабричного. По еле уловимому гулу моторов, еле заметному силуэту опознавал он вражеские самолеты и заблаговременно предупреждал об их приближении. Так было и сейчас.

Подан сигнал приготовиться к бою.

— Первое готово! — докладывает сержант Горюнов.

— Третье готово! — это голос сержанта Конона.

Командиры шести 37-мм орудий доложили о готовности расчетов.

— По самолету! — даю команду батарее, и упругие огненные трассы разрезают воздух.

— Есть один!

— Падает гад!

— Сыграл в ящик! — раздаются возгласы бойцов, как только стихает неистовый треск орудий.

«Юнкерс», шедший флагманом в группе, беспорядочно переваливаясь с крыла на крыло, падал на лежавший внизу лес. Строй бомбардировщиков рассыпался, где-то в стороне ухали сбрасываемые ими бомбы.

Батарейцы довольны. Чьи же снаряды попали в самолет? Сержант Горюнов кивнул своему наводчику Фактудинову:

— Твоя, снайперская работа!

Уроженец Татарии Фактудинов улыбается. Маленького роста, мускулистый, со смуглым, похожим на спелый орех лицом, он слыл мастером своего дела. Не успеет прильнуть к прицелу, как уже кричит: «Цель поймана!» Необыкновенной точностью глазомера и быстротой реакции отличался этот боец.

Радостные улыбки, вызванные боевым успехом, тут же погасил тревожный сигнал:

— Пикировщики!

Вынырнувшая из-за облака пара «мессершмиттов» пошла в атаку на зенитчиков. Шум и гул моторов, треск авиационных пушек, пулеметов — и все это над головой. Тут нужны крепкие нервы! Но бойцам было не впервой. Во время битвы на Курской дуге на нашу огневую много раз шли пикирующие самолеты. И сейчас навстречу пикирующим «мессерам» летит шквал снарядов. Кто кого? Не успев сбросить бомбы, первый пикировщик взорвался в воздухе.

Второй «мессер», обстреляв батарею, поспешил скрыться. Упавшие снаряды подняли султаны земли за пределами огневой.

Докладываю о проведенном бое командиру зенитно-артиллерийского полка.

— Видел, видел, — ответил довольным тоном майор Ефименко, — так и надо бить врага. Успех успехом, а бдительность не ослаблять! Зорко смотрите в небо!

«Зорко смотрите в небо», — мысленно повторил я эту фразу, которая никогда не выходила из головы. В любой момент над боевыми порядками войск могли появиться вражеские самолеты.

Зенитная стрельба — нелегкое дело. Говорят, пуд соли нужно съесть зенитчику, чтобы научиться метко поражать летящую цель. И, чтобы изучить эту арифметику, каждый час походной жизни отдается учебе, тренировкам у своего оружия.

Несколько раз меняли позиции батареи зенитного полка,

двигаясь вместе с войсками по пробитой узкой бреши в обороне противника. Близ северных окраин разрушенного и сожженного гитлеровцами Золочева зенитному полку предстояло занять огневой рубеж.

В поле, откуда рукой подать до окраинных домиков, встала 4-я батарея. Всю ночь оборудовали мы огневую. Отрыли орудийные окопы, ниши для снарядов, укрытия для личного состава. Воздух содрогался от далеко гремевших орудий. С рассветом грохот боя усилился. Особенно яростная пальба доносилась из районов Сасова, Белого Камня. Мы вели тщательное наблюдение и за наземной обстановкой. Отступая, фашисты то и дело предпринимали контратаки, особенно здесь, в районе «колтовского коридора».

К северу от батареи лежала открытая местность, но справа темнел островок леса, по условным нашим обозначениям — ориентир номер пять. Я приказал разведчикам не спускать с него глаз.

Ефрейтор Фабричный, сменивший дежурного разведчика, окидывает взглядом небосвод, внимательно смотрит по сторонам. И вот слышен его голос:

— Ориентир пять! Немцы!

Я приложил к глазам бинокль. Там действительно масса немецких солдат. Бронетранспортеры, автомашины.

— Боевая тревога!

Бойцы заняли места у орудий, пулеметов. Гитлеровцы тремя большими колоннами двинулись в нашу сторону. Другие группы фашистов устремились правее. Зенитчики полка уже завязали там бой. Стоявшая рядом батарея противотанковых пушек снялась, чтобы преградить путь группе прорвавшихся справа от нас вражеских танков.

А три колонны гитлеровцев подходят все ближе и ближе. Определяю расстояние. Пора! Даю команду открыть огонь. Каждому орудию ставлю отдельную задачу. Расчеты сержантов Горюнова и Конона ударили по бронетранспортерам. Один из них вскоре полетел кувырком. Затем остановился второй, третий. Десятками падали скошенные осколками снарядов и пулеметным огнем фашисты. Но, не считаясь с потерями, продолжали атаку.

— Вижу танк! — подал сигнал разведчик.

Из лощины выползла черная громада танка. Он шел на нашу батарею. Выпущенные им снаряды упали вблизи огневой. Два раненых бойца не покидали строя.

— Фактудинов, бей по танку!.

Сразу же после выстрела Фактудинова танк остановился, зачадив черным дымом.

Поднявшееся июльское солнце припекало все крепче и крепче. Но бою не было видно конца. С тревогой узнаю, что на исходе снаряды, кончаются патроны для пулеметов, а тут еще прервалась связь с КП полка. Ефрейтор Яковлев пополз вдоль телефонного кабеля, нашел разрыв. Отсюда он передал на свою батарею: «Связь восстановлена. Умираю…»

Когда руки бойца соединили два провода, в него угодил осколок вражеской мины.

Неожиданно группа гитлеровцев пробралась во двор окраинного домика, где находилось отделение тяги, кухня.

— Бегите туда, организуйте оборону! — приказал я старшине батареи Николаю Попову. Волевой боец, парторг батареи всегда показывал пример, выполняя свой воинский и партийный долг. И сейчас, прибежав в отделение тяги, Попов призывал бойцов:

— Бейте, хлопцы, смелее фашистов! Ничего, что их больше, мы одолеем! — и сам строчил из автомата, бросал по врагам гранаты. А затем стал гвоздить гитлеровцев прикладом. За ним с азартом пошли врукопашную шоферы Титов и Полищук. Слышно было, как звенели котелки на кухне. Оказывается, туда пробралось несколько вражеских солдат. Они выбили из рук повара автомат, повалили его на пол. Но тот, обладая недюжинной силой, вывернулся, схватил попавшийся под руку большой черпак и размозжил одному гитлеровцу голову. Второго пинком сбил с ног и прикончил ударом тяжелых кирзовых сапог. Погнался за третьим, выскочившим во двор.

Своевременно подоспел пулеметчик ефрейтор Иванов. Прорвавшиеся сюда гитлеровцы были перебиты, и только немногим удалось спастись бегством.

Две попытки фашистов проникнуть на огневую позицию батареи не удались. Но на этом они не успокоились. Мы заметили, что вдоль балки, за высокой рожью, движется бронетранспортер с пехотой. Ефрейтор Фабричный и рядовой Петров вызвались уничтожить бронетранспортер на его скрытом маршруте. Смельчаки, маскируясь в рытвинах и травах, подобрались к бронетранспортеру и забросали его гранатами.

Больше четырех часов наша батарея отражала атаки превосходящего по силам врага и выстояла. А рядом вели ожесточенный бой с пехотой и танками батареи, которыми командовали офицеры Михаил Устинов, Борис Шевченко, Федор Лукашев. Трудное испытание зенитчики выдержали с честью, не пропустив через свои боевые порядки контратакующего противника.

Еще не раз нам, зенитчикам, довелось вступать в поединки с вражескими самолетами, пехотой и танками, пока шли бои с

гитлеровцами на львовской земле.

…С тех пор прошло тридцать лет. До войны я жил в Мордовии, а уволившись в запас, избрал местом жительства Львов. Здесь уже долгое время работаю на заводе автопогрузчиков. Часто бываю в Золочеве. Как-то встретились там с приехавшим по приглашению юных следопытов бывшим командиром зенитного полка, ныне генералом Г. Е. Ефименко. Беседуя со школьниками, рассказали им о мужественном комбате Михаиле Устинове, ныне министре социального обеспечения Коми АССР, о других однополчанах. Вспомнили бои на львовском направлении в сорок четвертом. Бои, в которых мужали, закалялись наши сердца.

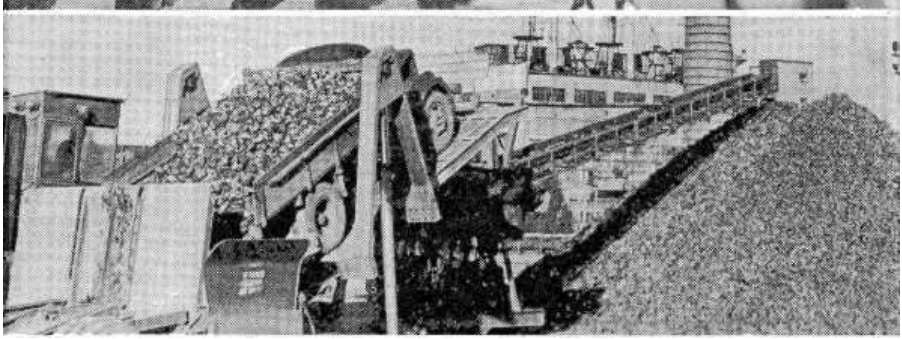
Сегодня там, где шли бои. Фотоочерк ЗОЛОЧЕВЩИНА

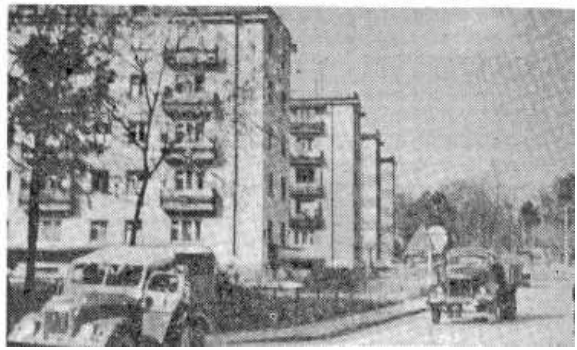
Здесь, на земле Золочевщины, наши войска в июле сорок четвертого пробили в обороне гитлеровцев узкую брешь, которую наши воины впоследствии стали называть «колтовским коридором».

Где когда-то гремели бои, между Золочевом и селом Ясеновцами, ныне высятся огромные корпуса Золочевского сахарного завода. Он вступил в строй в 1962 году. За сутки на предприятии перерабатывается 25 тысяч центнеров сахарной свеклы.

За послевоенные годы построены швейная, картонажная фабрики в Золочеве, хлебозавод в Сасове. В Глинянах — фабрика художественных изделий, ковры которой пользуются широким спросом не только в нашей стране, но и за рубежом.

Фронт строительных работ беспрерывно расширяется. Так, за восьмую пятилетку на Золочевщине построено 76 производственных корпусов.





В районе два совхоза и 27 колхозов, владеющих 79 460 гектарами земли. На полях работает 514 тракторов, 169 зерноуборочных, 65 свекловичные, 50 силосоуборочных комбайнов, 365 автомашин и другая сельскохозяйственная техника.

Пять сел — Бужок, Черемошня, Розваж, Подлесье и Белый Камень, где во время окружения и разгрома бродовской группировки врага шли жестокие бои, объединены сейчас в одно хозяйство. Возглавляет колхоз «Серп и молот» заслуженный агроном республики Зинаида Ложовская. Более двадцати лет первой бригадой в нем руководит ветеран войны сержант запаса Н. Евдокимов. Недавно ему присвоено звание Героя Социалистического Труда. В 1973 году бригада Евдокимова собрала с гектара по 42 центнера пшеницы и ячменя, более чем по 500 центнеров сахарной свеклы.

Колхоз «Серп и молот» в 1973 году стал одним из победителей Всесоюзного социалистического соревнования.

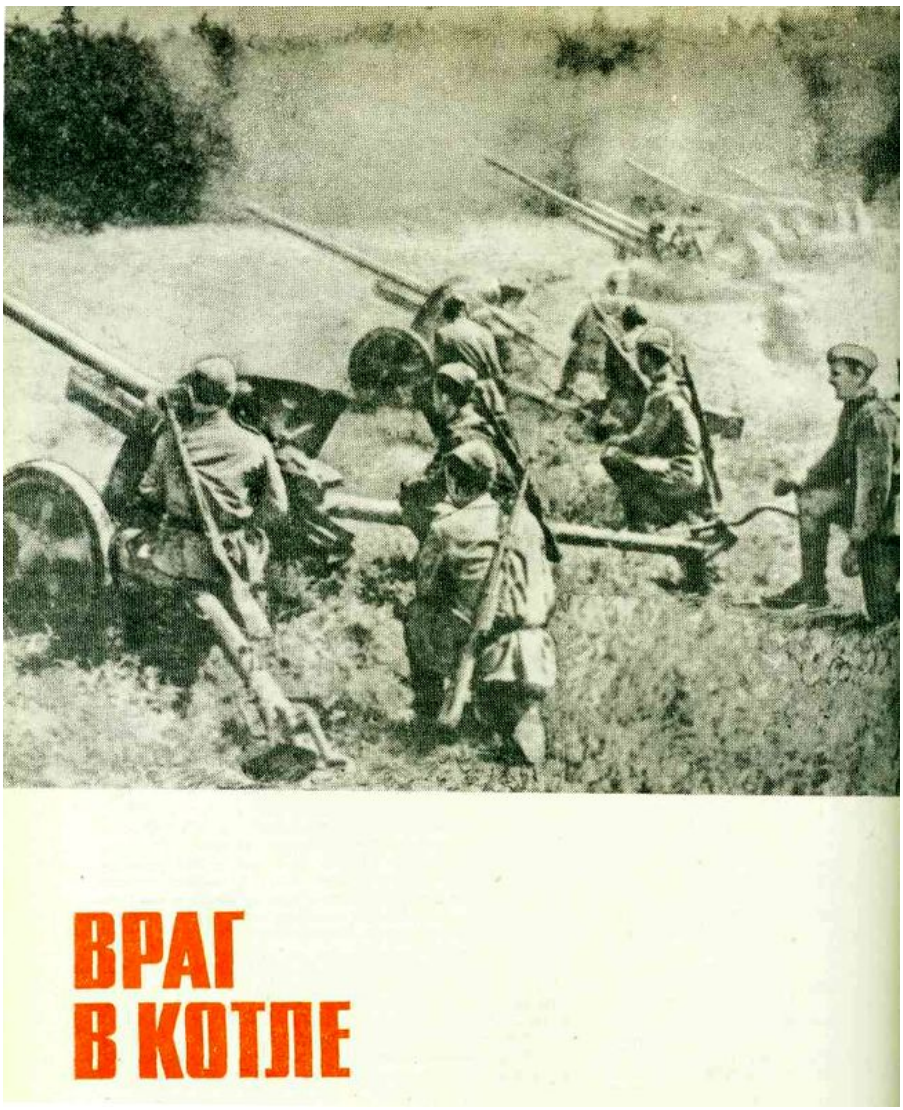
На территории района 90 средних, восьмилетних и начальных школ, два производственно-технических училища и сельскохозяйственный техникум.

До 1939 года на Золочевщине была лишь одна больница. Теперь здесь 9 больниц, 66 медицинских пунктов, 5 родильных домов, 22 профилактория.

В районе 73 клуба, 14 Домов культуры, более 70 библиотек с

книжным фондом 572 820 экземпляров. Заканчивается строительство нового Дворца культуры в Золочеве со зрительным залом на тысячу мест.

ВРАГ В КОТЛЕ



Ударами на львовском и рава-русском направлениях рассечена вражеская оборона. Крупная группировка противника оказалась между двух клиньев, юго-западнее города Броды. С целью ее окружения на рава-русском направлении была введена в прорыв конно-механизированная группа, в которую входили 1-й гвардейский кавалерийский и 25-й танковый корпуса. Конники и танкисты, выйдя к Каменке-Бугской, охватили бродовскую группировку врага с северо-запада.

На львовском направлении 3-я гвардейская и 4-я танковые армии, преодолевая сильное сопротивление гитлеровцев, продвинулись на запад и вышли на рубеж Жовтанцы — Ольшаница.

71-я механизированная бригада, ведя наступление, овладела Буском — важным опорным пунктом обороны противника. Во второй половине дня 18 июля ее передовой отряд в селе Деревляны соединился с конниками 2-й гвардейской кавалерийской дивизии. Так кольцо окружения вокруг бродовской группировки противника сомкнулось.

Во избежание напрасного кровопролития наше командование предложило окруженным войскам прекратить сопротивление, сдаться. В ночь на 19 июля нашими самолетами в районе окружения вражеской группировки было сброшено около ста тысяч листовок. «Солдаты и офицеры, вы полностью окружены войсками Красной Армии, — говорилось в листовке. — Прорваться вам не удастся. Со всех сторон вас ждут наготове советские войска с танками и могучей артиллерией. А сколько в небе советских самолетов — вы и сами видите. Все пути отступления для вас отрезаны. Сдавайтесь в плен. Этим вы сохраните свою жизнь…»

Гитлеровцы отказались сложить оружие. Они пытались вырваться из котла. Наши воины преградили путь врагу.

И. Н. Грановский, полковник в отставке
ЗА СТРОКОЙ БОЕВЫХ ДОНЕСЕНИЙ

В наступательных боях на львовском направлении летом сорок четвертого года геройски дрались воины 25-го танкового корпуса. В этот корпус входила 111-я танковая бригада, которой я командовал.

Спустя много лет перечитываю скупые строки боевых сводок соединения, и в памяти воскресают огненные летние дни, когда мы в жестоких схватках с врагом освобождали западноукраинские города и села. Строки архивных документов помогли мне вспомнить бои за Каменку-Бугскую.

В боевом донесении сказано:

«…Внезапно для противника передовые части бригад корпуса форсировали реку Западный Буг».

Это произошло 18 июля.

Главные силы корпуса форсировали Западный Буг севернее Каменки-Бугской и захватили плацдармы в районе Сельца частями 162-й и 175-й танковых бригад и восточнее Загуменок — 20-й мотострелковой бригады.

А южнее города, на западном берегу реки, севернее села Тадани оказался только батальон автоматчиков 111-й бригады. И ни одного нашего танка. Болотистая прибрежная местность, обрывистые берега да плотный огонь вражеских противотанковых орудий не дали возможности с ходу переправиться «тридцатьчетверкам».

Наши автоматчики оказались в тяжелом положении. Фашисты подбросили в этот район пехоту, танки и более десяти самоходных установок «артштурм», оснащенных 105-мм гаубицами.

Высланные вперед разведчики, передвигаясь по берегу Западного Буга, искали удобные места для переправы наших боевых машин. Наконец нашли брод у сел Спас — Тадани. Пришлось переправить танки десятью километрами южнее захваченного плацдарма.

Несколько дней шли дожди. Проселочные дороги раскисли. Мы понимали: нельзя медлить, нельзя терять инициативу. Не покидала и тревога за батальон автоматчиков — они ждали помощи.

По липкому месиву бойцы с огромным трудом преодолевали метр за метром. К тому же приходилось обезвреживать минные поля, вступать в короткие схватки с разрозненными группами

врага. Налетали и фашистские стервятники.

Наконец вышли к участку, избранному для форсирования Западного Буга. Средств для переправы не было. С натугой ревели двигатели. После того как пошли вброд первые танки, твердость дна нарушилась и каждую последующую «тридцатьчетверку» приходилось вытаскивать на буксире.

Форсировав реку, танкисты на больших скоростях, не ввязываясь в бой, обошли опорный пункт Тадани и стремительной атакой пробились к батальону автоматчиков. Захваченный участок прибрежной полосы севернее села Тадани был удержан и расширен.

Фашистское командование стремилось во что бы то ни стало удержать Каменку-Бугскую — важный узел дорог, надеясь сохранить лазейку для войск, попавших в бродовский котел. Овладеть городом с ходу нам не удалось.

В боевом донесении сказано:

«Конно-механизированная группа 18. 7. 44 г. получила задачу от командующего войсками фронта частью сил блокировать Каменку-Бугскую.

Главными силами выйти в район Великих Мостов».

Конно-механизированные части вышли в назначенный район и прочно охватили бродовскую группировку противника с северо-запада. Поэтому не было смысла оставлять здесь крупные силы наших войск.

Согласно приказу командования в районе Каменки-Бугской оставались две бригады корпуса: 111-я танковая и бригада генерал-майора П. С. Ильина — 20-я мотострелковая. Последняя была усилена 1253-м самоходным артиллерийским полком под командованием подполковника В. Н. Седова. Южнее нас вела боевые действия 2-я гвардейская кавалерийская дивизия генерала Х. Д. Мамсурова.

Задача блокировки города по существу уже решена. Наши части были на подступах к Каменке-Бугской: мотострелки П. С. Ильина — с севера, а танкисты — с юга. Лишь шесть километров разделяли стрелков и танкистов.

Переговорив со мной по рации, П. С. Ильин принял решение начать активные действия. Наступление назначил на утро следующего дня.

Вот строки из боевого донесения:

«…20. 7. 44 г. 20-я мотострелковая бригада и 111-я танковая бригада полностью освободили город Каменку-Бугскую».

Как это было?

С вечера 19 июля мы начали готовиться к решительному штурму. Командиры батальонов, рот мало знали о силах врага, а

главное, о характере обороны, о расположении опорных пунктов. В разведку были посланы танки и самоходки. Одна группа — в сторону пригородного села Сапежанки, вторая — к южной окраине города.

Не выдержали нервы у фашистов. Вначале с железнодорожной станции Каменки-Бугской ударили самоходки, а затем из Сапежанки гитлеровцы начали обстреливать наши танки, чем выдали систему размещения огневых средств.

Приближался рассвет 20 июля. Я обошел экипажи первого танкового батальона. Они первыми должны атаковать опорный пункт в районе железнодорожной станции.

Короткая июльская ночь прошла в хлопотах. Только возвратился к своему танку, как по рации меня вызвал комбриг генерал Ильин.

— Что нового? Как дела с «прогулкой»? — спросил он, по-своему кодируя предстоящий бой.

— Погода чудесная, не откажусь! Пора проветриться, — ответил я.

— Ну что ж, до встречи.

Светало. По полю стелился туман. В назначенное время взревели моторы, раздался лязг гусениц, и «тридцатьчетверки» первого батальона вышли из лесочка.

В первых рядах шел танк отважного лейтенанта Яцымы. Шоссе из села Тадани на Каменку-Бугскую оказалось заминированным. Командир повел машину по лугу и, набирая скорость, вырвался вперед. Подойдя к железнодорожной станции, он доложил:

— Против меня десять самоходок. Вступаю в бой.

Я приказал батальону ускорить движение, догнать танк Яцымы. А в это время мужественный экипаж танка сражался один против десяти. Схватка была короткой и неравной. Пламя охватило две вражеские самоходки, но и наш танк подбили. Неподвижный, но не побежденный оставался он на поле боя.

— Пока есть снаряды, а в пулеметных дисках патроны — будем драться, — передал по радио лейтенант Яцыма.

Метко бил по врагам наводчик, а когда он был ранен, к пушке встал Яцыма. «Вот так вам гады!» — приговаривал он, посылая раскаленный металл в стан врага. Выпустил последний снаряд…

Подошло несколько машин из батальона капитана Дядюна. Один «фердинанд» подбил старший лейтенант Дозорцев. Ствол другой немецкой самоходки направился в сторону танка.

«Тридцатьчетверка» младшего лейтенанта Свенцицкого опередила врага. Один за другим последовало три выстрела. Самоходка взорвалась. Третий «фердинанд» с первого выстрела

уничтожил лейтенант Дьяченко.

Наши десантники бросились вдогонку за убегавшими фашистами, поливая их автоматным огнем. Отважные танкисты ворвались на железнодорожную станцию.

Не уступали в храбрости и пехотинцы. Небольшая группа автоматчиков, возглавляемая старшиной Володиным, успешно отбила две контратаки, защитив наши танки от «фаустников».

На другом участке, чуть севернее Сапежанки, вел бой экипаж лейтенанта Пучкова. Его машина трижды поджигалась гитлеровцами. Но каждый раз, сбив пламя, «тридцатьчетверка» продолжала идти вперед, на западную окраину Каменки-Бугской. Танк Пучкова расчищал путь нашим автоматчикам.

Батальоны бригады, охватив Каменку-Бугскую с юго-запада, пробивались в город. Постепенно смолкали пулеметные очереди, все реже слышался треск автоматов. Изредка раздавались звонкие выстрелы танковых пушек.

Вскоре над центром города прочертили небо множество зеленых и красных ракет.

Это был сигнал, который извещал о встрече воинов 111-й танковой бригады с мотострелками бригады генерала Петра Сысоевича Ильина.

…У шоссе, на западной окраине города Каменки-Бугской, я встретился с генералом Ильиным. Мы обнялись…

— Ты знаешь, чему я особенно рад? — спросил он меня. И тут же ответил: — В сорок первом начал воевать в этих районах. Обещал, что Красная Армия вернется. И вот мы вернулись.

Мужество

Северо-восточнее села Деревляны, на восточном берегу Западного Буга, воины двух гвардейских полков — 8-го кавалерийского и 117-го артиллерийско-минометного— занимали оборону. Орудия 1-й батареи были рассредоточены по рубежу правофлангового сабельного эскадрона.

После беседы замполита об июльском наступлении наших войск в расчете завязался оживленный разговор:

— Попались в ловушку гитлеровцы, так уж поднимали бы вверх руки, а то еще вырваться хотят, — говорил наводчик ефрейтор Василий Чуркин.

Вскоре раздался дробный треск автоматов и длинные пулеметные очереди. Гитлеровцы небольшими группами стали выходить из ржаного поля.

Фашисты пошли в четвертую атаку на эскадрон, находившийся на правом фланге.

Заговорили наши пушки. Снаряд за снарядом посылал Василий Чуркин в гущу врагов, рвавшихся к Западному Бугу.

Наводчик заметил, как из кустарников выползли два бронетранспортера. Двумя снарядами Чуркин разнес в щепки немецкие машины.

Но неожиданно четыре номера орудийного расчета, в том числе командир, были убиты наповал подкравшимися фашистскими автоматчиками. Осколок разорвавшейся мины впился в плечо Василия. Превозмогая боль, Чуркин один продолжал вести огонь из орудия. Он помнил клятву, которую давал, принимая военную присягу, клятву, произнесенную им при вручении партийного билета.

Напрягая последние силы, Василий заряжал орудие и, припадая к прицелу, один за другим посылал снаряды по врагу. Но… кончились боеприпасы. Последний снаряд. Последний выстрел…

На подступах к позиции, откуда вел огонь мужественный наводчик, лежало около ста пятидесяти трупов гитлеровцев.

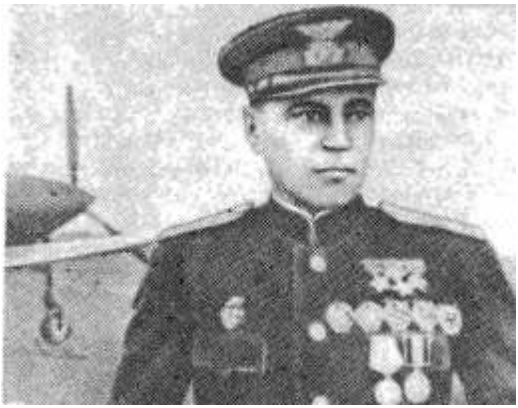
Василий Егорович Чуркин посмертно удостоен звания Героя Советского Союза.

Три года уроженец Ярославщины Василий Чуркин шел огненными дорогами войны. Велика была его ненависть к фашистским захватчикам. На боевом счету героя — 27 подбитых вражеских танков, 11 бронемашин, 26 автомашин с пехотой и грузами, свыше трехсот уничтоженных вражеских солдат и офицеров. Эти цифры — яркое свидетельство мужества,

стойкости и отваги советского солдата.

И. С. Мельников, генерал-майор авиации запаса

В ВОЗДУХЕ — АСЫ



А. И. Покрышкин

Г. А. Речкалов

А. И. Труд

На прифронтовом полевом аэродроме, у стартового командного пункта встретились двое.

— Здравия желаю, товарищ комдив! — козырнул гвардии капитан. — Разрешите доложить. Полк готовится к боевым вылетам.

Покрышкин посмотрел на капитана и улыбнулся:

— Не инспектировать прибыл. Поздравить тебя со второй Золотой Звездой, Григорий Андреевич. Сколько уже прошло времени после опубликования Указа?

— Около недели.

— Немало…

— Телеграммой-то поздравили.

— То телеграммой. А я хочу вот так! — и Покрышкин крепко обнял гвардии капитана Речкалова. — Дерзай и дальше, дорогой. Люблю твою воздушную работу.

От КП вдоль опушки рощи лежало ровное поле, дней десять назад превращенное в аэродром. Но не видно на нем ни одного самолета. Зеленый шатер сосен, дубов, берез укрыл их от глаз противника. То здесь, то там слышен рокот. Это авиаспециалисты опробывают моторы.

— Докладывай, сколько машин в строю? Сколько на ремонте? Сколько сегодня можешь поднять в воздух?

— Товарищ гвардии полковник, вы же обещали не инспектировать… — в глазах Речкалова заиграли лукавые искорки.

— Чего только не наобещают гости, придя на именины, — рассмеялся Покрышкин. И добавил тем же веселым тоном: — А может, после прогуляемся по небу? Должен же я знать, сколько машин вы можете поднять.

— 16-й гвардейский в полной боевой готовности! — ответил командир полка. Он назвал количество исправных самолетов и находящихся на ремонте. — А что касается прогулки по небу — мы готовы. Полететь с вами будет огромным удовольствием.

Александр Иванович Покрышкин побывал на стоянках боевых машин. Беседовал с летчиками.

Здесь встретил много старых друзей, с которыми сражался в небе Кубани, над Днепром, на других участках фронта.

— Ну как, тезка, дела? — приветливо здоровался Александр Иванович с Героем Советского Союза гвардии капитаном Александром Клубовым.

— На земле скучаю, в небе веселюсь, — шуткой ответил летчик. Товарищи, слышавшие эти слова, понимали его. Он все время рвался в бой.

Месть фашистам за их кровавые злодеяния Клубов считал благороднейшим делом.

Среди обступивших комдива — умелые и мужественные летчики: Борис Глинкин, Виктор Жердев, Андрей Труд, Иван Вахненко. Молодые, задорные, бесстрашные. Каждый из них имеет на боевом счету немало воздушных побед и готов в любую минуту идти на подвиг.

…Аэродром, на котором базировался полк гвардии капитана Речкалова, находился близ села Михайловки. В небольшом радиусе вокруг него располагались другие полки 9-й гвардейской авиадивизии А. И. Покрышкина, действующей на северном фланге наступающих войск 1-го Украинского фронта.

Сразу же после перебазирования ближе к передовой у летчиков-истребителей началась боевая работа. Вели разведку. Изучали новый район боевых действий. И уже с первых дней покрышкинцы вступали в жестокие поединки с вражескими самолетами.

А с 13 июля накал воздушных боев достиг предела. С раннего утра и до позднего вечера на аэродромах дивизии садились и взлетали самолеты. Шли они на прикрытие наступавших наземных войск, на сопровождение бомбардировщиков, штурмовиков, на разведку, на свободную «охоту».

Погода не баловала. Часто небо затягивали тучи. Сложные метеоусловия были немалой помехой для действий авиации. Но, несмотря на облачность, за шесть дней — с 13 по 19 июля — летчики авиадивизии совершили 907 боевых вылетов. И в этих вылетах 204 самолета авиадивизии противостояли 320 самолетам противника. В результате покрышкинцы сбили 58 немецких самолетов, потеряв семь. И что может красноречивее этих двух цифр говорить о боевом мастерстве наших летчиков?

16 июля, когда замыкалось кольцо окружения вокруг бродовской группировки, покрышкинцы сбили 21 фашистский самолет. Десятки боев выдержали в течение этого дня летчики 9-й гвардейской. Но особенно памятным был один из них, проведенный группой летчиков-истребите-лей 16-го гвардейского авиаполка.

…Уже перед вечером из штаба авиадивизии передали: поднять группу истребителей на прикрытие боевых действий танкистов генерала Катукова и конно-механизированной группы генерала Баранова. А вслед за этим Речкалову позвонил Покрышкин и сказал:

— Я лечу с вами.

На земле была проведена необходимая подготовка к боевому вылету. Определены ведущие и ведомые пар, ведущие групп

боевого расчета. Тщательно проверена авиационная техника. В назначенное время — взлет.

И вот двенадцать истребителей в воздухе. Это — три группы по боевому расчету: ударная, возглавляемая гвардии капитаном Речкаловым, группа прикрытия гвардии полковника Покрышкина, находившаяся выше ударной, и группа поддержки, ведущим которой был гвардии старший лейтенант Труд.

Патрулирование уже подходило к концу, скоро нужно было возвращаться на аэродром. Но вот в районе села Сушно, на высоте полторы тысячи метров, появилась армада вражеских самолетов: около 50 бомбардировщиков «Ю-87» и «Х-129» под прикрытием шести истребителей — «фокке-вульфов».

Наши летчики увидели, как «юнкерсы» совершили вынужденный маневр: перестроились в колонну по одному, затем в круг и стали сбрасывать бомбы, хотя на этом участке наземных войск не было.

Бомбардировщики потеряли из вида свои истребители прикрытия и, заметив краснозвездные «ястребки», решили побыстрее освободиться от бомбового груза, чтобы легче уйти восвояси. Да, «фокке-вульфы» оторвались от бомбардировщиков и упустили момент, когда наши истребители ринулись на «юнкерсов».

Покрышкин и Речкалов со своими ведомыми пошли в атаку. Четверка Покрышкина атаковала «Ю-87» сверху в лоб, с внутренней стороны их круга. Александр Иванович в этой атаке сбил один «Ю-87». В повторной атаке с близкой дистанции он сразил второй «юнкерс».

Две пары, возглавляемые Речкаловым, атаковали бомбардировщиков снизу сзади.

Пара «фокке-вульфов» намеревалась сорвать действия группы Речкалова. Но летчик Турченко меткими очередями подбил «фоккер», расстроив их планы. Получив свободу действий, две пары ударной группы Речкалова сделали четыре атаки. Ведущий, летчики Вахненко и Иванков сбили по одному «юнкерсу». В последней атаке блеснул мастерством Клубов. Стремительно атаковав юркого увертливого «фоккера», видно, пилотируемого опытным летчиком, он разворотил брюхо стервятнику длинной смертельной очередью.

Инициативно действовала группа поддержки. Гвардии старший лейтенант Труд со своими летчиками атаковал вражеские истребители, навязал им бой, не подпуская к двум группам наших «ястребков», упорно клевавших «юнкерсов». Смелый и напористый Андрей Труд с ведомым, летчиком Душаниным, носился словно метеор. Уж очень хитрые попались

соперники в кабинах немецких истребителей. Но никакие увертки их не спасли.

Лейтенант сумел поймать в перекрестие прицела ведущего пары «фоккеров» и отправил его в беспорядочное пике.

В этом бою наши истребители уничтожили девять самолетов врага — семь бомбардировщиков «Ю-87», два истребителя «ФВ-190», один «фокке-вульф» был подбит.

Что же обеспечило такой успех? Умелое построение боевого порядка. Все группы действовали компактно — четверками, парами.

Оперативно управляли ведомыми ведущие звеньев. А главное — высокое мастерство, напористость в схватках, непреклонная воля к победе.

Наибольшее количество самолетов противника 16-й гвардейский истребительный авиаполк сбил за время боев по ликвидации бродовской группировки. Гитлеровцы, чтобы выручить попавшие в котел войска, поддержать их контратаки с целью прорвать кольцо окружения, бросали на этот участок большое количество самолетов. Наши истребители с рассвета до вечера вели ожесточенные бои.

Самоотверженно дрались воздушные рыцари полка Речкалова. Гвардии старший лейтенант Виктор Жердеев сбил за эти дни три вражеских самолета. Летчики Александр Клубов, Андрей Труд, Павел Еремин, Вячеслав Березкин сбили по два фашистских стервятника.

Дважды герой Советского Союза Григорий Андреевич Речкалов после окончания войны продолжительное время проходил службу в ВВС Прикарпатского военного округа. После увольнения из армии генерал-майор запаса Г. А. Речкалов живет в Москве. Написал Григорий Андреевич книгу воспоминаний о своих боевых делах, о небесных братьях, с которыми сражался в пылающем небе.

И. С. Мышалов, подполковник запаса
АГИТАТОР

В. Г. Мохначев

Гвардии майор в отставке Василий Георгиевич Мохначев с группой ветеранов ехали по местам былых сражений. Вглядывались в поля, населенные пункты.

— Здорово все изменилось, — говорил Мохначев своему соседу, бывшему заместителю начальника политотдела дивизии полковнику запаса Глушко. — А вот бои, которые здесь шли, будто перед глазами.

Тот немного помолчал, а потом задумчиво ответил:

— И не удивительно. Такое не забывается. Кто из нас, например, может забыть тебя, пламенного агитатора?

Мохначев улыбнулся:

— Спасибо за доброе слово.

…Километр за километром отмеривает спидометр автобуса. Не отрывает взгляд от окна Мохначев, вспоминая июльские дни 1944 года. На память приходят дорогие сердцу поэтические строки:

Мы ехали шагом, мы мчались в боях.
И «Яблочко»-песню держали в зубах.

Именно так конники 2-й гвардейской кавалерийской дивизии, совершив ночной марш, 16 июля утром прибыли в назначенный район.

Василия Георгиевича сразу же вызвали в политотдел. Здесь

обсуждался вопрос, как лучше, доходчивей довести до каждого бойца приказ о наступлении.

— Нам предстоит, — говорил начальник политотдела, — войти в прорыв на участке в районе Стоянова. Тем самым мы обойдем противника с севера и соединимся с танкистами генерала Рыбалко. И, как говорится, затянем узелок на кольце окружения вражеской группировки. Важность этой задачи должен осознать каждый боец.

…В 7-м гвардейском кавалерийском полку не удивились появлению агитатора политотдела дивизии. За три года войны уже привыкли к тому, что в трудные минуты фронтовой жизни этот коренастый словоохотливый майор всегда среди солдат, офицеров.

Кавалерийскому полку предстояла трудная задача. Фашисты на участке его продвижения укрепились на выгодной высоте. Беспрерывный огонь стал грозным препятствием на пути гвардейцев.

Спешились кавалеристы, залегли.

«Смелого пуля боится! Смелого штык не берет!» — слышен был голос майора Мохначева среди бойцов. Он поднял гвардейцев в атаку; «За мной, товарищи! Кто первым ворвется в боевые порядки врага, тому слава на века!»

Лавина конников ринулась на штурм высоты. Нет, не даром говорится, что слово зовет, пример ведет. С криком «ура!» мчались кавалеристы вперед. Но вражеский огонь снова усилился, и казалось, что захлебнется этот стремительный порыв. Мохначев обратился к агитаторам подразделений.

— Агитаторы! Покажем, как бить врага по-гвардейски!

Самоотверженно сражался агитатор 1-го эскадрона рядовой Лютов.

В критический момент боя, когда атака могла задохнуться под ураганом огня врага, поднялся Лютов во весь рост, крикнул: «Ребята, делай, как я!» И на ходу застрочил из пулемета по противнику.

С криками «ура!» устремились воины на позиции врага. И высота была в руках гвардейцев 7-го кавалерийского полка.

Гитлеровцы стремились вырваться из окружения в районе юго-восточнее Каменки-Бугской. Там как раз и занимали рубеж части 2-й гвардейской кавалерийской дивизии. Разведка доложила, что противник располагает двумя пехотными дивизиями, сотнями орудий и минометов, десятками танков, самоходок.

Комдив принял решение закрепиться на занятом рубеже и подвижными отрядами громить врага на восточном берегу

Западного Буга.

В походном строю 7-го гвардейского, в одном из эскадронов находился агитатор Мохначев.

Покачиваясь в седле, он рассказывал воинам о боевых делах конников в битве под Москвой, в сражениях на Волге, Днепре.

— В гражданскую войну про наших старших братьев песню сложили:

«Мы — красная кавалерия,
И про нас
Былинники речистые
Ведут рассказ».

Будем же достойны их, чтобы и о нас слагали песни.

На рассвете 19 июля кавалеристы прибыли в урочище Майдан. Эскадрон не успел окопаться, как сразу появились гитлеровцы.

Спешившись, бойцы зарывались в землю.

Группу конников командир эскадрона выделил для отражения атаки врага.

— Я буду с ними, — заявил агитатор.

Гитлеровцы приближались. Но что это? Немцы кричат русское «ура». Очередной прием психического воздействия на наших солдат. Не выйдет, господа фрицы! Не теряя ни минуты, Мохначев ползет по-пластунски к бойцам и говорит:

— Друзья, не обращайте внимания на эти фашистские трюки. Это они от страха перед нами орут. Потерпите еще немного, а потом уж дадим им огонька!

И дали воины огонька! Да еще какого… Гитлеровцы, словно напуганные мыши, бросились врассыпную. Но повсюду их настигал меткий огонь.

Затих бой. Но ненадолго. Снова полезли фашисты на позиции эскадрона. Снова в грохоте, огне, пороховой гари сражаются кавалеристы. Докрасна накалились стволы пулеметов. Дело доходит до рукопашной схватки.

С автоматом в руках Мохначев в рядах атакующих. Сейчас его оружие — не только слово, призывающее бойцов уничтожать как можно больше врагов. Сейчас его оружие — автомат.

— За мной! Только вперед! — слышен громовой голос Мохначева.

Гвардии майору Мохначеву стало известно, что тяжело приходится 2-му и 3-му эскадронам 7-го полка. Десять раз контратаковали фашисты их позиции. Десять раз конники давали им отпор. Но есть ведь и предел напряжению сил и нервов. И

агитатор уже здесь. Главное — не терять веры в победу, разумно использовать оружие, боеприпасы. Так, как гвардии рядовой Мойсюк. Когда у него не стало патронов, полетели в фашистов гранаты. Кончились гранаты — Мойсюк пошел в рукопашный бой. В итоге уничтожил 17 гитлеровских солдат и офицеров.

И уверенность в победе вселялась в сердца бойцов. Последние попытки гитлеровцев прорваться из окружения потерпели провал.

Василий Георгиевич, поев на ходу солдатских щей у походной кухни, отправился в подразделения. Он рассказывал воинам, кто отличился, какая обстановка сложилась после сегодняшнего боя, который длился от рассвета до заката. То, о чем говорил агитатор, никого не оставляло равнодушным. Бойцы радовались, что операция по окружению фашистов в бродовском котле завершена. Немалую роль сыграла в этом и их 2-я гвардейская кавалерийская дивизия. Особый интерес вызывали у слушателей цифры, определявшие вклад гвардейцев 7-го кавалерийского полка в общую победу. Они были внушительные, и бойцы просили агитатора их повторить, хотели покрепче запомнить.

Василий Георгиевич делал это с особым удовольствием. На память, не заглядывая в записи, он говорил:

— Личный состав 7-го гвардейского полка уничтожил сегодня более 1000 гитлеровцев. В плен захвачено 234 солдата и офицера. Среди убитых врагов — один генерал, два полковника.

— А трофеи большие? — задавали Мохначеву вопрос.

— Есть и трофеи, — продолжал он, — 50 орудий, свыше 50 минометов, 500 автомашин, 1100 повозок… Одним словом, отлично сегодня сражались гвардейцы.

Слушая Мохначева, воины хорошо понимали, что каждый из них причастен к этим успехам. И бойцы знали, что и он, агитатор политотдела дивизии, гвардии майор Мохначев, тоже внес свой вклад в эту победу.

* * *

Перелески, поля… Сколько воспоминаний вызвали они у бывшего воина. Долгим взглядом провожает он дорожные указатели, названия населенных пунктов. «Деревляны» — мелькнула наконец надпись большими буквами, и автобус остановился.

Ветераны направились к Западному Бугу. Среди первых — Мохначев. На груди Василия Георгиевича два ордена Красного Знамени, один из которых он заслужил за героизм, проявленный

при ликвидации бродовской группировки фашистских войск.

Свинцом «максима»

Эскадроны 7-го гвардейского кавалерийского полка форсировали Западный Буг, захватив плацдарм южнее Каменки-Бугской в районе высоты с отметкой 219,0.

Обрывистые крутые берега реки, заболоченная местность, сильная вражеская оборона доставили немало хлопот кавалеристам.

Уже пятый час конники 3-го сабельного эскадрона сидели в окопах, занимая рубеж на подступах к Бугу. Приказ командира полка всем ясен: прикрыть форсирование реки главными силами части.

В центре боевого порядка взвода лейтенанта Боброва у «максима» лежал старший сержант Чирик.

— Пора бы перебраться к своим, на тот берег, — сказал ему второй номер.

— Успеем. А вдруг гитлеровцы попрут! Затем и оставили, — ответил командир.

В эскадроне Андрей Чирик прослыл исполнительным, находчивым воином, а недавно он, комсорг, награжден Почетной грамотой ЦК ВЛКСМ.

Над землей висели плотные серые облака. Моросил дождь.

Послышался треск автоматов. Справа начали рваться мины. Сержант осмотрелся: занятая позиция неудобна, необходимо сменить ее, передвинуться на правый фланг.

Командир вдвоем с напарником короткими перебежками выдвинулись на пригорок у опушки рощи. Плечистый Чирик тащил пулемет словно игрушку.

Гвардеец залег у пулемета. Немецкие автоматчики шли во весь рост.

— Подпустим ближе… Пусть выйдут из кустарника, — сказал сержант.

Прошло еще несколько минут. «Пора», — подумал Чирик и послал длинную очередь по врагу. Гитлеровцы заметались в панике, прижались к земле.

Вдруг острая боль пронзила тело. «Ранен!» — мелькнуло в голове. Пересилив слабость, Андрей строчил без передышки.

Облачное небо прошили красные нити двух ракет. Эскадрон поднялся в контратаку.

Перед пулеметом старшего сержанта валялось около пятидесяти трупов вражеских солдат и офицеров.

— Хорошо воюете, Андрей Михайлович! — похвалил его командир эскадрона.

— Служу Советскому Союзу! — ответил Чирик.

— Да вы ранены!! Санинструктора!

— Ничего… Мы еще повоюем, — ответил отважный пулеметчик.

М. И. Стасовский, майор
ГОРЯЧАЯ ДРУЖБА

А. А. Фаткулин

М.И. Хохлачев

Прифронтовой аэродром. Ровная, укатанная взлетно-посадочная полоса, укрытия для техники, боеприпасов, землянки для летчиков, техников, мотористов. Издали доносятся громовые раскаты орудий. Но здесь, на зеленом поле, раскинувшемся около леска, тихо. Низкая облачность приковала авиаторов к земле.

Под деревом около своего штурмовика сидит летчик Михаил Хохлачев. Он то и дело поглядывает на хмурое небо. Обычно веселый и жизнерадостный, Хохлачев сейчас — туча-тучей. Где-то рядом кипит жестокий бой. Вот и ударить бы с воздуха по фашистам, помочь нашим пехотинцам, а скверная погода не позволяет летчикам подняться в небо.

Рядом с Хохлачевым на замшелом пне восседает командир и близкий его друг Анвар Фаткулин. Он пытается расшевелить

товарища, поддержать свойственные Михаилу бодрость и веселье, с которыми всегда легче в минуты вынужденного ожидания боевой работы.

Подошел командир эскадрильи. Этот опытный воздушный боец тоже знает, как тягостно действует на летчиков плохая погода. Каждый из них невольно чувствует вину перед бойцами наземных войск, которые в это время сражаются с озверевшим врагом.

— Нечего скучать, пошли в землянку — займемся делом! — сказал он.

Летчики, воздушные стрелки собрались в просторной землянке. Комэска объявил:

— Начнем занятия! Тема: изучение района полетов и переднего края противника.

Оживленный говорок, как внезапный порыв ветра, прошелестел в землянке и утих. Летчики потянулись к планшетам, доставая полетные карты. А командир уже хлопотал над импровизированным макетом, изображающим обстановку переднего края…

Погода стала улучшаться. И сразу ожил аэродром. Краснозвездные «илы» поднялись в воздух. Курс — поле боя наземных войск.

Паре Фаткулин — Хохлачев приказано разведать расположение частей противника в глубине обороны. Линию фронта они проскочили на бреющем полете. Под крылом самолета виднелись огненные сполохи и клубы дыма, горящие фашистские танки. Здесь уже поработали наши штурмовики.

Делая всевозможные виражи и змейки, старший лейтенант Фаткулин внимательно осматривал все подозрительные места. Вот показалась небольшая роща, где обозначились силуэты вражеских танков. Снизившись, летчик увидел скопление бронированных машин. Он быстро сделал пометку на карте. Слева, полевой дорогой, двигалась вражеская механизированная колонна. Фаткулин бросил самолет в стремительное пике и ринулся в атаку. Хохлачев словно тень последовал за ведущим. Реактивные снаряды огненными кометами понеслись к земле. Взрывы, пламя, дым. Еще заход. Часто-часто стучат пушки, поливая свинцом разбегающихся фашистов.

Только вышли из атаки — предостерегающий голос Хохлачева: «Мессеры»! Фаткулин повернул голову и невольно пригнулся. Тупокрылый немецкий истребитель зашел сзади. «Сейчас полоснет», — подумал Фаткулин. Стрелок бил по фашисту короткими очередями, но тот неотвратимо приближался, предвкушая победу. Хохлачев бросил свою машину

вверх, прикрыл ведущего. Очередь «мессера» пришлась по самолету Хохлачева. Стрелок Ненашкин, нажимающий гашетку, сумел все же найти прицельный ракурс. Фашист клюнул носом и, окутавшись густым дымом, пошел к земле. Через несколько секунд темным султаном взрыва обозначилось место падения вражеского самолета. Его напарник моментально вышел из боя. Гитлеровцы не любили воевать в меньшинстве.

Развернулись к линии фронта. Собрав волю в кулак, Хохлачев тянул к своим на теряющем высоту и скорость самолете. Фаткулин прикрывал раненую машину от внезапной атаки сзади. Уже над линией фронта мотор подбитого самолета окончательно сдал. Несколько раз чихнув, он остановился. Выбрав площадку поровнее, Хохлачев с убранным шасси посадил самолет в расположении наших войск. Сделав несколько кругов над местом вынужденной посадки и убедившись, что членам экипажа ничто не угрожает, старший лейтенант Фаткулин полетел на аэродром.

Когда он зарулил на стоянку, его окружили летчики, техники, воздушные стрелки. У всех на устах был один вопрос: где Миша Хохлачев, что с ним? Всем полюбился этот неунывающий лейтенант, скромный среди товарищей и дерзкий в бою с фашистами.

— Живой, сделал вынужденную в расположении наших войск, — успокоил друзей лейтенант Фаткулин и добавил: — Миша — настоящий друг. Спас меня от верной гибели. Теперь я перед ним в долгу…

И летчик рассказал боевым товарищам о воздушном бое и самоотверженном поступке Хохлачева, заслонившего своим самолетом его машину от прицельного огня гитлеровского аса.

На другой день штурмовик привезли на аэродром и приступили к ремонту. Фаткулин долго сжимал похудевшего и небритого Хохлачева в крепких объятиях. Не могли наговориться друзья в тот день. Вспомнили довоенную Москву, где Хохлачев родился и вырос, где прошло детство. Потом война, авиационная школа пилотов. Суровое фронтовое небо сдружило его с немногословным Анваром.

Они сидят на зеленом, душистом разнотравье летного поля. Течет неторопливая беседа, и не верится, что рядом идут жестокие бои и доносящиеся издали громовые раскаты грозы — отзвуки грандиозной битвы, развернувшейся на политой кровью украинской земле.

Скоро — опять в небо, снова боевой вылет. В этот раз оба друга будут ведущими. В напарники им дали молодых пилотов. И поведут их Фаткулин и Хохлачев прямо к цели, не страшась белых шапок зенитных разрывов, не пугаясь зловещих черных

силуэтов вражеских истребителей. Окруженный в котле враг не должен прорваться.

— Миша, кем хочешь стать после войны? — задумчиво спрашивает Анвар, и глаза его туманятся тоской по мирному труду, по земле, где родился и вырос, по бесконечным степным просторам

— Буду строителем, — улыбается Михаил. — Хочу возводить дома в Москве, чтобы наш город стал самым красивым в мире.

Тревога! Пилоты кинулись к самолетам, быстро запустили моторы. Подпрыгивая на кочковатом поле, «илы» один за другим выруливали на взлетную полосу, уходя в небо.

Штурмовики под прикрытием истребителей летели в район действий вражеских контратакующих танков. Наши воины радостно встречали каждую новую группу бомбардировщиков и штурмовиков, с восхищением наблюдали за их работой над передним краем фашистов. В течение двух часов бомбардировщики и штурмовики сбрасывали смертоносный груз на врага. Больше трети танков и другой боевой техники противника превратилось в обугленные груды металла после метких ударов с воздуха.

Когда старший лейтенант Фаткулин вернулся на свой аэродром, ему сказали: погиб Миша Хохлачев. Пал смертью героя. Весть эта поразила его, как удар молнии.

…Вместе с ведомым Хохлачев получил задание разведать расположение вражеских резервов. Вылетев из-за густого лесного массива, он увидел большую колонну фашистов. Злобно огрызнулись немецкие зенитки, впереди по курсу облака разрывов. Но Хохлачев упорно летел вперед, внимательно рассматривая состав колонны и фиксируя все в памяти.

Внезапно впереди блеснуло ослепительное пламя, машина содрогнулась от удара. Попадание…

Теряя силы и обливаясь кровью, лейтенант Хохлачев с трудом огляделся. Кругом на земле враги, их много. Небось злорадствуют, увидев, как загорелся русский штурмовик, радуются… Ну нет! Сейчас я испорчу вам настроение…

Собрав последние силы, Хохлачев направил пылающую машину в гущу гитлеровских танков, автомашин, орудий. Как огненный карающий меч ринулся самолет на врага. Произошло это возле села Деревляны.

Героем Советского Союза закончил войну Анвар Асадульевич Фаткулин. Сменил заслуженного «ила» на скоростную машину, затем, уйдя с летной службы, работал на командном пункте авиационной части.

Сейчас А. А. Фаткулин — офицер запаса. Живет и трудится

он в Луцке. Рассказывая молодежи о героизме и мужестве фронтовиков, Анвар Асадульевич всегда вспоминает о своем друге Михаиле Хохлачеве, в память о подвиге которого воздвигнут обелиск у прибугского села Деревляны.

Бесстрашная четверка

Лейтенант Федор Дынников, лежа в кустарнике, пристально осматривал местность. Во ржи и на опушке леса, вблизи села Турки, суетились немцы. Справа, в зарослях, стояло орудие. Среди деревьев — тягач с пушкой. Чуть левее лейтенант отыскал минометы. Гитлеровцы, видимо, к чему-то готовились.

Возвратившись к укрытой в ложбине «тридцатьчетверке», Федор взглянул на танкистов. «Трудный предстоит бой», — подумал он, но был уверен, что воины экипажа — Антонов, Агеев и Батычко не подведут.

— Так вот, слушайте обстановку. Немцев около двух рот, — начал лейтенант и коротко пересказал виденное им. — Наверняка хотят пробиться к Западному Бугу. Двинемся вдоль опушки леса, атакуем противника во фланг.

Взревел мотор, и грозная боевая машина рванулась вперед. Дынников направил танк на орудие. Под гусеницами оно превратилось в груду металла.

— Осколочным! — скомандовал лейтенант.

Пушка и пулемет косили мечущихся в панике фашистов. Но в этот момент гитлеровцы подбили «тридцатьчетверку». Заглох двигатель.

— Живы! — придя в себя, спросил у членов экипажа лейтенант Дынников.

— Целы, — ответил за всех механик-водитель.

— Огонь!

Экипаж продолжал вести бой. Противник открыл стрельбу по неподвижному танку. Заклинило башню. Вражеские автоматчики устремились к машине.

— Вылезай! Забрать оружие! — крикнул лейтенант. — Будем отбиваться… Быстрей, иначе фаустники подожгут нас.

Бойцы вслед за командиром выскочили из танка, залегли. Затрещали автоматы, полетели в наседавших фашистов гранаты. Первая атака была отбита.

Но враг не успокоился. Фашистам очень хотелось расправиться с дерзкими танкистами. Лейтенант заметил, как десятка два пехотинцев начали обходить танк.

— Антонов! Вытащи пулемет. Прикрой нас сзади.

И вторая попытка захватить наших воинов в плен не удалась.

В это время донесся нарастающий рев моторов и лязг гусениц. Подошло несколько танков 58-го танкового полка. Не останавливаясь, ведя с ходу пушечный и пулеметный огонь, они врезались в гущу вражеских солдат.

И. Д. Эткало, старший лейтенант в отставке
ДВОЕ СУТОК В ТАНКЕ

В. П. Лисицин

Вторые сутки шел беспрерывный бой. Взметались вверх и опадали глыбы черной торфяной земли. Едким дымом заволокло луг, поле и молоденький, еще недавно манивший своей свежестью перелесок.

Вторые сутки танковая рота старшего лейтенанта Лисицина и эскадрон 8-го гвардейского кавалерийского полка отбивали атаки противника. Гитлеровцы пытались прорваться к Западному Бугу.

Вторые сутки экипажи роты дрались с врагом, не выходя из танков.

На долгом пути от Северного Донца к Западному Бугу Лисицин часто бывал в сложных перипетиях боя. Но этот выдался особенно трудным. Враг напирал, а у танкистов заканчивались боеприпасы. С четырьмя подкалиберными да десятком осколочно-фугасных, оставшихся в танке, долго не повоюешь. Мало снарядов и у остальных экипажей роты.

Огневой налет, длившийся уже около получаса, вдруг резко усилился. Из-за ограды деревенского кладбища, из-за истерзанного перелеска выползали немецкие танки, самоходки и бронетранспортеры. Среди боевых машин двигались штурмовые группы пехотинцев.

Эта атака врага действительно была самой мощной и ожесточенной за последние два дня.

Группы автоматчиков противника на этот раз более

многочисленны и пестры, одеты в форму различных родов войск: пехотинцы в форме мышиного цвета, авиаторы в голубовато-серой, эсэсовцы в черных мундирах. Среди солдат выделялись офицеры в фуражках с высокими тульями.

Через триплекс перископа Лисицину было видно, как танки с черно-белыми крестами на бортах медленно ползли по размокшему, изрытому воронками косогору.

Раскатисто ахнула пушка танка командира взвода Дмитрия Геруха. Экипаж устремился вперед, занимая более выгодную позицию. На борту этой машины было написано: «Месть за отца». Отца Геруха зверски убили фашисты. Танкисты еще решили после каждого уничтоженного «тигра» рисовать на борту танка звездочку. С тех пор уже начерчено шесть таких звездочек.

Вражеский строй ломался. Одни машины открыли огонь с ходу, другие — с остановок. Загорелся крайний справа танк. Выскочившие гитлеровцы пытались погасить пламя, но безуспешно.

Снова ударила пушка Геруха. У основания башни медленно ползущего «тигра» сверкнуло сине-голубое пламя. Рикошет. «Что он творит? — мелькнуло в голове у Лисицина. — Разве его в лоб возьмешь? Только снаряды испортишь. А они сейчас дороже золота. Надо ударить по бронетранспортерам. Там, конечно, одни офицеры». Включив рацию, он закричал:

— Я Лисицин! Слушай мою команду! Бить по бронетранспортерам!

В шлемофоне отозвался возбужденный голос Геруха:

— Командир! Это же «тигр»! Мой седьмой «тигр»! Я заклинил ему башню. Надо добить…

Лисицина взорвало упрямство Геруха. Он повторил:

— Жечь бронетранспортеры! В них — офицеры, генералы. Главное, не упустить их. А танки оставить артиллеристам. Они справятся. И береги каждый снаряд.

Вдруг в наушниках шлемофона все танкисты и Лисицин услыхали знакомый голос командира полка Героя Советского Союза майора Козлова:

— Молодец, Лисицин! Умеешь видеть. Бей по бронетранспортерам. В них командование фашистской дивизии! Ты совершенно прав! И держись. Тебе помогут.

— Вас понял! — ответил лейтенант.

Три танка, несколько самоходок и бронетранспортеров было подбито, подожжено. Но «тигр», по которому выпустил снаряд Герух, еще огрызался, его гусеницы терзали размокшую землю, заклиненная башня не позволяла стрелять прицельно. За ним, отстав метров на триста, двигались бронетранспортеры. Они тоже

вели огонь из тяжелых крупнокалиберных пулеметов.

Лисицин поймал в прицел борт двигавшегося наискось бронетранспортера и нажал на спуск.

— Еще снаряд! Осколочно-фугасный!

Внезапно на бреющем полете молниеносно пронеслась шестерка «илов», сыпанув противотанковые бомбы. Из черной стены дыма выполз «тигр».

— Бронебойным! Заряжай! — скомандовал Лисицин.

Разворачиваясь всем корпусом, «тигр» направил пушку на машину Лисицина. «Успею ли?» — подумал он. Сверкнула синяя молния. Что-то больно резануло его по глазам, в ушах загремела дикая музыка.

…Будто издали, стали доноситься чьи-то голоса. Лисицин открыл глаза.

Лежал он на сырой земле. Голова неловко опиралась на каток танка. Вокруг была необычная тишина. Толпились члены его экипажа: Михаил Марфин, Владимир Березин, Тихон Ланговой. Военфельдшер держала у носа флакончик с резко пахнущим нашатырем.

Лисицин медленно поднялся. Ноги дрожали. Но силы постепенно возвращались к нему. Непривычно глухим голосом поблагодарил Геруха, подставившего ему плечо.

— Спасибо, Дима!

— Все в порядке, товарищ старший лейтенант! А «тигра» я все-таки доконал. Теперь у меня их семь на боевом счету.

— Молодец, Дима!

Лисицин медленно поднялся на высотку, укрывавшую его танк, и взглянул на поле боя. На перепаханном воронками косогоре догорали танки и бронетранспортеры, стояли разбитые автомашины. Повсюду — в неестественных позах трупы вражеских солдат и офицеров. Посмотрев на танк, он увидел на башне косой вороненый след от выпущенной «тигром» болванки. Она не сумела пробить уральскую сталь и срикошетировала. Уральская броня в который раз стала надежной защитой для экипажа. Горячая волна благодарности советским людям, создавшим такую машину, захлестнула сердце лейтенанта…

В дни празднования 25-летия победы над фашистской Германией ветераны бывшего 58-го отдельного танкового Катовицкого ордена Богдана Хмельницкого полка побывали в местах, где шли памятные бои, в сорок четвертом. Их тепло встречали жители Каменка-Бугского района.

Было о чем рассказать капитану запаса Владимиру Петровичу Лисицину, который после боев на Западном Буге сражался на Дуклинском перевале, на Одере.

Сейчас Владимир Петрович возглавляет кафедру уголовного права и процесса на юридическом факультете Львовского государственного ордена Ленина университета им. Ивана Франко. В преподавательской и научной работе нашел он свое новое призвание.

А. Н. Лехницкий, майор
ПОЧЕРК ВЕТЕРАНА

К. К. Артамонов

Небо было удивительно ясным и чистым. Ветер с утра разогнал пену облаков, и теперь только две белые нити инверсии, оставленные в зените самолетами, наискось делили его. Подполковник Артамонов медленно натянул на голову мягкий подшлемник и зашагал к стоянке, думая о предстоящем вылете.

Его ждали. Лейтенант, с которым подполковнику предстояло лететь, был уже полностью экипирован и сейчас стоял чуть в сторонке, наблюдая, как хлопочут у самолета техники. Лицо молодого пилота спокойное, казалось, даже чуточку беспечное, но по глазам Артамонов сразу определил — волнуется.

Подполковник хорошо понимал состояние летчика. Только из училища. Еще и не обжился в полку как следует, и для многих он — всего лишь лейтенант Левитанус, которому сегодня впервые предстоит доказать, что не зря он носит форму летчика.

Потому и волнуется, потому и живет этим ответственным полетом уже здесь, на земле, у притихшей, будто отдыхающей перед дальней дорогой, серебристой птицы.

Лейтенант Левитанус нравился Артамонову. Приметил его еще накануне, в классе. Потом видел молодого пилота в кабине тренажера. Старательный, собранный… А теперь это легко угадываемое во взгляде лейтенанта волнение… Оно тоже почему-то расположило к лейтенанту старого боевого летчика. Не потому ли, что сам всегда волновался перед каждым значительным в жизни событием? Когда впервые поднялся в небо, когда вступал в комсомол, когда получал из рук начальника политотдела

партийный билет. А может, потому, что вдруг увидел в нем самого себя — двадцатилетнего младшего лейтенанта? И тот жаркий июль сорок четвертого, когда он прибыл на полевой аэродром.

Память услужлива. Чуть коснулся прошлого — и встают картины давно пережитого. Часто вспоминаются ему отцовские слова, что не раз слышал еще мальчишкой:

— Любое дело, сынок, должно делаться с душой.

Корнея Петровича постоянно тянуло туда, где труднее, где нужнее всего были его золотые руки и горячее сердце коммуниста. В гражданскую войну почти не вылезал из седла. А когда освободили от белогвардейцев Донбасс, начал восстанавливать в родном краю шахту.

Сыну редко приходилось видеть отца. Даже обидно было, что нечасто может посидеть у него на коленях, вместе сходить на рыбалку или запустить в небо бумажного змея. Но когда подрос, многое понял. И уже гордился своим отцом, старался подражать ему. Во всем. И точно так же в каждое дело вкладывал частичку своей души…

Тогда в Чемеровцах, где базировался полк, в составе которого предстояло воевать Карлу Артамонову, в первый день фронтовой жизни он тоже думал об отце. Думал с болью и гордостью. Замполит полка капитан Генералов спросил младшего лейтенанта об отце и увидел, как потемнело сразу его лицо.

— Нет у меня отца, — глухо проговорил Артамонов. — В сорок первом в гестаповских застенках замучен… Сейчас я за него, товарищ капитан…

…Звенящий грохот турбин разбудил притихший было аэродром — техник опробовал двигатель. Артамонов опять посмотрел на лейтенанта. Сейчас его лицо выражало только нетерпение: так хотелось молодому пилоту скорее подняться в небо. И Карл Корнеевич словно вновь увидел в Левитанусе себя. Вспомнил тот памятный июль сорок четвертого.

…Командир эскадрильи капитан Михаил Быков не любил, когда к нему приставали с вопросами.

— Что, не терпится? — ворчал он недовольно. — Будет приказ — полетите. А сейчас лучше над картой лишний раз поколдуйте.

Но неожиданно сам примчался на стоянку, собрал летчиков:

— За дело, товарищи! Большие события надвигаются…

Это было накануне Львовско-Сандомирской операции.

А 14 июля на аэродроме перед строем заполыхало боевое знамя полка. Артамонов взволнованно слушал речи товарищей и чувствовал, как сердце сжимает радостная тревога: наконец-то!

Но в первый день боев младший лейтенант Артамонов не летал на задание. И на второй, и на третий… Вместо этого он дежурил у своего самолета, встречал и провожал товарищей по эскадрилье; видел, как после одного из вылетов возвратился на подбитом штурмовике старший лейтенант Артемьев, как механики вытаскивали из задней кабины раненого стрелка-радиста.

— Товарищ капитан, — каждый раз бежал Артамонов навстречу командиру, — что же я? Люди кровь проливают, а тут… Пустите в бой, товарищ капитан…

— Молодой, необстрелянный и в такую круговерть?

Но лейтенант стоял на своем. И столько искренней мольбы было в его голосе, что комэска смягчился:

— Ладно, готовьтесь. Завтра пойдете в составе шестерки.

Ведя решительное наступление, наши войска окружили юго-западнее города Броды крупную группировку противника. Гитлеровцы во что бы то ни стало стремились подтянуть резервы на помощь окруженным войскам. Со стороны Львова на Броды шли танки, артиллерия, пехота. Выйти наперерез вражеским резервам, не дать им возможности прорваться на Броды — такая задача была поставлена перед танковыми и стрелковыми частями. Поддержку с воздуха им оказывала авиационная дивизия генерала Котельникова, в составе которой начинал свой боевой путь младший лейтенант Артамонов.

Небо в районе озерца Заложце и села Плотыча как будто начинили металлом. Такую этажерку выстроили наши самолеты — поди разберись. Три этажа «илов», чуть выше «Пе-2», а еще выше — «лавочкины», «яки»… И все это бомбит, стреляет, штурмует…

Артамонов, так и не разобравшись по-настоящему, что происходит, бросал бомбы, заходил на штурмовку, больше думая о том, как бы не оторваться от строя, чем о результатах своей работы. Шутка ли, первый вылет — и в такое пекло! Потом уже, возвращаясь на аэродром, он, стыдясь, вспомнил эти несколько минут над целью, ожидая неизбежного разноса. Но вместо этого комэска сказал:

— Молодец, Артамонов! Строй держать можешь. Значит, и воевать научишься… Впрочем, я видел, как ты бомбы уложил в батарею. Для первого раза совсем неплохо…

…«Спарка» стремительно набирала высоту. Сидя в инструкторской кабине, подполковник чувствовал, как уверенно пилотирует машину лейтенант. Но иногда стрелки приборов чуть переходили границы заданного режима, и тогда Артамонов спокойно предостерегал пилота:

— Не увлекайся, не увлекайся…

Карл Корнеевич хорошо понимал, что значит для летчика излишняя увлеченность. Тогда, в сорок четвертом, он чуть не погиб из-за этого. Да, спасибо, товарищи выручили.

…Будто сейчас помнит он ту памятную штурмовку небольшой станции Ходоров, где скопилось несколько вражеских эшелонов с боевой техникой. Как хотелось ему тогда точно в цель уложить все свои бомбы и эрэсы! Может, именно потому и затянул немножко пикирование. Чтобы уж попасть наверняка! Чтобы захлебнулись проклятые фашисты в собственной крови! И младший лейтенант не ошибся в расчетах. Вспыхнули внизу ярким пламенем цистерны, заметались в животном страхе гитлеровские солдаты. Так вам, гады, так!.. За отца, за погибших товарищей, за землю родную…

Почти над самой землей Артамонов взял на себя ручку управления, и когда стал выводить «ил» из пике, краем глаза заметил осиные силуэты «мессеров». Увлекшись атакой, он оторвался от группы и теперь был в небе один против четверки фашистских истребителей.

— Волков, фрицы! — крикнул он стрелку и в ту же секунду ощутил, как пушечная очередь прошила кабину, как задрожала машина.

Штурмовик сразу как-то отяжелел, стал плохо слушаться рулей. Но Артамонов все же набрал метров 500 высоты и, выровняв машину, дал полный газ. Но догнать группу не удавалось. А «мессеры» уже заходили в новую атаку…

Стрелок юлой вертелся в тесной кабине, посылая длинные очереди из пулемета. Но все-таки один из гитлеровцев сумел приблизиться к штурмовику, и Артамонов увидел, как начисто срезало снарядом часть правой плоскости, почувствовал, как потянуло сквозняком через пробоину в фюзеляже. Казалось, еще минута-другая и «мессеры» добьют израненный штурмовик. В этот миг в строй фашистов врезался краснозвездный ястребок. По номеру и алому коку Артамонов узнал машину Героя Советского Союза капитана Шадрина — командира группы прикрытия.

— Держись, «горбатый»! Держись, браток!

Два «мессера» так и не закончили атаку. Один, не выходя из пике, врезался в землю, другой, густо задымив, скрылся за кромкой леса. Вторая пара не рискнула вступать в бой.

Артамонов, чудом удерживая самолет в воздухе, тянул к своему аэродрому. И хотя устал до предела, знал, что предстоит сложнейшая посадка на почти неуправляемой машине, на сердце у него было радостно: все-таки его бомбы и эрэсы точно легли в цель…

Мелькнули под крылом знакомые ориентиры. Лейтенант хотел начать разворот, но штурмовик упрямо шел только по прямой. Еще попытка, еще — и снова безрезультатно. «Не сесть, — мелькнула мысль, — рули не действуют». Он лихорадочно соображал, что делать. Выпрыгнуть с парашютом? Но ведь тогда он обречет себя на бездействие. Новую машину не скоро получишь. А тут такие бои… И личный счет мести он едва только начал…

— Волков! Прыгай! — подал он команду стрелку. — А я попытаюсь как-нибудь развернуться…

Это было странное зрелище. Товарищи с земли тревожно наблюдали, как штурмовик с разлохмаченной на конце разрывом снаряда плоскостью, натужно завывая и гудя, описывал в небе едва заметную дугу; как через несколько минут он скрылся за горизонтом, потом совсем с другой стороны появился над аэродромом и, перекосясь и теряя высоту, неуклюже пошел на посадку.

Да, летчики знали, как сажать израненный, почти неуправляемый самолет. Тут нужно не только мастерство, но и мужество, огромная сила воли. А в кабине — молодой пилот, едва делающий первые шаги в небе. И когда штурмовик, пробежав по полю, остановился, летчики, техники и мотористы бросились напрямик к самолету с возгласами:

— Молодец, Артамонов!

— В рубашке родился!

— Мастерски посадил!

А замполит полка, едва Артамонов соскочил с крыла на землю, обнял младшего лейтенанта.

— Спасибо, дорогой. За бой, за машину…

Первый вылет всегда краток. Кажется, только поднялся, а уже снова под крылом «спарки» знакомые антенны дальнего привода. Но и за эти недолгие минуты можно составить о летчике вполне определенное мнение. Артамонов остался доволен действиями лейтенанта Левитануса. И сейчас, шагая от самолетной стоянки к высотке, он думал о том, как хорошо, что в авиацию приходят такие парни: решительные, смелые, по-настоящему влюбленные в свое дело. А еще думал коммунист Артамонов: какое счастье передавать опыт таким, как этот лейтенант, видеть, как твои питомцы уверенно расправляют крылья.

* * *

…Беседа закончилась. В коридоре подполковника

Артамонова окружили молодые офицеры.

— Вы так интересно о здешних местах рассказывали, — обратился к нему один. — Наверное, воевали здесь?

— Воевал, — кивнул головой Карл Корнеевич. — В сорок четвертом. Мое боевое крещение здесь проходило. При осуществлении Львовско-Сандомирской операции. Слышали о такой?

— Читал, товарищ подполковник, — лейтенант внимательно рассматривал орденские планки на груди ветерана. — Этот орден вы не тогда получили?

— Нет, позже.

Подполковник задумался. Боевой награды за те его первые фронтовые дни у него не было. Да и не совершил он тогда ничего героического. Разве что воевать учился. И душу вкладывал в каждый вылет. А награды пришли уже потом. Хотя нет. Была и здесь…

Рука ветерана невольно потянулась к груди, где у самого сердца хранилась небольшая красная книжечка. Несколько секунд он ощущал ее упругую твердость, затем повернулся к офицеру:

— Награда, спрашиваете, какая? Самая дорогая. После тех боев коммунисты мне рекомендацию в партию дали… Вот какая награда.

СЛОВО ДОКУМЕНТАМ (Из материалов Архива Министерства обороны Союза ССР)

Бой у села Тадани

Мужество и отвагу проявил личный состав 4-го гвардейского кавалерийского полка при форсировании Западного Буга в районе села Тадани.

Противник занимал оборону на западном берегу и, оказывая упорное сопротивление, вел сильный артиллерийско-минометный и пулеметный огонь.

Бойцы и командиры 2-го сабельного эскадрона гвардии капитана Галиулла Тимиргалиева, переправившись через реку вброд, завязали бой и отбросили врага. Несколько часов длилась схватка.

Командир пулеметного расчета коммунист Дмитрий Немцов под огнем противника первым переправился на западный берег и открыл огонь из «максима». К вечеру полк овладел селом Тадани.

Из политдонесения политотдела 2-й гвардейской кавалерийской дивизии от 19 июля 1944 г.

Уверенность в оружии

На боевом счету отважного пулеметчика гвардии старшего сержанта Бабайцева десятки уничтоженных гитлеровцев.

В районе села Турки группа немцев попыталась атаковать сабельный эскадрон 8-го гвардейского кавалерийского полка, в котором находился бывалый пулеметчик конной гвардии.

Бабайцев был уверен в своем «максиме», и когда фашисты приблизились на 50 метров, пулемет заработал короткими равномерными очередями.

25 вражеских солдат нашли себе могилу у огневой позиции пулеметчика Бабайцева. Остальные в панике разбежались.

Из информационного бюллетеня штаба 2-й гвардейской кавалерийской дивизии. Июль, 1944 г.

Завязалась рукопашная…

Мужественно действовали в бою 20 июля минометчики 4-го гвардейского кавалерийского полка под командованием гвардии

капитана Е. М. Иванцова.

Более ста пятидесяти немецких солдат и офицеров, обнаружив огневую позицию нашей батареи, хотели, как показал пленный, уничтожить и захватить минометы. Гитлеровцы пошли в атаку.

Командир батареи Егор Иванцов принял решение: поднять личный состав в контратаку. Завязалась рукопашная.

В коротком бою минометчики уничтожили более 40 фашистов.

Капитан Егор Максимович Иванцов был удостоен ордена Отечественной войны I степени.

Из политдонесения политотдела 2-й гвардейской кавалерийской дивизии от 21 июля 1944 г.

Двенадцатый стервятник

Зорко охраняют боевые порядки частей дивизии воины-зенитчики 33-го отдельного дивизиона ПВО.

Дождливый, пасмурный день. Погода явно не летная, но зенитчики на страже.

Из-за туч послышался гул моторов.

— Самолет противника! — доложил дальномерщик коммунист Аникин.

Воины взвода старшины Паршака бросились к орудиям.

— Огонь! — скомандовал командир.

Трассирующие снаряды пошли в цель.

Отчетливо было видно, как фашистский стервятник, совершив последний рейс, врезался в землю.

Это двенадцатый самолет врага на счету взвода коммуниста старшины Паршака.

Из информационного бюллетеня штаба 2-й гвардейской кавалерийской дивизии. Июль, 1944 г.

Б. П. Василевич, старший лейтенант запаса .

Подарок колхозника

З. И. Макаров

В лучах заходящего солнца один за другим приземлялись самолеты. На прифронтовой аэродром опускался вечер.

Возвратился с боевого задания и летчик Зосим Макаров. Едва он успел зарулить самолет на стоянку, как посыльный сообщил, что его срочно вызывают в штаб.

«Что-то случилось, — мелькнуло в голове Макарова. — Наверное, важная цель обнаружена — вот и срочный вызов…»

Торопясь в штаб, Макаров думал, что за последнее время у него произошло немало радостных событий. Пожалуй, главное из них то, что он стал летать на самолете, приобретенном на средства колхозника Жадана. Этому патриоту с Харьковщины он послал письмо с сердечной благодарностью за подарок, заверяя, что будет беспощадно громить фашистов. Вскоре пришел ответ. Николай Артемович обращался, как к родному: «Прилетай, сынок, к нам, хочу посмотреть на тебя и на самолет, на котором летаешь… Узнаешь, как мы живем после того, как прогнали гитлеровцев…»

В штабе состоялся действительно необычный разговор.

— Колхозник Жадан приглашал в гости? — спросил командир полка.

— Да. А что?

— Летите. Готовьте самолет, и завтра — в путь.

— Куда?

— В Харьков. Там и встретитесь.

Оказывается, пришла телеграмма от Главного маршала авиации Новикова, разрешающая полет летчика Макарова для

встречи с колхозником Жаданом.

И вскоре гвардии капитан Макаров на своем штурмовике приземлился под Харьковом. Самолет, на фюзеляже которого была надпись: «Подарок колхозника Н. А. Жадана», встречали авиаторы, представители общественности Харькова. К машине подошел крутоплечий, уже пожилой, с приветливым лицом человек. Он шагнул прямо к летчику, на груди которого сияли орден Ленина и Золотая Звезда. Подал руку. Затем крепко обнял капитана.

— Рад познакомиться, сынок! Вот какой ты, славный сокол!

— Да и вы молодцом выглядите, — улыбнулся Макаров Жадану.

Секретарь Харьковского обкома партии, поднявшись на импровизированную трибуну, открывает митинг, посвященный встрече патриотов.

Слово взял колхозник села Артемовки Печенежского района Н. А. Жадан.

В 1914–1915 гг. он был бортмехаником на самолете «Илья Муромец». На всю жизнь сохранил любовь к авиации. Находясь в тылу во время войны, Николай Артемович думал, как бы помочь Красной Армии быстрее разгромить врага. И все свои трудовые сбережения отдал в фонд обороны на приобретение самолета, который просил вручить летчику 1-го Украинского фронта.

— Я счастлив, что на мои личные средства приобретен этот боевой самолет, — сказал Николай Артемович. — Рад, что на этом штурмовике летает и громит врага наш славный летчик Макаров.

Жадан вынул золотые часы, на которых было выгравировано «Герою Советского Союза гвардии капитану З. И. Макарову от Н. А. Жадана», и вручил их гостю.

Никогда еще в своей жизни Зосим Макаров не переживал столь волнующих минут, как нынче. Горячо выступил он перед собравшимися.

— Я — удмурт, — начал он. — Вместе с русскими, украинцами, белорусами сражаюсь против общего врага — фашизма. Сейчас летаю на самолете — подарке украинского колхозника. И доверенный мне самолет, и врученные часы — выражение горячей любви народа к нашей армии. Буду драться с врагом, пока бьется сердце.

После митинга Жадан и его земляки увезли Макарова в Печенежский район. Радушно встречали летчика в райцентре, в селе Артемовке, откуда родом Жадан.

Прощались, как родные.

— Крылышки у тебя крепкие, летай, воюй, сынок, — говорил

на прощание летчику Николай Артемович.

— Счастливо возвращаться — с победой, — желали колхозники.

Несся голубыми просторами штурмовик Макарова. «Воюй, сынок, воюй…» — пел мотор самолета, пело сердце летчика.

С ноября сорок первого года воюет Зосим. Бил он врага под Ржевом и Великими Луками, под Орлом и Курском, на берегах Днепра. На его счету — около сорока танков, тринадцать артиллерийских батарей, разрушенные склады и переправы. Случалось, что возвращался он с задания с пробитыми плоскостями, а однажды — на горящем самолете. Был неоднократно ранен в воздушном бою. Но как только заживали раны, снова возвращался в строй.

— Ну как слетал в гости? — спрашивали летчики Макарова.

Зосим рассказал о митинге, о встречах с хлеборобами… А в заключение сказал:

— Земляки колхозника Жадана передали всем горячий привет, желали скорее разгромить ненавистного врага.

— А мы меняем точку, — сообщил командир полка.

Часть перебазировалась на новый аэродром. Ближе к передовой. Осуществляя Львовско-Сандомирскую операцию, войска 1-го Украинского фронта шли в наступление. На одном из участков поддерживал наземные части 91-й гвардейский штурмовой авиаполк.

В воздух поднялась группа штурмовиков. Ведущий — командир эскадрильи Зосим Исакович Макаров. В строю — Николай Красновский, Александр Батков, Николай Павленко, Анатолий Балдин — смелые, бесстрашные летчики. Десятки гитлеровских танков выдвинулись на боевые рубежи, чтобы ринуться в контратаку в районе Горохова. Сюда и устремились штурмовики, чтобы преградить им путь.

Самолет, подаренный колхозником Н. А. Жаданом

Из-за рощи выползают «тигры», «пантеры», направляясь с проселочной дороги на шоссе. Фашисты встречают штурмовиков зенитными залпами. Разрывы снарядов ложатся в небе густыми белыми облачками. Вдоль дороги часто озарялись вспышками стволы зенитных орудий.

— «Тюльпан-3»! Усмирить батарею! — требует по радио ведущий.

«Тюльпан-3» — это старший лейтенант Батков. Он выходит из строя со своим ведомым и бросается в пике на батарею. Так летчик поступал всегда: шел на огонь, считая, что чем смелее идешь на смерть, тем больше надежды, что она отступит. Сброшенные бомбы заставили замолчать батарею. Басков занимает место в группе.

Макаров атакует танки. Выбирая цель, бесстрашно пикирует экипажи. «Илы» повторяют заходы. Не падают зря бомбы. Горят фашистские бронированные машины.

Три вылета подряд сделала эскадрилья. Устали от беспрерывного напряжения пилоты. Отдохнуть бы в тени деревьев. Но Макаров просится в воздух. Теперь, перед вечером, он идет только с одним ведомым.

Ныряя из облака в облако, пара штурмовиков летела параллельно железнодорожной насыпи. Вдруг летчики увидели путеразрушитель. Паровоз шел, ломая за собой шпалы, взрывая рельсы. Пилоты сбросили бомбы в нескольких ста метрах перед ним. Взрыв! Теперь — стоп! Не пойдет дальше коварная машина. Затем зашли еще раз, второй… ударили из пулеметов по команде путеразрушителя, которая разбегалась в разные стороны.

— Идем домой! — передал Макаров ведомому.

…А вечером летчики сидели под куполом звездного неба, вблизи стоянки грозных крылатых машин, говорили о прошедшем напряженном боевом дне. И не только об этом. Зосим Макаров вспомнил родную Удмуртию. С любовью рассказывал о красоте ее голубых озер, многоводных рек, дремучих лесов.

— Подамся после войны в родные места, — делился планами Зосим Макаров. — Лесником стану… Ружьишко за плечи — и любуйся цветами, травами, вдыхай лесные запахи.

А Саша Батков высказывал свои сокровенные мысли:

— А я буду летать над твоими лесами. Вот отец в письме приглашает в картографическое управление, где он работает. Разобьем врага, — мечтательно продолжал Александр Батков, — летчиком-картографом стану…

Мечты, мечты… Они не покидали фронтовиков даже в самые

трудные минуты военного времени. А теперь вот враг отступает. Пришел час расплаты! Мечтали о мирных днях летчики, собравшиеся сейчас вокруг командира эскадрильи Зосима Макарова. О счастливых мирных днях мечтал и Саша Батков… Но из очередного боевого вылета Александр не вернулся. В адрес родителей направлено сообщение о том, что сын погиб смертью храбрых.

Эскадрилья наносила удар по скоплению гитлеровцев юго-западнее города Броды. Над целью зенитный снаряд попал в штурмовик Баткова. Он сделал вынужденную посадку в расположении противника. Гитлеровцы со всех сторон окружили подбитый самолет. Батков защищался, пока стрелял его пистолет, пока билось сердце. Так геройски погиб на львовской земле Александр Батков. На его счету было более ста боевых вылетов, грудь летчика украшали два ордена Красного Знамени…

А Макаров снова шел в бой, ведя за собой своих соколов. На второй день после гибели Саши Баткова ранним утром Макаров с небольшой группой летел к полю боя на «свободную охоту». Только взошло солнце. Над землей плыла тонкая, прозрачная дымка. Они летели над районом, где уже зажаты в кольцо вражеские войска. Цель вскоре была найдена. На высотке у рощицы летчики увидели замаскированные ветками и скошенной травой немецкие танки. Спикировав, сбросили бомбы по крупповскому панцирю, во втором заходе ударили пушечным огнем. Там внизу вспыхнуло несколько костров. Значит, не зря истратили боеприпасы.

Ведущий взял курс на запад. Рядом — граница. Просматривали населенные пункты, дороги. Внимание летчиков привлекла странная пестрая, вытянувшаяся на несколько километров полоса. Разноцветной лентой тянулась она на фоне зеленого поля. «Что это?» — недоумевал Макаров. А когда снизились, выяснилось, что это люди в гражданской одежде, главным образом женщины. В руках у них лопаты, кирки. Гитлеровцы вынудили местное население рыть траншеи, окопы. «Оборонительный рубеж еще решили строить», — зло усмехнулся Макаров, а сам думал, что же предпринять. Решение созрело быстро: разогнать эту женскую рабочую силу.

Дав сигнал ведомым, Макаров пошел на низкой высоте параллельно длинной ленте людей. После первого же захода женщины разбежались.

Когда на своем аэродроме Макаров рассказывал летчикам, как пугали женщин, рывших гитлеровцам траншеи, все смеялись. Редкий случай в боевой практике штурмовиков!

— А собрали ли немцы вновь эту разбежавшуюся команду? —

поинтересовался один из авиаторов.

— Куда там! Их с огнем не найдешь, — засмеялся Макаров

— Да и какие там траншей спасут гитлеровцев, — сказал один из летчиков, летавших с Макаровым. — Бежать им надо, а они еще людей вынуждают строить оборону. Мы идем вперед!

Зосим Макаров со своими побратимами уже летали за Сан, Вислу. Флагманом в боевом строю эскадрильи всегда шел штурмовик, на борту которого красовалась надпись: «Подарок колхозника…»

Кончилась война. Зосим Исакович Макаров стал генералом. Не ослабевала их дружба с колхозником Жаданом. В 1969 году они на память сфотографировались.

— В период битвы с фашизмом воины-фронтовики всегда чувствовали отеческую заботу советских людей — тружеников тыла, — говорит Зосим Исакович. — И, конечно, летать на самолете, подаренном патриотом, было для меня большой честью.

ОБ ЭТОМ ПИСАЛИ КРАСНОАРМЕЙСКИЕ ГАЗЕТЫ

Победа гвардейцев

Восьмерка истребителей во главе с гвардии лейтенантом Власовым вылетела на прикрытие наступающих войск. В районе цели наши летчики обнаружили большую группу немецких самолетов. Воспользовавшись некоторым преимуществом в высоте, Власов решил атаковать противника.

Очевидно, рассчитывая достигнуть превышения, два немецких истребителя пошли на петлю. Когда ведущий немецкий самолет достиг верхней точки, Власов с дистанции 30 метров открыл огонь по зависшему в воздухе противнику. От меткой очереди «фокке- вульф» взорвался в воздухе.

В это время второй самолет врага, прикрывавший своего ведущего, попал под меткий огонь гвардии лейтенанта Михалина и, загоревшись, упал на землю.

С каждой минутой темп боя нарастал. Гвардии лейтенант Власов заметил, как один из истребителей противника заходит в хвост самолету молодого летчика Володина. Власов поспешил на выручку товарищу. Эта мгновенная схватка произошла на встречных курсах. Самолет противника, объятый пламенем, пошел вниз.

Бой длился не больше 15 минут. За это время летчики-гвардейцы сбили пять немецких истребителей, а сами без потерь вернулись на аэродром.

Из газеты 2-й воздушной армии «Крылья Победы».
Июль, 1944 г.

Боевой счет танкиста

Не новичком, а закаленным и опытным воином вступил в эти июльские бои танкист Алафиренко. Во время битвы на Курской дуге он уничтожил три «тигра». Орденом Красного Знамени отметило правительство мужество и воинское умение старшего лейтенанта Алафиренко.

Шел бой за деревню. Гитлеровцы отчаянно сопротивлялись. Снаряды танкистов ложились метко. Они подавляли немецкие огневые точки, косили вражеских солдат и офицеров. В одном секторе Алафиренко заметил постоянное движение. Сюда часто подъезжали повозки, суетились немецкие солдаты.

«На склад боеприпасов похоже», — решил Алафиренко, и пушка его машины послала несколько снарядов в замеченный объект. Взрыв и черные клубы дыма свидетельствовали, что цель определена правильно.

И вот танки офицера Алафиренко получают задачу: на крепкий замок запереть дорогу, по которой немцы пытались выбраться из окружения. Несколько раз бросались гитлеровцы в атаку, но всегда их встречал смертоносный огонь танковых пушек и пулеметов. Десятками трупов солдат и офицеров устилал враг дорогу. Здесь гитлеровцы нашли свою гибель, пройти им не удалось.

После уничтожения вражеской группировки снова устремились на запад наши танки, и среди них — боевая машина танкиста Алафиренко.

Из газеты 31-го танкового корпуса «На штурм».

Июль, 1944 г.

Е. Н. Индик, подполковник запаса
ОРЛЕНОК

А. Т. Орленко

Бои подкатились сюда внезапно, как раз в уборочную. Над жнивьем и нескошенными хлебами забушевали свинцовые метели. Не видно на полях хлеборобов.

Но вот на краю неубранного участка пшеницы появились люди. Они передвигались ползком, так что издали их почти незаметно. Это неутомимые труженики войны — саперы. На рассвете под покровом пелены тумана прибыли они на минное поле, преградившее путь нашим частям. Вгрызаясь в землю, саперы доставали смертоносные механизмы и обезвреживали их.

Мины были разные: противотанковые, противопехотные, внезапного и замедленного действия. Чтобы обезвредить их, нужны и знания, и умение, и ловкость.

Один из саперов — худощавый, но крепкий в плечах боец несколько выдвинулся вперед. Лежа в рытвине, он аккуратно разгребал землю, извлекая металлические предметы, начиненные взрывчаткой. Это Андрей Орленко.

— Орленок, как у тебя дела? — спрашивает у него хрипловатым голосом работающий рядом сапер.

— Замысловатая попалась штучка — не найдешь, где взрыватель, — ответил Орленко, вглядываясь в таинственные выступы на коварной вещице. — Нашел! — сообщил вслед за этим он и, выкрутив взрыватель, отложил очередную обезвреженную мину в сторону.

— Смотри, Орленок, в оба! — предупреждает тот же хрипловатый голос. — Саперу ошибаться не дозволено!

«Ошибаться не дозволено…» — мысленно повторил Андрей и вдруг подумал, что среди своих боевых друзей он самый молодой и по возрасту, и по опыту.

…Когда в его родной город Конотоп ворвались гитлеровцы, ему исполнилось пятнадцать. Эвакуироваться Андрей не смог. Три года не жил дома: прятался у родственников, у соседей, в огородах, в поле, чтобы не угнали фашисты на каторжные работы. Лишь только город освободили наши войска — ушел в Красную Армию. С октября сорок третьего — на фронте. Боевое крещение Андрей Орленко принял на Днепре.

…Уже на правом берегу они вчетвером несли надувную лодку. Вдруг разорвался рядом снаряд. Двое бойцов были рассечены осколками на части, погиб и третий. Только он, Андрей, остался невредим. После этого случая он как-то сразу возмужал, утвердились в нем бесстрашие и презрение к смерти.

В декабре сорок третьего в составе 159-го отдельного саперного батальона Орленко сражался на Житомирщине. Здесь он был представлен к первой награде. В реляции, подписанной комбатом, говорилось: «С первых дней службы красноармеец А. Орленко показал себя одним из лучших минеров. Под огнем противника на переднем крае обороны поставил 120 мин». Как указывалось дальше в наградном листе, Орленко совершил и второй подвиг.

Однажды более двадцати танков и две роты автоматчиков противника прорвались в деревню, где находился отдельный саперный батальон. Во время артиллерийского обстрела загорелось помещение штаба. -

Охранявшие боевое знамя бойцы погибли. Пренебрегая опасностью, Андрей Орленко вскочил в горящее здание и вынес святыню батальона из огня. Вокруг свистели пули, впивались в землю осколки. Орленко изо всех сил побежал в сторону рощи, куда отходили саперы. На нем уже тлела гимнастерка. Отстреливаясь, он наконец скрылся в роще. Здесь, перегруппировав силы, наши подразделения пошли в контратаку. Участвовали в ней и воины саперного батальона. Они шли в бой с особым вдохновением— ведь рядом с ними находилось боевое знамя.

Все саперы искренне радовались, увидев вскоре на груди Андрея Орленко орден Славы III степени.

— Заслужил такую награду Андрей: и сапер отличный, да к тому же спас знамя нашей части, — говорили бойцы, восхищаясь мужеством своего боевого товарища.

Так уж получалось, что Андрей Орленко всегда оказывался там, где опаснее и труднее.

Так было и когда дивизия, в состав которой входил этот саперный батальон, вела бои на подступах к Берестечку. С группой бойцов Орленко обезвреживал мины на переднем крае обороны у берега Стыря, проделывал проходы в проволочном заграждении. Но только они вышли к руслу реки, поступила дополнительная задача: сделать мост через Стырь.

Всю ночь работали саперы вместе с подоспевшим отделением стрелков. Не вылазил из студеной воды Орленко, устанавливая одну за другой опоры. «Ничего, не из сахара мы, не раскиснем! А холодная вода для закалки нам дана!» — подбадривал он других. И сам трудился так, что лоб покрывался потом.

Саперы еще не закончили работы, как неожиданно приблизившаяся рота противника сильным огнем хотела сорвать наведение переправы. Бойцы выбрались на берег, вступив в неравную схватку с гитлеровцами, и сдерживали натиск врага, пока не подошло подкрепление.

Не думал Андрей об опасности, когда выносил из горящего здания знамя части, когда под шквальным огнем наводил мост и вел жестокий бой, защищая переправу. Не думал он об опасности и сейчас, работая на начиненном минами поле. Он знал неоспоримую истину, что сапер всегда ходит на острие ножа, что ему не дозволено ошибаться, что за малейшую оплошность — расплата самая суровая. Но, к счастью, и на этот раз все обошлось благополучно. Вот уже в минном заграждении сделаны и обозначены условными знаками проходы.

— Орленок! Давай сигнал пехоте. Все готово! — отдает приказание Андрею командир саперного отделения, который прошел суровую школу еще на берегах Волги.

Воины первого батальона 524-го стрелкового полка через проходы преодолели минное заграждение и устремились к ближайшей дороге. Вдруг со стороны густой рощи застрочили вражеские пулеметы. Фланговый удар противника оказался неожиданным. В огневой схватке погиб комбат, замполит, другие офицеры батальона. Стрелки, неся большие потери, отступали к сосновому лесу, где, как было известно саперам, находились в обороне гитлеровские подразделения.

— На верную гибель идут! — с волнением сказал командир саперного отделения. — Орленок, бери группу бойцов, отправляйся туда, предупреди об опасности! А мы здесь пособим пехотинцам.

Ефрейтор Орленко с группой саперов побежал к лесу. «Только бы вывести батальон из зоны огня», — думал он, вихрем несясь по полю, на котором от вражеских пуль падали и падали солдаты. Приблизившись к бойцам, уже достигавшим леса, Андрей

Орленко закричал во весь голос:

— Стой! Назад! Слушай мою команду! За мной! — и он ринулся на цепи противника, которые отрезали батальон от главных сил.

Эта волевая, внушительная команда возымела действие. Бойцы побежали вслед за неизвестным командиром. Они не знали ни его должности, ни звания, но думали, что это, наверное, лейтенант, а может, и капитан — уж так смело и уверенно отдает команды.

— Дружней, товарищи! Огонь! Огонь по фашистам! — кричал Орленко и сам метко стрелял из автомата, подкашивая ряды гитлеровцев, расчищая дорогу вперед.

— Товарищ капитан! Товарищ капитан! Осторожнее, убьет вас! — кричал кто-то из пехотинцев бежавшему саперу. И по цепям, устремившимся в едином порыве на врага, пронеслись отрывистые фразы: «Ну и смел же капитан!», «Не отставать от храбреца капитана!»

А Орленко, взяв командование батальоном на себя, вел воинов в решительную атаку. Он пустил в ход гранаты. Следуя его примеру, смело атаковали фашистов пехотинцы. В беспрерывной трескотне автоматов послышалось татаканье пулемета. Два бойца, сменив погибший расчет, выдвинулись с пулеметом на фланг и ударили по гитлеровцам.

Пехотинцы, которые только что находились в очень тяжелом положении, теперь грозной силой пошли на прорыв вражеских цепей. И вел их в бой отважный воин в маскхалате, рядовой сапер. Бойцы видели в нем мужественного командира, вдохновляющего их личным примером бесстрашия.

Батальон вырвался из ловушки. Обтекая безымянную высоту, приближались сюда главные силы полка. Командир полка майор С. Лотарев подошел к воинам первого батальона.

— Где комбат? Замполит?

— Погибли в бою, — ответили солдаты.

— Кто же командовал?

— Один капитан в маскхалате. Вот он, — указал боец.

Андрей Орленко, уставший до изнеможения, сбросив с себя гимнастерку, обдавал лицо и грудь водой. Стало легче. К нему подбежал боец.

— Товарищ капитан, вас командир полка вызывает!

Орленко оделся, накинул маскхалат, подошел к майору.

— Вы, товарищ капитан, командовали батальоном? — не дождавшись доклада, спросил майор.

— Да, помогал пехоте выбраться из трудного положения, — ответил Орленко. — Только я не капитан. — И он снял маскхалат.

На гимнастерке поблескивал орден Славы III степени и орден Красной Звезды. На погонах — лычки ефрейтора.

— Молодец, ефрейтор! — пожал руку Андрею майор. — К званию капитана, как вас тут называли, представить не смогу, а вот к награде представлю обязательно.

За инициативу, проявленную в этом бою, комсомолец Андрей Орленко награжден орденом Славы II степени. В реляции сказано: «18 июля 1944 года в районе деревни Грабова 1-й батальон 524-го стрелкового полка оказался в окружении, а командование батальона было выведено из строя. Создалось критическое положение. Противник начал атаку. Товарищ Орленко взял на себя командование стрелковым батальоном и повел его на прорыв, в результате чего при незначительных потерях личного состава стрелковый батальон вышел из окружения. Сам лично Орленко гранатами и огнем из автомата убил 24 фашистов».

Отличился бесстрашный сапер сержант Орленко и в боях на Одере, где был награжден орденом Славы I степени.

Живет ныне полный кавалер ордена Славы старшина запаса Андрей Тимофеевич Орленко в Конотопе. Он работает военруком в одной из школ родного города. Любят ученики своего наставника. Он интересно проводит занятия, военизированные игры, походы по местам былых боев. Все силы и знания отдает Андрей Тимофеевич этой работе, которая стала для отважного фронтовика любимым делом.

Н. Д. Коломиец, майор в отставке
ЧЕТВЕРТАЯ АТАКА

С. М. Ступак

Удивительный случай произошел в жизни Сергея Матвеевича Ступака в июле сорок четвертого года.

Шел ожесточенный бой. Все вокруг было окутано дымом и пламенем. Когда улегся огненный смерч, минометчик Ступак с поля боя не вернулся. Все видели, как геройски дрался Ступак и как над его минометом взметнулся столб пыли и дыма. Товарищи решили, что он погиб. Из штаба пришла реляция о награждении Ступака. В документе говорилось: «…Удостоен правительственной награды — ордена Отечественной войны I степени посмертно».

…Потянулись долгие, томительные госпитальные дни, недели. Более пяти месяцев потребовалось врачам, чтобы вернуть в строй отважного офицера-минометчика. Многое вспомнилось, о многом передумал Ступак за это время, сверяя свои дела с клятвой, которую дал.

…Было это в 1943 году. На всю жизнь запомнился день, когда ему вручали партийный билет. Хорошо помнит, как он, смущаясь, рассказывал свою биографию на партийном собрании. И о чем ему тогда, в двадцать один год, было говорить?

Родился в бедной крестьянской семье в селе Покровка на Одесчине. Рано потерял отца. Мать его, Татьяна Ивановна, с малых лет приучала сына к труду. Особую страсть питал мальчишка к лошадям. Поэтому, окончив неполную среднюю школу, пошел учиться на зоотехника. В мае сорок первого, когда пришла пора идти в армию, он попросился в кавалерию. Просьбу

удовлетворили. Окончил курсы при Новочеркасском кавалерийском училище.

Прошел год. Бесстрашно и смело воевал старший лейтенант Ступак. Об этом убедительно свидетельствовали два ордена Красной Звезды на вылинявшей от солнца и дождей гимнастерке.

Сейчас ему вспомнились июльские бои, во время которых за проявленные мужество и самоотверженность были награждены многие минометчики взвода. Особенно памятна Ступаку та четвертая атака врага, после которой в наградном листе и оказалось слово «посмертно». Правда, тогда Ступак еще не знал о посмертной награде. Не знал он о том, что однополчане сочли его погибшим.

…Сабельный эскадрон 7-го гвардейского кавалерийского полка прикрывал подступы к Западному Бугу, прочесывал леса на восточном берегу. Короткие схватки сменяли ожесточенные бои. Не считаясь с потерями, противник стремился прорваться из бродовского котла на запад.

19 июля после полуночи эскадрон занял оборонительный рубеж. Забрезжил рассвет, а конники еще не успели как следует окопаться. Вблизи их позиций, в небольшой балочке разместился огневой взвод старшего лейтенанта Ступака. Присмотревшись, в кустарниках можно было заметить 82-мм минометы. Рядом с огневой, на высотке в окопчике примостился командир взвода. Он только что закончил пристрелку двух рубежей. Наблюдая в бинокль, Ступак изучал местность.

— Вот они, «долгожданные гости», — сказал старший лейтенант, заметив небольшие группы фашистов, и тотчас скомандовал: — К бою!

Немцы, словно призраки, появились из пелены тумана. В их рядах двигалось шесть самоходных орудий.

Ступак, выждав, рассчитал момент, когда гитлеровцы подойдут к пристрелянному рубежу. Он принял решение огнем взвода отсечь пехоту от самоходок.

— По наступающей пехоте… Беглый… Огонь!

Ступак отчетливо видел, как падали и падали вражеские автоматчики. Фашисты отхлынули назад.

Последовала вторая, за ней третья атака. Гитлеровцы перестраивали боевой порядок, маневрировали самоходками, но каждый раз откатывались, оставляя на поле боя трупы солдат и офицеров.

Но вот у окопов кавалеристов, на огневой позиции стали рваться снаряды. Через минут пять-шесть донесся рокот самоходок. Противник пошел в четвертую атаку, чуть изменив ее направление.

Ступак сделал перерасчеты, подал команду, и минометчики поставили заградительный огонь на пути врага. Гитлеровцы, неся большие потери, все же проскочили зону разрывов и обрушились на левый фланг эскадрона. Три уцелевших самоходки начали с места обстреливать позиции конников.

Кавалеристы держались, но им приходилось все трудней и трудней.

Старший лейтенант Ступак, выскочив из окопа, схватил ручной пулемет, пару дисков и, пробежав метров сто, занял позицию. Бил наверняка, в упор. Внезапный фланкирующий огонь пулемета предрешил исход схватки.

В этот момент раздался оглушительный взрыв. Ступака засыпало землей. Он потерял сознание и уже не слышал, как эскадрон поднялся в контратаку, как вместе с конниками бросились на фашистов расчеты огневого взвода. Ступака без признаков жизни подобрали санитары.

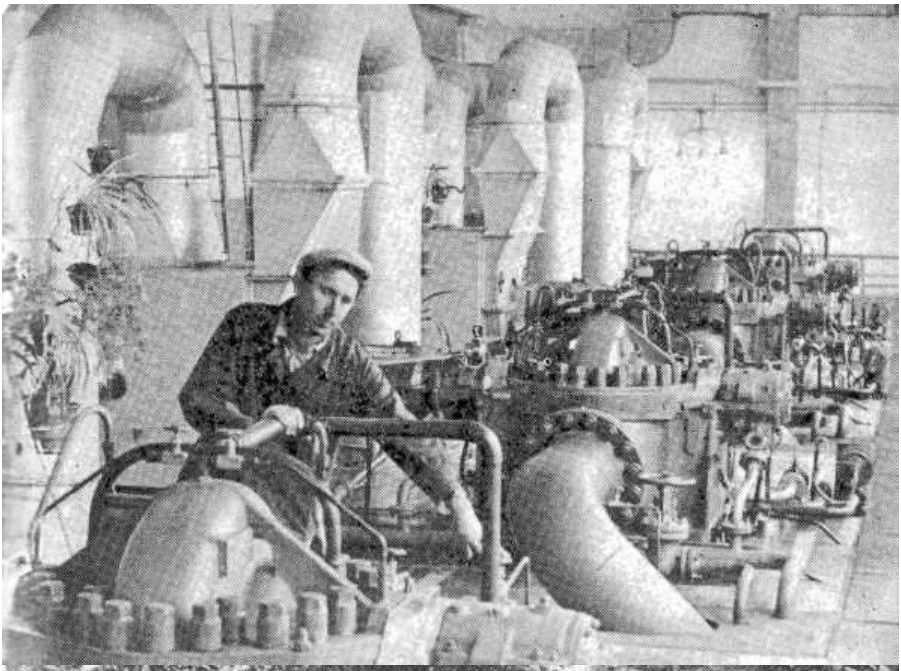
Вернувшись в строй, коммунист Сергей Матвеевич Ступак участвовал в боях, пока не пришел желанный День Победы.

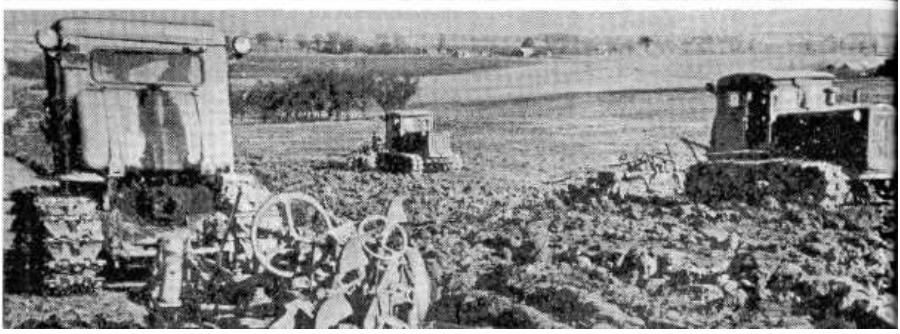
Сегодня там, где шли бои. Фотоочерк БРОДОВЩИНА

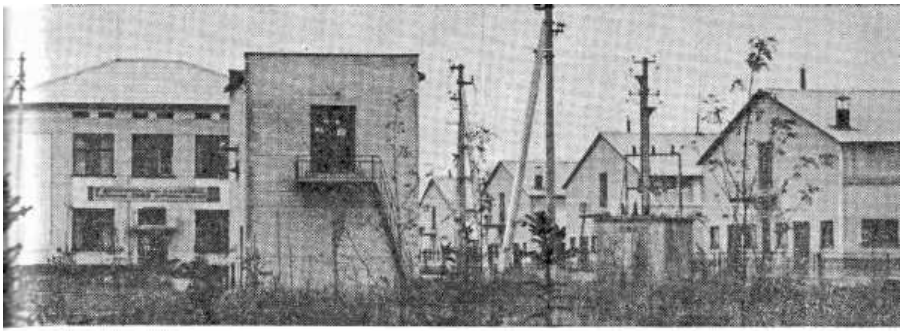
Пять шоссейных дорог в разные стороны расходятся от города Броды. Через землю Бродовщины проходят железнодорожная магистраль и автострада, ведущие с востока на запад. А более десяти лет назад территорию района пересекла трасса магистрального нефтепровода «Дружба». В 1961 году начала действовать Бродовская насосно-перекачивающая станция. Как первая ее очередь, так и вторая, вступившая в строй в третьем году 9-й пятилетки, сооружены с помощью Российской Советской Федеративной Социалистической Республики и других братских республик нашей страны.

«Черное золото» из Сибири, Поволжья, Татарии идет в социалистические страны Европы по нефтепроводу «Дружба», в обеспечение работы которого вносит свою лепту коллектив Бродовской насосно-перекачивающей станции.

Дружба! Это слово выражает принцип, на котором строятся взаимоотношения между советскими людьми. На полях Бродовщины каждое лето работают комбайнеры из Азовского района Ростовской области РСФСР. А хлеборобы Бродовского района, в свою очередь, помогают в уборке урожая колхозам Приазовья. Районы соревнуются, а взаимопомощь — главный принцип социалистического соревнования.







За послевоенные годы на территории района выросло немало промышленных предприятий: швейная, мебельная фабрики, лесохимический, лесопильный, консервный заводы, пищевой комбинат и другие. Большинство из них построены в Бродах на развалинах и пепелищах. Отступая, гитлеровцы разрушили не только промышленные предприятия, но и жилые кварталы. Из 2280 домов остались пригодными для жилья лишь 185. Теперь город не узнать. Новые улицы, площади, многоэтажные дома — таковы сегодняшние Броды.

Из года в год увеличивается в районе выпуск промышленной продукции. За три года 9-й пятилетки производительность труда на предприятиях возросла на 39 процентов.

Новых успехов добиваются труженики колхозного села. В 1973 году средний урожай зерновых по району составил 27,7 центнера с гектара. По 394 центнера с гектара собрано сахарной свеклы. Ордена «Знак Почета» колхоз «Прогресс» собрал зерновых по 38,2 центнера с гектара.

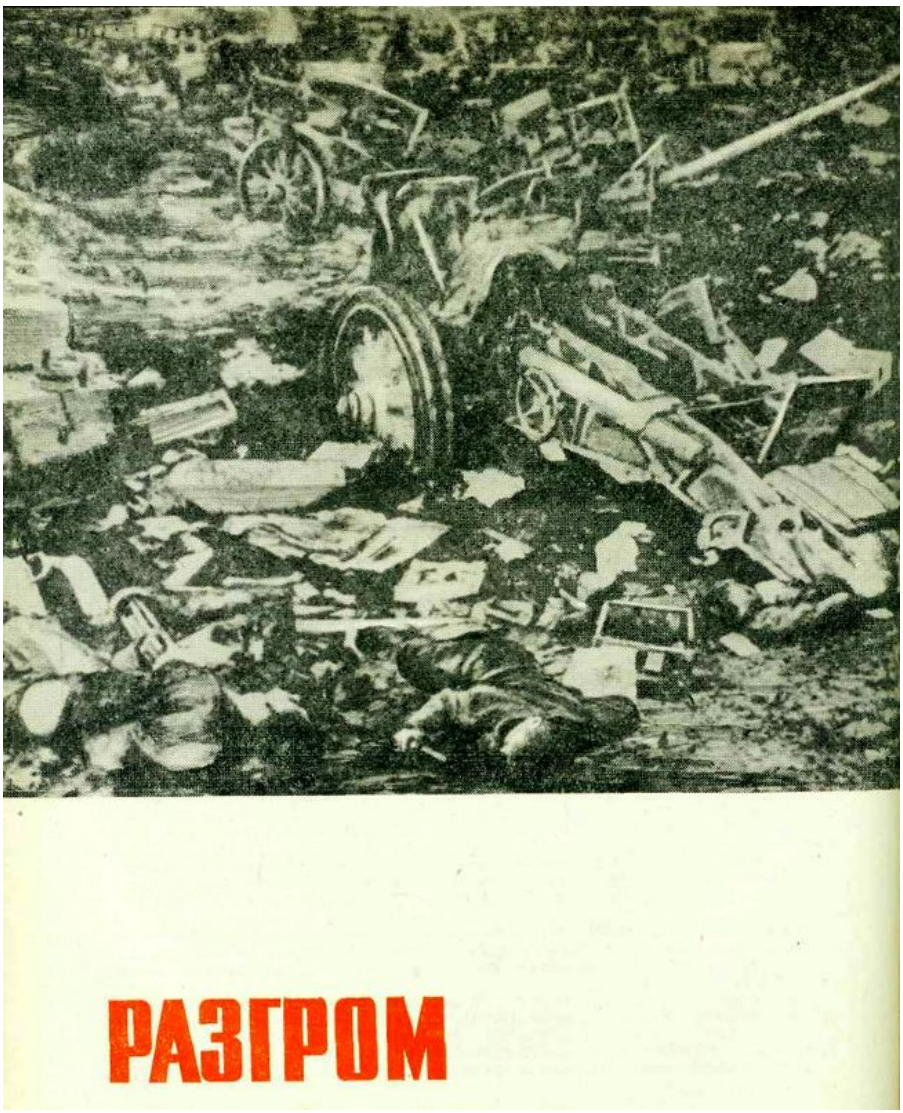
На подъеме колхозное животноводство. В 1973 году на 100 гектаров сельскохозяйственных угодий в колхозе произведено по 110,7 центнера мяса, по 483 центнера молока.

По итогам Всесоюзного социалистического соревнования за увеличение производства и заготовок продуктов животноводства в зимний период 1972–1973 гг. Бродовский район удостоен Красного знамени ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ.

Тысячи тружеников сельского хозяйства района награждены высокими правительственными наградами. Только в 1973 году ордена и медали вручены 120 передовикам полей и ферм. Председатель колхоза «Прогресс» В. В. Щербина удостоен звания Героя Социалистического Труда.

Обновились, помолодели села Бродовщины Подгорцы, Ясенив, Гай, Подкамень, Батьков, Пониква… Вырастают новые здания клубов. Домов культуры, школ. Учатся не только дети школьного возраста. 3800 тружеников города и села посещают народные университеты, школы коммунистического труда. 9300 человек учатся в экономических школах, организованных на предприятиях и в колхозах.

РАЗГРОМ



Гитлеровское командование прилагало большие усилия, чтобы вывести свои войска из котла.

Трое суток, с 20 по 22 июля, враг наносил мощные встречные удары. Окруженная группировка с рубежа Белый Камень — Сасов пыталась прорваться в южном направлении, ей навстречу пробивались немецкие соединения из района южнее Золочева. Гитлеровцы форсировали Западный Буг, вклинились в нашу оборону, захватили Почапы, Хильчицы и ряд других населенных

пунктов. Бои приняли ожесточенный характер. Фашистам оставалось преодолеть около десяти километров, чтобы соединиться со своими подразделениями и выскользнуть из ловушки.

«Выстоять. Сдержать натиск гитлеровцев. Завершить разгром окруженного противника!» — с этими словами на устах сражались воины наземных частей. Наши летчики наносили по врагу удары с воздуха.

Особенно трудные бои разгорелись 20 и 21 июля в районе сел Хильчицы — Почапы — Княже.

Подразделения 102-го стрелкового корпуса сжимали кольцо окружения с севера и северо-востока. «Тридцатьчетверки» 4-го гвардейского и 31-го танковых корпусов рассекали немецкую группировку.

Вырваться гитлеровцам из котла не удалось. Восемь фашистских дивизий, в том числе пехотная дивизия СС «Галичина», к 22 июля прекратили свое существование.

В ходе ожесточенных боев по разгрому нашими войсками бродовской группировки немецко-фашистские войска потеряли убитыми более 35 тысяч солдат и офицеров, свыше 17 тысяч гитлеровцев было взято в плен. Нашими войсками захвачено более 1100 орудий, 1500 автомашин, большое количество танков и другой боевой техники противника.

Г. С. Полтавский, подполковник
У БЕЛОГО КАМНЯ

П. И. Бакланов

И. Е. Суховей

Раскисшая от непрерывных дождей, тревожная ночная дорога вела на запад от Золочева, где не смолкали бои. Шли танки, орудия, бронетранспортеры, грузовики… В потоке двигавшейся техники — 16-я самоходно-артиллерийская бригада[6]. Особенно трудно приходилось зенитчикам. Автомашины, на которых были установлены зенитные пулеметы, лихорадочно тряслись, подпрыгивали на ухабах.

Впереди ухнул снаряд, второй. Дорога простреливалась противником.

— Ничего, проскочим, — заверяет водитель.

К рассвету остановились близ села Жуличи. Согласно приказу комбрига здесь проходил рубеж обороны второго дивизиона, который возглавлял майор Паюк.

Батареи занимали огневые позиции. Самоходки становились у кустарников, на жнивье и на участках с нескошенным хлебом. Артиллеристы маскировали боевую технику, готовили ее к бою.

Зенитные пулеметы взвода лейтенанта Ткачева располагались по соседству. Зенитчики и бронебойщики вели задушевный разговор. Подошел коренастый, плечистый механик-водитель. Он отрекомендовался:

— Подполковник Степан!

— Да ты же сержант, а не подполковник, — заметил кто-то из зенитчиков. И механик должен был уточнить, что Подполковник — это его фамилия.

— Желаем тебе, сержант, и по званию стать подполковником. Грудь- то у тебя вся в наградах! — высказывали пожелания, радуясь боевым успехам самоходчика его товарищи-зенитчики.

Короткий разговор закончился. Зенитчики по указанию взводного занимают огневые позиции. Машины — в укрытия. Крупнокалиберные пулеметы готовят к бою. Отсюда виднелись строения раскинувшегося на правом берегу реки большого села Белый Камень. По данным разведки, там находились гитлеровцы.

Утро наступало медленно. Но вот, наконец, восток вспыхнул ярким пламенем. Рассеивалась над низинами сизая дымка. Из-за реки приближался стальной гул и треск выстрелов. Разведка донесла, что противник готовится к переправе через Буг. Хорошо замаскированные, наши самоходки молчали. Казалось, уже давно надо открыть огонь. Чего же медлил майор Паюк? Позже, когда бой закончился, зенитчикам стало ясно, что командир самоходчиков поступил правильно, выжидая, пока противник подойдет поближе. У фашистов — десятки бронированных машин, до двух полков пехоты. Они намеревались пробиться из котла, расчистить дорогу другим. Крупным силам врага противостоял лишь один дивизион самоходок да зенитный взвод. Поэтому подпустить противника поближе и расстреливать его наверняка было единственно правильным решением.

Вскоре после шума и грохота, нараставшего за рекой, на нашем берегу то тут, то там появились движущиеся зеленые и серые копны — замаскированные под цвет местности танки и самоходки. Из-за прибрежного ивняка высыпали вражеские солдаты. Гитлеровцы форсировали реку — машины по наведенной переправе, пехота вброд — и двинулись дальше. Поле перед ними было безмолвное. Пехотинцы ускорили шаг, машины развивали скорость. И вдруг…

Выдвинувшаяся вперед зеленая копна рассыпалась золотистыми искрами, а обнаженная броня окуталась дымом. Это ударила по фашистскому танку наша самоходка.

Теперь, когда вражеские машины подошли на нужную дистанцию, майор Паюк четко давал целеуказания батареям:

— Огонь! Стрелять без промаха!

Открыли огонь и другие замаскированные самоходки. Гитлеровцы сразу потеряли несколько машин. Но остальные устремились на рубеж обнаружившей себя засады. То в одном, то в другом месте завязывались стремительные поединки. На самоходку лейтенанта Вострикова шли три вражеских танка. Два из них поджег отважный экипаж. Но вспыхнула и наша машина.

Выскочив из огня, самоходчики с гранатами в руках поползли навстречу атаковавшему их третьему танку.

Экипаж лейтенанта Евгения Пика, подбив вражескую машину, сразу же перевел самоходку из основной на запасную позицию. Отсюда удалось поджечь очередной атаковавший артиллеристов вражеский танк. Затем, оставив окоп, самоходчики ловко маневрировали по полю боя, расстреливая пехоту, разбили два орудия противника.

На левом фланге ринулось на наши позиции более двадцати «тигров» и самоходных орудий «артштурм». Самоходка лейтенанта Шаймордановa из засады подожгла один танк.

В огневой дуэли самоотверженно дрался экипаж майора Паюка. Первый поединок он выиграл. Но в другом машина загорелась от вражеского снаряда. Оставив самоходку, майор Паюк и дальше, уже на поле, указывал красными ракетами экипажам цели и направление контратаки.

— Выстоять! Не пропустить врага! — таким был приказ командира. С непреклонной волей победить сражался в этом неравном бою каждый наш воин.

На правом фланге от реки приближалось несколько бронированных громадин «артштурм». Младший лейтенант Бакланов заметил: одно из этих орудий развернулось влево, чтобы идти в район, где кипели схватки, подставив борт.

— Ориентир — береза! Движущаяся цель! — крикнул лейтенант наводчику. Но тот, чуть помедлив, ответил:

— Не вижу!

Тогда Бакланов сам поймал в перекрестие прицела движущуюся махину. Выстрел, второй. Орудие остановилось, выпустив черные клубы дыма. Из горящей машины выскакивали гитлеровцы. Но метко посланный Баклановым осколочный снаряд догнал вражеский экипаж.

Тогда у каждого из нас была боевая задача, каждый на своем посту обеспечивал общий успех подразделения, части. На поле боя перед Белым Камнем полыхали дымные костры. Это горели встретившие мощный отпор вражеские танки и штурмовые

орудия. Горели и наши самоходки. А бой не утихал.

Вражеские автоматчики, хлынувшие вслед за танками, отпрянули назад, подальше от разыгравшейся огненной дуэли бронированных машин. А через несколько часов на берегу Буга между Белым Камнем и Ушней появилась масса гитлеровцев. Они перешли реку вброд и, как туча саранчи, покрыли поле, двигаясь в направлении Жуличей. На этом участке находилась батарея самоходок капитана Жарова. Перед ее фронтом догорали три вражеских танка. Сейчас было временное затишье. В это время и стали цепь за цепью подходить немецкие пехотинцы, ведя пальбу из автоматов и пулеметов.

Самоходки Жарова ударили по пехоте осколочными снарядами. Вражеские ряды поредели. Гитлеровцы стали обходить батарею. Одну из машин Жаров послал наперерез стремившейся пробиться пехоте.

Зенитно-пулеметный расчет сержанта Абдрахимова уже отбил несколько атак вражеских пехотинцев. Теперь вновь к их позиции приближались цепи автоматчиков.

— По фашистской пехоте! — командует сержант наводчику.

Затем — крупнокалиберный пулемет на машину. Смена позиции. Снова огонь по просочившейся пехоте.

Но прорваться фашистам не удалось. Повсюду настигал их беспощадный огонь самоходок, зенитных пулеметов, которым на этот раз пришлось израсходовать весь боезапас по наземным целям.

Бой длился более пяти часов. Все поле перед рубежом нашей обороны было покрыто сожженными, подбитыми вражескими танками. Мало уцелело самоходок и в дивизионе майора Бориса Григорьевича Паюка. Но дивизион в трудных условиях сдержал натиск врага, вышел победителем.

В донесении политотдела 3-й гвардейской танковой армии об этом бое сказано: «В районе Белого Камня на участке обороны второго дивизиона 16-й истребительно-противотанковой самоходно-артиллерийской бригады гитлеровцы бросили более 30 танков и самоходок, крупные силы пехоты, пытаясь сломить нашу оборону и выйти из окружения.

Артиллеристы мужественно встретили врага.

Они подбили и уничтожили 15 танков и самоходок, 18 пушек и до 500 солдат и офицеров противника». Как указывается в политдонесении, все воины дивизиона дрались стойко и бесстрашно.

Особенно отличились командир батареи Жаров, командиры экипажей Сулин, Пик, Бакланов и другие.

Однажды во Львове в Доме офицеров я встретился с

Пантелеймоном Баклановым. На груди ветерана — два ордена. Орденом Отечественной войны II степени Бакланов награжден за храбрость, проявленную в бою у Белого Камня. Все участники этого боя отмечены орденами и медалями. В составе дивизиона Пантелеймон Игнатович форсировал Вислу, Одер, Шпрее. В одном из боев был тяжело ранен. Лечился в госпитале во Львове. С тех пор живет здесь, около двадцати лет работает на головном предприятии кондитерской фирмы «Светоч». Он ударник коммунистического труда.

Во Львове живет и трудится наш однополчанин командир экипажа самоходки, который храбро дрался при разгроме гитлеровцев в бродовском котле, Иван Емельянович Суховей. Отличившийся в бою под Белым Камнем командир самоходки Евгений Владимирович Пик служит в рядах Советской Армии.

В семейном альбоме Пантелеймона Игнатовича Бакланова хранится много фотографий фронтовиков-однополчан. На одном из снимков — экипаж самоходки Михаила Бобошко. На обратной стороне слова: «Взгляни, мой фронтовой друг, на это фото и вспомни 20 июля 1944 года, когда мы на Буге, у Белого Камня сдерживали натиск превосходящих сил врага, сражались, не щадя своей крови, стояли насмерть».

С честью выдержали воины 16-й самоходно-артиллерийской бригады тот памятный поединок у Белого Камня.

Н.С. Волков, подполковник
НА РАССВЕТЕ…

П. А. Кондыра

У бойцов 12-й гвардейской танковой бригады и автоматчиков-десантников привал. Вчера с утра и до позднего вечера они дрались в районе села Елиховичи с контратакующими танками противника. Сдержали их натиск. А когда наступили сумерки, совершив марш, гвардейцы вышли на восточную окраину Золочева, где и остановились.

Комбриг и начальник штаба колдуют над картой. Близ Золочева — Хильчицы. Рвавшиеся из котла гитлеровцы ударили бронированным кулаком в направлении Хильчиц. Захватили село. Фашистам оставалось пройти около десяти километров, чтобы соединиться со своими войсками, идущими навстречу. Нашим танкистам и пехотинцам нужно было закрыть эту брешь, отбросить врага.

Командиру отделения Павлу Кондыре сейчас известно лишь одно: после отдыха — марш. А с марша — в бой. Выступят они на рассвете…

Любит Павел рассветы. Но особенно запомнился ему один.

Ранним утром, только загорелась зорька, партизанский отряд, в котором он был самым юным, шел на соединение с наступающими частями Красной Армии, освободившими Правобережье Днепра, в том числе и его родное село Руликово. Сколько было радости! Он рвался в действующую армию, чтобы снова идти в наступление, громить ненавистных фашистов. Но, раненного, его отвезли в госпиталь. Как только Павел выздоровел — уехал на фронт.

…Выкурив самокрутку, сержант Кондыра подошел к отдыхающим товарищам. Вот, раскинув руки, лежит рядовой Гаврилюк — первый номер пулеметного расчета, бесстрашный, отважный боец, а в минуты отдыха — балагур и весельчак. На боевом счету у пулеметчика — больше сотни убитых фашистских солдат и офицеров.

Рядом с Гаврилюком, укрывшись плащ-палаткой, дремлет рядовой Доля. Всего в отделении девять человек. Среди них — русские, украинцы, узбеки, армяне. Дружная боевая семья, крепость которой была не раз проверена в боях.

— Не спится? — спросил сержанта лейтенант Арженков, командир танкового взвода, на машинах которого размещались автоматчики Кон- дыры.

— Привычка такая — вставать с зорькой, — отшутился Кондыра. — Да, видно, скоро в бой.

— По машинам! — скомандовал лейтенант.

Сержант Кондыра на броне танка. С правой стороны расположились автоматчики Догляр, Марицов, Очилов, Нурманов и Гаврилюк со своим пулеметом. Остальные пристроились у левой части башни. «Тридцатьчетверка» круто развернулась и устремилась за машиной командира взвода.

Перед Хильчицами танки развернулись в боевую линию.

— Спешиться, — приказал Кондыра отделению и первым соскочил на землю.

С противоположной стороны села находились танки противника.

Боевые машины, обрушивая на врага сильный огонь из пушек и пулеметов, двигались вперед.

Бойцы отделения Кондыры шли за танками.

Перед Хильчицами танковая бригада перешла к обороне, так как столкнуть гитлеровцев сразу с позиции не удалось, а на помощь им подходили новые силы.

Автоматчики и танкисты оседлали шоссейную дорогу на Золочев, по которой фашисты намеревались прорваться из окружения.

Отбита четвертая атака врага. Пыль и дым затянули поле, окраину села. Били наши дальнобойные орудия, им отвечали немецкие. Земля содрогалась от разрывов снарядов. За лесом полыхал пожар. Горели многие строения в Хильчицах. На дороге, в канавах стояли разбитые фашистские танки, автомашины, орудия, лежали трупы фашистских солдат.

Северо-восточнее Хильчиц появились группы гитлеровцев.

Кондыру подозвал к себе Арженков.

— Вот что, товарищ сержант, — сказал он. — С отделением

садитесь на машину младшего лейтенанта Зубко и выходите к хутору Куты. Во что бы то ни стало задержите фашистов. Не дайте им возможности обойти нас справа.

— Есть, товарищ гвардии лейтенант!

Вскоре боевая машина с десантом стремительно мчалась по полю в направлении хутора. Когда танк был почти у цели, на окраине села Хильчиц раздался выстрел. Машина сразу же остановилась, из люка повалил густой дым. Экипаж успел оставить горящую «тридцатьчетверку». Десантники соскочили на изрытую бомбами, переутюженную танками землю.

— Отделение, вперед, за мной! — крикнул Кондыра и побежал к ручью, который протекал метрах в двухстах от хутора. «Позиция удобная», — подумал он, бегло окинув взглядом русло речушки, высокие берега которой образовали нечто вроде траншеи.

По команде сержанта солдаты рассыпались цепью, занимая рубеж обороны. Рядом с Кондырой залег рядовой Гаврилюк. Впереди расстилалось поле. По нему двигались гитлеровские войска.

Фашисты и не подозревали, что у них под боком расположились отважные автоматчики, и все внимание сосредоточили на хуторе.

— Ну что, начнем? — спросил Гаврилюк.

— Не торопись. Пусть подойдут ближе.

Смельчаки подпустили врага еще на двести, сто метров…

— Огонь! — приказал Кондыра.

Три автомашины загорелись сразу, загромождая путь. Среди гитлеровцев поднялась паника. Однако, быстро оправившись, они открыли в ответ ураганный огонь и пошли в атаку.

Уже несколько часов беспрерывно строчил «максим», не смолкали автоматы. Отбита одна атака, вторая. Из леса на дорогу выходили все новые группы немцев.

Кондыра оглядел запыленные, усталые лица солдат. Жарким, ох, каким жарким был этот бой для десантников!

Теперь гитлеровцы шли в боевых порядках, зная, что против них всего десять человек, один пулемет и девять автоматов. Они шли в полный рост, уверенные, что на этот раз уничтожат горсточку упорных советских воинов.

Все десять человек в один голос заявили:

— Выстоим!

А фашисты приближались. Уже слышны их выкрики: «Рус, ком в плен!..»

По команде Кондыры ударили залпом. Гитлеровцы падали, сраженные меткими очередями, но продолжали наступать. Вдруг

пулемет заглох. Кондыра поспешил к Гаврилюку.

— Ленту заело, — сказал тот.

Сержант сам лег за пулемет. «Максим» вновь заговорил. Кондыра понимал, что многое в поведении солдат зависит от него, командира, от его выдержки, самообладания. И он действовал хладнокровно, расчетливо.

Эта уверенность передавалась бойцам. И они вели прицельный огонь по врагу. Били наверняка.

В это время ударили танковые пушки из села Хильчицы.

— Ура! В селе наши! — крикнул Кондыра.

Несколько «тридцатьчетверок», ведя огонь с ходу, приближались к гитлеровцам, скашивая их пулеметными очередями.

К позиции отделения сержанта Кондыры подошли танки лейтенанта Арженкова. С ними прибыл и командир батальона автоматчиков. Кондыра доложил:

— Товарищ майор, приказ выполнен. Фашисты не прошли.

В этих схватках гвардии лейтенант коммунист Арженков со своим взводом за два часа отразил четыре вражеских контратаки. Он уничтожил два немецких танка, семь пулеметов и до 200 гитлеровцев.

Действуя вместе с танкистами, пулеметный расчет комсомольца Кондыры уничтожил 150 гитлеровцев.

За этот бой сержант был награжден орденом Ленина, И. Ф. Арженков — орденом Красного Знамени. Все бойцы отделения Кондыры за мужество, находчивость и солдатскую смекалку также удостоены правительственных наград.

Пока мог держать в руках оружие, сражался за Родину отважный сын украинского народа гвардеец Павел Кондыра. За проявленную в боях на Дуклинском перевале отвагу он стал Героем Советского Союза. Только после тяжелого ранения незадолго до окончания войны возвратился Кондыра домой.

С тех пор прошло много времени. Павел Андреевич живет в Киеве, работает механиком-бригадиром пассажирского поезда. Его бригада носит высокое звание коллектива коммунистического труда. К боевым наградам ветерана прибавились награды за труд. В 1971 году коммунисту П. А. Кондыре был вручен орден Октябрьской Революции.

Решительный шаг

Шел воздушный бой. Несколько пар краснозвездных истребителей сражались с «мессерами». Самолеты то взмывали вверх, то падали отвесно вниз, делая вертикальные эволюции, то ходили в крутых виражах. Вот один «мессер» с глухим воем врезался в землю. Задымил второй, прошитый смертельной очередью.

В огненной карусели носился на своем ястребке летчик Петр Гучок. На его счету уже шесть побед в схватках с фашистскими стервятниками над землями западных областей Украины. И сейчас он отправил двух «мессеров» в последнее пике.

Гучок заметил, как пара подоспевших «мессеров» устремилась к самолету товарища. Петр поспешил на выручку. Сделав резкий разворот, он послал длинную очередь по фашисту — ведущему пары, и тот круто отпрянул в сторону.

Но неожиданно Петр Гучок увидел рядом с собой самолет с черно-желтым крестом на фюзеляже. Редкий случай! Ни из пулемета, ни из пушки не ударить по врагу. А пока займешь нужное положение для стрельбы — сам попадешь под огонь. Немец тоже понимает, что малейший отход в любом направлении для него смертельно опасен. Какие-то секунды два истребителя шли рядом.

Гучок напряг всю волю: враг так близко — казалось, протяни руку и достанешь фашиста кулаком по голове. Мгновенно созрела мысль: столкнуть «мессера» ударом своей машины. Рискованно. Но не выпускать же его из рук живым!

Петр бросил самолет вправо. Расчет мужественного летчика оказался безупречно точным: мощное крыло ястребка как ножом снесло хвостовое оперение «мессершмитта». Тот клюнул носом, накренился и пошел вниз.

Но и самолет Гучка стал крениться вправо. До аэродрома он не дотянул. Выбрав ровную площадку, летчик приземлил почти неуправляемый истребитель в расположении наших войск.

Вскоре на автомашине прибыла группа авиаспециалистов. Петр рассказал, как все произошло.

…209 боевых вылетов совершил лейтенант Гучок за время Великой Отечественной войны, сбил восемнадцать вражеских самолетов. После завершения Львовско-Сандомирской операции отважный сын белорусского народа Петр Иосифович Гучок удостоен звания Героя Советского Союза.

Он погиб смертью храбрых в одном из воздушных боев под Берлином.

М. В. Вербинский, подполковник запаса
БЕРЕЗКИ У ДОРОГИ

Ф. И. Горенчук

В. Н. Красов

Тихий древний городок утопает в зелени садов. И здесь, на окраине Золочева, развесистые деревья густыми косами-ветвями прикрывают братские могилы… Весь в цветах строгий обелиск из черного мрамора. Лучи солнца освещают его верхний срез. На обелиске четко выделяется портрет капитана. Высокий лоб, худощавые щеки, чуть тронутые улыбкой губы…

К памятнику обращено суровое, изборожденное морщинками лицо пожилого человека в погонах полковника. Его обнаженная голова словно припорошена снегом, из-под густых лохматых бровей скорбно смотрят глаза.

Кругом ни звука. Только ветерок шепчется с листьями.

Подошедшие пионеры остановились, приумолкли, глядя на черный мрамор обелиска и застывшего у него человека.

Тише, друзья!

Ветеран войны разговаривает с оставшимся для него вечно живым капитаном. Кто он ему? Сын? Однополчанин?

Недолго стоял здесь, сжимая в руке фуражку, гвардии полковник в отставке Феодосий Иванович Горенчук. Но за какие-то минуты он будто вновь прошел пыльными, окутанными пороховым дымом и гарью военными дорогами.

Первые бои на границе… Грохот пушек, лязг танковых гусениц. Зарева пожаров. Неубранный хлеб на полях. Поднявшийся с запада снарядный смерч не утихал ни на минуту. Горенчук был среди тех, кто в грозные июльские дни сдерживал натиск врага. На каждом рубеже красноармейцы сражались, не зная, что такое отдых. Из боя — в бой.

Водил он в атаки воинов под Могилевом, Минском, защищал Смоленск. Шел в контрнаступление по полям Подмосковья, видел, как горел, плавился металл, как багровел снег от крови…

Затем учеба в военно-политической академии. Здесь познакомился с веселым голубоглазым капитаном. Это был Виктор Красов. Они подружились. Горенчук делился боевым опытом, много рассказывал о своей Винничине, Красов — о том, как сражался под Ленинградом, защищая «дорогу жизни», о родной Орловщине…

Весной сорок четвертого Горенчук уехал на фронт. Красов остался еще учиться. «Может, встретимся где-то на дорогах войны?» — сказал один. «Это было бы замечательно», — ответил другой…

Кантемировский корпус сражался за Днепром, когда туда прибыл капитан Горенчук. Здесь ему, политработнику, доверили командовать танковым батальоном. И сразу — в бой. А схватки были жестокие, жаркие. В одной из атак он был ранен. Но Горенчук не покинул строй. И однажды случилось неожиданное.

…Гремел бой. Танки батальона стреляли из укрытия по гитлеровцам, окопавшимся на холмах около деревни. Вдруг к командирской машине подкатила «тридцатьчетверка». Из открытого люка вышел танкист. Взглянул на него комбат и радостно воскликнул:

— Виктор! Откуда? С неба свалился?

— Гора с горой не сходится…

Друзья обнялись.

— Что ж, будем вместе освобождать Украину, — сказал Горенчук.

— А этого стального коня где взял? — взгляд Горенчука скользнул по «тридцатьчетверке».

— Танк с экипажем комбриг дал — на пополнение выбывших

из строя.

— Вот это здорово! — обрадовался командир и замполиту с фронтовой закалкой, и новой боевой машине — Отдохнуть надо с дороги, товарищ замполит, — сказал Горенчук.

— На каком фланге у вас труднее — туда и на отдых, — улыбнулся Красов.

Его танк помчался к опушке рощи, к главным силам батальона, откуда командир намеревался начинать атаку.

В тот день Горенчук первый раз увидел Красова в бою. Вражеские снаряды ложились вокруг танка. Казалось, вот-вот подорвут машину. Но танк маневрировал, уклоняясь от удара. Приблизившись к огневой позиции врага, он стал подминать гусеницами одно орудие за другим.

Танкисты хорошо запомнили появившуюся в боевых порядках новую «тридцатьчетверку». А когда схватка закончилась, командир представил личному составу политработника Красова.

— Мы уже знаем замполита, — отозвались танкисты. — В бою познакомились, когда он вражеские орудия таранил!

— Вспомним, друг мой замполит, — словно к живому обращался ветеран к портрету, — вспомним ту военную дорогу, где в последний раз факелом вспыхнуло твое сердце в жарком поединке с врагом.

Капитан Горенчук мысленно перенесся в места, где сражался его батальон летом сорок четвертого года. И снова рядом с ним шагает друг, замполит Виктор Красов. Отсюда, от окраин Золочева, начинался маршрут в район того памятного боя.

Вечером на холмистом поле за Золочевом под тремя ветвистыми вязами собрались командиры батальонов 12-й гвардейской танковой бригады. Комбриг полковник Николай Григорьевич Душак объяснил обстановку:

— Окруженные фашистские дивизии не складывают оружия. Стремясь выскользнуть из котла, крупные силы противника рвутся от Белого Камня через Буг. Вклинившись в расположение наших войск, враг захватил Почапы и Хильчицы, до которых отсюда рукой подать. Бригаде предстоит трудный бой, — полковник обвел всех внимательным взглядом. — Выступить навстречу врагу и разбить его — таков мой приказ.

Затем комбриг уточнял задачу батальонам, действовавшим совместно с пехотинцами-десантниками.

— Знаю, кантемировцы и на этот раз не подведут, — твердая уверенность прозвучала в голосе полковника. — Горенчук и Красов! Хоть ваш батальон третий — пойдете первыми.

…При свете карманных фонариков Горенчук показывал ротным по карте маршруты движения.

Час на подготовку к маршу-броску. Танкисты проверяли двигатели, осматривали гусеничные ленты, дозаправляли машины горючим.

Красов ходил от экипажа к экипажу, и везде его встречали радушно, дружелюбно.

— Знаете, о чем говорится в последней сводке Совинформбюро?

— Расскажите, пожалуйста.

И замполит рассказывал об успешном наступлении наших войск в Белоруссии, о развернувшейся битве за освобождение западных земель Украины.

Беседуя с бойцами другого экипажа, Красов узнал о беде, постигшей механика-водителя Степчука: он получил письмо, в котором сообщалось, что на фронте погиб его брат.

— Да, Саша, — вступил в разговор с воином замполит, — это тяжелое горе для вашей семьи. Мы все будем жестоко мстить фашистам за смерть твоего брата.

Затем Красов повел речь о древнем украинском городе Львове, где еще сидели гитлеровцы.

— Громя фашистов в котле под Бродами, мы спасаем Львов, его людей, архитектурные памятники, — говорил Красов. — Ведь если окруженные дивизии прорвутся, тогда эти силы противника будут брошены под Львов. Очень усложнится борьба за город. Больше прольется крови мирных жителей, больше будет разрушений.

Ночью батальон двинулся в путь. Рождавшееся над Хильчицами утро было напоено дымом и стальным грохотом. Наши пехотинцы сдерживали численно превосходящие силы противника. За спиной отчаянно дравшихся своих подразделений гитлеровцы укреплялись в захваченном селе, стягивали боевую технику вдоль дороги, ведущей на Золочев.

В этот трудный для наших пехотинцев момент подоспели танкисты бригады Душака. Приблизившись к селу первым, батальон Горенчука развернулся для ведения боя. За ним подошли и другие батальоны.

Свои машины Горенчук поставил на холмистом поле, покрытом редким кустарником. Едва танки выстроились в боевой порядок, послышалась команда Горенчука:

— Гвардейцы, огонь!

Немецкие артиллеристы, минометчики ударили по подошедшим танкам. Султаны земли поднимались то справа, то слева «тридцатьчетверки» комбата. Глядя в перископ, Горенчук заметил, что стена небольшого домика все время озаряется красными вспышками. Он тут же догадался: «тигр», всем

корпусом воткнувшись в домик, в оконный проем ведет огонь. «Ишь, гад, как замаскировался!» — зло подумал Горенчук.

— А ну-ка, Орлов, гони влево, вон на ту высотку! — скомандовал он механику-водителю.

Танк занял позицию, и таинственный домик оказался как на ладони. Горенчук сам выстрелил из танковой пушки в поблескивавшую стену. В тот же миг домик окутался багряными языками пламени.

По правому флангу батальона минометный и орудийный огонь противника усилился. В просвет, образовавшийся в клубах дыма, Горенчук заметил, как одна из «тридцатьчетверок», размотав гусеницу от удара вражеского снаряда, прекратила стрельбу. Гитлеровцы хлынули в образовавшуюся в боевой цепи брешь.

— Красов! — вызвал комбат по рации замполита, находившегося на правом фланге. — Держись!

Танки ударили по пехоте врага осколочными снарядами. Гитлеровцы залегли, поползли обратно. Немецкие орудия вели беспрерывную стрельбу по нашим машинам.

— Давите огневые точки, расчистим путь для атаки! — призывал замполит танкистов на своем боевом рубеже.

«Тридцатьчетверка» Красова выпустила два снаряда по артиллерийской позиции, которая находилась на холмике за лощиной, заставив орудия замолчать. Потом он вышел из машины и стал наблюдать, как вели огонь другие экипажи. Подбежал к соседнему танку.

— С перелетом бьете! Вносите поправку… — крикнул он командиру, приподнявшему крышку люка.

Расчищая путь, «тридцатьчетверки» двинулись на врага. За танками шли пехотинцы. Отстреливаясь, гитлеровцы отходили. Пятились назад и их уцелевшие бронированные машины.

— Вперед, вперед! — призывал Красов свой экипаж, взобравшись на броню.

Вслед за танками устремились автоматчики, пулеметчики, артиллеристы.

В рядах противника произошло замешательство. Путь вперед был отрезан. Назад — дорога в котел, откуда они пытались вырваться. Но, обманутые фашистской пропагандой, гитлеровцы шли на бессмысленные жертвы.

На улицах села, на подступах к нему, застыли вереницы разбитых немецких автомашин, транспортеров и другой боевой техники. Сотни трупов устилали поле боя. Все больше и больше вражеских солдат поднимало руки вверх.

— Давно бы так, — говорил Красов, слыша, как немецкие

солдаты переговаривались на своем языке, из чего можно было легко понять только фразу: «Гитлер капут».

А вот послышалась украинская речь из уст солдата в фашистской форме:

— Та мы давно хотилы сами здатыся…

— А ты кто? Из какой части? — спросил Красов.

— Из дивизии СС «Галичина».

— СС «Галичина»? — с иронией произнес Красов. — Вот оно что? Была такая!

Красов рассказал бойцам о том, как гитлеровцы создали из украинских буржуазных националистов, уголовных элементов, завербованных насильно солдат из западноукраинского населения дивизию под названием 14-я пехотная дивизия СС «Галичина». Ее подразделения были брошены под Золочев, Броды и на другие участки фронта, где вся 14-я вместе с восемью немецкими дивизиями попала в котел.

Сюда подъехал на своей помеченной снарядными вмятинами «тридцатьчетверке» Горенчук. Рука забинтована, хромает. Красов укоризненно посмотрел на комбата:

— Феодосий Иванович, что же это такое? Ранены, а никому ни слова?

— Важно, что Хильчицы взяли, — ответил Горенчук. — А ранение — это чепуха, царапина, — воевать можно… Теперь надо двигаться на Почапы. Там немцы напирают… Да, как у вас с боеприпасами?

— На исходе…

— Вон там Савин доставил боеприпасы, берите.

Обычным транспортом из-за сильного обстрела подвезти снаряды на передовую было трудно.

Рискуя жизнью, их доставил на своем танке Петр Савин.

Миновав засады противника, к утру 22 июля батальон вышел к восточной окраине Почапов. Танкисты сразу же окунулись в самое пекло боя.

Захватив Почапы, гитлеровцы быстро превратили село в сильный опорный пункт. Непрерывно подходили орудия, бронетранспортеры, танки. Отсюда противник намеревался прорваться, чтобы уйти от преследования наших войск. Но на пути врага встал непреодолимый заслон.

Роты танкового батальона Горенчука с ходу пошли в атаку. Взвод Федора Кулькова наткнулся на замаскированную немецкую минометную батарею. Кульков первым ворвался на огневую, утюжа гусеницами окопы. По броне танка барабанили гранаты и пули. Механик-водитель сержант Сопов был смертельно ранен. Его заменил старшина технической службы Савин. Он повел

машину дальше в атаку.

Обстановка на восточной окраине села еще более усложнилась. Наши танки осколочными снарядами били по густым цепям гитлеровцев. А они, не считаясь с потерями, с диким отчаянием пытались втиснуться в боевые порядки танкистов, словно видели в этом спасение. Гитлеровцам было известно: преодолев еще около десяти километров, они могут соединиться со своими частями. Поэтому фашисты с таким ожесточением предпринимали одну за другой атаки.

Бой достиг предельного накала. И Горенчук, и Красов понимали, что сейчас требовался новый подъем духа, энергии наших воинов, чтобы одолеть обреченного, но сильного оружием и упорством противника.

Экипаж Красова в этом огневом поединке разбил тяжелый немецкий танк. Замполит видел, что автоматчики после длившихся уже двое суток ожесточенных боев сильно измотаны. Он оставил танк и вскоре появился в боевых порядках пехотинцев.

— Ребята! — закричал он. — За танками, вперед! Впере-е-ед! — и с автоматом в руках бросился на врага, увлекая за собой бойцов.

В контратаку пошли танкисты всего батальона, бригады. За танками устремилась пехота.

Красов будто не чувствовал, что ветер сорвал с головы танкошлем. Вдруг голос капитана оборвался. Сраженный вражеской пулей, замполит упал, окропив своей кровью поле жаркого боя.

Сейчас на том месте, у дороги, выросли стройные белокурые березки. В шепоте их листьев будто слышится героическая легенда о том, как сражался русский воин с красивой фамилией и бесстрашной душой — коммунист Виктор Красов.

Каждый раз останавливаются у этих березок пионеры, слушая рассказ о жестоком бое, гремевшем когда-то у Почапов.

Проехал дорогами, где бились воины танкового батальона, и полковник Феодосий Иванович Горенчук. После боев у Хильчиц и Почапов ему и его другу замполиту Красову было присвоено звание Героя Советского Союза. Только он, Горенчук, с незажившими ранами продолжал водить в атаки танки до конца войны, побывав под Берлином и в Праге. А славный боевой путь Виктора Никитовича Красова закончился в июле сорок четвертого года здесь, на западноукраинской земле.

Е. П. Зубров, майор в отставке
ВНЕЗАПНЫЙ УДАР

Е. П. Зубров

А. Г. Анчугов

Утром 19 июля 242-я танковая бригада остановилась на привале в только что занятом нами Ясенове. Дымятся походные кухни. Всюду группки оживленно беседующих воинов, смех и шутки не умолкают. Еще бы — впереди Львов, а там и государственная граница. Сколько исхожено фронтовых дорог и сколько утрачено боевых друзей и товарищей, пока мы вернулись на эти рубежи!

Меня как помощника начальника штаба бригады по разведке вызвали к комбригу.

— Наступление продолжается! — сообщил полковник Тимофеев. — Наша боевая задача — овладеть Хватовом, Олеско, Ожидовом и, двигаясь на Буск, рассечь группировку противника. Будете со своими разведчиками наступать с головным танковым

батальоном майора Каразина, взаимодействующим с моторизованным батальоном автоматчиков. Поддерживайте с нами постоянную связь…

Командир разведгруппы лейтенант Абрамов доложил:

— Хватов и Олеско превращены противником в опорные пункты. Обнаружены доты, артиллерийские, минометные позиции.

Мы выступили ночью, рассчитывая на внезапность. Когда до Хватова оставалось совсем близко, небо озарилось вспышками выстрелов. Заговорила вражеская артиллерия и минометы. Мотострелки занимают оборону. Уходят в засаду танки. Группы лейтенантов Абрамова и Попова ведут дополнительную разведку.

Разведчики Абрамова пробирались вдоль шоссе. Издали нарастал звук мотора. Появились два огонька. Бойцы перегородили дорогу, залегли. Подъехал немецкий штабной автомобиль. Молниеносная схватка закончилась победой разведчиков. Захвачены обер-лейтенант, два эсэсовца и шофер.

Обер-лейтенант неплохо знает русский язык, и это облегчает допрос. Он оказался офицером штаба и вез приказ любой ценой удержать Олеско. Гитлеровец понимает, что война для него закончилась, и охотно дает показания. Изъятая у пленных карта дополняет сведения. Олеско обороняет полк дивизии СС «Галичина». Там же находятся склады боеприпасов и продовольствия.

Много важных данных сообщил обер-лейтенант. Под конвоем старшего сержанта Мухутдинова и нескольких бойцов пленные были отправлены на командный пункт штаба корпуса.

Прибывают другие разведгруппы, подробно объясняют обстановку. Вырисовывается и оборона Хватова.

Четыре часа утра. Над лесом повисают три зеленых ракеты. Грохочут мощные артиллерийские залпы наших самоходок, как смерч проносятся огневые дуги «катюш». Противника атакуют танки и батальон автоматчиков. В ожесточенном бою захватываем южную окраину Хватова. Но огонь вражеских минометов прижал к земле мотострелков. Захлебнулась и атака танкистов.

— Огонька! — требует Каразин у командира батареи.

И опять вступают в бой артиллерия и «катюши». А после нового огневого налета мотострелки и танкисты в стремительной атаке овладевают Хватовом.

Начинается наступление на Олеско. Издали виден старинный замок. Где-то там притаился враг.

К небольшой рощице неподалеку Олеско приближался танк старшего сержанта Александра Вишневского. Вдруг рядом разорвался артиллерийский снаряд. Это обнаружила себя тяжелая

артиллерийская батарея противника. Все решали мгновения. Развернувшись, танк мчался на позиции гитлеровцев. Прошли минуты — и от вражеской огневой остались лишь искареженные орудия.

Танкисты устремились на новую цель. Но в этот раз первой открыла огонь самоходка врага, затаившаяся в зелени сельской окраины. Советский танк и фашистская самоходка, сцепившись в смертельном поединке, горят. Выполняя воинский долг, погибли бесстрашные разведчики — танкист Александр Вишневский и его боевые товарищи.

Олеско — крепкий орешек. Нам пришлось перейти к обороне.

Докладываю комбригу о первых боях и пока безуспешных действиях.

— Олеско надо взять! — приказывает полковник Тимофеев. — К вам выезжает Компанеец.

Не прошло и получаса, как прибыл заместитель командира бригады майор Компанеец. Силы наши удваиваются: вскоре подошел второй батальон. Поселком должны овладеть рота старшего лейтенанта Анчугова из первого батальона, второй танковый батальон и подразделение мотострелков. Остальные подразделения под общим командованием майора Каразина проведут операцию по захвату Ожидова — села и железнодорожной станции, превращенных врагом в узел обороны.

Большую помощь в бою за Ожидов оказали нам местные жители. В ночной темноте указывал дорогу отряду крестьянин из Олеско Ян Ясинский. Сквозь бездорожье, лесные чащобы скрытно передвигались танки, бронемашины, мотоциклы и автоматчики. Я находился в этой группе, на танке старшины Стогова. Все время думал об Олеско. Как там развернутся события?

Решающую роль в боях за Олеско сыграла рота старшего лейтенанта Анчугова.

Как сейчас вижу этого молодого веселого сибиряка. О храбрости танкиста в бригаде ходили легенды. Говорили, что его машина сделана из непробиваемой стали. Рота Анчугова первой ворвалась на окраину поселка. Отважно сражались танкисты и мотострелки, но мощь ответных ударов противника нарастала. Все ближе к танкам ложились снаряды. Сквозь завесу огня путь прокладывала машина командира.

Идущему впереди всегда тяжелее: он не только служит примером для остальных, но и главной мишенью для противника. Все чаще рвутся снаряды, осколки барабанят по броне. Анчугов мчится вперед. Попаданием в лобовую часть башни оглушен заряжающий Алексей Иванов.

— Впереди «фердинанд»! — хрипит в наушниках голос

механика-водителя Василия Борисова.

— Жми на него! — кричит Анчугов.

Еще одно попадание снаряда. Танк и фашистская самоходка несутся друг на друга. У кого крепче нервы, чей выстрел будет точнее? Через мгновение «фердинанд» не существует. Утюжа гусеницами орудия и повозки, машина Анчугова вырывается на дорогу.

— Иду на таран! — слышен по радио его голос.

Понимаю — к Олеско спешит подкрепление из соседнего вражеского опорного пункта Куты.

— Действуй, Саша! — от души желаю успеха боевому товарищу.

«Тридцатьчетверка» Александра Анчугова несется навстречу фашистской колонне. Лязг металла, треск дерева, вопли солдат. Советский танк давит вражеские машины, поливает пулеметным огнем бегущих гитлеровцев, стреляет по самоходкам, хотя сам содрогается от ответных ударов.

Фашистские артиллеристы бьют в упор. У наших танкистов закончились снаряды. Маневрируя и ведя пулеметный огонь, Анчугов продолжает бой. Но вдруг тысячи жал впились в тело, чем-то горячим плеснуло в лицо. Анчугов ничего не видит, не слышит.

Танк неподвижен: в него угодил фашистский снаряд. Но герой проложил путь товарищам. Ринулись вперед воодушевленные подвигом командира танкисты, мотострелки и 2-й танковый батальон.

Вражеский гарнизон в Олеско разгромлен.

Везде валяются трупы гитлеровцев, толпятся жалкими кучками пленные.

В это время наш отряд остановился в лесу между Ожидовом и Буском. Танки, бронемашины и бронетранспортеры занимают боевые позиции. Готовы к атаке автоматчики — она на рассвете. На станции и в селе Ожидов царит тишина. Враг нас не ждет. Ни в людях, ни в технике у нас нет численного превосходства, но воля к победе, внезапность и мастерство решат исход боя. Будем бить врага не числом, а уменьем.

Бой за село и станцию начался на рассвете. Противник был застигнут врасплох. Гитлеровцы дерутся отчаянно, но на организованное сопротивление уже не способны.

Захвачено много пленных. Нам достались богатые трофеи.

Батальоны бригады продолжают наступление.

Вспоминая эти памятные события, думаю о воинах, чьи подвиги проложили путь к победе. По достоинству оценила их заслуги Родина. Старший лейтенант Александр Галактионович

Анчугов удостоен высокого звания Героя Советского Союза, орденом Красного Знамени награжден майор Каразин. Капитаны Клименко и Бокшотов, старший лейтенант Попов, лейтенанты Абрамов и Беклимешев награждены орденом Красной Звезды.

Сабли конников

Вслед за конниками лейтенанта Карицкого шел эскадрон лейтенанта Мыка. Карицкий и Мык дружили. Оба — молодые, веселые, задорные и в минуты отдыха на привале, и в бою. Но благодушное, мирное настроение Карицкого вдруг резко изменилось. Он скомандовал:

— Спешиться! Коней в укрытие! Занять оборону!

Острый взгляд Карицкого заметил впереди, на опушке леса, станковые пулеметы противника. Тут же ухнул снаряд: выстрелила вражеская пушка.

Спешившиеся конники приняли боевой порядок. А шедшая за ними вслед батарея лейтенанта Козлова уже разворачивала орудия. Расчеты открыли ответный огонь. Там, где находились немецкие пулеметные гнезда, поднялись фонтаны земли. Вражеские пулеметы замолкли. Но снаряды продолжали рваться то с одной, то с другой стороны дороги. Противник не мог вести прицельный огонь, но так или иначе батарею надо было подавить.

Конники уточнили расположение немецкой огневой точки. После удара наших артиллеристов огонь врага ослабел.

Неожиданно на поле появились сотни солдат противника. Цепь за цепью устремились они к дороге, чтобы укрыться в лесу. «Где-то выскользнули из-под удара и норовят спрятаться в лесной чаще», — подумал Карицкий. Прозвучала его команда:

— По коням!

Карицкий первым врезался в строй врага. Рядом с ним беспощадно рубил фашистов комсорг эскадрона кавалер ордена Славы сержант Самарин.

А на правом фланге шел на немецкие цепи эскадрон лейтенанта Мыка. Ржали кони, звенели сабли. Сизым туманом клубился над зеленым полем дым…

Гитлеровцы не сдавались. Они встретили конников автоматным и пулеметным огнем, пустили в ход гранаты.

Вставали на дыбы раненые лошади. И не каждому кавалеристу тогда удавалось удержаться в седле. В какой-то момент Карицкий не увидел вырвавшегося вперед лейтенанта Мыка. Буланый конь друга свалился с ног на скаку. Всадник отскочил в сторону. Карицкий поспешил на выручку товарищу. Но лейтенант схватил за уздечку оставшегося без всадника коня и на бегу вскочил в седло.

Недолго длилась эта схватка. Около сотни вражеских трупов укрыли поле боя.

В. Е. Грабовский, майор запаса
МОИ ОДНОПОЛЧАНЕ

А. С. Ермаков

С интересом перелистываю пожелтевшие документы теперь уже далеких военных лет: блокноты, подшивки газет, журналов… Вспоминаю фронтовые аэродромы, своих друзей — летчиков-штурмовиков, воздушных стрелков, вместе с которыми я поднимался в дышащее пламенем небо, ходил на боевые задания. Летали мы на машинах отличных по конструкции, по боевым качествам. Эти самолеты наши пехотинцы называли ласковым словом «ильюша», а гитлеровцы со страхом и ненавистью — «черная смерть».

Теперь, почти три десятилетия спустя, думаю, как лучше, понятнее рассказать о фронтовых друзьях, сражавшихся на грозных крылатых машинах, чтобы молодежь, читая о летчиках-штурмовиках, глубже понимала характер, непоколебимую волю этих воинов, презирающих смерть. Хочется вернуться в прошлое, к суровым военным будням, чтобы с расстояния сегодняшнего дня заглянуть в душу фронтового побратима, подчинившего себе крылатый бронированный дредноут — штурмовик «ИЛ».

…Вот шестерка за шестеркой штурмовики подходят к аэродрому, идут на посадку. Самолеты встречают техники, авиамеханики.

— Ну как? — слышится отовсюду. — Как слетали?

Летчики довольны. Один протягивает руку, показывая большой палец. Другой говорит кратко: «Порядок!» Третий бросает: «Задали фрицам жару!»

Из кабины вылез Александр Ермаков, высокий плечистый

летчик, с большими выразительными глазами. Брови широкие, чуть сдвинуты к переносице. Но за кажущейся внешней суровостью — приветливость и доброта. Любит он поговорить в кругу товарищей, спеть. Особенно свою задушевную:

На диком береге Иртыша
Сидел Ермак, объятый думой…

Его часто спрашивали, не тянется ли род Ермаковых от воспетого в песнях Ермака. Александр отшучивался:

— Сибиряк сибиряка любит издалека…

Товарищи часто называли его Ермаком.

— Что же ты, Ермак, на подводные рифы наткнулся? — это подошел Николай Васильевич Шаронов — вездесущий, хлопотливый замполит полка, превосходный летчик, душой болевший за каждый экипаж, за успех каждого боевого вылета.

— Сплошной огонь зениток — пробивались к цели, как сквозь ад, — сдвинул Александр шлемофон на затылок, вытер пот со лба. — Поцарапало чуть плоскости… Но по танкам хорошо ударили… «Тигров» и «фердинандов» штук восемь пустили в расход…

— Так и надо! Мы же воздушная артиллерия, пехоте расчищаем путь… — сказал Шаронов и поспешил к другим экипажам.

У самолета Ермакова хлопочут авиаспециалисты. Погода разрешила небольшую передышку. Небо заволокло тучами, накрапывал дождь. Хоть не так досадно Ермакову: он не летит не потому, что самолет «контужен», — небо мудрит! Надо немного выждать, пока ветерок разгонит тучи.

— Ну, браточки, латайте мои крылышки… — говорил им Ермаков. — Благо, что мотор цел, да и до кабины не достали немецкие осколки…

— Крепка броня, надежный панцирь, — заметил один из техников.

— А как же — штурмовик! Низко над полем боя летает. Ему необходима бронированная защита.

— А давно ли у нас появились штурмовики? — спросил кто-то из техсостава. Да и другим интересно было послушать об этом.

— Что ж, ребята, расскажу что знаю, — начал Ермаков. — Во время гражданской войны, в девятнадцатом году, по указанию В. И. Ленина создали авиационную группу для штурмовых ударов по белогвардейской коннице Мамонтова. Первыми самолетами-штурмовиками стали бипланы, на которых летчик и мотор защищались броней. В 1938 году появился самолет-моноплан

конструктора Ильюшина. Сначала машина была одноместная, а потом — двухместная. Вот такая, какой вы видите ее сейчас. А боевые качества штурмовика, думаю, всем известны. Сквозь огонь ходит и домой возвращается.

— Крылышки готовы — можно лететь, — доложил техник.

Неутомимые труженики фронтового аэродрома — техники, механики, мотористы — не смыкали глаз ни днем ни ночью. Обслужить, подготовить к вылету самолет, залечить раны, полученные в бою… Летчики ценили этот кропотливый труд аэродромных авиаторов.

И снова заместитель командира эскадрильи старший лейтенант Ермаков ведет группу самолетов к полю боя. Уже неделю бушевал снарядный шквал над галицкой землей и юго-западной частью Волыни. Вокруг крупной группировки гитлеровцев сомкнулось кольцо окружения. И Ермаков ведет шестерку «илов» в район котла. Самолеты все ближе и ближе подходят к цели.

Масса фашистских войск сгрудилась на небольшой территории. Прикрываясь от ударов с воздуха сплошной огневой завесой, танки, артиллерия, пехота врага отчаянно бросились в атаку, чтобы вырваться из ловушки. Большое скопление техники противника было замечено в районе Белого Камня. Сюда и устремились штурмовики 525-го авиаполка. Нашим наземным войскам, сдерживающим натиск гитлеровцев, приходилось трудно. Враг рвался к Западному Бугу, чтобы форсировать реку и любой ценой проложить путь на запад.

«Илы» над стальным кулаком противника. Выстроившись в круг, штурмовики один за другим пикируют на цели — танки, орудия, бронетранспортеры.

— Молодец, Ермак! — похвалил Ермакова за меткий удар по танкам ведущий полковой группы Михаил Иванович Ефремов.

Надо обладать железными нервами, бесстрашием, сильной волей, чтобы спикировать к самой цели и, поразив ее, вовремя вывести самолет из атаки. Такими качествами летчика-штурмовика владел Александр Ермаков — опытный воздушный боец.

Вот немецкий танк спрятался под кронами стоявших близко друг от друга деревьев. Ермаков так снизился, что винтом срезал верхушки ветвей и угостил «соткой» размалеванного под цвет местности «тигра». Тот содрогнулся и, размотав гусеницы, воспламенился.

Семь танков, несколько орудий и бронетранспортеров, сотни гитлеровцев уничтожила в этом вылете группа Ермакова.

А через два часа Ермаков повел «илы» на вражескую

переправу в районе Западного Буга. Небо над этим участком реки расцвечено белыми облачками разрывов. Ведущий пробился сквозь зенитный огонь и сбросил бомбы на понтоны. Следуя его примеру, так же бесстрашно и метко атаковали плавсредства противника ведомые.

Недавно я знакомился в Архиве Министерства обороны СССР с историей 525-го штурмового авиаполка. В оперативных сводках, политдонесениях, протоколах партбюро и партийных собраний часто встречал фамилию Ермакова. То сообщалось, что он штурмовал вражескую технику и живую силу, то наносил удары по аэродромам противника, то доставил ценные разведданные.

Особенно отличился Ермаков в июльских боях 1944 года. Десятки вылетов совершил он во время прорыва обороны врага на львовском направлении, во время разгрома гитлеровцев в котле и когда войска продолжали наступление.

137 успешных боевых вылетов совершил за период Великой Отечественной войны Александр Ермаков. На его личном боевом счету — 17 уничтоженных фашистских танков, 5 самолетов, 115 автомашин, 8 орудий, 4 цистерны, 3 склада, 40 вагонов, около 360 вражеских солдат и офицеров.

16 апреля 1945 года Ермаков дважды водил самолеты в бой в районе польского села Богусловице. В боевом донесении его рукой написано: «Уничтожили два танка, взорвали склад с горючим и два бензозаправщика…» В графе «разведданные» он написал: «Севернее Богусловице на поле рассредотачивается около 15 танков противника».

А в боевых документах за 17 апреля этого же года читаю: «Летчик Ермаков и воздушный стрелок Ячменев сбиты истребителями противника над целью. Экипаж погиб».

Об этом вылете читаем в донесении командира звена лейтенанта Ивана Дьяченко, который в воздухе возглавил группу. В графе «ведущий» Дьяченко начал писать свою фамилию, вывел даже первые буквы «Дья…», а затем перечеркнул и размашистым почерком написал: «Ведущий — Александр Семенович Ермаков». Саши уже не было в живых, но он и мертвый сражался с врагом. Его фамилию еще не раз выстукивали телеграфисты, передавая донесения в штабы.

После войны в газетах опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении Александру Ермакову звания Героя Советского Союза.

В летние дни 1944 года, во время разгрома бродовской группировки противника, штурмовики воевали вместе с наземными подразделениями. Не зря на фронте их называли «крылатой пехотой». Наши войска, сжимая кольцо окружения,

рассекали фашистскую группировку, чтобы разбить ее по частям. И в этих ожесточенных боях наземные части всегда поддерживали стальные крылья «илов».

«Внимание! В воздухе штурмовики! — радовались мы, когда над полем боя появлялись краснозвездные «ильюшины», — писал в те дни в красноармейской газете заместитель командира танкового подразделения гвардии подполковник А. Скряго. — Мы знали, что помощь с воздуха будет чувствительной. Ведь ни одно из сражений с немецко-фашистскими захватчиками не проходило без участия штурмовиков. «Илы» все время были на поле боя, воевали вместе с наземными войсками».

Геройски сражались на львовской земле опытные мастера воздушного боя летчики Макаров, Коровин, Шумидуб, Тверцин.

Самоотверженно бились с фашистскими войсками на этом этапе Львовско-Сандомирской операции и летчики 235-го штурмового авиационного полка. 21 июля в районе села Белый Камень группа «ильюшиных», ведомая летчиком Григорием Денисенко, сделала четыре захода, уничтожив пять танков, сорок автомашин, десятки солдат и офицеров противника. К концу войны Григорий Денисенко совершил 197 боевых вылетов и стал Героем Советского Союза.

Во время боев по окружению и разгрому бродовской группировки врага в адрес командиров штурмовых авиачастей поступало множество телеграмм, писем, в которых бойцы наземных войск благодарили за помощь, поддержку. Вот одно из таких писем, присланных летчикам- штурмовикам от пехотинцев:

«Севернее населенного пункта Белый Камень против нашего небольшого отряда немцы перешли в контратаку. Силы гитлеровцев во много раз превышали наши. Это было 21 июля 1944 г. примерно в 9.00—9.30. В это время, как раз к началу контратаки противника, над нашим районом появились группы «илов». Их было не меньше тридцати. Шли они звеньями по шесть-восемь самолетов на малой высоте. Три группы сразу же отделились и сбросили бомбы на скопление автомашин и повозок противника. После этого «илы» начали стрелять из пулеметов, по нескольку раз спускаясь почти до земли. За все время пребывания на фронте мы подобных ударов «ильюшиных» не видели. Все горело и рвалось. В общем, били фашистов сверхотлично. Контратака противника была полностью отражена авиацией почти без нашего участия, и все бойцы восхищались работой «илов». Мы все просим передать благодарность нашим летчикам-штурмовикам, оказавшим большую помощь на поле боя».

Пленный из окруженного 13-го армейского корпуса, оценивая действия наших штурмовиков при разгроме вражеских войск в

бродовском котле, сказал: «Русская авиация в районе Белый Камень, Ожидов, Олеско и по шоссе Белый Камень — Ожидов 20 июля с 13.00 до 19.30 совершила около тридцати налетов группами по 10–12 штурмовиков и бомбардировщиков. Авиация бомбила беспрерывно, подходя волнами. Самые большие удары окруженным войскам были нанесены у Белого Камня и на переправах в этом районе. Шоссейная дорога, идущая с севера на Белый Камень, с 19 по 21 июля находилась под непрерывным огнем русской авиации».

На протяжении всего периода ожесточенных боев «крылатая пехота» наносила мощные удары по вражеским войскам, по боевой технике и живой силе противника, его опорным пунктам, что значительно ускорило окружение и разгром фашистских дивизий в бродовском котле.

При прорыве обороны, при уничтожении гитлеровцев в котле под Бродами бесстрашно бились летчики-штурмовики Сергей Бесчастный, Иван Виноградов, Василий Гамаюн, Федор Жулов, Анатолий Казаков, Алексей Киреев, Иван Могильчак, Петр Кизюн, Геннадий Пастухов, Петр Макаров, Николай Родин, Александр Кучеренко, Лев Говорухин, Сергей Фомин, Михаил Зарецких. Одни из них сражались здесь, уже будучи Героями Советского Союза, другие были удостоены этого высокого звания позже.

Трудно перечислить имена всех воздушных бойцов, отличившихся в боях на львовском и рава-русском направлениях в 1944 году. Десятки, сотни отважных соколов бились с врагом с изумительной храбростью и мужеством, за что по достоинству названы в народе крылатыми богатырями.

Б. В. Самарин, полковник запаса
НА ОСТРИЕ РОМБА

З. Л. Асфандьяров

На огневой позиции второй батареи пушки под маскировочными сетями были приведены в боевое положение. Бойцы и командиры торопились, не теряли даром ни одной минуты. Где-то впереди шел бой. Доносились выстрелы танковых пушек, частые очереди крупнокалиберных пулеметов, приглушенный грохот разрывов снарядов, мин. Черный дым заволакивал мазанки небольшого села.

У первого орудия рядом с наводчиком стоял коренастый, невысокого роста старший сержант. На выцветшей гимнастерке артиллериста — орден Ленина, Золотая Звезда Героя, нагрудный знак «Гвардия».

— Как настроение, Закир? — спросил подошедший командир батареи.

— Трудновато будет. Фрицы напролом рвутся из котла, — ответил Закир Асфандьяров, вспоминая вчерашние бои под Сасовом. — Но выстоим! На то мы и гвардейцы!

Командир орудия окинул взглядом местность. Перед позициями — почти ровное поле с неубранными участками ржи, пшеницы. Вдали едва просматривалась синеющая гряда колтовских холмов. Закир невольно вспомнил Башкирию, долину реки Белой, свой родной Красноусольский район, где родился и вырос. Ему зримо представилась бесконечная горная цепь Урала.

— А мы здесь на голом месте встали. Как-то неуютно, — задумчиво произнес Асфандьяров.

— Это верно, что на голом, — согласился командир

батареи. — Но и отсюда дадим по зубам фашистам. Впереди — путь на Львов.

— Да, интересно посмотреть его. Красивы украинские города, приветливы жители. Дойдем. Освободим. А потом и дальше, на запад, — твердым голосом закончил Закир.

…Приказ командира 322-го гвардейского истребительно-противотанкового артиллерийского полка был кратким: выйти в район северо-западнее Золочева, занять рубеж. Готовность к бою на 16.00.

Времени — в обрез. Ускоренным маршем противотанкисты пошли по проселочным дорогам. В авангарде — батарея гвардии старшего лейтенанта Забелина.

При подходе к Золочеву артиллеристов обстреляли вражеские автоматчики, но засаду быстро ликвидировали. К указанному рубежу они вышли точно в срок. С ходу занимали огневые позиции, но земляные работы были еще не завершены.

Забелин взглянул на часы. День клонился к вечеру. «Может, до утра не потревожат фашисты?» — подумал он. Неожиданно раздался громкий возглас наблюдателя:

— С передового НП три красные ракеты!

На батарее знали: это сигнал танковой опасности. И тут же полковой радист передал: «Ромашка», к бою!»

Забелин спрыгнул в окоп, где оборудован наблюдательный пункт, приник к стереотрубе. По полю, километрах в двух, двигалась группа немецких танков. За ними шла пехота.

Наша тяжелая артиллерия открыла огонь. Но снаряды не достигали цели: вражеские танки двигались на больших интервалах, маневрировали. Обогнув пологую высоту, они резко свернули в сторону и начали скрываться в лощине.

— Наверное, заметили нас и хотят обойти зону обстрела, — вслух проговорил Забелин. Мгновенно сработала мысль: если танки выйдут из лощины, а это наверняка, — деваться им некуда, — то орудия по отношению к ним окажутся в линейном положении, да еще в затылок друг другу. И он тут же отдал приказ: две пушки переместить метров на двести в сторону. На помощь артиллеристам пришли разведчики, связисты, водители. Почти на виду у противника боевой порядок батареи был перестроен в «ромб».

Первое орудие, которым командовал старший сержант Асфандьяров, находилось на острие ромба, обращенного к выходу из лощины.

Лейтенант Забелин хорошо знал Закира. Этот бывалый воин обладал сноровкой и необыкновенной смелостью. За время пребывания на фронте он не раз вступал в единоборство с

фашистскими танками, выходя победителем.

Асфандьяров лежал возле орудия и не отрывал глаз от бинокля.

— Один… Три… Пять…

Девять бронированных громадин, двигавшихся на батарею, насчитал он. Гитлеровцы прибавили скорость. «Давай, давай, — подумал гвардеец, — подходи. Встретим как надо».

— По головному! Бронебойным!..

Прогремел выстрел, еще один…

Первый танк окутался дымом. По броне второй вражеской машины поползло пламя.

Вблизи раздался оглушительный взрыв. Осколки пронеслись над головой командира орудия, зацокали по щиту, станинам. Послышался стон. Закир на миг оглянулся. Соседняя пушка разбита, завалилась набок. А у орудия, в пяти шагах от Асфандьярова, пытался встать раненный осколками подносчик снарядов.

— Наводчик! Помоги раненому. Я заменю тебя! — И сержант, сам немного оглушенный, прильнул к окуляру оптического прибора, руки привычно легли на рукоятки механизмов. Он думал только об одном: точнее произвести наводку, учесть нужное упреждение на скорость движущихся целей, уловить мгновение, когда пора плавно нажать на рукоятку спуска.

— Нас не запугаешь! Заряжай! Огонь! — командовал Асфандьяров, подбадривая боевых друзей.

Последовало несколько выстрелов. В одном танке что-то взорвалось, повалили клубы густого черного дыма. Другой замер на месте, затем какая-то сила крутнула его так, что ствол пушки повернулся в противоположную сторону.

Не выдержав меткого огня нашей артиллерии, уцелевшие машины противника остановились и начали медленно ползти назад, к лощине.

— Кажется, можно передохнуть, — с облегчением промолвил Закир, окидывая взглядом бойцов. — Здорово дали им жару. Век не забудут котла.

Послышалась новая команда:

— По пехоте… осколочным!.. Беглый огонь!

Старший сержант опять прильнул к панораме. Гитлеровцы как ошалелые поднялись и пошли в полный рост густыми цепями под неумолкающий автоматный треск.

Все три орудия вновь открыли стрельбу. Вражеские цепи редели. Фашисты залегли. Закир вводил поправки в наводку и посылал снаряд за снарядом. «Чего-то ждут?» — недоумевал он.

Гитлеровцы действительно ожидали подмоги. Три танка,

десяток бронетранспортеров с автоматчиками, выбравшись из той же лощины и ведя огонь, набирали скорость.

— Держись, ребята! — крикнул Закир. — Покажем фашистам, где раки зимуют.

Заговорила расположившаяся рядом батарея старшего лейтенанта Тарасова.

Канонада усилилась.

Три немецких танка были подбиты сразу. Несколько бронетранспортеров опрокинулось вместе с пехотинцами. С остальных соскочили автоматчики и, пробираясь во ржи, начали обходить позиции двух батарей. В это время по ним с флангов хлестнули пулеметные очереди. Немцы отхлынули, спасаясь бегством. Подступы к батарее усеяли десятки трупов гитлеровцев.

На землю опустился вечер.

— Ну, теперь отдохнем немножко, — вытирая пилоткой лицо, сказал Закир.

Бессонные ночи, постоянное нервное напряжение, физическая усталость валили бойцов с ног. Но почти до рассвета пришлось приводить в порядок орудия, пополнять боеприпасы.

А ранним утром снова грянул бой…

Противник опять шел в атаку: пехота, автомашины, повозки. Фашисты пытались обойти позиции артиллеристов слева, но наткнулись на непреодолимый танковый заслон. Потерпев там неудачу, около пятисот гитлеровцев двинулось на 322-й артиллерийский полк с фронта. Ценой больших потерь отдельным группам противника удалось сквозь огненную завесу снарядов прорваться к батарее. Пушкари взялись за автоматы и карабины.

Оставив орудие, схватил автомат и Асфандьяров.

— За мной! — крикнул он бойцам своего расчета.

Стреляя на ходу, артиллеристы смело бросились навстречу вражеским пехотинцам. Использовав автоматные патроны, гранаты, Закир ловко орудовал прикладом в рукопашной. Его примеру следовали другие бойцы.

Оставшиеся в живых фашистские солдаты и офицеры бросали оружие, сдавались в плен.

— И у орудия ты мастер, и в рукопашной молодец, — похвалил Закира командир батареи.

Герой Советского Союза гвардии сержант Закир Асфандьяров участвовал также в освобождении многих городов и сел Польши. Фронтовыми дорогами дошел до Берлина.

Из Балхаша Карагандинской области часто идут письма на Львовщину. «Большое расстояние от Караганды до Карпат, — пишет Асфандьяров, — но так хочется приехать и посмотреть на

край, за освобождение которого мы жестоко бились с гитлеровцами в сорок четвертом». А ему отвечают благодарные жители и ветераны войны: «Приезжайте, будете дорогим гостем».

И. З. Кулешов

Таисия Кулешова

Виктор Кулешов

Василий Кулешов

В первый день войны Иван Зиновьевич Кулешов и его сын Василий ушли защищать Родину. Через несколько месяцев на юге Украины Ивана Зиновьевича ранило. Из госпиталя он прислал письмо домой, в город Камышин. Выбывшего из строя отца заменила его дочь Таисия.

После лечения Ивана Зиновьевича послали на офицерские курсы. Здесь учился и Василий. Отца и сына направили в одну действующую часть. И какова же была их радость, когда, прибыв на фронт, они узнали, что в 21-м полку 7-й кавалерийской дивизии служит пулеметчиком и младший сын Ивана Зиновьевича — Виктор. В этой же дивизии, только в другом полку, находилась и Таисия. За проявленное мужество она уже имела боевую награду — медаль «За отвагу».

По просьбе Ивана Зиновьевича Таисию перевели в часть, где воевали отец и два брата. «Квартет Кулешовых», — так называли четырех фронтовиков-патриотов из одной семьи.

Когда полк сражался на Львовщине, Иван Зиновьевич командовал кавалерийским эскадроном. Младший лейтенант Василий Кулешов возглавлял пулеметный взвод. Сержант Виктор Кулешов командовал пулеметным расчетом. А Таисию, дежурившую на КП у телефона, называли «богом связи».

При прорыве обороны противника эскадрон под командованием Ивана Кулешова уничтожил более двухсот гитлеровцев. Личный пример смелости показал в этом бою Кулешов-старший. Командир дивизии вручил отважному коннику орден Красного Знамени.

Семья Кулешовых отличилась и в боях под Каменкой-Бугской. Когда гитлеровцы перешли в контратаку на правом фланге полка, командир послал туда пулеметный взвод Василия Кулешова. Пулеметчики быстро выдвинулись на указанный рубеж и открыли кинжальный огонь по противнику. Гитлеровцы пытались уничтожить их из минометов, но ничего не вышло. Контратака

врага была сорвана.

Во время этой схватки Василий Кулешов появлялся то у одного, то у другого пулемета. Указывая цели, он умело управлял боем. Когда погиб один из бойцов расчета, он сам лег за пулемет. Мужественно действовал в этом бою и младший из Кулешовых — Виктор. И никто не удивился, когда на груди Василия вскоре засиял орден Отечественной войны I степени, а у Виктора — медаль «За боевые заслуги».

После освобождения Львовщины Кулешовы шли в боевом строю дальше, на запад. Не дожил до Дня Победы Василий. В конце февраля 1945 года вражеская пуля оборвала его жизнь.

Остальные члены семьи Кулешовых вернулись в родные места, на Волгу. Несколько лет назад Иван Зиновьевич Кулешов умер. Виктор и Таисия бережно хранят память об отце и погибшем на фронте брате. Они часто рассказывают молодежи о подвигах однополчан, с которыми плечом к плечу шли дорогами войны.

В. В. Березин, гвардии подполковник запаса
СЛУЧАЙ В РАЗВЕДКЕ

В. В. Березин

П. Д. Азаров

К утру 21 июля из резерва 60-й армии в район западнее Золочева была переброшена 7-я гвардейская истребительно-противотанковая артиллерийская бригада. Ее полки с ходу вступали в бой, отражая попытки врага пробиться в южном направлении.

Артиллеристы сражались не только с немецкими бронемашинами, но им приходилось вступать и в рукопашные схватки с автоматчиками.

Особенно памятным был бой утром 22 июля.

Убедившись, что через Ясеновцы прорваться невозможно, гитлеровцы повернули на Княже, а затем на село Лацке. Чтобы не

дать возможности противнику вырваться из окружения, командир бригады гвардии полковник М. С. Титенко произвел перегруппировку и выдвинул на шоссе южнее села Княже 321-й, в район Лацке — 320-й и к селу Бонишин — 319-й истребительно-противотанковые полки. Я был тогда начальником разведки 320-го полка.

То на одном, то на другом участке возникали жаркие схватки пехотинцев, танкистов, артиллеристов с разрозненными вражескими группами. Фашисты внезапно переходили в контратаки.

— Товарищ гвардии подполковник, — обратился я к командиру полка Аверкиеву, — разрешите уточнить боевую обстановку.

Получив разрешение, мы на немецкой трофейной машине отправились в разведку. Со мной поехал полный кавалер ордена Славы гвардии сержант Тамбовцев. Его знали все как смелого и опытного разведчика.

В это время гитлеровцы пошли в атаку и отрезали нас от своей части… «Надо предупредить полк об опасности», — подумал я. Приняли решение следовать вместе с немцами, а затем обогнать их.

— Водитель, жми по дороге прямо! Обгоняй немецкие танки слева, а Тамбовцев пускай считает их.

Машина устремилась вперед.

— Двадцать один! — досчитал Тамбовцев. — Более десяти автомобилей с пехотой и три бронетранспортера.

Мы проскочили колонну и двигались к огневым позициям батарей полка, оказавшись, таким образом, между двух огней. По нас могли открыть огонь гитлеровцы, но наши истребители, заметив немецкую автомашину, могли без промедления ее расстрелять.

Но, к счастью, все обошлось. Машина приближалась к орудию первой батареи. Бойцы расчета направили на нас автоматы. Я мгновенно выскочил из машины, махнул им рукой.

Мы связались с полковым наблюдательным пунктом, доложили подполковнику С. М. Аверкиеву обстановку. На наши огневые позиции тотчас же была передана команда: «К бою!»

Первой открыла огонь «заигрывающая» батарея гвардии старшего лейтенанта С. Г. Покрышевского. Она начала стрельбу на больших дальностях, привлекая внимание врага на себя, заманивая его под фланкирующий огонь батарей гвардии старшего лейтенанта Ф. Егорова, И. Черниговцева, В. Рябых, П. Тарана.

Так и случилось. Ринувшись в атаку на батарею

Покрышевского, гитлеровские танки, автомашины с пехотой попали в «огненный мешок».

— Огонь! Огонь! — слышалась команда с разных сторон.

Одновременный фланкирующий огонь по вражеским машинам посеял растерянность и панику в рядах противника. Вспыхнуло несколько танков, опрокидывались автомобили с пехотой.

Слаженно действовали орудийные расчеты. Но в тяжелом положении оказалось орудие гвардии старшего сержанта Алексея Бажина. Гитлеровцы стали окружать огневую позицию. На помощь Бажину пришли бойцы соседнего расчета и взвод управления батареи гвардии лейтенанта И. Свербеева. Противник был отброшен.

Фашистам не удалось пробиться. Неся потери, они отошли.

В этих боях отличился гвардии сержант Азаров. Его орудие уничтожило пять танков. Павел нередко поражал цель с первого выстрела.

Как-то Азаров обнаружил брошенный фашистский танк. Тут пригодилась ему довоенная профессия тракториста. Он завел двигатель, взяв с собой бойцов, повел машину к складу горючего. Охрана была уничтожена пулеметным огнем, склад захвачен. За отвагу, проявленную в боях на Днепре и под Житомиром, Павел Дмитриевич удостоен ордена Славы III степени, под Львовом — II степени, при штурме Берлина — I степени. На счету у артиллериста — 12 подбитых и сожженных танков. Гвардеец участвовал в параде Победы на Красной площади.

Геройски сражался и погиб гвардеец сержант Десятник. Оставшись один у орудия, он продолжал вести огонь до последнего дыхания. После боя мы увидели его сидящим у панорамы. Руки крепко сжимали рукоятки механизмов наводки.

После разгрома бродовской группировки немецко-фашистских войск наш полк получил приказ следовать на Львов. В боях за город 320-й гвардейский истребительно-противотанковый артиллерийский полк получил почетное наименование «Львовский» и награжден орденом Суворова.

В составе 320-го полка сражался поляк Сильвестр Затор. В 16 лет он стал солдатом нашей армии. Разведчик гвардии рядовой Затор от Киева до Берлина прошел по дорогам войны с 320-м полком. Сейчас наш польский друг проживает в городе Дембице. Он помнит ожесточенные бои за освобождение Львовщины, не забывает своих побратимов — воинов 7-й гвардейской бригады, ведет переписку со многими ветеранами. Недавно я побывал у Сильвестра Затора в гостях. Нерушима дружба, скрепленная кровью.

В Польше я видел обновленные, выросшие на развалинах и пепелищах города и села, фабрики и заводы. Радостно на душе: польская земля, за освобождение которой героически сражались воины Советской Армии, цветет счастьем и радостью новой жизни.

И. М. Телятников, старшина запаса
ДИВИЗИОН УДМУРТЦЕВ

На одной из центральных улиц города Ижевска есть небольшой сквер. Внимание прохожих привлекает воздвигнутый в нем памятник. Высокий постамент венчает площадка с противотанковой пушкой.

На памятнике высечены слова: «Артдивизиону имени Комсомола Удмуртии». С этим дивизионом связана опаленная военной грозой моя юность. Пришел я в армию с комсомольским билетом, по зову сердца.

…Шел сорок второй год. Все для фронта, все для победы! Комсомольцы Удмуртии решили создать из добровольцев артиллерийскую часть. Вскоре был сформирован дивизион. На личные сбережения трудящихся приобрели орудия, тягачи и другую боевую технику.

Осенью 1942 года 174-й отдельный истребительно-противотанковый артдивизион имени Комсомола Удмуртии влился в 172-ю стрелковую дивизию.

Первый наш боевой рубеж проходил западнее Москвы, где мы занимали оборону. Затем сражались на Брянщине, на Днепре и Западном Буге, на берегах Вислы и Одера…

…Стою у памятника и мысленно переношусь в те жаркие схватки. Их было много. Но особенно запомнились мне июльские бои сорок четвертого года на Западном Буге, близ границы.

Уже прорвана оборона гитлеровцев на рава-русском направлении. Позади остался освобожденный частями нашей дивизии город Броды. Мы продвигались вперед, сжимая кольцо окружения вокруг попавших в ловушку фашистских дивизий. Гитлеровцы стремились любой ценой пробиться на запад, уйти от возмездия.

По дороге, которая вела к селу Станиславчик, неожиданно в нашу сторону полетели вражеские снаряды.

— К бою! — отдал приказание командир дивизиона подполковник Семченко.

Командир батареи старший лейтенант Боул дает целеуказание. На пути артиллеристов оказалась засада — несколько замаскированных танков и орудий. Мой расчет уже развернул пушку. Зарядили бронебойным.

— Не промахнись, Сергей, — говорю наводчику Макогончуку, хотя знаю, что он хладнокровен, имеет хорошую выдержку, точный глазомер, которые так нужны наводчику.

С первого выстрела нашей пушки один из «тигров» превратился в бесформенную глыбу. Ударили другие орудия — засада ликвидирована. Но вдруг поступил сигнал с переднего тягача:

— Мины!

Действительно, дорогу пересекала широкая полоса с подозрительными бугорками. Заметив эти бугорки, мы остановились. Объехать минное поле невозможно — там болото.

Подошли подполковник Семченко с замполитом майором Поповым. Нагибаются, смотрят, о чем-то советуются. Командир принимает решение:

— Разминируем сами!

Лейтенант Боул с тремя солдатами приступили к рискованной работе. Взялся и я за это непривычное дело. Малейшая опрометчивость — и прощай, белый свет. Осторожно вынимаем взрывоопасные предметы.

Подъехал на броневике комдив генерал А. А. Краснов. Мы часто видели его в полку, в дивизионе. Знали, что где-то по соседству воюет его дочь, медицинская сестра.

— Расчистить проход, выставить часового до прибытия саперов! А сами — вперед, пехоте на помощь! — распорядился комдив.

Наш дивизион помог пехоте выбить врага из села Станиславчик.

Окруженному противнику был предъявлен ультиматум: сложить оружие во избежание напрасного кровопролития. Но гитлеровцы в злобе и ярости, как затравленные звери, метались из стороны в сторону, ощетиниваясь огнем.

Артиллеристы потеряли представление о дне и ночи, забыли о сне, пище, — с воспаленными от бессонницы глазами сквозь пороховой дым и гарь они пробирались по дорогам, болотам, вброд через речушки, чтобы преградить путь рвавшемуся из кольца противнику, чтобы не дать ему уйти.

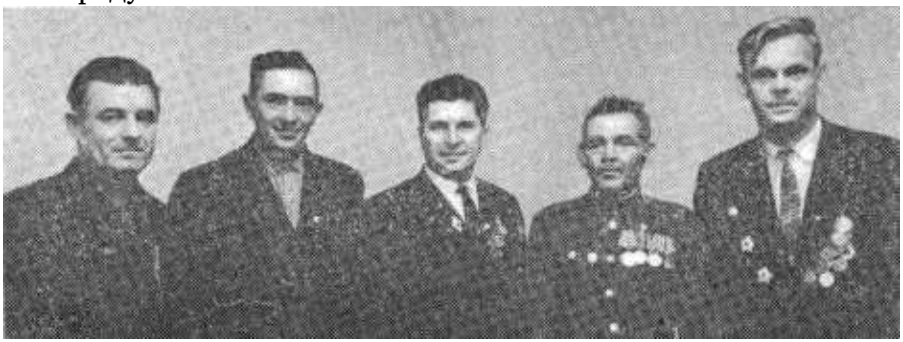
21 июля мы встретились с превосходящей по численности группой гитлеровцев.

Мне хорошо запомнился тот жаркий, трудный бой.

Ночью мы прибыли к перекрестку дорог и заняли огневые позиции на ржаном поле. Светало. Впереди виднелись высокие холмы, покрытые лесом, здесь, у развилки, стеной стояли вековые липы.

Только взошло солнце, противник атаковал нас небольшими группами, как бы ведя разведку боем. Но часам к семи утра обстановка стала накаляться. Гитлеровцы двинулись тремя колоннами. В средней — машины, повозки, танки. В двух боковых

— пехота, бронетранспортеры. Колонна с бронетранспортерами, пехотой и несколькими танками направлялась прямо на нас, на автостраду.



Группа воинов артиллерийского дивизиона имени Комсомола Удмуртии (справа налево): И Телятников, К. Вахрушев, Б. Рогалев, С. Макогончук, В. Кайдалев

Мы выкатываем 76-мм орудия на прямую наводку. Считанные минуты — и уже гремят выстрелы. Разорвавшийся неподалеку вражеский снаряд обдал болотом и землей наш расчет. От взрывной волны упал заряжающий Кульбышев. Кривясь от боли, он все же поднимается, стряхивает с себя землю. На лице улыбка. Еще бы! С того света вернулся! Осколки пощадили его.

А на правом фланге болванка, выпущенная «тигром», перевернула пушку. Есть убитые, раненые. Туда подбежал замполит Попов. Обстановка еще больше усложняется. Фашисты напирают, нащупав участок с разбитым орудием. Артиллеристы берутся за пулеметы, автоматы. Замполит Попов ведет их в контратаку.

Вовремя подоспели стрелковые подразделения дивизии. Они ударили противнику во фланг.

— Поддержим артиллеристов! — кричит лейтенант-пехотинец.

Маленькая ирония. Но все правильно. Обычно мы, артиллеристы, поддерживаем пехоту. А сейчас вышло так, что пехотинцы поддержали нас в трудный момент боя. Как говорится, долг платежом красен.

А накал боя все больше нарастал. Били орудия разных систем и калибров, минометы, били пушки «тридцатьчетверок». В громовые раскаты нашего оружия вплетались залпы пушек «тигров», «пантер», немецких штурмовых орудий. Сожженные домики в поселке и примыкающих к нему хуторах, иссеченные сады, рощи, изуродованная осколками дорога, вытоптанные хлеба дополняли ужасную картину поля боя.

Немецкие транспортные самолеты сбрасывали на парашютах

ящики с оружием, патронами, тюки с продовольствием для своих окруженных войск. Но это была уже напрасная помощь.

Центральной колонне противника удалось приблизиться к железнодорожной станции. Туда устремился наш дивизион. Встав прямо на асфальте, расчеты ударили по гитлеровцам, рвавшимся к станции. В воздухе появилась группа «илов» и начала заходить на батарею, приняв нас за противника. Но орудийные расчеты метнули зеленые ракеты в направлении врага. Обстановка для штурмовиков прояснилась.

После этого появился подполковник авиации с двумя солдатами и радиостанцией. Облюбовав окопчик, подполковник вскоре оттуда скомандовал: «Соколы! Я — Земля! Поворачивай на станцию!» А другим экипажам приказывал: «Бей по холмам!», «По танкам, что у окраины поселка!» И штурмовики уверенно и точно выполняли команды, которые подавались с земли.

Летчики работали расчетливо, уверенно. Одни уходили, другие приближались к целям. Потом подходили новые «шестерки», «девятки». Казалось, потемнело в небе от наших самолетов. Ощутимой была их помощь.

Ушли самолеты, а гитлеровцы, еще несколько часов назад так воинственно настроенные, поднимались с земли, вылезали из кюветов, выходили из-за станционных строений с поднятыми руками. Сначала одиночками, затем группами, потом огромными толпами. Шли без оружия. Молодые и пожилые. Многие пытались говорить, что-то кричали. Отчетливо можно было разобрать фразу «Гитлер капут!» Построенные в колонны, вражеские солдаты и офицеры отправлялись в плен.

Оставаясь на старых огневых, у перекрестка дорог, вечером в записной книжке я сделал запись: «21 июля 1944 года. Моя трофейная пушка выпустила 190 трофейных снарядов. Снарядами врага били по врагу, участвуя в завершении разгрома бродовской группировки гитлеровцев».

На следующий день комдив А. А. Краснов по случаю ликвидации остатков вражеских войск, очутившихся в бродовском котле, произвел смотр частей дивизии.

Четко печатая шаг, шагали знаменосцы, пехотинцы, саперы, артиллеристы. Прошел торжественным маршем наш дивизион. Ночью мы похоронили павших в бою товарищей. Радость победы омрачалась горечью утраты друзей.

Генерал приветствовал артиллеристов:

— Комсомолия! Удмуртия! Смело действовали — молодцы!

И вновь путь 174-го отдельного истребительно-противотанкового дивизиона — на запад.

Спустя день-два, обгоняя застрявшие полуторки на лесной

дороге, мы как-то услышали громкий взволнованный голос:

— Сережа! Сынок! Сынок!!

Мы оглянулись. Видим — с полуторки соскочил пожилой солдат и бежит к нашему грузовику, путаясь в полах шинели. Машина остановилась.

— Отец! Отец мой! — с неудержимой радостью закричал Сергей Макогончук, который до сих пор ничего не знал о судьбе отца-фронтовика. Оказалось, что он воевал рядом с ним.

Трогательной была эта встреча, которой радовались все. Но недолго случайное свидание на фронтовой дороге. Отец и сын расстались. Мы поехали дальше. Думал я: может, где-то вот так встречу и своего отца? Он воевал, и я тоже ничего не знал о его судьбе.

…Стою у памятника. Удмуртия, как мать о сыне, заботилась о комсомольском артдивизионе. В боях выбывали из строя бойцы, техника. Из республики шло пополнение. Всю войну трудящиеся оснащали дивизион за счет средств из личных сбережений.

И он с честью оправдал это высокое доверие: многие воины-добровольцы удостоены высоких правительственных наград. На боевом знамени дивизиона — орден Красной Звезды.

В огне сражений росла слава артиллеристов, выросла она и в боях за освобождение Львовщины, где при окружении и разгроме бродовской группировки противника бесстрашно дрались воины-удмуртцы.

СЛОВО ДОКУМЕНТАМ
(Из материалов Архива Министерства обороны Союза ССР)

И один в поле воин

На орудие старшего сержанта Ермолаева, комсорга 5-й батареи, шли две «пантеры», ведя огонь с ходу.

Ермолаев из всего расчета остался один. Подпустив врага на близкую дистанцию, открыл огонь. Одну «пантеру» он поджег на расстоянии 100 метров, другую — в 30 метрах от орудия.

Это заметили еще два танка и немедленно развернулись на позицию отважного артиллериста. Поочередно Ермолаев подбил и оба «тигра». Но один из них продолжал вести огонь по орудию и прямым попаданием вывел его из строя. Ермолаев был ранен.

Командир 865-го артиллерийского полка представил командира расчета к награде.

Из политдонесения политотдела 302-й стрелковой дивизии от 17 июля 1944 года.

Из пушки врага

Во время боя немецкий танк разбил орудие командира расчета 7-й батареи 865-го артиллерийского полка сержанта Мосейкова. Усилиями артиллеристов вражеские танки были отброшены.

Поднявшаяся пехота преследовала отступающего врага.

На глазах у бойцов разбежался немецкий орудийный расчет, бросив возле пушки много снарядов.

Двигавшийся следом расчет комсомольца сержанта Мосейкова немедленно перебежал к орудию, повернул его и открыл огонь. Пятьюдесятью снарядами наши артиллеристы уничтожили бронетранспортер, два мотоцикла, около взвода пехоты.

Из политдонесения политотдела 302-й стрелковой дивизии от 25 июля 1944 года.

Находчивость — сестра успеха

В семь часов утра 21 июля 1-й стрелковый батальон 472-го стрелкового полка вышел на южную окраину села Залесье.

Противник силами до 2000 солдат и офицеров при поддержке четырех танков и пяти бронетранспортеров обрушился на первую стрелковую роту.

Отважно действовал красноармеец первой стрелковой роты Яремчук Каленик Онуфриевич.

В трудной обстановке, рискуя жизнью, он подполз к немецкому пулемету, огонь которого мешал продвижению батальона.

Боец крикнул по-немецки: «Поворачивай пулемет назад!» Среди вражеских пулеметчиков возникло замешательство. Яремчук воспользовался этим и выстрелом из винтовки убил в упор гитлеровского солдата. Двое других бежали.

Яремчук, захватив вражеский пулемет, начал стрелять по отступающему противнику.

Из политдонесения политотдела 100-й стрелковой дивизии от 22 июля 1944 года.

Взорвал в руках гранату

Рядовой 2-й роты 51-го мотоциклетного полка комсомолец Георгий Дмитриевич Пилипенко трижды ходил в контратаку, уничтожив из автомата 60 фашистов. Когда кончились боеприпасы, Пилипенко с криком «ура!» бросился врукопашную, убил прикладом автомата трех немецких солдат.

Окруженный большой группой гитлеровцев, не имея патронов, Пилипенко подпустил фашистов вплотную и взорвал в руках гранату.

Из политдонесения политотдела 4-й танковой армии от 25 июля 1944 года.

И. В. Гущак, капитан запаса
БЕССТРАШНЫЙ РЕЙД

М. З. Петров

На подступах к селу Бонишин догорало несколько немецких танков, стояли разбитые машины, бронетранспортеры, валялись десятки трупов гитлеровцев. Здесь сражались с врагом танкисты 1-го батальона 237-й танковой бригады.

Вокруг своей «тридцатьчетверки» ходил русоволосый лейтенант, придирчиво осматривая машину после боя.

— Михаил! Командир бригады передает бойцам вашей роты благодарность, — сказал подошедший комбат. — Дрались отменно!

— Дали фашистам прикурить, — улыбнувшись, ответил лейтенант Петров. — А за благодарность — спасибо.

— 100-я бригада ведет трудный бой западнее села Почапы. Ваша рота должна ей помочь.

— Выручим товарищей, — ответил лейтенант.

— Сколько у вас исправных танков?

— Восемь…

— Достаточно. Теперь вопрос, как туда добраться? Кругом гитлеровцы. Идти в обход — время дорого. А медлить нельзя.

— А что, если напрямик? — после непродолжительной паузы спросил Петров.

— Не до шуток, лейтенант. В Почапах вражеские танки, самоходки, артиллерия. Да и подойти к селу трудно — везде враг. Только что сами видели.

— Это верно. Но фашисты еще не пришли в себя. Пока у них переполох, воспользуемся этим и проскочим, — уверенно заявил

Петров.

Лейтенант Петров с командиром батальона капитаном Дрыгайло до мелочей обсудили предстоящий рейд.

— Что ж, лейтенант, готовь роту — убедил меня. Сейчас доложу комбригу, жди команду.

…Под покровом тумана танкисты тронулись в опасный рейд. Несколько километров, отделявших их от села, были пройдены благополучно. Расправившись с вражескими засадами, рота подошла к Почапам. «Что делать? — размышлял Петров, увидев орудия, расставленные на окраине села, самоходки возле домиков. — Только через центр, напролом». И ротный отдал команду:

— Следовать за мной! — Потом приказал механику-водителю: — Давай, Коля, жми прямо по дороге!

За командирской машиной устремились остальные танки. Улицы запружены вражеской техникой. От пушечного и пулеметного огня грузовики разбивались в щепки, гитлеровцы разбегались, прятались за хаты. Среди фашистов возникла паника. Стрелять по нашим машинам было невозможно, так как везде полно своих.

На боковой улочке командир заметил три самоходки. Он приказал двум идущим сзади танкам развернуться. «Фердинанды» не успели выпустить ни одного снаряда. Один из них сразу запылал.

Вот и западная окраина села. На танкистов 100-й танковой бригады наседали гитлеровцы. Помощь пришла вовремя. Враг попал в клещи и, не выдержав натиска, неся потери в живой силе и технике, отступил.

Бригада заняла круговую оборону. Рота Петрова оседлала дорогу между селами Почапы и Гончаровка. С ней взаимодействовал взвод автоматчиков гвардии лейтенанта Педуненко.

Разобравшись в обстановке, противник возобновил атаку, стремясь пробиться на юг. Особенно сильный удар пришелся на участок, где стояли танки Петрова. Лейтенант отдал приказ о контратаке.

Восемь «тридцатьчетверок», развернувшись в боевую линию, двинулись на врага, взяв направление на село Гончаровку. Противник усилил огонь. Автоматчики соскочили с танков, но вынуждены были залечь. Еще немного — и немцы отсекут их от «тридцатьчетверок».

— За мной! За Родину! Ура-а-а! — послышался голос Педуненко.

Мотострелки поднялись в атаку. Завязались ожесточенные

схватки.

Вот с чердака полоснули пулеметные очереди. Гвардии сержант Галстов со своим отделением бросился к дому. Короткими перебежками, ползком они подобрались ближе. На чердак полетели гранаты. Вражеские пулеметы замолчали.

Бойцы отделения сержанта Сысоева в смелом броске ворвались на огневые позиции вражеской артиллерийской батареи. Орудийная прислуга разбежалась.

Тем временем гитлеровцы подбросили свежие силы. Танкисты 100-й танковой бригады и рота Петрова вынуждены были отойти к селам Княже и Бонишин, где заняли прочную оборону. Но фашисты, опасаясь подвоха, временно приостановили атаку.

В этом смелом рейде только рота Петрова уничтожила около 500 гитлеровцев, 7 танков, более 100 автомашин с военным грузом, 20 орудий.

За этот бесстрашный рейд Михаил Захарович Петров и механик-водитель его танка старшина Николай Павлович Богатов Указом Президиума Верховного Совета СССР удостоены звания Героя Советского Союза.

Н. Г. Ильин, гвардии полковник
НЕБО ПОКОРЯЕТСЯ СИЛЬНЫМ

Г. А. Баевский

Н. Н. Кочмарев

Боевая обстановка непрерывно менялась. Несколько дней назад на картах летчиков пестрели условные знаки, обозначающие цели в районе «колтовского коридора», а начиная с 19 июля, возвращаясь из боевых заданий, летчики уже привычно говорили: «Работали в котле».

Наш 5-й гвардейский истребительный авиаполк по несколько раз в день сопровождал штурмовиков и бомбардировщиков, наносивших удары по окруженной группировке врага.

Расскажу об одном из вылетов 20 июля.

95-й гвардейский штурмовой и 5-й гвардейский истребительный авиаполки получили задание: нанести удар по противнику, пытавшемуся вырваться из котла в юго-западном

направлении.

Двенадцать самолетов «Ил-2» во главе с командиром эскадрильи Героем Советского Союза гвардии капитаном Николаем Кочмаревым один за другим взмыли в безоблачное небо. В назначенное время группа встретилась с десятью «Ла-5» — истребителями сопровождения, возглавляемыми заместителем командира эскадрильи, кавалером Золотой Звезды гвардии старшим лейтенантом Георгием Баевским.

Поприветствовав друг друга покачиванием крыльев, самолеты легли на курс. Кочмарев и Баевский — старые друзья. Не раз им приходилось вместе выполнять боевые задания. Рассекая упругий воздух, самолеты устремляются к цели.

Пара «Ла-5» летит на высоте трех тысяч метров. Ниже — ударная группа. Еще ниже — истребители непосредственного прикрытия. У самой земли, в сомкнутом строю — три звена штурмовиков.

Внизу часто расцветали огненные вспышки, по земле полз сизоватый дым. Там — танки, артиллерия, левее движется колонна автомашин. Противник огрызается заградительным зенитным огнем.

В ответ «илы» с ходу высыпают из кассет противотанковые бомбы. Еще заход. Один за другим возникают на земле очаги пожаров. Сквозь клубы дыма и пыли Баевский увидел горящие бронированные машины.

Наши истребители на встречных курсах ходили чуть выше «илов». В наушниках шлемофона Баевского послышался треск:

— Чернышев, Квасов, уймите зенитки! — гудит голос Кочмарева.

Два штурмовика, выполняя приказ командира группы, устремились вниз. Оставляя за собой белый след, полетели реактивные и пушечные снаряды. Зенитная батарея замолчала.

В воздухе появилось двенадцать истребителей с черными крестами на фюзеляжах. Это — «ФВ-190». Видя, как горят танки, немецкие летчики решили с ходу атаковать штурмовиков. Экипажи «илов» забеспокоились. Строй их начал смыкаться. Наступила очередь и нашим ястребкам включиться в работу на полную мощь.

Первый натиск фашистских истребителей удалось отбить. Но они разворачивались для повторной атаки. «Илы» продолжали сбрасывать остаток бомб на цели.

Группа «фокке-вульфов» разделилась. Восемь из них нырнули вниз, намереваясь, по-видимому, подстеречь штурмовиков на выходе из атаки. А четыре «фоккера», маскируясь в лучах солнца, остались на высоте. Прицельным огнем «Ла-5» вместе со

стрелками «илов» отсекли вражеских истребителей от штурмовиков. А наверху летчики Баевский, Васильев, Глазков и Евстратов завязали воздушную карусель с четырьмя «фокке-вульфами» на виражах.

Кружатся в воздухе два круга — круг наших самолетов и круг самолетов противника.

На какую-то долю секунды Баевский успел поймать в прицел один из «фоккеров» — последовала короткая очередь из двух пушек. Летчик увидел, как огневая трасса прошила вражеский самолет и тот развалился пополам.

Штурмовики делали один заход за другим, обстреливая с пологого пикирования немецкие танки.

Было видно, как еще два бронированных чудовища, неуклюже развернувшись, замерли на месте. Тонкие струйки дыма медленно поднимались кверху. Разъяренные своим бессилием, фашистские истребители отчаянно лезли под огонь пушек ястребков и «илов».

При отражении очередной атаки гвардии старшему лейтенанту Макаренко удалось сбить на крутом пикировании зазевавшийся фашистский самолет. Оставляя за собой длинную пряжу дыма, стервятник врезался в землю.

Отойдя от нашей группы и разделившись на пары, фашистские истребители снова устремились к штурмовикам, которые, закончив работу, вытянулись за своим вожаком, чтобы идти домой. В это время нужна особая внимательность: в таком строю «илы» наиболее уязвимы.

«Фоккеры» наседали со всех сторон, появляясь то спереди, то с боков, то снизу. Небо прорезали длинные пунктиры огненных трасс. «Илы» подтянулись, пошли плотным строем. Убедившись, что расколоть группу штурмовиков не удастся, вражеские самолеты сосредоточили огонь на последней, замыкающей машине.

— Не робей, «горбатый», прикроем! — передал в эфир ведущий истребителей. И вся шестерка ринулась наперерез врагу. Несколько пушечных очередей — и пыл фашистских летчиков поубавился. Они потеряли две машины. Один из «фокке-вульфов» записан на боевой счет Георгия Баевского.

А внизу, где поработали штурмовики Кочмарева, горела броня танков, валялись вверх колесами пушки, тягачи, грузовые автомобили.

…Герой Советского Союза Николай Никифорович Кочмарев до сих пор не расстается с небом. Полярный летчик уверенно водит воздушный корабль над бескрайними северными просторами.

Не изменил своей профессии и Герой Советского Союза Георгий Артурович Баевский.

В 1971 году Георгий Артурович удостоен звания «Заслуженный военный летчик СССР» — высшего летного отличия. Летчик-испытатель Баевский всегда точно и хладнокровно выполняет намеченные планом полетов задания, чтобы проложить дорогу тем, кто вслед за ним будет штурмовать новые, еще не изведанные высоты.

Рад я весточкам, которые присылают мне в Москву мои однополчане Георгий Артурович Баевский и Николай Никифорович Кочмарев. На фронтовых дорогах сдружились мы и в послевоенные годы остались друзьями. Ведь, верно говорят, что нет крепче дружбы фронтовой. Хотим все вместе приехать на Львовщину поклониться могилам павших в боях воинов, посмотреть, как обновилась земля, в освобождении которой мы участвовали, самоотверженно сражаясь с врагом.

П. П. Тихонов, рядовой запаса
ОПАДАЮТ КРОВИНКАМИ МАКИ…

А. С. Сидоренко

На курганах святых,
Средь хлебов золотых
Опадают кровинками маки.
Коммунисты, вперед!
Коммунисты, вперед!
Мы — бессмертные
в каждой атаке!

Л. Татаренко.

Вокруг Радехова, окаймленные рощами и перелесками, раскинулись плодородные колхозные поля. Колосятся буйными хлебами нивы. То здесь, то там краснеют среди поля маки, роняя лепестки от дуновения ветра…

Здесь, неподалеку от извилистого Буга, двадцатого июля сорок четвертого года вел свой последний бой заместитель командира по политчасти 8-го гвардейского кавалерийского полка Антон Иванович Сидоренко.

В тот день сводный офицерский батальон противника несколько раз атаковал позиции конников, стремясь прорваться к Западному Бугу, чтоб выйти из железного кольца окружения. Стойко держались кавалеристы.

Ценой огромных потерь врагу удалось подойти к огневым позициям третьего эскадрона 33-го отдельного дивизиона ПВО.

Силы противника почти в двадцать раз превышали наши. Уверенные в возможности прорваться, гитлеровцы шли напролом, строча из автоматов, оглашая воздух дикими криками.

Командир эскадрона капитан Волошин со своими бойцами дали решительный отпор врагу. Зенитчики вели огонь из крупнокалиберных пулеметов, автоматов, пистолетов. Разгорелись рукопашные схватки. В ход пошли гранаты, штыки, приклады. Храбро дрались гвардейцы Васильев, Филиппов, Попов. До последнего дыхания в упор расстреливал врагов старший сержант Толкачев. Отбивая наседавших с разных сторон фашистов, погиб командир эскадрона. Бойцы не дрогнули, не оставили занимаемый рубеж. Гитлеровцы уже просачивались на огневые позиции. Но и здесь продолжались смертельные поединки.

В этот момент воинам ПВО на выручку во главе разведвзвода подоспел подполковник Сидоренко. Он окинул взглядом поле боя и крикнул:

— Бейте врага! За Родину! Вперед! — и, пришпорив коня, повел конников в атаку.

С обнаженными клинками разведчики устремились за бесстрашным политработником. Кавалеристы врезались в гущу врагов. В этой схватке Сидоренко зарубил восьмерых фашистов. Преследуя противника, он вырвался вперед. Вдруг из-за угла прозвучала автоматная очередь. Смертельно раненный комиссар упал. Коновод Василий Кулиш метким выстрелом сразил стрелявшего гитлеровца. И тревожным голосом возвестил:

— Комиссар погиб!

Эти горькие слова передавались от одного конника к другому.

— Слушай мою команду! — прозвучал голос парторга эскадрона лейтенанта Мищенко. — По фашистам — огонь! За мной!

Воины с еще большей яростью бросились в атаку.

Ошеломленные усиливающимся натиском кавалеристов и зенитчиков, гитлеровцы бросали оружие. Около двухсот вражеских трупов лежало на поле, где бились плечом к плечу воины эскадрона ПВО и конники разведвзвода. Сотни фашистов сдались в плен. Офицерский батальон противника из котла не пробился.

Так закончился этот бой, который был последним для замполита подполковника А. И. Сидоренко, уроженца села Миролюбовки Харьковской области.

В 1930 году начал Антон Сидоренко службу в Красной Армии.

Началась Великая Отечественная война. Политработник А. И. Сидоренко в сорок первом году отличился в боях за Донбасс, получил орден Красной Звезды. Второй орден Красной Звезды ему вручили в 1943 году, когда воин-коммунист сражался западнее Москвы. После освобождения Киева Сидоренко был награжден орденом Отечественной войны II степени.

Беспокойная и ответственная работа комиссара. Воспитывал Антон Иванович у солдат ненависть к врагу и любовь к Родине, учил их стойкости и мужеству, вселял веру в победу. Там, где было труднее всего, он первым шел в бой.

Есть в Радехове, что на Львовщине, воинское кладбище. Вечным сном спят там воины, павшие за освобождение родной земли. На мраморных плитах высечены фамилии героев. На одной из них — имя Антона Ивановича Сидоренко. Повсюду цветы, посаженные заботливыми руками людей. Красным пламенем горят они здесь, у братских могил, а на полях былых сражений алеют цветом бессмертия маки.

ОБ ЭТОМ ПИСАЛИ КРАСНОАРМЕЙСКИЕ ГАЗЕТЫ

Спасены от угона в рабство

Наши части принудили крупную группировку противника к поспешному отходу на следующий рубеж. На оставленном участке немцы подготовляли отправку населения в Германию. Тысячам семей было приказано погрузить на подводы имущество, забрать скот и двигаться в направлении на запад. Этот план гитлеровцев сорван стремительно продвинувшимися вперед нашими подразделениями.

Со слезами радости освобожденные жители встречали советских воинов, принесших избавление от неволи.

Жительница деревни Пресовцы Стефания Семчинская рассказывает:

— Мы жили в большой тревоге. Немцы запугивали население тем, что красноармейцы будут всех резать, грабить. Мы знали, что это ложь, распространяемая фашистами с целью заставить жителей эвакуироваться. Немцы приказали нам грузиться на подводы, забирать с собой имущество и скот.

Мария Рудак с хутора Острый Горб говорит:

— Мы пять дней жили в поле. Сегодня утром раненько глянула я, а рожью идут солдаты.

Я кричу: «Наши, наши пришли!»

Весь табор проснулся, побежали к красноармейцам, а они идут осторожно и машут нам руками, дескать, не подходите, бой еще может продолжиться. Беспокоятся, значит, они, чтобы немцы нас не постреляли.

…Стороной от военной дороги тянутся сотни подвод, груженных доверху. Идут женщины, старики, дети. Люди, избавленные от угона в рабство, возвращаются в родные села.

Из газеты «За честь Родины» от 24 июля 1944 года.

На линиях связи

В самые напряженные моменты боя, когда противник, обороняясь, вел бешеный артиллерийский и минометный огонь, часто нарушалась телефонная связь. И тогда на линию выходили связисты отделения младшего сержанта Г. Наумова. От воронки к воронке пробирались связисты под градом осколков снарядов и пуль, нащупывая место обрыва провода.

Красноармеец Е. Горецкий только в одном бою исправил десять повреждений телефонного кабеля.

Когда немцы начали контратаку, командир пехотинцев обратился к минометчикам с просьбой о помощи. Как раз в это время вышла из строя линия связи. Связист Горецкий, рискуя жизнью, вышел на линию и ликвидировал повреждение. Благодаря его самоотверженности минометчики сумели поддержать пехотинцев.

В доблести и отваге не уступал Горецкому и связист В. Брескалюк.

В последних боях он много раз восстанавливал связь.

Командир отделения младший сержант Наумов личным примером учил солдат, как нужно действовать на поле боя. За последнее время он неоднократно под огнем врага устранял обрывы на линиях связи.

Из газеты 322-й стрелковой дивизии «За Родину» от 27 июля 1944 года.

И. В. Яворский, старший сержант запаса
ВЕРНОСТЬ КЛЯТВЕ

В. С. Карпенко

Мой собеседник Виктор Степанович Карпенко — лет пятидесяти, с черной седеющей шевелюрой, выразительными голубыми глазами под широкими козырьками черных, тоже тронутых сединой бровей. Вспоминаем военные годы.

В сорок четвертом мы оба сражались на львовском направлении. Я тогда был бойцом отдельной роты автоматчиков 23-й мотострелковой бригады, а Виктор Степанович — военфельдшером в одном из батальонов 12-й гвардейской танковой бригады.

— Как же вы разыскали меня? — спрашивает Карпенко.

— Ветераны со Львова прислали мне, журналисту, в Киев письмо с просьбой написать о вас — фронтовом медработнике.

— Да, воевали мы с вами в одних местах. «Колтовский коридор» — Золочев, Почапы…

— И сколько воинов обязаны вам, Виктор Степанович, спасением хотя бы в этих боях, на Львовщине?

— Разве тогда было до подсчетов?

И он стал рассказывать особенно запомнившиеся отдельные эпизоды из своей военфельдшерской практики.

…Горячий бой кипит неподалеку от Золочева. Наши танкисты и пехотинцы теснят огрызающегося врага. Гитлеровцы то и дело переходят в атаку. Во время одной из контратак «тридцатьчетверка» вырвалась вперед. Неожиданно от прямого попадания вражеского снаряда машина замерла на месте… Пригибаясь, смело бежит сквозь свинцовый ливень военфельдшер

Виктор Карпенко. Он приблизился к подбитому танку. Открыл люк: командир, башенный стрелок и радист убиты. Только сержант — механик-водитель подавал признаки жизни. Карпенко вытащил его через люк наружу. Быстро наложил жгут, остановил кровотечение. Привел раненого в чувство. Потом на плащ-палатке волоком потащил своего пациента. Подоспели пехотинцы и помогли вынести танкиста из зоны огня. Отсюда его увезли в медсанбат.

Бои не стихали. Жаркие схватки шли и в воздухе. Как-то над передовой пролетал одинокий «ЯК-3». Вдруг из-за облаков вынырнули три «мессера». Отбивался наш ястребок, но силы были неравные. Его подожгли. Во взглядах наших бойцов, наблюдавших этот поединок, — сострадание, мольба: «Прыгай, сокол, да прыгай же!» Вот раскрылся одуванчик парашюта — и снова возгласы с земли, будто их мог услышать летчик: «Работай стропами, тяни к нам!»

Приземлился летчик на «ничейной» полосе. Долго не мог погасить купол парашюта, и бойцы на передовой поняли: ранен. Пренебрегая опасностью, десяток храбрецов, прикрывая друг друга огнем, побежали к парашютисту. Виктор Карпенко тоже побежал к раненому летчику. Оказал ему первую помощь. У пилота была простреляна нога и сильно обожжено лицо.

Чем уже сжималось кольцо вокруг бродовской группировки врага, тем яростнее становилось его сопротивление.

21 июля 12-я гвардейская танковая бригада выдвинулась по дороге, ведущей к северо-западу от Золочева. Чувствуя безвыходность положения, фашисты предпринимали отчаянные попытки вырваться из котла. Танкисты батальона и всей бригады стойко сдерживали натиск врага.

В какой-то момент гитлеровцам удалось потеснить нашу роту, и на территории противника оказался подбитый советский танк. Это была «тридцатьчетверка» командира роты Червонного. Машина не могла двигаться — размотана гусеница. Но действовали пушка и пулеметы. И осажденный экипаж, разворачивая башню во все стороны, громил врагов. Часа через два фашистов отбросили. На первом танке, подкатившем к машине Червонного, был Карпенко.

— Вот они, герои! — воскликнул кто-то из подоспевших, восхищаясь мужеством экипажа Червонного: вокруг танка валялось около сотни фашистских трупов.

Возле раненых танкистов хлопочет Карпенко. Умелые у него руки.

Весь этот день гремели, не стихая, выстрелы, грохотали танки. А он, Карпенко, занимался своим привычным делом.

Хорошо помнит, как однажды под сильным огнем много раз мерял из конца в конец леваду на окраине разбитого до основания селения. В пучину боя военфельдшер будто на крыльях летел, а обратно приходилось пригибаться под ношей тяжелораненого, двух комплектов оружия, санитарной сумки.

Старшему лейтенанту медицинской службы предстояло преодолеть шестисотметровую полосу. Танкист с раной в правом бедре не мог идти. Опускать его на землю и опять поднимать на плечи было нелегко. Военфельдшер решил не останавливаться пока хватит сил. Мучительно медленно сокращалось расстояние, подкашивались ноги. Вдруг Карпенко почувствовал: рука танкиста разжимается, пояс, за который он держался, выскользает из нее. Что это? Шок? Опустил парня на землю: вторая рана с кулак величиной зияла в левом боку. Боец скончался… И тогда поклялся военфельдшер: идя сквозь пламя войны, продолжать бороться со смертью везде и всюду.

Клятва, которую даешь сам себе, — особая. Карпенко знал, что выполнит ее. Велика была у него настойчивость, крепка сила воли. Военфельдшер снова на поле боя. Идет за танками вместе с пехотинцами. Ведь у него за плечами не только медицинская сумка, но и автомат, который нередко приходилось снимать с плеч. Вот и сейчас прямо на него бежал один из вражеских солдат, крича: «Братэ мий, не стриляй, я украинец!» Он отдал Карпенко свой автомат и сказал, что его и других парней из села фашисты насильно забрали в армию, направив в дивизию СС «Галичина».

Стояла изнуряющая духота — накануне лил дождь. А фельдшер еще не передохнул, целый день, как заведенный волчок. К 17 часам оказал помощь не менее сорока бойцам. Пообедать даже не успел. Только перевязал очередного раненого — голову будто огнем обожгло. В глазах потемнело. Заскрипел зубами не столько от боли, сколько от злости, досады: надо бойцов спасать, а тут сам оказался беспомощным — кровь залила лицо.

В какое-то мгновение вспомнился родной Донбасс, ласковый взгляд матери, напутственные слова отца, коммуниста с 1918 года, военного комиссара в гражданскую войну: «Родина любит мужественных защитников, будь и ты, сынок, таким». Потом учеба в медицинском училище, участие в жестоких битвах на Курской дуге, где он получил боевое крещение…

На ощупь перевязал себя. Подоспевший боец помог добраться до КП, а затем отправили его на медпункт. Здесь обработали раны. Сделали рентгеновский снимок головы. Кости черепа целы! А утром следующего дня Виктор на попутной машине уже ехал

назад в батальон, на передовую…

— А потом? Что было потом, когда вы опять очутились на передовой? — интересуюсь я.

— Моя рана не мешала накладывать повязки другим, — улыбается Виктор Степанович и продолжает: — Но не успел я снять повязку, как меня постигла новая беда.

…Это произошло второго августа 1944 года. Наши части освобождали Жешувщину. От дождей разлились реки, раскисли дороги. Танкисты вели трудные бои, упорно продвигаясь вперед. Весь день прошел в беспрерывных атаках. Виктор Карпенко все время находился на поле боя. Уставший, измотанный пришел он под вечер на КП батальона. Вместе с другими офицерами присели на завалинке. Неожиданно предвечерний воздух вздрогнул от снарядных взрывов. Обрушился осколочный град. Одного офицера убило, двух ранило. Осколки впились военфельдшеру в ногу и голову.

— После этого ранения, — рассказывает Виктор Степанович, — почти не расставался с больничной койкой. Перенес четыре операции… Лежал здесь, в Киеве. Госпиталь находился в здании нынешнего института иностранных языков.

— Где был госпиталь? — прошу собеседника повторить.

Оказывается, раненный 20 июля под Львовом, я тоже лежал в этом госпитале. Рассказываю о себе: имею фронтовые награды, работал на целинных землях, окончил университет…

Виктор Степанович остался верен клятве, которую дал на поле боя.

Гвардии старший лейтенант медицинской службы, награжденный орденами Красной Звезды и Отечественной войны II степени, демобилизовавшись из армии, поступил в Донецкий медицинский институт. Окончил его с отличием. Стал хирургом и главным врачом больницы на шахте имени Киселева в городе Торезе, зарекомендовал себя способным специалистом.

Затем В. С. Карпенко — ординатор, ассистент, доцент, заведующий кафедрой хирургии института, в котором учился. Без отрыва от врачебной практики, ведя большую организаторскую и общественную работу, он написал и защитил кандидатскую, затем докторскую диссертацию.

С увлечением слушал я рассказ Виктора Степановича о сложных операциях, которые приходилось делать. Волнующие письма пишет ему восьмиклассница Вита П., которой хирург сделал сложнейшую операцию сразу после рождения. Слова благодарности шлет Анна С. — ей была сделана операция на сердце. А сколько еще людей лечил, вырывал из лап смерти Виктор Степанович!

Такой он — бывший военфельдшер батальона, ныне профессор, доктор медицинских наук, директор Киевского научно-исследовательского института урологии, главный уролог Министерства здравоохранения Украины, коммунист Виктор Степанович Карпенко — человек, полностью посвятивший себя благородному труду, так необходимому людям. К его боевым наградам прибавилась награда за плодотворную лечебную и научную деятельность в послевоенные годы — орден Трудового Красного Знамени.

В. К. Сульженко, кандидат исторических наук
ПОЗОРНОЕ ПРЕДАТЕЛЬСТВО, БЕССЛАВНЫЙ КОНЕЦ

В бродовском котле в числе разбитых фашистских дивизий очутилась и пресловутая 14-я пехотная дивизия СС «Галичина». История ее создания — это гнусный пример предательства, измены своему народу украинских буржуазных националистов.

Заправилы ОУН (Организация украинских националистов) тесно сотрудничали с гитлеровской Германией, верно служили интересам третьего рейха. Они из кожи лезли, чтобы засвидетельствовать преданность фашистскому режиму.

Когда на фронтах Великой Отечественной войны шла ожесточенная битва, когда Красная Армия, советский народ ценой огромных усилий и жертв отстаивали свободу и независимость социалистической Родины, ломая хребет фашистскому зверю, главари ОУН поставили перед гитлеровцами вопрос о создании воинского формирования из предателей народа для борьбы с Красной Армией. Вот что писал один из оуновских «вождей» Мельник гитлеровскому фельдмаршалу Кейтелю 6 февраля 1943 года: «Нам кажется, что сейчас наступила пора включения Украины в противобольшевистский фронт… Украинские ответственные круги (читай: националистические. — В. С.), главным образом военные, готовы к разрешению этого вопроса, которому мы для победного конца борьбы с Москвой придаем наибольшее значение, стремимся принять участие и отдать себя с этой целью в распоряжение главного командования вооруженных сил».

И вот возможность продемонстрировать свое холуйство перед фашистами была предоставлена им в 1943 году, когда руководство третьего рейха решило создать дивизию СС «Галичина». 28 апреля 1943 года об этом было официально оглашено декретом губернатора «дистрикта Галичина» бригаденфюрером СС Вехтером, в котором отмечалось, что украинские националисты давно высказывали желание с оружием в руках принять участие в войне, и поэтому фюрер, признавая их полную преданность, разрешил сформировать в составе войск СС пехотную дивизию «Галичина». Создание этого формирования по указанию гитлеровского губернатора было поручено так называемому «Украинскому центральному комитету» (УЦК),

созданному фашистской разведкой еще в мае 1940 года в оккупированной Польше и являющемуся фактически легальным филиалом абвера — гитлеровской военной разведки.

Разрешение на формирование дивизии националистические верховоды встретили с огромной радостью. Вот что писал вожак УЦК В. Кубийович в письме к Гитлеру: «Вы нам разрешили организовать дивизию СС «Галичина» для борьбы с большевиками, и мы не пожалеем жизни бойцов нашей дивизии за общие интересы с Германией». Обратите внимание, читатель, главарь украинского буржуазно-националистического руководства обещал бесноватому фюреру бороться за «общие интересы» до последнего солдата создаваемой из всякого сброда дивизии.

Тогда же В. Кубийович обратился с призывом к украинским буржуазным националистам всех мастей, сообщая о создании дивизии и требуя «взять в свои руки оружие».

В создаваемую дивизию потянулись полицаи, оуновцы, кулацкие сынки, униатские выкормыши, наиболее отпетые головорезы, убийцы и насильники, совершавшие зверские расправы над советскими патриотами. В нее влились также бандиты из батальона «Нахтигаль» («Соловей»), «прославившегося» еще в 1941 году массовыми расстрелами мирного населения города Львова, выпущенные из тюрем уголовные элементы. Вся эта нечисть составила костяк бандитской дивизии.

Однако этого оказалось мало. Началась охота за молодежью. Основными методами вербовки «добровольцев» было насилие, шантаж, запугивание, обман, подкуп. Для проведения вербовочной работы нацисты создали специальные команды СС и полицейские отряды из украинских буржуазных националистов. Вербовщики ловили молодых людей, сажали в военные автомашины и везли под охраной полиции в мобилизационные комиссии; к семьям тех, кто уклонялся от насильственной мобилизации, применялись репрессии.

Директор коммерческой школы во Львове Ковалиско самолично записал в дивизию всех своих учеников старших классов как «добровольцев». Руководитель львовской украинской гимназии Радзикевич обещал ученикам облегчить получение аттестатов, если они добровольно пойдут в дивизию, а когда уговоры не помогли, стал угрожать репрессиями. О методах создания дивизии СС «Галичина» писал впоследствии священник Костельник — бывший член митрополичьего униатского капитула: «Охотников взять оружие, чтобы пойти на страшный теперь восточный фронт, не было. Несмотря на это началась

кампания вербовки «добровольцев» в «украинское войско». Говорю в «украинское войско», ибо мы, по понятным причинам, старательно избегаем употреблять название «дивизия СС», а часто на вопрос, что означают буквы СС, вербовщики отвечали, что это традиционное название — сечевые стрелки».

Митрополит А. Шептицкий благословил создание дивизии и приказал церкви взять самое активное участие в поиске «добровольцев».

Молодежь пряталась от набора. Кого задерживали — запирали в темницы, охраняли, чтобы они не дезертировали, кто убегал — ловили и отправляли на каторжные работы в Германию.

Командир дивизии СС «Галичина» и почти все ее офицеры были немецкими фашистами. Личный состав носил фашистскую форму. Это говорит о том, что гитлеровцы не доверяли своим подручным. Им нужно было пушечное мясо, и рейх его получил с помощью предателей.

Создание дивизии СС «Галичина» всячески поддерживала униатская церковь. Греко-католическое духовенство во главе с митрополитом А. Шептицким освятило очередной позорный акт предательства. Священники организовали специальные богослужения с проповедями, агитируя добровольно вступать в дивизию, направили военными капелланами туда двадцать два униатских священника, которые именем бога призывали молодежь бороться с Красной Армией.

От униатской церкви благодарение фюреру и богу воздал крилошанин митрополичьего капитула В. Лаба, ставший по милостивому разрешению фашистских хлебодателей и князя церкви А. Шептицкого душпастырем (главным капелланом) дивизии.

В. Лаба был членом так называемой военной управы, возглавляемой полковником СС и полиции, гитлеровским разведчиком Бизанцом, занимавшейся формированием дивизии СС «Галичина».

В проповеди на церемонии по случаю создания дивизии святой отец заявил: «Идет тяжелая борьба с большевизмом… мы получаем возможность взять в этой тяжелой борьбе непосредственное участие с оружием в руках».

Так скреплялся союз креста и свастики, под сенью которых творили свои черные дела предатели народа — украинские буржуазные националисты.

Весь 1943 год длилась эта позорная кампания по организации вооруженной помощи фашистской армии. Как отмечал в одном из памфлетов Ярослав Галан, церковные униатские амвоны напоминали тогда вербовочное бюро.

Украинские буржуазные националисты пытались придать этой кампании видимость стремления украинского народа вместе с гитлеровцами защищать «свободную Украину» от большевиков. Однако трудовые массы населения хорошо понимали, какую цель преследовали националистические верховоды и униатские душеприказчики — верные слуги немецко-фашистских оккупантов.

Большую работу по разоблачению этого фарса проводили советские партизаны, подпольные партийные центры, руководившие всенародной борьбой против фашистов и их прислужников.

Фашисты и их буржуазно-националистические верноподданные вынуждены были прибегнуть к насильственной мобилизации молодежи в дивизию.

Гитлеровцы и буржуазно-националистическая «элита» понимали, что созданная таким путем боевая единица не могла быть надежной.

Поэтому части дивизии были направлены на муштру в рейх и в учебные лагеря ряда стран оккупированной фашистами Западной Европы. На выучку в Германию, выполняя волю святоюрского владыки, отправилась также группа униатских священников-капелланов, которые систематически докладывали митрополиту Шептицкому о своих успехах в усвоении человеконенавистнических фашистских методов обмана и убийств. О характере подготовки «рекрутов» говорит, например, тот факт, что основная группа их проходила обучение в Нойхаммере, где был расположен шпионско-диверсионный центр абвера, здесь формировался легион «Нахтигаль», вышколенный эсэсовский батальон и полк «Бранденбург-800» и другие части специального назначения. Отцов-капелланов обучали опытные фашистские инструкторы.

Но ничто не помогло предателям. Ни гитлеровское оружие и беспощадная муштра, ни систематическое буржуазно-националистическое и религиозное оболванивание солдат дивизии СС «Галичина». Безнадежность дела, которое защищала дивизия СС «Галичина», обусловила и позорный конец очередной авантюры человеконенавистников.

В 1944 году, с приближением театра военных действий к Львовщине, гитлеровское командование планирует использовать ее части в боях с Красной Армией.

Во второй половине июля 1944 года дивизия СС «Галичина» была послана под Броды для прикрытия отступления разбитого 13-го корпуса вермахта.

Всего неделю просуществовала 14-я пехотная дивизия СС

«Галичина» как соединение. Когда на львовском направлении наши войска пробили брешь во вражеской обороне, эту дивизию 15 июля бросили в бой южнее Колтова на удержание второй полосы обороны. Под ударами советских войск она понесла большие потери, беспорядочно отступила и очутилась в бродовском котле. Во встречных боях в районе сел Гончаровки и Почапов при попытке вырваться из окружения 22 июля 14-я пехотная дивизия СС «Галичина», как и другие немецкие дивизии, была разгромлена.

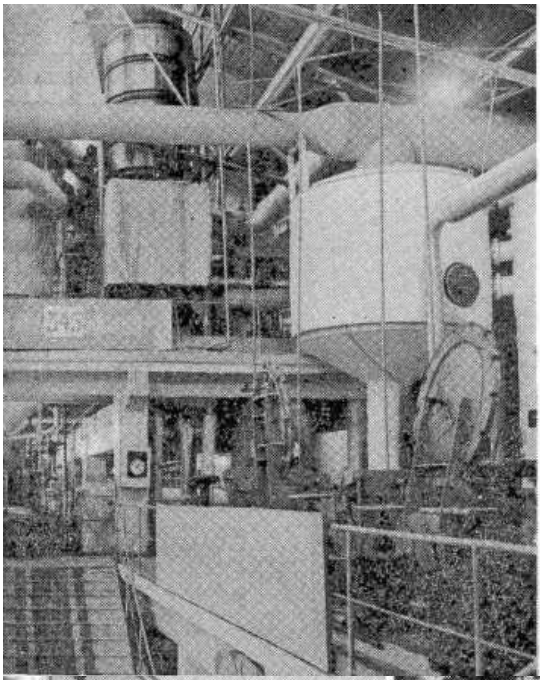
Сегодня там, где шли бои. Фотоочерк
БУССКИЙ РАЙОН

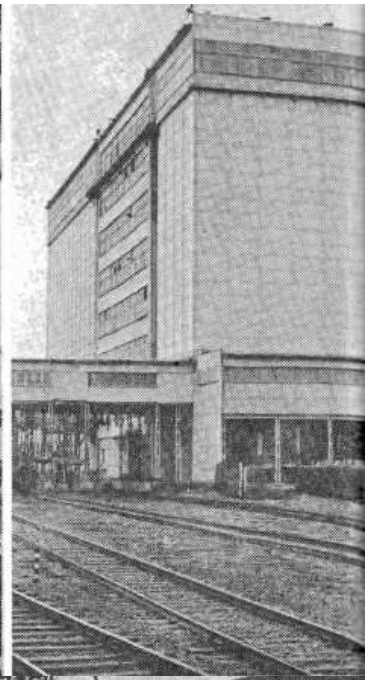
Пассажирские и товарные составы, идущие с востока и с северо-востока на Львов, останавливаются на станции Красне.

Эта узловая станция была ареной упорных боев в июле сорок четвертого. Отступая, гитлеровцы разрушили железнодорожное хозяйство. Его восстановили в рекордно короткие сроки. Над железнодорожными путями появилась густая паутина электрических проводов, в разные концы страны отправляются отсюда современные скоростные электропоезда.

Сейчас поселок Красне не только узел железных дорог. В послевоенные годы здесь построен сахарный завод. А недавно выросли новые корпуса комбината хлебопродуктов.

Разительные перемены, которые произошли в этом рабочем поселке, характерны для всего Бусского района. Немало новых предприятий появилось в Буске — древнем украинском городе. Здесь делают мебель, одежду, обувь и другую продукцию. Растут многоэтажные кварталы новых микрорайонов.





На территории Бусского района протекает Западный Буг и еще несколько небольших речушек. Много было здесь заболоченных земель. Но пришли сюда энтузиасты-мелиораторы — и болота стали исчезать. Сотни гектаров плодородных земель теперь осушены.

На колхозных полях выращиваются высокие урожаи. В 1973 году средний урожай зерновых составил 27,7 центнера с гектара. В колхозах «Авангард», имени Щорса, имени 50-летия Великого Октября, имени Галана, имени Мичурина урожай превысил 30 центнеров зерновых с гектара. Колхоз «Здобуток Жовтня» собрал зерновых по 38,5 центнера, а сахарной свеклы — по 520 центнеров с гектара. В 1973 году Бусский район вышел победителем Всесоюзного социалистического соревнования и отмечен Красным знаменем ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ.

На полях колхозов и совхозов района работает 450 тракторов, 122 зерновых и 40 свеклоуборочных комбайнов, более 250 автомашин.

Более 3500 передовиков промышленного и сельскохозяйственного производства района награждены орденами и медалями. Мастер по выращиванию льна Мария Затхей, доярки Лидия Мигоцкая и Эмилия Цисинская, механизатор Евгений Форошовский награждены орденом Ленина. Звания Героя Социалистического Труда удостоена звеньевая Мирослава Веселовская.

В районе 12 средних, 20 восьмилетних и 25 начальных школ, в которых учится более 14 тысяч детей.

Нет ни одного села в районе, где бы не светила лампочка Ильича. К услугам трудящихся — 48 клубов, 65 киноустановок, более 15 тысяч радиоточек. Почти в каждом доме радиоприемник, телевизор. В 9 больницах и 47 фельдшерско-акушерских пунктах, где работает 370 врачей и среднего медицинского персонала, трудящиеся получают бесплатную медицинскую помощь.

Сотни юношей и девушек района окончили институты, университеты и стали агрономами, педагогами, инженерами, деятелями науки и искусства.

Интересна судьба трех сестер из Буска — Марии, Даниилы и Нины Байко. Сначала они выступали в кружках художественной самодеятельности, затем все трое окончили Львовскую государственную консерваторию. Сейчас Ника и Даниила — артистки Львовской филармонии, Мария — преподаватель консерватории.

Славна земля прибугская трудом и богата талантами.

НА ЛЬВОВ! НА ВИСЛУ!

Завершение разгрома бродовской группировки противника ускорила дальнейшее наступление советских войск на львовском направлении.

Отступая, гитлеровцы продолжали оказывать яростное сопротивление. Противник стремился во что бы то ни стало сдержать натиск советских войск, наступавших на Львов.

Преодолевая сопротивление противника, пробивались ко Львову части 60-й армии и 4-го гвардейского танкового корпуса.

Южнее их вела наступление 38-я армия.

Вперед выдвинулись части 10-го гвардейского танкового Уральского добровольческого корпуса 4-й танковой армии. Танкисты-добровольцы сражались с беззаветной храбростью. Они первыми завязали бои на окраинах Львова.

Танкисты 3-й гвардейской танковой армии обошли Львов с севера и северо-запада.

Войска, действующие на рава-русском направлении, один за другим освободили польские города и села, с ходу форсировали реку Сан. 350-я стрелковая дивизия 13-й армии одной из первых подошла к Висле и форсировала эту широкую водную преграду.

Успешным боевым действиям советских воинов способствовали большая помощь местных жителей, народные мстители-партизаны своей самоотверженной борьбой с фашистскими захватчиками. Трудящиеся городов и сел, находившихся во временной фашистской оккупации, радостно встречали своих освободителей — советских воинов, выражали горячую благодарность за избавление от гитлеровского ига.

«На Львов! На Вислу!» — под таким девизом продолжали наступление войска 1-го Украинского фронта.

Д. Д. Лелюшенко, генерал армии, дважды Герой Советского Союза
НА ПОДСТУПАХ КО ЛЬВОВУ

В период Львовско-Сандомирской операции Д. Д. Лелюшенко командовал 4-й танковой армией. В своих воспоминаниях Дмитрий Данилович рассказывает о некоторых эпизодах из боевых действий танкистов вверенной ему танковой армии на подступах ко Львову..

Бои на львовском направлении носили исключительно ожесточенный характер. То и дело возникали различные непредвиденные ситуации в боевой обстановке. Намечалось, что 4-я танковая будет входить в прорыв в полосе 38-й общевойсковой армии. Но здесь противник нанес сильный контрудар, и наступление частей 38-й армии приостановилось. 63-й гвардейской танковой и 17-й гвардейской механизированной бригадам, входящим в состав 4-й танковой армии, совместно с пехотой пришлось отбивать контратаки, чтобы восстановить прежнее положение.

А по соседству, на участке 60-й общевойсковой армии, пробита брешь в обороне врага. В эту брешь — «колтовский коридор» — ринулась 3-я гвардейская танковая армия. Я получил приказ вслед за танкистами генерала П. С. Рыбалко вести свою армию.

Под покровом темноты без малейшего промедления мы совершили маневр в новый район и начали двигаться по «колтовскому коридору». Ночь была темной, шел проливной

дождь, дороги раскисли. Маршруты частей 4-й танковой армии пересекались с путями продвижения соседей и тыловыми коммуникациями. Но не только это усложняло боевой поход.

Примерно к двум часам ночи с 16 на 17 июля мы с оперативной группой прибыли на КП 60-й армии, находившийся в роще вблизи села Нуще. Здесь я уточнил боевую обстановку, которая беспрерывно менялась. Враг днем и ночью вел обстрел наших войск.

Все время поддерживаю связь с командованием вверенных мне соединений. Только что выслушал доклад генерала А. И. Акимова, командира 6-го гвардейского механизированного корпуса. По радио уточняю задачу командиру 10-го гвардейского Уральского добровольческого танкового корпуса генералу Е. Е. Белову. В боевом порядке танковой армии уральцы-добровольцы идут первыми. Их задача: достигнув Золочева, двигаться на юго-запад, в обход Львова. Гвардейцы 6-го мехкорпуса должны овладеть Перемышлянами, разбить противника в районе местечка Свирж и наступать на Городок. Однако боевая обстановка то и дело вносила коррективы.

В передовом отряде 10-го гвардейского находилась 61-я гвардейская танковая бригада под командованием полковника Н. Г. Жукова. Танкисты обгоняют пехотинцев и устремляются вперед по трудным, раскисшим от дождей грунтовым дорогам. А части корпуса А. И. Акимова завязали бои с гитлеровцами в «колтовском коридоре». Более ста вражеских танков обрушилось на их боевые порядки, и генерал Акимов, развернув свои части, принял бой. Гитлеровцы пытались перерезать коридор. Наши воины, проявляя огромное упорство и настойчивость, огнем, гусеницами танков рассекали боевые порядки атакующего противника, продвигаясь на запад.

Отражая беспрерывные атаки, гвардейцы 6-го мехкорпуса оставались в пределах «колтовского коридора», и уральцы-добровольцы оторвались от них на десятки километров. 18-го июля части 10-го гвардейского танкового, двигаясь в направлении Львова, подошли к Ольшанице — важному опорному пункту противника. Его оборонял полк пехоты, артиллерийские, танковые подразделения гитлеровцев. Бой за Ольшаницу вела 61-я гвардейская танковая бригада. Батальон «тридцатьчетверок» под командованием В. Н. Никонова совершил обходной маневр и неожиданно для врага ворвался в село. Гитлеровцы под натиском наших воинов отступили. Но фашисты незамедлительно открыли по селу ураганный артиллерийский огонь. Танкисты Никонова вынуждены были отходить. Подоспели другие батальоны бригады. Бой закипел с новой силой. Дважды село переходило из

рук в руки.

В боях за Ольшаницу особенно отличился командир танковой роты старший лейтенант В. Н. Марков. Свои машины с десантом автоматчиков он провел скрытно для противника и с ходу пошел в атаку. «Тридцатьчетверка» Маркова протаранила орудия артиллерийской батареи, подожгла два вражеских танка. Увлекаемые мужественным примером командира, экипажи роты решительно сближались с противником, уничтожая его технику.

Позже, когда танковая армия вела бои уже на территории Германии, Марков командовал батальоном. Его «тридцатьчетверки» первыми ворвались в юго-восточную часть Потсдама. В боях за Берлин батальон Маркова уничтожил 11 вражеских танков, 5 САУ, 120 бронетранспортеров и автомашин. Грудь мужественного офицера заслуженно украшали многие боевые ордена и Золотая Звезда Героя.

В конце дня 18 июля снятый с обороны «колтовского коридора» 6-й гвардейский мехкорпус устремился вперед, взяв направление на Перемышляны.

Была ночь, когда двигавшийся впереди 29-й танковый полк, громя на пути вражеские заслоны и засады, приблизился к Перемышлянам. Три машины головного дозора, во главе которого находился волевой, инициативный офицер Б. В. Курцев, с зажженными фарами прогрохотали по улицам и ворвались на центральную площадь города. Противник был застигнут врасплох. Пока враг приходил в себя, Курцев со своими экипажами громил осиные гнезда фашистов — он повел танки на расположенные в скверах, огородах артиллерийские батареи. Одну за другой танкисты разбили восемь пушек, несколько пулеметов. А бойцы танкового десанта на улицах истребили десятки гитлеровцев. Вскоре подоспели главные силы полка, воины механизированной бригады подполковника В. Е. Ривжа и закрепили успех.

Чем ближе ко Львову, тем сильнее сопротивлялись гитлеровцы. Что ни селение — то вражеский опорный пункт. И за каждый из них пришлось вести жаркие бои.

Таким крепким «орешком» оказалось село Словита, раскинувшееся вдоль шоссе Золочев — Львов. В районе этого населенного пункта у противника была целая сеть оборонительных сооружений — доты, дзоты, минные поля, противотанковые заграждения. Здесь занимали оборону десятки «тигров», «пантер», артиллерийских орудий. Чтобы взять этот «орешек», пришлось крепко поработать воинам 61-й гвардейской танковой и 29-й гвардейской мотострелковой бригад. Пока одни танковые подразделения крушили вражескую оборону с фронта,

другие, обойдя село, ударили с тыла.

Самоотверженно дрались автоматчики роты старшего лейтенанта Юрия Добровидова. Когда наши танкисты атаковали позиции врага в Словите, гитлеровцы стали отходить. Командир роты приказал пулеметчикам Ивану Гецко и Владимиру Шестакову отрезать противнику пути отхода. Пулеметчики выдвинулись на выгодную позицию и ударили по отступающим фашистам с фланга. Гитлеровцы, попав под перекрестный огонь, стали группами сдаваться в плен.

Впереди был большой город, крупный узел шоссейных и железных дорог — Львов. Военный совет армии очень волновало то, как придется освобождать город, у ворот которого уже стояли соединения и части 4-й танковой. Мы знали, что противник, потерявший восемь дивизий под Бродами, ослаблен. Но было ясно, что за Львов гитлеровцы будут цепляться изо всех сил. Фашистское командование неоднократно требовало от находившихся здесь своих войск любыми способами удержать Львов.

Поздно вечером 19 июля я со своей оперативной группой прибыл в район действий 10-го гвардейского корпуса. Разыскали штаб, находившийся в 25 км юго-восточнее Львова. Командир корпуса генерал Е. Е. Белов доложил, что его подразделения ведут наступление в обход Львова с юго-востока, в общем направлении на Городок.

Мы знали, что 3-я гвардейская танковая армия, глубоко вклиниваясь в оборону противника, обходит Львов с севера и запада. Наша 4-я танковая, сломив сопротивление врага, вышла к городу с востока и юго- востока. Данные разведки говорили о том, что гитлеровцы спешно перебрасывают сюда войска из других участков. В этих условиях от нас требовались быстрые, решительные действия, чтобы не дать врагу осуществить свои намерения.

Командующий 4-й танковой армией генерал-майор Д. Д. Лелюшенко слушает донесение. Львовское направление. Июль 1944 года

Ночью 19 июля поступила директива командующего 1-м Украинским фронтом, в которой требовалось от 3-й гвардейской и 4-й танковой армий немедленно овладеть Львовом.

Соединения и части 4-й танковой армии, наступавшие в обход города, сразу же развернулись на север, взяв направление на его южные окраины. Корпус уральцев-добровольцев получил задачу нанести удар по Львову с юга и во взаимодействии с 6-м гвардейским механизированным корпусом освободить город от фашистских захватчиков.

В ночь на 19 июля армейский командный пункт был перемещен в село Куровичи, которое находилось в 30 км от Львова. С огромным вдохновением шли в наступление воины. Впереди — Львов!

Но нынче он был уже рядом. В ночь с 21 на 22 июля части 4-й танковой армии с юга и юго-востока начали штурм Львова. 63-я гвардейская танковая бригада под командованием М. Г. Фомичева первой ворвалась в город, завязав бои на улицах.

Кроме 4-й танковой армии в освобождении Львова участвовали войска 38-й и 60-й армий, 3-й гвардейской танковой армии, соединения 8-й и 2-й воздушных армий и авиации дальнего действия.

Вскоре над городской ратушей взвилось красное знамя, возвещавшее о возвращении Львова в число советских городов.

И. С. Качалин, старший лейтенант в отставке
СЛАВА МИНОМЕТЧИКА

Н. А. Бенеш

Нахлынувшие с вечера тучи к рассвету разошлись, и утро вставало багряным полыхающим пожаром. Всю ночь пехотинцы 205-го гвардейского полка окапывались, закрепляясь на новом рубеже. Таков уж закон боя: где бы ни остановился пехотинец — бери лопату, вгрызайся в землю.

Здесь, западнее Перемышлян, в эти дни обстановка была сложной. Нанося удар за ударом, советские войска отбросили врага за реку Свирж. Но противник, перейдя в контратаку, потеснил наши части, заняв несколько населенных пунктов. Напряжение боев возрастало. Гвардейцы вновь штурмуют позиции гитлеровцев.

Мины с шипением падают в расположение пехотинцев, что продвинулись вперед. Не спасает ни окоп, ни траншея, ни щель. Видно, противник неплохо пристрелялся.

На НП полка вызван командир минометной батареи. Крутые плечи офицера с обветренным бронзовым лицом плотно облегала выгоревшая на солнце гимнастерка. Три маленькие звездочки на погонах, на груди — Золотая Звезда. Это был Николай Бенеш.

К нему обратился командир полка:

— Товарищ старший лейтенант, видите, вон там из-за бугра немцы посылают в нас мины. Примите меры, заставьте их замолчать, — спокойно приказал полковник.

— Есть принять меры! Мы уже засекли эту точку. Думаю, что

накроем! — и Бенеш отправился на свой наблюдательный пункт. Он подготовил данные для стрельбы и отдал команду на огневую позицию.

Пришли в движение рукоятки подъемных механизмов на минометах, поднявших круто вверх короткие, широкие стволы. Пристально всматриваются в прицелы наводчики.

— Заряжай! — послышалась громкая команда.

За холмом, где упали мины, взметнулись кверху дым и султаны пыли. Еще и еще били по цели минометчики. Послышались частые, не прекращающиеся взрывы. И когда на некоторое время батарея Бенеша прекратила огонь, эти взрывы не утихали. Как позже выяснилось, бойцы Бенеша послали свои стальные гостинцы в склад мин, находившийся вблизи огневых позиций минометчиков противника. Осколки немецких мин, разлетаясь во все стороны, колошматили самих же гитлеровцев. Остановить волну взрывов было невозможно, пока склад совсем не опустел.

— Вот это стрельба! — хвалил командир полка Николая Бенеша, когда вражеские мины перестали падать на наши позиции, а в стане противника долго продолжался неимоверный треск и шум. Пехота по расчищенному минометчиками пути смогла опять продвинуться вперед.

Освобождать западноукраинскую землю Николай Бенеш пришел закаленным, опытным воином. Боевое крещение получил на Курской дуге. Он командовал тогда минометным взводом. В бою под Глуховом Бенеш был ранен. После этого он написал в письме к матери: «Мама, ты за меня не беспокойся. Рука зажила почти совсем. Хочу быстрее попасть в часть к своим гвардейцам. Хочется еще повоевать, гнать врага с родной земли».

В числе первых взвод Бенеша форсировал Днепр. Закрепившись на западном берегу реки, минометчики отразили одиннадцать атак противника. Не раз приходилось им браться за автоматы, гранаты, идти врукопашную.

Полк с боями продвигался на запад. Однажды Бенеш с группой бойцов попал в такой переплет, из которого мало кто вышел живым. В части считали, что Николай погиб. Послали в Сибирь тревожное сообщение матери. А лейтенант спустя несколько дней вернулся на батарею. В письме родным он писал: «Не знаю, пришло ли домой извещение о моей смерти — его посылали из части, считая меня погибшим. Но я, как видишь, живой. Спасся просто чудом. В деревне, за которую мы бились три дня, у одной из хат я стоял под огнем двух немецких автоматчиков. Но вывернулся из-под пуль и убил обоих».

И вот бои на львовском направлении. Минометная батарея

Бенеша — на самых трудных и опасных участках. Жаркие схватки разгорелись на подступах к Бобрке. Гитлеровцы держались за это местечко. Здесь рядом железнодорожная станция, здесь узел разбегающихся в разные стороны четырех шоссейных дорог. Отсюда до Львова рукой подать — двадцать пять километров.

После марш-броска минометчики Бенеша встали у дороги северо-западнее Бобрки в районе села Шпильчина. Выбитые из Бобрки немцы устремились на запад, двигаясь по дороге на село Шпильчина. Тут-то и вступили с ними в бой подразделения наших артиллеристов и пехотинцев. Открыли стрельбу по противнику, едва заняв огневые позиции, минометные расчеты лейтенанта Бенеша.

По дороге шли вражеские танки и штурмовые орудия. Подбитые первыми выстрелами, фашистские танки создали затор. Машины, шедшие следом, начали сворачивать в сторону. Более сотни гитлеровских автоматчиков стали обходить позицию батареи Бенеша. Но часть автоматчиков все же приблизилась к огневой. И тогда Николай крикнул:

— Приготовить автоматы и гранаты! В атаку!

Минометчики открыли по врагу автоматный огонь, стали забрасывать противника гранатами, а затем пошли врукопашную. Атака противника была отбита. В этом бою Николай Бенеш пал смертью храбрых.

Бобрка. Живописные холмы вокруг, как вздыбленные штормом и застывшие волны. В зелени братская могила. Я читаю высеченные фамилии: И. З. Антошин, А. Л. Биндачев, И. П. Воднянко, М. Н. Горбачев, И. Т. Сметерчук… Много похоронено бесстрашных воинов, павших на этом рубеже в Великую Отечественную…

Среди них — Герой Советского Союза Николай Алексеевич Бенеш. Каждый год приезжает из Омска на могилу старенькая мать, чтобы окропить слезой землю, принявшую ее сына. И каждую осень первый урок с первоклассниками в бобркских школах начинается с рассказа учителя о подвигах Николая Бенеша и его фронтовых побратимов.

А. Л. ГЕТМАН, генерал армии, Герой Советского Союза
СТРЕМИТЕЛЬНОСТЬ И НАТИСК

На рава-русском направлении в составе 1-й гвардейской танковой армии действовал 11-й гвардейский танковый корпус, отличившийся в боях за освобождение Перемышля, Ярослава, в форсировании Вислы, на Сандомирском плацдарме.

О проявивших храбрость и мужество в этих боях однополчанах рассказывает бывший командир 11-го гвардейского танкового корпуса генерал армии, Герой Советского Союза А. Л. Гетман.

Память часто возвращает нас к важнейшим событиям военных лет, к боевым операциям, которыми, словно вехами, отмечен героический путь к победе. Мне и моим товарищам по оружию — танкистам — навсегда запомнились стремительные рейды, смелые обходные маневры, трудные, полные героизма бои в июле — августе 1944 года во время осуществления Львовско-Сандомирской операции.

В начале июля 1944 года в районе западнее Дубно были сосредоточены в полной боевой готовности части 11-го гвардейского танкового корпуса. В этих местах произошло волнующее для личного состава событие. Корпусу, проявившему доблесть и мужество в боях на Курской дуге, присвоено наименование гвардейского. И вот шестого июля нам вручено гвардейское знамя. У знамени танкисты торжественно принимали гвардейскую клятву, и эти идущие из глубины сердец слова звучали как могучий призыв к новым победам.

Многие сотни километров боевого пути прошли мои однополчане. Громили гитлеровцев под Москвой, Орлом и Курском, на Днепре. Самоотверженно, решительно и успешно действовали солдаты, сержанты, офицеры нашего корпуса и во Львовско-Сандомирской операции.

На рассвете 17 июля по приказу командующего фронтом Маршала Советского Союза И. С. Конева и командующего 1-й гвардейской танковой армией генерал-полковника танковых войск М. Е. Катукова, выдвигаясь из выжидательной позиции, соединения корпуса вошли в прорыв и стали развивать наступление общевойсковых соединений.

Перед корпусом поставлена задача: нанести удар в направлении на Сокаль, форсировать реку Западный Буг и захватить плацдармы на участке Сокаль — Кристинополь.

Вперед, на запад устремились танкисты 40-й гвардейской танковой бригады под командованием подполковника И. А. Кошелева и 44-й гвардейской танковой бригады полковника И. И. Гусаковского (ныне генерал армии).

С огромным воодушевлением и патриотическим порывом шли в бой воины. Они были исполнены решимости не только завершить освобождение родной Украины, но и прийти на помощь народу Польши, находившемуся под фашистским игом.

Уже на второй день наступления наши передовые части перешли государственную границу Советского Союза, начав освобождение Польши.

Одной из первых к Западному Бугу вышла танковая рота коммуниста старшего лейтенанта Е. Д. Федюнина. Маневрируя под огнем противника, танкисты прорвались к реке и с ходу ее форсировали. Захватив плацдарм, они вели бой с противником, вслед за ними другие боевые машины выходили на западный берег. Действия танкистов энергично поддерживали артиллеристы лейтенанта А. В. Дьячкова. Вброд и вплавь форсировали реку автоматчики лейтенанта В. П. Осинова. Командир умело организовал атаку, и вскоре воины ворвались в село Доброчин, являвшееся ключевым пунктом в обороне гитлеровцев на этом участке. Переправа была захвачена.

На утро 18 июля противник, сгруппировав остатки сил и получив подкрепление, попытался сбросить передовой отряд 44-й танковой бригады в реку. Мужественно отражали контратаки врага вместе с гвардейцами артиллеристы-самоходчики.

Как-то в направлении самоходной установки, которой командовал комсомолец младший лейтенант П. К. Величкин, шло восемь танков. Получив приказ преградить путь машинам врага, лейтенант скрытно вывел свое орудие на расстояние прямой

наводки и в борт расстрелял два «тигра». Остальные танки откатывались назад вместе с пехотой.

Плацдарм в районе Доброчина удерживался бригадой до подхода главных сил корпуса.

Вскоре Западный Буг и широко разрекламированная оборонительная линия гитлеровцев «Восточный вал принца Евгения» остались в нашем тылу. Танковые соединения неотступно преследовали врага. Шел лишь пятый день наступления, а вражеская оборона уже была разрезана глубокими танковыми клиньями, нависшими над тылами гитлеровской группы армий «Северная Украина».

Перед гвардейским танковым корпусом стояла задача — форсировать реку Сан и овладеть Радымно.

Саперы под огнем противника готовили переправу через Сан. В течение двух дней танкисты преодолели водный рубеж и вступили в бой с контратакующим противником. Части корпуса вели здесь ожесточенные бои, и лишь на второй день им удалось сломить сопротивление гитлеровцев, которые стремились любой ценой удержать свои позиции. Путь на Перемышль был открыт.

Окружение и разгром крупной вражеской группировки юго-западнее города Броды, выход крупных танковых соединений в оперативную глубину — все это создавало благоприятные условия для освобождения Львова и других западноукраинских городов, а также для освобождения юго-восточных районов Польши.

Удары танкистов в направлении Перемышля и Ярослава не на шутку встревожили гитлеровское командование. «…Выделить часть сил, — говорилось в директиве начальника штаба группы фашистских армий «Северная Украина, — и отправить на южный участок фронта, так как там, ввиду прорыва войск противника в полосе 59-го армейского корпуса в районе между Ярославом и Перемышлем, срочно требуется подкрепление…»

Однако, несмотря на переброску в район наступления корпуса 88-й пехотной и 17-й танковой дивизий, гитлеровцам не удалось сдержать наступательный порыв гвардейцев. 27 июля головной отряд 44-й гвардейской танковой бригады прорвался к селу Журавице, находящемуся всего в четырех километрах от Перемышля. Сюда враг подтянул артиллерию, на единственно танкодоступном участке выставил две батареи противотанковых пушек.

Заместитель командира 3-го танкового батальона капитан И. Иванов, взявший командование на себя после ранения комбата, принял решение атаковать врага ночью.

Укрывшись в лесочке, экипажи приготовились к

решительному броску. Был отдан приказ идти в атаку. Взревели моторы — танки пошли вперед. Подойдя вплотную к селу Журавице, они открыли беглый огонь из пушек и пулеметов. Ночная тишина наполнилась гулом орудий, ревом моторов. От разрывов и вспышек выстрелов, зарева пожарищ стало светло. Нервы фашистских артиллеристов не выдержали, орудийная прислуга бросилась врассыпную. Танки без потерь ворвались на улицу села. Пехота, сидевшая на броне, спешилась и начала очищать село от вражеских автоматчиков.

Не задерживаясь в Журавице, танкисты повели машины к северной окраине Перемышля. Идущая впереди разведка наткнулась на противотанковый заслон противника, поставленный на единственной здесь шоссейной дороге.

Крутая гора справа, высокая железнодорожная насыпь слева сковывали маневр боевых машин. Нужен был обходной путь, и отважные разведчики — командир танка лейтенант Петухов и техник-лейтенант Угнивенко нашли его. В районе кирпичного завода они обнаружили узкоколейную насыпь, по которой танки могли пройти, минуя шоссе. По этому пути во фланг вражескому заслону вышли машины лейтенантов П. И. Сороки и И. А. Калашникова. Капитан Иванов с остальными экипажами решил нанести удар по занимавшему оборону противнику с фронта.

Зайдя в тыл, танки лейтенанта Сороки и Калашникова открыли шквальный огонь по врагу. Батальон вместе с приданными ему самоходными орудиями наступал по шоссе. Подразделения противника, заметив, что их окружают, бросили орудия, автомашины и разбежались. После этого гитлеровцы не смогли оказать организованного сопротивления и на улицах Перемышля. К рассвету западную часть города очистили от фашистов.

Из восточной части города вражеские войска были выбиты танкистами 3-й гвардейской танковой армии генерала Рыбалко, атаковавшими Перемышль со стороны Львова. В освобождении Перемышля участвовали также войска 13-й армии и 1-го гвардейского кавалерийского корпуса.

Вечером 28 июля по радио был передан приказ Верховного Главнокомандующего. В нем говорилось, что войска 1-го Украинского фронта овладели городом и крепостью Перемышль и городом Ярослав — важными узлами коммуникаций и мощными опорными пунктами обороны гитлеровцев. В приказе объявлялась благодарность всем бойцам и офицерам гвардейского танкового корпуса.

В день передачи этого сообщения по радио наши боевые машины уже находились далеко от Львовщины: они шли по

дорогам Польши, к Висле. Общие успехи на львовском и рава-русском направлениях дали возможность командованию поставить новые задачи войскам — стремительно развивать наступление на северо-запад, с ходу форсировать Вислу и захватить плацдарм в районе Сандомира.

28 июля соединения корпуса, совершив за одни сутки стокилометровый марш, сосредоточились в районе Гурно, Лентовня. К 30 июля они вышли у Махува и Хмелюва к Висле, готовясь с боем форсировать эту крупную водную преграду.

Задача не из легких. Висла около Сандомира достигает 250–300 метров ширины, а глубины — до пяти метров. Мостов и бродов здесь не было. Переправить на противоположный берег танки, артиллерию, машины можно было только на паромах.

Гитлеровцы, непрерывно подбрасывая на этот участок свежие силы, предпринимали одну контратаку за другой.

Для обеспечения переправы 44-й гвардейской танковой бригады часть сил корпуса развернули фронтом на север, против контратакующего противника.

30 июля под сильным артиллерийско-минометным и ружейно-пулеметным огнем, действуя смело и решительно, первой форсировала Вислу на лодках рота автоматчиков во главе со старшим лейтенантом (ныне полковником) В. С. Юдиным. Высадившись на западном берегу, он повел своих бойцов в наступление на деревни Старый и Новый Худкув, расширяя захваченный плацдарм. Его разведчики во главе с комсоргом роты старшиной С. В. Савицким успешно вели разведку сил и расположения войск противника.

Тем временем саперы 134-го отдельного гвардейского саперного батальона майора И. А. Бирюкова приступили к наведению паромных и лодочных переправ. Специальные инженерные части сооружали большегрузные паромы.

К исходу дня 31 июля на западный берег реки переправилась часть танков 44-й гвардейской танковой бригады, которая сразу вступила в бой за расширение плацдарма. Мотострелковые батальоны 45-й и 40-й танковых бригад форсировали Вислу на лодках и вышли в район Песячино.

Контратакуя с севера, со стороны Тарнобжега, противник одновременно с юга ввел в действие танковую дивизию, чтобы ударом вдоль реки на север соединиться с северной группировкой, разгромить наши части на восточном берегу Вислы и отрезать войска, переправившиеся на западный берег.

Создалось угрожающее положение. Расстояние между двумя группировками противника было не более пяти километров. Вражеские передовые подразделения уже подходили к

командному пункту нашего корпуса.

В ночь на 1 августа командующий 1-й гвардейской танковой армией ввел в бой из своего резерва 64-ю гвардейскую танковую бригаду. Предприняв на рассвете атаку, гвардейцы в ожесточенных схватках остановили продвижение танковой дивизии противника. Вскоре Тарнобжег был взят. Соединения корпуса успешно расширяли плацдарм.

Фашистское командование, стремясь избежать полного окружения сандомирской группировки, спешно перебрасывало в район боев крупные силы. Создав численный перевес, гитлеровцы начали наносить контрудары.

Отважно сражались с врагом воины корпуса. Из уст в уста, например, переходил рассказ о героических действиях автоматчиков капитана К. Я. Усанова. Они стойко сдерживали натиск превосходящих сил противника. Гитлеровцам удалось отрезать их от наших частей. Тогда горстка храбрецов, заняв круговую оборону, повела бой в условиях полного окружения. Не имея возможности дальше удерживать рубеж, капитан Усанов решил прорвать кольцо окружения и пробиться к своим. С криком «ура!» автоматчики пошли в атаку за командиром. Они пробились сквозь огненный заслон. Смертью храбрых пал в этой схватке капитан. Константину Яковлевичу Усанову посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Так бились с врагом целые роты, батальоны, бригады.

В дни оборонительных боев в районе Опатува весь личный состав облетела радостная весть: Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10 августа 1944 года многие соединения и части корпуса за героизм личного состава, за успехи в боях награждены орденами Советского Союза. Так, 44-я гвардейская танковая бригада была награждена орденом Ленина, 45-я гвардейская танковая бригада — орденом Красного Знамени, 27-я гвардейская мотострелковая дивизия — орденом Богдана Хмельницкого II степени. Высокая оценка заслуг гвардейцев вызвала у воинов еще больший боевой порыв.

13 августа корпус в составе 1-й гвардейской танковой армии вновь перешел в наступление и вел тяжелые бои за расширение плацдарма и взятие города Сандомира.

Замысел Ставки Верховного Главнокомандования — захватить плацдарм на западном берегу Вислы для последующего наступления к границам фашистской Германии нашими войсками был осуществлен.

Связь восстановлена

В лесу у Западного Буга расположился штаб 27-го стрелкового корпуса и 379-го отдельного батальона связи. В дни наступления связистам приходилось очень много работать. По мере продвижения наших войск вперед требовались все новые и новые линии связи.

И вот получен приказ: проложить линию связи к штабу выдвинувшейся вперед 6-й гвардейской стрелковой дивизии.

Комбат вызвал командира взвода лейтенанта Онипко. Разложил на столе карту. Указал место расположения КП дивизии, маршрут, которым должны идти связисты.

— В вашем распоряжении — отделение бойцов, грузовая машина. Берите все необходимое — ив путь. В 20.00 жду доклада, — распорядился командир батальона.

Выехали. Позади осталась роща, дороги впереди нет. Машина двигалась по лугу, едва наезженным следом. После дождей болотистая почва раскисла, колеса вязли по ступицы.

— Мотор дальше не тянет, — заявил водитель.

Командир взвода посмотрел вокруг, затем сказал бойцам:

— Машину отправлю обратно. А сами вперед.

— А кабель! Катушки вон какие! — отозвался кто-то из бойцов.

— Не лыком шиты. Понесем! — послышался уверенный голос Матвеева, парторга батальона, который шел вместе с группой. И он первым взялся за тяжелую ношу.

Наконец, миновали топкое болото. Очутившись в лесочке, все облегченно вздохнули. Умытая дождиком изумрудная трава, голубые, синие, желтые цветы… Но внимание лейтенанта Онипко привлек зашевелившийся куст орешника. Опасность!

— К бою! — скомандовал командир взвода.

Присмотрелись внимательнее: так и есть! Группа гитлеровцев — человек двадцать.

Онипко бросил гранату, другую. Застрочил ручной пулемет. Немецкие солдаты открыли ответный огонь. После жаркой недолгой перестрелки оставшиеся в живых фашисты подняли руки. Оказалось, это были гитлеровцы, которым удалось просочиться из котла. Они долго бродили по лесу, пока не столкнулись со связистами.

Вскоре Онипко рапортовал:

— Товарищ начальник штаба, связь с корпусом установлена! Да вон там — группа пленных, по дороге прихватили.

Н. З. Романченко, подполковник запаса
«КОМСОМОЛЬЦЫ, ЗА МНОЙ!»

И. В. Туркенич

В феврале 1944 года 99-я стрелковая дивизия, в которой я был редактором многотиражной газеты «В бой за Родину», занимала боевые рубежи на Подолии недалеко от Збруча. К нам прибыл новый помощник начальника политотдела по комсомольской работе, высокий, с выразительными ясными глазами, строгой выправкой офицер — гвардии старший лейтенант Иван Туркенич. При первой встрече я долго стоял перед ним словно завороженный, А он чувствовал себя неловко. Так вот каков командир легендарной «Молодой гвардии»! Сдержанный, скромный.

Я обнял его. Рассказал, что принимал участие в освобождении Краснодона, что был у шурфа шахты, куда гитлеровцы сбросили более семидесяти замученных советских патриотов, в том числе и молодогвардейцев. Сообщил, что разговаривал с родителями погибших юных подпольщиков. Многих из названных мною людей Иван Туркенич хорошо знал. Лицо его нахмурилось, стало суровым, будто он вот-вот ринется в бой, чтобы беспощадно мстить врагу.

Да, у этого человека был огромный заряд энергии. Он не сел за бумаги, а сразу окунулся в боевую работу. Туркенича ежедневно видели на передовых позициях, в окопах, среди солдат. Вскоре он знал поименно весь комсомольский актив дивизии, а его знали в каждой роте.

В июне 1944 года во фронтовом блиндаже Ивана Туркенича приняли в члены партии. С партийным билетом у сердца он

пошел в новые бои за родную землю.

Гитлеровцы предпринимали одну за другой отчаянные контратаки. Особенно жаркие схватки происходили на участке третьего штурмового батальона 197-го стрелкового полка. В критический момент, когда батальону приходилось особенно тяжело, в боевых порядках пехотинцев появлялся Иван Туркенич. Он первым бросался вперед с возгласом: «Комсомольцы, за мной!» Если кто-нибудь говорил Туркеничу об осторожности, он всегда отвечал: «Комсомольцы не задумываясь идут в бой, потому что Родина дороже жизни».

Штурмовая комсомольская группа со своим вожаком первой врывается в село Батьков. Автоматчик комсомолец Чистяков берет в плен фашистского оберефрейтора. Молодой коммунист сержант Попов уничтожает вражеский заслон — пулеметный расчет и двух автоматчиков. Образцы героизма проявили многие воины.

Бой за село окончен. Наступила ночь. Иван Туркенич с Чистяковым привели в хату, где временно разместился политотдел дивизии, гитлеровского оберефрейтора. Скупо мерцает самодельный светильник из гильзы снаряда. Начальник политотдела Иван Константинович Елисеев поднялся из-за столика и спросил:

— Значит, свеженький?

— Так точно, товарищ полковник!

— Хорошо. Сейчас доложу генералу Сараеву, — комдив умеет с ними толковать, имел не одну такую встречу в Сталинграде.

При упоминании слова «Сталинград» гитлеровца передернуло. На рукаве оберефрейтора сверкала серебряная стрела и два угольника. Он — связист штаба. На погонах вояки знак, который говорит о принадлежности его рода к «непобедимым нибелунгам» — потомкам сказочного немецкого короля. Но в данный момент «непобедимый потомок» выглядит более чем печально. Он что-то бормочет о семье, находящейся в Кенигсберге, о жене, любимых детках.

Туркенич, знающий немецкий язык, перебивает его:

— О Кенигсберге нам нечего рассказывать. Мы скоро там сами будем. Лучше расскажите, оберефрейтор, о том, что нам сейчас нужно. А нам нужно…

В это время в хату вошел комдив генерал-майор Сараев. Все встали. Поздоровавшись, он обратился к Туркеничу:

— Продолжайте допрос.

Рядом с пленным он увидел рядового Чистякова. На его груди сияли, медали «За отвагу» и «За боевые заслуги».

— Кто захватил «языка»? — спросил генерал.

— Рядовой Чистяков, — доложил Туркенич.

— Что ж, пора и к ордену представлять, — сказал комдив, пожимая руку солдату.

Туркенич еще долго выспрашивал у оберефрейтора необходимые данные. После допроса пленного должны были отправить в штаб корпуса. Узнав о том, что его повезут в тыл, а не на расстрел (этим гитлеровская пропаганда запугивала своих солдат всю войну), оберефрейтор повеселел, стал охотно выкладывать новые данные о дислокации немецких подразделений, расположении наблюдательных и командных пунктов, узлов связи. Генерал Сараев быстро делал соответствующие пометки на полевой карте. Дорога каждая минута. Пока эти данные поступили бы из штаба корпуса, прошло бы около суток. А тем временем можно будет проверить правильность показаний пленного связиста.

Когда оберефрейтора увезли, Туркенич сел за составление листовок-«молний». Гвардии старший лейтенант аккуратно выводит на листовке фамилию рядового Чистякова, кратко сообщает о геройском поступке бойца, призывает всех следовать его примеру. Затем Туркенич пишет листовку о смелых и решительных действиях комсомольца Иванова.

В сумерках на Иванова напали два фашиста. Одного он успел свалить выстрелом из винтовки, а со вторым дело дошло до рукопашной. Иванов изловчился и, оглушив гитлеровца прикладом, взял его в плен.

Третья «молния» была посвящена самоотверженным действиям младшего сержанта Зайкина.

Разгромив окруженную бродовскую группировку гитлеровцев, наши войска пошли вперед — на Львов, к Висле. Ожесточенные бои вели полки 99-й дивизии на подступах ко Львову. Иван Туркенич дни и ночи проводил вместе с бойцами в блиндажах и землянках переднего края, вдохновляя воинов призывным словом и личным примером на подвиги. Он не раз вел их в атаки и рискованные рейды.

Как-то перед штурмом немецкого опорного пункта командир дивизии генерал-майор Сараев поставил разведчикам задачу: во что бы то ни стало захватить «языка». Молодые воины стали со всей тщательностью готовиться к ночной вылазке. Вместе с разведчиками во вражеский тыл отправился и Туркенич. Когда группа возвращалась с «языком» к переднему краю, она была обнаружена дозором противника. Завязалась перестрелка. Командира разведгруппы тяжело ранило. Боевые побратимы подхватили его под руки. Командование взял на себя Туркенич. Он вывел всех бойцов и раненого командира на участок фронта дивизии. «Язык» дал ценные показания.

В результате успешного наступления советские войска форсировали реку Сан и вступили на многострадальную польскую землю. Под мощными ударами нашей армии гитлеровцы, ожесточенно огрызаясь, отходили все ближе к своему логову. Жаркие бои разгорелись в районе Жешува.

Нелегкой ценой давался каждый километр — поредели боевые ряды дивизии. Все работники политотдела пошли в части. 14 августа, находясь на передовых позициях 206-го стрелкового полка, в одной из трудных схваток Иван Туркенич с возгласом: «Комсомольцы, за мной!» — поднял в атаку роту бойцов. Гитлеровцы не выдержали дружного натиска пехотинцев и начали удирать. Но на помощь отступавшим фашистам подоспели артиллерийские и минометные батареи. Они открыли сильный огонь, чтобы сорвать нашу атаку. Туркенич бежал впереди с зажатой в руках гранатой. Вдруг рядом разорвалась мина. Молодогвардеец упал. Осколок пробил грудь, прошел возле сердца. Туркенич жил после ранения несколько часов. Возле него сидел, не отлучаясь, работник политотдела капитан Павел Соболев. Туркенич не терял сознания. Разговаривать ему было тяжело, но он еще несколько раз выразительно повторил: «Дело будет доведено до конца…»

…На лесную поляну с разных концов узенькими просеками и дорожками стекались военные и гражданские с букетами цветов. Пришли комсорг полка Жарданов, комсорг батальона Литвиненко, работники политотдела Соболев, Григорьев, Хорис. К группам советских воинов присоединились также польские граждане.

Полковник Елисеев открывает делегатское комсомольское собрание. На этом собрании в последний раз присутствовал Иван Туркенич. Товарищи по оружию обращались к нему, как к живому:

— Ты слышишь, Иван, как идут танки? — говорил Павел Соболев. — Это наши танки идут на запад! Ты слышишь, как громыхают пушки? Это наша пехота шагает к Висле.

Траурная процессия из леса взяла направление к городку Глогув. На южной окраине Глогува процессия останавливается, перестраивается и движется на центральную площадь. Впереди шла комсомолка Надежда Щедрина. Она несла на алой подушке боевые ордена Туркенича, за ней — комсомолка Валентина Крицкая с портретом бесстрашного командира краснодонских молодогвардейцев, вожака армейской молодежи. Венок из белых цветов опоясывал траурную рамку. За машиной — делегации воинов всех полков дивизии.

У могилы выступали товарищи Туркенича по оружию. В

заключение слово взял бургомистр городка Глогув. Он передал советским воинам букеты цветов, которые принесли польские девушки и юноши.

— Сегодня, — сказал бургомистр, — мы хороним советского героя, пришедшего в Польшу, чтобы освободить нас из фашистской неволи.

Спустя три года польские друзья перенесли прах Ивана Туркенича в центр воеводства — город Жешув. А в 1952 году граждане Жешувского воеводства в честь героя-молодогвардейца соорудили памятник.

Делегации активистов Львовского отделения общества советско-польской дружбы часто бывают в городах Жешувского воеводства. Недавно с группой товарищей и я посетил могилу своего фронтового побратима, поклонился его праху, привез оттуда горсть земли.

Польские друзья свято чтут память об Иване Туркениче. Большое спасибо вам, дорогие братья. Спасибо вам за живые цветы на могиле славного молодогвардейца, за улицу его имени в Жешуве. Кровь, пролитая вместе советским и польским народами, — священна.

В Архиве Министерства обороны СССР хранится донесение политотдела 99-й стрелковой Житомирской Краснознаменной дивизии от 15 августа 1944 года, из которого мы узнаем о последнем пути Ивана Васильевича Туркенича. Есть там и такие строки: «Железный краснодонец, энергичный, подвижной, аккуратный, исключительно скромный, обаятельный человек, чудесный товарищ. Тот, кто знал Туркенича хотя бы на протяжении самого короткого времени, сразу проникался любовью и уважением к нему…

Туркенич всегда будет жить в сердцах тех, кто жаждет орлиных высот и взлетов, кто готов в грозную годину грудью заслонить Родину-мать.

Д. П. Власов, подполковник
С НЕНАВИСТЬЮ К ВРАГУ

Н. Д. Хорохонов

Бурые и черные тучи дыма плыли над зелеными полями. Воздух раскалывался от несмолкаемого гула и грохота. На берегах Западного Буга, Золотой Липы, Свиржа гремели бои. Гитлеровцы беспрерывно вводили в бой новые резервы — танковые, пехотные части, соединения. Нашему командованию надо было знать их численность, какими дорогами они движутся, где сосредоточиваются. И поэтому большое значение придавалось наземной и особенно воздушной разведке.

В 143-м гвардейском штурмовом авиаполку одним из лучших воздушных разведчиков считался гвардии младший лейтенант Николай Хорохонов. В части хорошо знали этого бесстрашного летчика. Родился и вырос Николай в небольшом городке потомственных текстильщиков — Вязниках Владимирской области. Он рано приобщился к труду. Николай всегда был занят каким-то увлекательным делом. «Мастер на все руки», — говорили о нем товарищи. С юных лет Хорохонов мечтал о небе. Сначала занятия в аэроклубе, затем авиационное училище. Прямо оттуда шагнул он в пылающее небо войны…

Над дымным, грохочущим полем боя Курской битвы Николай Хорохонов постигал азбуку боя, науку бесстрашия и мужества. Здесь пришли к нему первые его победы…

К июлю сорок четвертого на счету Хорохонова уже было 145 штурмовых ударов по врагу… Со своим экипажем он уничтожил 34 танка, 9 артиллерийских батарей, 116 автомашин, три самолета противника. Грудь гвардейца украшали два ордена

Красного Знамени, орден Отечественной войны I степени.

Теперь огненные тропы военного летчика Хорохонова пролегали в небе Львовщины.

Он поднимает боевую машину в воздух. Сегодня погода неважная: низкая облачность, дымка над землей. Экипаж идет на разведку. Под Бродами крупные силы гитлеровцев окружены. Враг рвется из котла. На выручку фашистским войскам перебрасываются соединения с других участков фронта. Надо все узнать о передвижении частей противника. Один из квадратов разведки достался Хорохонову. Вот и линия фронта. Штурмовик на малой высоте проносится над кипящим морем огня. Там идет жестокий бой. Ударить бы по гитлеровцам реактивными, полить бы их позиции снарядами из пушек! Но нельзя. Экипаж идет на разведку. Сейчас это главное.

Самолет мчится почти над верхушками деревьев — так безопаснее преодолеть оборонительную линию врага. Через несколько минут — заданный квадрат. Обнаружить противника — нелегкое дело, все равно что отыскать иголку в стоге сена. Большая скорость, малая высота. Внизу все сливается в сплошное серое полотно. И среди этой мелькающей пестроты нужно увидеть цель.

Изрытые воронками поля, выгоревшие участки леса, серые лысины болот… Это уже начался квадрат поиска. В поле трудно спрятаться танкам, машинам, а кустарником, что растет по болоту, не проедешь. Остается одно — лес.

Хорохонов ведет машину вдоль опушки. Внизу будто все вымерло. Дороги, помеченной на карте, не видно. Но почему полоска около леса чуть темнее, чем рядом лежащая пашня? Ясно: здесь прошли танки, и к последнему из них были прицеплены бороны. Вот они-то и «замели» след. Значит, здесь танки повернули в лес.

Штурмовик разворачивается. Летчик заметил в лесу дымок. Он нажал на гашетку пулемета — авось у кого-то нервы не выдержат, даст о себе знать. Свинцовая струя хлестнула по деревьям, кустам. Но фашисты продолжали молчать. Тогда пробуем еще раз. И лес мгновенно ощетинился огнем. Не выдержали! Вот теперь и танки видны. Около полсотни будет.

Бьют фашистские зенитки, осколки, как град, стучат по бронированному брюху «ила».

Еще заход. В эфир полетели слова донесения: «В квадрате… около пятидесяти танков…» «Ну, а теперь получайте!» — зло прошептал Николай, ударив по врагу из скорострельной пушки. Огненными стрелами метнулись к земле реактивные снаряды. К небу поднялись черные клубы дыма.

С командного пункта передали, что в район обнаруженной Хорохоновым цели летит группа штурмовиков.

Через некоторое время танки и автомашины противника превратились в бесформенные груды металла.

…Древний Львов праздновал свое освобождение. Над кварталами города еще стелился дым пожарищ, но улицы запружены людьми — ликующими, радостными. Вместе с друзьями приезжал сюда и Николай Хорохонов. Летчикам, отличившимся в боях по ликвидации бродовского котла и за освобождение Львова, был предоставлен на сутки отдых с поездкой в город, именем которого стал называться 143-й гвардейский штурмовой авиаполк.

И снова бои. Полевой аэродром, как обычно, отправлял и принимал возвращающиеся с заданий самолеты, часто изрешеченные, израненные. Как всегда, возились у машин техники, механики, мотористы: латали продырявленные плоскости, фюзеляжи, осматривали сложные авиационные моторы… С командного пункта в небо взвилась сигнальная ракета. Летчики, воздушные стрелки бросились к самолетам. Через несколько минут один за другим штурмовики поднялись в воздух. Их курс — на запад, к горной реке Вислок. Там наши войска вели трудный бой с превосходящими силами гитлеровцев.

Густая дымка опять окутала землю. Штурмовики знали, где и по каким целям надо было нанести удар. Вынырнув из-за облаков, они ринулись вниз. Посыпались противотанковые бомбы, хвостатыми кометами понеслись к земле реактивные снаряды. Вокруг самолетов расцветали вспышки разрывов зенитных снарядов, тянулись разноцветные пунктиры очередей крупнокалиберных пулеметов врага.

«Этим нас не испугаешь», — думал Хорохонов, умело маневрируя. Но неожиданно рядом появилась шестерка «мессершмиттов». Зенитки притихли, предоставив свободу действий своим истребителям. Штурмовики даже не успели перестроиться в традиционный круг. Завязался воздушный бой.

Делая одну за другой эволюции, Хорохонов изловчился и всадил в «мессер» несколько снарядов. Стервятник тут же, в воздухе, развалился на части. Но гитлеровцы продолжали наседать. Истребитель не штурмовик — маневренность у него выше. Этим и воспользовались фашисты. Им удалось зажать в «клещи» машину ведущего. Она была уже повреждена, и командир делал отчаянные попытки вырваться из огненных тисков. Но тщетно. Гибель его казалась неминуемой. Увидев это, Николай Хорохонов кинулся на выручку. Одного из воздушных пиратов он сразил почти в упор. Но два других истребителя

продолжали атаковать машину ведущего. Николай видел темные, пузырящиеся пробоины на фюзеляже и крыльях, отлетающие куски дюрали. Сердце Хорохонова тревожно сжалось — будто рвали куски его тела.

И еще до конца не осознав свои действия, он бросил «ил» под огненный удар, прикрыв самолет командира. Тот, увидев спасение, метнулся вниз. Машина была сильно повреждена. Еле-еле ведущему удалось вывести штурмовик в горизонтальный полет.

— Уходи на свою территорию! — крикнул ему Николай. — Я их задержу!

Штурмовик Хорохонова вертелся словно волчок и, поливая фашистов свинцом, отвлекал вражеские истребители от машины командира. Наконец, самолет ведущего пересек линию фронта и пошел на вынужденную посадку.

Положение Хорохонова усложнялось. Снаряд попал в мотор штурмовика. Он вспыхнул. Переваливаясь с крыла на крыло, «ил» стал медленно падать. Стрелок-радист Федор Дилов, метко стрелявший из пулемета по фашистским истребителям, выбросился с парашютом. Ветер отнес шелковый купол в сторону. Оставил смертельно раненный самолет и Николай Хорохонов. Он не сразу раскрыл парашют, а падал с «затяжкой», чтобы не стать легкой добычей охотившихся за ними «мессеров». Приземлился Николай невдалеке от упавшего самолета. Машина горела. Хорохонов подбежал к ней, вытащил пулемет из кабины стрелка-радиста и, перезарядив его, залег в канаве.

К месту падения штурмовика, туда, где находился летчик, бежали гитлеровские солдаты. Стреляя на ходу, фашисты кричали:

— Рус, сдавайс!

Хорохонов молчал. Подпустив врага метров на сто, он открыл огонь. Раздались крики, вопли. Солдаты залегли. Еще яростнее затрещали их автоматы. Вокруг свистели пули. Одна из них больно обожгла правый бок. Николай дотронулся до него рукой. Ладонь стала липкой от крови. Перед глазами поплыли оранжевые круги.

На какие-то секунды пулемет замолчал. Фашисты опять начали ползти. И тут же вновь были прижаты к земле. Некоторые — навечно. Еще очередь, еще… И… кончились патроны. Гитлеровцы поняли это. Осторожно поднимаясь, нахально требовали:

— Рус, сдавайс!

— Коммунисты не сдаются! — крикнул в ответ Хорохонов и выхватил пистолет. Одного врага уложил, другого… Неужели

плен? Ни за что! Остался еще один патрон. Николай последний раз взглянул в голубое небо и выстрелил себе в сердце…

…Жители города Вязники свято чтут память своего земляка — летчика Николая Дмитриевича Хорохонова, посмертно удостоенного звания Героя Советского Союза. Пионерские отряды школ носят имя героя. Таблички на домах с надписью «Улица Хорохонова» напоминают прохожим о мужественном соколе, фронтовые подвиги которого обессмертили его имя.

У истоков звонкой легенды

В один из летних дней у гостиницы «Украина» во Львове остановилось такси. Из него вышел внешне ничем не выделявшийся человек: среднего роста, коренастый, смуглолицый, с поседевшими висками. Это был М. П. Девятаев, летчик-фронтовик, известный своим легендарным подвигом.

Что же заставило проживающего в Казани Михаила Петровича совершить неблизкий путь на Львовщину! Здесь он сражался летом сорок четвертого года. Совершил десятки боевых вылетов, сбил несколько вражеских самолетов. Здесь провел последний воздушный бой. Сейчас он ехал в район, где когда-то находился прифронтовой аэродром 104-го гвардейского истребительного авиаполка.

Перед наступлением войск 1-го Украинского фронта их полк базировался недалеко от передовой. Каждый день поднимались в воздух истребители. Девятаев ходил в разведку, сопровождал штурмовиков или направлялся на свободную «охоту». Летал он в паре с Владимиром Бобровым, летчиком, который открыл личный счет сбитым вражеским самолетам еще в небе Барселоны, в 1936 году. Дружба Боброва и Девятаева — дружба отца и сына. В 1941 году летчик-истребитель Девятаев вернулся с боевого задания раненным. Бобров дал для спасения его жизни свою кровь. После лечения, вопреки желанию Михаила, его направили водить санитарный самолет. По ходатайству Боброва Девятаев вернулся в родной авиаполк и продолжал воевать на ястребке. И всегда рядом с ним был Бобров — его наставник и учитель.

В тот последний совместный вылет они барражировали в районе наступления наших наземных войск на рава-русском направлении. В небе плыли рваные облачка. Неожиданно из-за них вынырнули немецкие истребители.

— Я «Волга»! Внимание! — прозвучал сигнал Боброва ведомым группы. А Девятаева, мордвина по национальности, он и в воздухе называл «Мордвин».

— «Мордвин»! Атакуй! Прикрою! — передал по радио Бобров, увидев, что в данной ситуации выгоднее сразить «фоккера» его ведомому. Атака в воздушном бою молниеносна. Бросил свой ястребок Девятаев на врага, полоснул очередью, и тот пошел к земле. Это был 14-й самолет, сбитый Девятаевым.

Когда Девятаев выходил из атаки, внезапно подкравшийся «фоккер» поджег его машину. Бобров в это время отбивался от двух немецких истребителей и не мог предотвратить удар по самолету ведомого. Михаил пытался сбить пламя — не удалось.

— «Мордвин», прыгай! Прыгай! — повторял ему Бобров, понимая, что машина вот-вот может взорваться.

Девятаев не выпрыгнул, а посадил горящую машину, но… на территории противника. Тяжелораненого летчика схватили гитлеровцы.

Плен, издевательства… Грозила казнь за попытку бежать. Чудом спасся. В концлагере фашисты хотели отправить его в крематорий, но патриоты подменили Девятаеву бирку, дав ему другую, с номером уже погибшего пленного. А зимой 1945 года на нашей территории приземлился вражеский самолет. На его борту находились десять советских воинов, бежавших из фашистского плена. Этот захваченный на немецком аэродроме «хейнкель» привел Михаил Девятаев…

15 августа 1957 года за ратный подвиг, совершенный в борьбе с фашизмом, Девятаеву присвоено звание Героя Советского Союза. После войны поселился Михаил Петрович в Казани.

Влечет летчика-героя земля, раскинувшаяся над Западным Бугом. Здесь в боях росла его боевая слава. Здесь он совершил и последний вылет, от которого пролег путь через ад плена в подвиг, ставший звонкой легендой.

СЛОВО ДОКУМЕНТАМ
(Из материалов Архива Министерства обороны Союза ССР)
Рукописные листовки переднего края «Передай по цепи»

Уничтожил ДЗОТ

Умело руководил боем своего взвода лейтенант Анатолий Мануйлов. Взвод форсировал небольшую речку. Подошли к траншеям противника. Враг открыл огонь из фланговых дзотов. Начался гранатный бой. Мужественно сражались бойцы. Но дзоты не давали продвинуться дальше.

Анатолий Мануйлов подполз ближе и гранатой, брошенной в амбразуру дзота, заставил замолчать врага.

Слава герою!

Коммунист лейтенант Анатолий Петрович Мануйлов представлен к награде.

Храбрость пулеметчика Фесенко

Храбро сражался с врагом первый номер пулеметного расчета Фесенко. При форсировании реки он был ранен. Гитлеровцы окружили его позицию и стали сжимать кольцо.

Фесенко остался один.

До последнего дыхания решил бороться пулеметчик. Подпустив гитлеровцев поближе, он подорвал себя и фашистов гранатами.

Родина не забудет героя!

Мстите за товарища! В бой!

Меткие выстрелы

Озверелый враг бросался в контратаки, стремясь остановить наши войска. На одном из участков двинулись в атаку 17 «тигров» и около батальона пехоты.

Командир батареи Комаров со своим разведчиком замаскировались во ржи и готовились к ведению огня по гитлеровским захватчикам. Наша пехота отошла. Но Комаров остался на месте, приказав разведчику: «Ни шагу назад! Будем

уничтожать танки». Он отдал команду: «По немецким «тиграм», огонь!»

Как факел, вспыхнул первый «тигр», остальные танки тоже были остановлены вместе с пехотой. Фашисты отступили. На поле боя противник оставил один сожженный и один подбитый танк, несколько трупов солдат и офицеров.

Подвиг офицера коммуниста Комарова — выражение верности воинскому долгу, чести и славы советского оружия.

Командование представило старшего лейтенанта Константина Комарова к правительственной награде — ордену Красного Знамени.

От составителей. Такие рукописные листовки «Передай по цепи» широко использовались в практике партийно-политической работы в войсках 1-го Украинского фронта, в частности, на львовском и рава-русском направлениях. Листовки пользовались большим успехом у воинов.

Г. В. Ковалев, подполковник в отставке
В ТЫЛУ ВРАГА

Г. В. Ковалев

В начале марта погода неожиданно изменилась. Несколько дней подряд шел надоедливый дождь. Снег растаял — под ногами вязкая грязь. Наш отряд продолжал рейд по тылам врага.

Показалось село Перевалы. Убедившись, что фашистов в нем нет, отряд сделал остановку. Знакомились с местными жителями, рассказывали им о событиях на фронтах. Крестьяне жадно ловили каждое слово о героических действиях Красной Армии.

Политрук Павел Пономарев со своей группой сразу же отправился на боевое задание. На второй день Пономарев доложил, что на перегоне Тучино — Туропы группа пустила под откос паровоз и семь вагонов с гитлеровцами. Движение вражеских эшелонов было приостановлено.

По возвращении с задания на окраине села Туропы партизан обстреляла бандеровская банда «Черного». От пули украинских националистов погиб командир отделения разведки Шаповалов, уроженец села Улица, что на Сумщине.

Хоронили Алексея Шаповалова с почестями.

У могилы партизана выступил комиссар отряда Иван Ильич Павличенко. Зажав в руке фуражку, он взволнованно говорил:

— Ты, Алексей, был храбрым разведчиком, боролся за счастье людей. Погиб от руки украинских буржуазных националистов, презренных народом бандитов-убийц. Мы никогда не забудем тебя, наш боевой друг. Поклянемся же, друзья, не щадя жизни, еще крепче бить врага!

— Клянемся! — подхватили партизаны. В их рядах

находились и парни из села Перевалы: братья Михаил и Александр Станчук, Алексей Кондратюк, Антон Лаврищук, Григорий Мазурок.

По данным разведки мы знали, что в селе Попелевке бандеровцы имели крупные склады. Охрана небольшая.

Хорошо зная повадки противника, на подходе к селу заранее выслали разведгруппу в обход. Она атаковала вражескую заставу из шести человек, вооруженных винтовками и пулеметами. Одного бандита удалось схватить, двоих убили, остальные бежали. Тяжело ранен был и наш разведчик Суртай Турлюбек. В Попелевке мы вскрыли два крупных склада с оружием, обмундированием, продовольствием, захватили штабные документы. Действуя по заданию фашистов, подлые изменники украинского народа — бандеровцы уничтожили сотни невинных людей в окрестных селах.

…Мы шли на юг вдоль Западного Буга. Часто вспыхивали перестрелки с карательными группами гитлеровцев и бандеровскими бандами.

Как-то уже под вечер отряд подходил к селу Матов. Вдруг с колокольни по растянувшейся партизанской колонне ударил пулемет, застрочили автоматы. Надо расчистить себе дорогу. Партизаны залегли, укрываясь в кюветах.

Я выпустил одну за другой две ракеты в сторону противника — это был сигнал к бою.

Партизаны стремительно поднялись и пошли в атаку. Ответный огонь наших пулеметов и один минометный залп заставил замолчать вражескую огневую точку. Мы приблизились к окраине села. Бандиты и полицейские в панике бежали.

На следующий день снова пришлось вступать в бой. На этот раз с охраной железной дороги Львов — Ковель при пересечении участка Вузловое — Селец.

Вдоль железнодорожных линий гитлеровцы построили дзоты. Сторожевые будки и станции фашисты превратили в огневые точки. По путям беспрерывно ходили патрули. У железнодорожного полотна лес был вырублен. И несмотря на это мы все время вели «рельсовую войну». Группа подрывников разрушила стыки рельсов в районе станций Вузловое, Селец, другая с запасом взрывчатки направилась на участок дороги Львов — Каменка-Бугская.

В эти трудные, полные тревог и неожиданностей дни радистка приняла радиограмму из Украинского штаба партизанского движения, которая долго согревала сердца партизан. В ней говорилось: «Следим за вашими продвижениями к заданной цели, своими действиями вы служите примером для

товарищей. Маневрируйте, сохраняйте силы и средства для действий на коммуникациях противника в заданном районе. Упорно продвигаясь, ежедневно доносите о рейде. Желаю успехов. Т. Строкач».

…Вот и Западный Буг. Набухшая от весенних вод река глухо шумела. Дул резкий, пронизывающий ветер. С опушки леса хорошо просматривался хутор Мазарня-Таданьска на правом берегу, а вдоль левого берега чернели пепелища сожженного бандеровцами села.

В воздухе появились разведывательные самолеты. Нападения гитлеровцев можно ожидать в любую минуту и с любой стороны. Рядом находился вражеский аэродром. Оставаться в этом районе было рискованно. Партизаны пересекли шоссейную и железную дороги Львов — Каменка-Бугская, расположились в селе Дальнич. Радистка Катя Демченко приняла с Большой земли приказ: «Организовать несколько диверсий на железнодорожных линиях Львов — Ковель, Львов — Варшава».

Группа партизан из отряда Г. В. Ковалева после выполнения очередного боевого задания. 1944 г.

Мы догадывались, что готовилось наступление войск 1-го Украинского фронта и наши действия в тылу врага в какой-то мере будут способствовать его успеху. Рельсовая война продолжалась.

…Первой шла на задание группа С. Шабанова. Ночью, скрытно приблизившись к дороге и бесшумно сняв двух

вражеских патрулей, подрывники заминировали участок между станциями Честыни — Колодне — Жовтанцы. А 1 апреля на партизанских минах подорвался гитлеровский эшелон с боевой техникой.

Отремонтировав разрушенный участок железной дороги, противник усилил ее охрану. Однако 4 апреля партизаны пустили под откос второй состав с боеприпасами и вспомогательный поезд, вышедший на расчистку пути.

Фашисты не имели покоя. Взрывались мосты, летели под откос поезда, пылали станции и склады. Подвижные группы отряда внезапно появлялись там, где их меньше всего ждали. Так было выведено из строя путевое хозяйство на станции Верещица. Здесь действовала группа разведчиков отряда под командованием храброго воина и умелого командира П. Мацуева.

Осуществление диверсий на участке железной дороги Львов — Варшава поручили 2-й стрелковой роте Филимонова. В первом налете партизаны взорвали станцию Сусец, водонапорную башню, сожгли пятьдесят шесть вагонов. Движение на участке Рава-Русская — Звежинец прекратилось.

Фашистское командование усиливало охрану коммуникаций, предпринимало все меры предосторожности: на поиски отряда были высланы самолеты, в леса направлены лазутчики. Гитлеровцы начали спешно окружать лес, откуда партизаны Филимонова наносили удары.

Мы готовились к очередной схватке. Разведка донесла, что накапливаются большие силы врага. Из Верещицы маршем в направлении села Вишенка-Мала прошел батальон эсэсовцев. Там каратели перестроились в длинную цепь для прочесывания леса. Фашисты хотели прижать отряд к железнодорожной насыпи и там расстрелять. В этом бою бессмертный подвиг совершил наш комсорг пулеметчик Федор Хомянок. Он находился в засаде. Цепь гитлеровцев приближалась к нему. Вот уже хорошо видны их лица… Еще секунда, еще… И вдруг длинная свинцовая очередь ударила во фланг вражеской цепи. Фашисты залегли.

Федор несколько раз менял позицию, укрывшись в густых кустах. Гитлеровцы поднимаются в третью атаку, но их опять прижимает к земле огонь пулемета. Хомянка ранило в левое плечо. Он прижал оружие к дереву, стреляет одной рукой. В это время слева грянуло партизанское «ура!» роты Филимонова. Федор приподнялся, и в этот момент его скосила фашистская пуля.

После боя мы похоронили героя на безымянной высоте у села Верещицы.

В июне к нам в тыл стали прибывать разведывательные и

подрывные группы — войска 1-го Украинского фронта готовились к наступлению. Надо было усилить удары по коммуникациям врага. Магистрали Львов — Ярослав, Львов — Варшава имели особенно важное значение для гитлеровцев. Поэтому они спешно восстанавливали разбитые участки, усилили их охрану.

Только что восстановленный фашистами участок железной дороги Рава-Русская — Замостье партизаны снова вывели из строя. Через несколько часов мы получили радиограмму из штаба партизанского движения: «За вывод железной дороги Замостье — Рава-Русская, взрыв железнодорожного моста и водонапорной башни станции Красноброд объявляю благодарность вам и личному составу, участвовавшему в операции. Т. Строкач».

Много было на нашем пути жестоких схваток с гитлеровцами и украинскими буржуазными националистами. Пример мужества, стойкости и отваги всегда показывал политрук Филипп Карпенко.

В ночь на 11 июня Карпенко с группой бойцов отправились на трудное и сложное задание — уничтожить железнодорожный мост на участке Рава-Русская — Ярослав. Подрывники, пройдя большую часть пути, уже находились почти у цели. Но вдруг в темноте послышалась немецкая речь. Партизаны залегли. Выяснилось, что мост усиленно охраняется и подползти к нему незамеченными невозможно. Группа Карпенко отошла. Наутро лес, в котором находились подрывники, начали прочесывать каратели. Он был окружен плотным кольцом фашистов.

— Надо прорваться с боем, — предложил кто-то из партизан.

— Мы не выполнили задания, — ответил на это Карпенко. — Надо рассредоточиться, замаскироваться. Тем, кто уцелеет, собраться в условленном месте.

Начались болота, идти становилось все трудней.

— Занять оборону! — скомандовал политрук. Подрывники залегли, решив драться до последнего патрона.

Все ближе вражеские цепи. До слуха партизан донеслись пьяные возгласы и ругань. Несколько гитлеровцев и власовцев остановились перед болотом.

— Как только приблизятся вплотную — действовать, как условились, — сказал Карпенко.

— Обходить болото справа! — раздалась команда фашистского офицера. И пьяные каратели, продолжая беспорядочную стрельбу, перед самым укрытием партизан исчезли в лесу.

А через несколько часов на железной дороге прогремел мощный взрыв. В воздух взлетел вражеский военный эшелон.

— Ну вот, теперь можно идти к своему отряду, — сказал Карпенко.

На обратном пути подрывники неожиданно столкнулись с карателями. Завязался неравный бой. Тяжело приходилось горстке храбрецов. Враг начал их окружать. Карпенко, как всегда, хладнокровно руководил боем.

— Приготовить гранаты! — скомандовал он, когда гитлеровцы были уже совсем рядом. Политрук немного приподнялся, чтобы получше разглядеть поле.

— Ложись, Филипп Трофимович! — крикнул ему Михаил Мицура. Но тот не услышал предупреждения и, схватившись за живот, упал. Карпенко поднял голову, с трудом проговорил:

— Миша! Останешься за меня. Руководи боем…

Каратели наседали. «Живым хотят взять», — мелькнула тревожная мысль в сознании политрука. Превозмогая боль, он попытался достать гранату из сумки, но руки ему не повиновались.

Бой не утихал. Фашисты, неся потери, стремились во что бы то ни стало захватить в плен партизан, выносивших раненого политрука с поля боя. Прикрывая друг друга, бойцы под командованием старшины Мицуры все больше отрывались от преследователей.

Состояние Карпенко ухудшалось. Уже в отряде политрук потерял сознание и вскоре скончался.

Похоронили мы Филиппа Трофимовича на площади в центре села Боровец.

Опасными тропами в тылу врага шли навстречу Победе народные мстители.

Т. А. Бойко
ПАРТИЗАНСКАЯ СЕМЬЯ

П. В. Сильченко

Впервые приехав в Северодонецк, я была приятно удивлена новыми красивыми многоэтажными домами, широкими улицами, проспектами. В молодом городе химиков сейчас проживает семья Сильченко, которая в годы войны находилась в партизанском отряде. И вот я у них в гостях.

Мать, Мария Ефимовна, знакомила меня с городом. Я никак не могла за ней поспеть, а она смеялась:

— Что вы, разве это ходьба? Бывало, за ночь пройдем километров тридцать, да не с пустыми руками… Вот это была ходьба… Я до сих пор не могу привыкнуть идти потихонечку… До войны мы жили в Житомире. Муж мой, Потап Васильевич, работал дорожным мастером. Я — в детском саду, а ребята — Роман и Николай — учились.

Жили хорошие люди, работали, воспитывали детей, мечтали об их будущем. Но застонала от бомб и снарядов земля, двинулись на советскую землю гитлеровские полчища. Отходили на восток наши войска, семья Сильченко эвакуировалась. Но враг перерезал дорогу, и они, оставшись в тылу у фашистов, решили вернуться в село, где родились и выросли. Там свои люди, каждый знает друг друга.

И семья Сильченко оказалась опять в родном селе Обиходы Житомирской области. Надо было как-то жить, растить детей.

Они услыхали, что в Мухоедовских лесах действует партизанский отряд. И Сильченко связался с партизанами, стал

им помогать. Сначала сам, потом привлек жену, а позже и ребята начали собирать нужные сведения. Мария Ефимовна доставала продукты, пекла хлеб и ночами носила в лес. Позже стали к партизанам переправлять надежных людей. Фашисты понимали, что не без помощи населения причиняют народные мстители им столько вреда. В Обиходы вступил карательный отряд — началась расправа.

Потапа Васильевича не было дома, он поехал по заданию на мельницу. На глазах у матери каратели стреляли в сына Романа, тяжело ранив его. Николай упал, не ожидая пули. Мать с отчаянием заклинала убийц, называла себя не Сильченко, а своей девичьей фамилией. И это спасло их. Романа незаметно отвезли в районную больницу, а сами стали собираться в лес. Сначала ушли отец с младшим сыном. Позже как-то ночью мать забрала из больницы раненого Романа и тоже добралась к партизанам. Сильченки ушли вовремя — вскоре немцы сожгли хату, где они жили.

В отряде Потапа Васильевича зачислили бойцом в первый взвод, Марию Ефимовну — поварихой, сына Николая — в разведгруппу, Романа лечили здесь же, в лесу, в землянке.

Началась полная тревог и радостей жизнь. Рос партизанский боевой счет мести врагу: увеличивалось количество взорванных мостов, пущенных под откос поездов, разбитых вражеских обозов.

Возглавлял отряд Борис Дмитриевич Кореневский — волевой, инициативный, бесстрашный командир. На фронте он попал в плен, но через десять дней совершил побег. Пробрался в лесистую местность, где попал к партизанам. Кореневский сначала был политруком роты. В марте 1943 года ему доверили в лесах Народычского района Житомирской области руководить партизанским отрядом. Вскоре в нем насчитывалось более 220 человек. Отряду присвоили имя Чкалова.

После освобождения Житомирщины отряд имени Чкалова перебазировался в тыл врага — на Львовщину. Здесь еще с большей энергией и энтузиазмом развернули партизаны борьбу с фашистскими оккупантами.

Расскажу о выполнении отрядом боевого задания на участке железной дороги Львов — Луцк.

Разведка донесла, что на перегоне Каменка-Бугская — Радехов перед рассветом пройдет состав с боевой техникой и солдатами противника. На задание вышла группа партизан, которую возглавлял командир взвода В. И. Жданов. В нее вошли и Потап Васильевич с Николаем. С ними был пулеметчик Михаил Никитин — ныне учитель истории одной из львовских школ.

Место для операции наметили рядом с железнодорожным

мостом через Западный Буг. В назначенный район прибыли ночью. Старший группы Жданов определил место каждому. Никитин с пулеметом выбрал нужную позицию, чтобы держать в секторе обстрела участок с домиком, где находилась охрана. Сильченко-старший вместе с другими автоматчиками расположились вблизи саперов. Николай вел наблюдение.

Вдруг из домика, где была охрана моста, выскочила овчарка. Она направилась прямо на Никитина. Все встревожились. Что будет? Сейчас главное — выдержка, спокойствие. Вспомнился Никитину прочитанный в детстве рассказ о том, что зверь не тронул человека, прикинувшегося мертвым.

Зажав в руке финку и прикрыв лицо автоматом, Никитин затаил дыхание. Пес понюхал автомат, лизнул ноги, не издавая никаких звуков. Затем овчарка приблизилась к другому, третьему бойцу, которые лежали не шевелясь. Потап Васильевич переживал за Колю. Но Николай тоже поступил, как другие. Хитрость удалась: овчарка, не нарушив тишины, убежала.

Тем временем саперы сделали свое и бесшумно отошли. А спустя полчаса мчавшийся на полной скорости эшелон с грохотом сошел с рельсов. Группа партизан, выполнив задание, вернулась в отряд без потерь.

Слева направо: парторг партизанского отряда С. С. Доценко, командир отряда Б. Д. Кореневский и начальник штаба А. А. Мартынов

Много ратных подвигов совершили партизаны отряда имени Чкалова. Славно воевала вся семья Сильченко. Мария Ефимовна занималась не только кухней. С оружием в руках ей не раз

приходилось бить врага.

Сейчас сидит передо мной пожилая женщина. Показывает боевые награды, которые честно заслужила. Память ее крепко хранит малейшие подробности партизанской жизни.

— Пойдет, бывало, шестнадцатилетний Коля в разведку, кажется, сердце перестанет биться, пока не вернется. Он был самым младшим в отряде… Выздоровел Роман — и тоже рвался в бой. Когда советские войска освободили район, где мы действовали, Роман стал бойцом воинской части. Погиб, сражаясь с гитлеровцами, у западной границы. Было ему тогда девятнадцать…

Возвратились Сильченки на Житомирщину. Николай позже участвовал в разгроме Квантунской армии, и к его партизанским наградам прибавились медали «За победу над Японией», «За освобождение Кореи».

Он приобрел в армии специальность водителя. Возвратился со срочной службы с женой, сибирячкой Зиной. Местом жительства избрал Николай Сильченко Донбасс, город Северодонецк. Тут он работает водителем. Когда в пятьдесят восьмом году умер Потап Васильевич, Мария Ефимовна переехала к сыну.

В переполненном зале Дворца культуры строителей Сильченкам вручали партизанские удостоверения. Медленно поднималась Мария Ефимовна на сцену, за ней стройный, высокий Николай. Зал гремел аплодисментами. С волнением слушали северодончане тех, кто в грозные годы войны самоотверженно сражался в партизанском отряде, приближая час победы.

Как драгоценную реликвию хранит Мария Ефимовна книжечку-удостоверение под № 160, которое свидетельствует о том, что она была участницей партизанского движения. Под № 161 выдано удостоверение на имя Николая Потаповича Сильченко.

Мария Ефимовна и Николай Потапович часто выступают перед учениками школ города, рассказывая детям о том, как воевал партизанский отряд имени Чкалова.

Бережно хранит Мария Ефимовна Сильченко письма, которые приходят со Львовщины. Пишут ей пионеры 1-й средней школы города Броды, где есть уголок славы отряда им. Чкалова, ежегодные поздравления посылает Марии Ефимовне Бродовский районный комитет партии и райсовет депутатов трудящихся.

ОБ ЭТОМ ПИСАЛИ КРАСНОАРМЕЙСКИЕ ГАЗЕТЫ

Рыцари- пушкари

Гитлеровцы решили вернуть очень важный рубеж — шоссе, перерезанное советскими подвижными частями. Сначала фашисты задумали уничтожить нашу батарею, которая не давала им покоя. Из леса, за 500 метров от огневой позиции пушкарей лейтенанта Сорокина, выползли два «фердинанда» с группой автоматчиков.

Расчеты сержантов Козлитина и Соболева беглым огнем ударили по вражеским самоходкам, а бойцы взвода управления бросились в атаку на немецких автоматчиков. Орудийный мастер сержант Захаров развернул станковый пулемет и обрушил фланкирующий огонь на гитлеровцев.

Пушкари вели огонь с открытых позиций прямой наводкой. Обе вражеские самоходки были разбиты. Но гитлеровцы не успокоились на этом. Вскоре появилось еще пять танков противника с десантом автоматчиков. Батарея лейтенанта Сорокина открыла уничтожающий огонь. Но фашистские танки продолжали упорно двигаться на позиции пушкарей.

Боец орудийного расчета ефрейтор П. Конкин беспрерывно подавал снаряды. Рядовой Натаров, раненный, не ушел с позиции, а помогал товарищам вести огонь. Такую же самоотверженность проявил коммунист рядовой Пастер, который, несмотря на тяжелую рану, умело вывел орудие на новую огневую позицию. Он награжден орденом Славы III степени.

Михайло СТЕЛЬМАХ, Микола РОМАНЧЕНКО.

Газета «За честь Батьківщини» от 7 августа 1944 года.

От составителей. Авторы этой корреспонденции — Михайло Стельмах и Микола Романченко в то время были сотрудниками редакции газеты 1-го Украинского фронта «За честь Батьківщини». Журналисты М. Стельмах и М. Романченко часто выступали на ее страницах с очерками, статьями, корреспонденциями, рассказывающими о боях и подвигах воинов, сражавшихся на львовском направлении.

За боевые заслуги перед Родиной Михайло Афанасьевич Стельмах награжден орденом Отечественной войны II степени и многими медалями.

Сейчас Михайло Стельмах — один из правофланговых украинской литературы. Его роман «Большая родня», «Кровь

людская — не водица», «Хлеб и соль», «Правда и кривда», повести «Гуси-лебеди летят», «Щедрый вечер» и многие другие стали достоянием не только украинской, но и всей нашей многонациональной советской литературы.

Писатель Михайло Стельмах — лауреат Ленинской премии, лауреат Государственной премии, Герой Социалистического Труда. Советские люди знают Михайла Стельмаха как активного общественного деятеля, депутата Верховного Совета СССР.

Михайло Стельмах — частый гость львовян. Здесь, на львовской земле, у него много друзей. С ними он вместе воевал в годы минувшей войны с гитлеровскими захватчиками.

Микола Романченко, который вместе с Михайлом Стельмахом прошел трудными фронтовыми дорогами, — подполковник запаса, член Союза писателей, ведет большую общественную работу.

Пожар укрощен

«Мессершмитты» подожгли нашу «тридцатьчетверку». Столб пламени и черного дыма окутал ее.

Танк еще горел, когда там неожиданно появился человек. Это был младший лейтенант Нечаев. Все случившееся произошло у него на глазах — он видел и атаки «мессеров», и пожар, охвативший танк. Страстное желание сласти боевую машину руководило воином.

Через люк механика- водителя Нечаев влез в танк. Опасаясь взрыва, он первым делом ощупал снаряды. Они были чуть теплые, но не горячие. Палец левой руки лег на кнопку стартера. Заведется ли! Мотор взревел. Если дать ход вперед — танк выскочит на высотку и попадет под обстрел… Все решали мгновения. Дал задний ход. Проехав метров двадцать, лейтенант оглянулся — пламя пробилось внутрь и уже лизало снаряды. «Сейчас взорвутся…» — он выскочил из «тридцатьчетверки».

Но танк не взорвался, и смельчак вновь полез в машину. В лощине Нечаев остановил ее и решил потушить огонь. Здесь его ожидали двое членов экипажа. Как выяснилось, бойцы вытащили из горящего танка двух раненых товарищей, перенесли в безопасное место и теперь с волнением наблюдали поединок отважного воина с огнем.

Вместе они стали сбивать пламя землей. Нечаев вывел машину из опасной зоны.

А спустя немного времени младший лейтенант Сергей Нечаев получил от командования поздравительное письмо, в котором сообщалось, что за этот подвиг он награжден орденом Красного

Знамени.

Из газеты 4-й танковой армии «Вперед на врага» от 15 августа 1944 года.

Из трофейного пулемета

Когда началась атака, гитлеровцы встретили подразделение огнем пулеметов, уцелевших после нашей артподготовки. Особенно сильно досаждал нам вражеский станковый пулемет с левого фланга.

Я заметил, откуда немцы ведут огонь, и, выдвинувшись вперед, решил уничтожить гитлеровскую огневую точку.

На подступах к пулемету противника росла густая трава, чем я и воспользовался. По-пластунски, осторожно приблизился к цели, держа наготове автомат. Как раз в это время немцы вставляли в пулемет ленту. Момент был подходящий. Я поднялся на ноги и в упор застрелил пулеметчиков. Затем быстро развернул трофейный пулемет и открыл огонь по вражеской пехоте. Наше подразделение, воспользовавшись этим, выбило противника с занимаемых позиций.

Младший сержант Разик ХАЛТИКОВ.

Из газеты 22-й стрелковой дивизии «За Родину» от 8 августа 1944 года.

И. В. Акименко, подполковник запаса
ПО ВЕЛЕНИЮ СЕРДЦА

Г. У. Черненко

Июль сорок четвертого года. Темной ночью южнее Львова с советского самолета выбросились пять парашютистов. Приземлились они восточнее затерянного среди лесов села Раковец — три разведчика и две радистки. Четверо из них — Петр, Василий, Степан и Тамара нашли друг друга. Пятой в разведгруппе была Мария. Она имела особое задание во Львове. Уйти, не простившись, разведчица не могла.

Друзья начали поиски. Пробирались сквозь чащи, овраги, окликали ее. И вдруг услышали стон — Мария лежала на поляне рядом с погашенным парашютом. Малейшее движение вызывало острую боль в ноге. Товарищи сняли с нее рацию, автомат, запасные диски. У Марии был перелом ноги. Оказав первую помощь, разведчики перенесли ее в густой кустарник, на прощание сказали: «Жди нас». И она ждала. Час, другой, целую ночь. Одна в лесу.

Автомат, запасные диски рядом. Гранаты тоже. Дорогой ценой заплатят те, кто посягнет на ее жизнь… Сознание своей беспомощности мучило девушку больше всего.

Наступила еще одна ночь. Беспокойная, кошмарная. Марии чудились какие-то шорохи, жутко вскрикивали птицы в полночь. С рассветом все страхи исчезали. Она не могла, не имела права даже в мыслях бросить упрек товарищам — почему оставили ее одну. Они выполняли труднейшее задание за линией фронта, где повсюду находился враг. Быть может, выполняли и то, что должна была сделать она.

Надвигалась ночь. За три дня — ни капли воды во рту. Боль в ноге, невыносимая жажда. О пище не хотелось думать. Только бы глоток воды… «Дожить бы до завтра, — подбадривала себя разведчица. — А что завтра?»

Забрезжил рассвет. Обычно в это время постепенно исчезали таинственные шорохи леса. Но что это? Послышались чьи-то шаги. Она взяла автомат, который был сейчас таким тяжелым. Кто-то окликнул: «Мария! Марийка!» Голос знакомый. Она отозвалась. Снова тишина. Мария повторила: «Это я — Мария! Кто там?» К ней вышел из-за кустов Василий. Первым его вопросом было:

— Где Степа?

— Степа? Не знаю. А что с ним?

— Ладно. Как твое самочувствие?

— Пить хочу…

Василий подал флягу.

Мария стала жадно пить воду.

— Хватит!

Но она продолжала пить.

— Хватит! — повысил голос Василий и вырвал флягу из рук. Мария впервые за эти дни заплакала.

Василий рассказал, что Степан пошел искать ее, и, как видно, попал в лапы врагов.

— А остальные где? Как у них дела? — интересовалась Мария.

— Ушли по своим маршрутам: на Винники, Куровичи, Буск.

Войска 1-го Украинского фронта находились в обороне западнее Тернополя. Впереди был Львов, граница. Не сегодня-завтра они перейдут в наступление. Нужны были разведданные об укреплениях противника на дальних и ближних подступах ко Львову. Такое задание ставилось и перед разведгруппой, возглавляемой Петром.

Когда опустились сумерки, Василий ушел. На прощание сказал:

— Завтра тебя навестит местный житель, ты услышишь от него: «Привет от Васи!» Это будет свой человек.

Утром хлынул проливной дождь. Палатка не спасала — одежда промокла. Лицо девушки побледнело, под глазами резко обозначилась синева. Такой и застал Марию плотный, высокого роста мужчина, который сказал: «Привет от Васи!» Его звали Степаном Петровичем Дацко. Он опустился на колени, положил на землю узелок, поудобнее поставил кувшин и промолвил:

— Поесть принес. Свежее молоко.

— Спасибо…

Дацко пообещал:

— Этой ночью придем за вами. К себе домой заберу.

…Степан Петрович Дацко — лесничий. Более тридцати лет трудился он в лесу. Ветхий домик лесничего стал пристанищем для многих бежавших из концлагерей. Здесь делились с ними последним куском хлеба.

К Степану Петровичу часто заходили соседи. В тот раз заглянули Теодор Дума, Иосиф Черный. Ожидали еще Федора Духа. Но вместо него прибежала жена:

— Федор просит к нам зайти.

— Зачем? — встревожились соседи.

Женщина объяснила: из лесу забрел молодой человек, попросил воды. Осведомился, есть ли в селе немцы, полицаи. Федор ответил, что нет. Неизвестный поблагодарил и собрался уходить. Дали ему хлеба. Тогда он, подумав, сказал: «Люди вы добросердечные. Мне надо посоветоваться с вами, а если есть хороший сосед, посоветуемся и с ним».

— Несчастье вынудило обратиться к вам, — начал незнакомец. — В лесу девушка, неудачно приземлившаяся с парашютом. Нога у нее сломана…

Степан и Климентина Дацко, их друзья Теодор Дума, Иосиф Черный, Федор Дух заявили в один голос:

— Девушку спасем. Сделаем все, что можем.

После этого и отправился Степан Петрович в лес, отнес девушке пищу, воду. Он разведал дорогу, лесные тропы, которыми можно добираться к беспомощно лежавшей Марийке.

Снова собрались в доме Дацко его друзья.

— Подвода не нужна, — высказал свое мнение Степан Петрович. — На руках принесем.

Смастерили носилки. Под покровом темноты ушли в лес, за пять километров.

— Были бы костыли, я сама… — заметив носилки, сказала Мария.

— Лесная королева — и костыли? — послышался чей-то добродушный голос. — На носилках будет куда лучше.

Несли вчетвером. Чуть в сторонке шагал Петр с автоматом и гранатами.

Марию положили в постель, уже приготовленную в сарае. Кто догадается, что за этими бочками, досками, разным хламом лежит человек? С чердака спускали на веревке пищу. Через стенку вели переговоры. Иного выхода не было. В любую минуту могли нагрянуть гитлеровцы, бандеровцы, агенты гестапо.

Чего скрывать — страх поселился в душе Климентины. Ведь знала: фашисты расстреливали, вешали людей при малейшем

подозрении, да и вовсе ни в чем не повинных. И все же доброта брала верх над чувством страха.

Утром в усадьбе Думы появились Иосиф Черный, Степан Дацко, чуть позже Федор Дух. Обсуждали, как помочь девушке. Ведь для спасения пострадавшей нужен был опытный врач.

А тут еще что ни день — то новые тревоги. Фашисты и их прислужники — бандеровцы разыскивали партизан, бежавших из концлагерей военнопленных. Нагрянула бандитская орава и в дом Дацко. Все обыскали. Затем забрали хлеб, молоко и другие продукты. Климентина извелась. Мария требовала перенести ее в лес или в овраг.

— Там будет спокойнее, и вас минует беда, если вновь нагрянут гитлеровцы, — говорила она.

— Мы этого не сделаем, — решительно ответил Степан Петрович. — Будешь с нами.

При возможности Петр и Василий наведывались в село к Дацко, хотя нередко добираться приходилось издалека. Они вели разведку к востоку, северу, югу от Львова — там, где было особенно много огневых точек, скопление боевой техники врага.

— Знаю, что тебя мучает: не выполнила, дескать, задание, — говорил Петр. — Ты не ходишь в разведку, нет среди нас Степы. Мы, оставшиеся, выполняем задание и за тебя, и за Степу. Помогают нам чудесные люди: Иосиф Черный, Теодор Дума. Слышала грохот? Это наша авиация бомбила крупный склад горючего на Персенковке. Мы разведали и другие военные объекты на подступах ко Львову. Все передали по назначению в эфир. Нас благодарят.

Через сутки Петр принес новую весточку:

— Наши войска овладели Золочевом, Бродами, Буском…

Но когда советские части подошли совсем близко и Марию уже вынесли из сарая, всеобщая радость была омрачена — фашисты убили Петра.

Настоящими советскими патриотами проявили себя Степан и Климентина Дацко, Иосиф Черный, Теодор Дума, Федор Дух. Они не только спасли радистку, но и снабжали действовавших в тылу врага наших разведчиков важной информацией. Они знали, что, рискуя жизнью, выполняли свой долг — помогали советским воинам в освобождении родной земли.

Иосиф Черный ушел в ряды Советской Армии и с боями дошел до Берлина. Имеет три правительственные награды. В мирное время удостоен ордена Трудового Красного Знамени. Восемь лет был депутатом райсовета. Дети Теодора Думы — Иванна и Мирослав окончили высшие учебные заведения — консерваторию и мединститут. Гордится своими внуками, — а их

у него шестнадцать! — Теодор Васильевич Дух. Климентина Петровна Дацко работала в колхозе, она награждена медалью «За трудовое отличие». Степан Петрович остался верен любимой профессии до конца своей жизни. Бандеровцы не раз глумились над ним, не раз жестоко избивали. Памятником патриоту остались выращенные им деревья.

Разведчица Мария, а настоящее ее имя Галина Устиновна Черненко, за мужество, проявленное в боях за Родину, награждена орденом Славы III степени. Ныне она проживает и работает на Киевщине.

К. В. Крайнюков, генерал-полковник
ОБЕСПЕЧЕНИЕ БОЕВОГО УСПЕХА

К. В. Крайнюков

С начала наступления в июле 1944-го года действия войск 1-го Украинского фронта проходили по заранее разработанному и утвержденному в Ставке Верховного Главнокомандования плану. Наши войска взяли в стальное кольцо восемь дивизий противника юго-западнее города Броды. Уже поступили данные о потерях врага, захваченных нами внушительных трофеях.

Этот район стал огромнейшим кладбищем гитлеровской техники. Проезжая по местам только что прошумевших боев, все это мне довелось видеть своими глазами. Поля сплошь перепаханы взрывами. Повсюду масса разбитых, опаленных огнем танков, бронетранспортеров, автомашин, покореженных орудий, минометов. На газике невозможно было проехать. Пришлось пробираться пешком.

Я видел множество поврежденной техники, тысячи захваченных в плен вражеских солдат и офицеров. Как же обеспечивался этот боевой успех?

Долго, кропотливо готовились мы к этому наступлению. Подготовка началась с момента окончания Проскуровско-Черновицкой операции, когда воины 1-го Украинского фронта закрепились на новом рубеже и заняли оборону. Подразделения и части пополнялись личным составом, техникой и оружием. Шло обучение, формирование рот, взводов, отделений, расчетов, экипажей. Подготовка велась в штабах частей и соединений. Многостороннюю и плодотворную работу по подготовке Львовско-Сандомирской операции вели офицеры и генералы

штаба фронта. Важная роль на всех этапах боевых действий войск в этом наступлении принадлежала Военному совету.

В то время Военный совет 1-го Украинского фронта состоял из пяти человек. Председателем Военного совета являлся командующий войсками фронта Маршал Советского Союза И. С. Конев. Мне выпала честь быть членом Военного совета. В мои обязанности входило заниматься оперативными вопросами и одновременно осуществлять непосредственное руководство Политическим управлением фронта.

Член Военного совета генерал-лейтенант Н. Т. Кальченко был занят службой тыла. Членами Военного совета являлись также начальник штаба фронта генерал армии В. Д. Соколовский и командующий артиллерией фронта генерал-полковник артиллерии С. С. Варенцев.

Военный совет в повседневной деятельности руководствовался постановлениями и указаниями ЦК партии, Государственного Комитета Обороны. Он направлял боевую деятельность командиров и политработников, руководил обучением и воспитанием личного состава, проявлял заботу о материально-техническом обеспечении частей и вникал во все вопросы жизни и деятельности войск. При подготовке и осуществлении нынешнего наступления Военный совет, как всегда, решал обширный комплекс различных военных, политических, административных задач.

В начале июля 1944 года Военный совет фронта обсудил план партийно-политической работы в войсках на всех этапах наступления. Был заслушан доклад начальника Политуправления фронта генерал-лейтенанта С. С. Шатилова. При обсуждении вопроса обращалось внимание на то, чтобы партийно-политическая работа велась непрерывно и действенно, активно и целеустремленно, обеспечивая стойкость, дисциплину, организованность, высокий наступательный порыв воинов.

В то время как полки и дивизии пополнялись новыми бойцами, техникой и оружием, политорганы также готовились к решающим сражениям, всемерно укрепляя партийные ряды, повышая боевую и политическую закалку солдат и командиров. За первые шесть месяцев 1944 года на 1-м Украинском фронте в партию вступило почти 90 тысяч воинов. На 1 июля того же года в частях фронта находилось 229 тысяч коммунистов и 166 тысяч комсомольцев. Мы стремились так распределить партийные силы, чтобы в каждом стрелковом взводе, танковом экипаже, орудийном расчете были коммунисты и комсомольцы.

Почти четырехсоттысячная армия коммунистов и комсомольцев пропагандировала среди воинов великие идеи

ленинской партии, воодушевляла солдат словом, личным примером отваги и храбрости в боях.

В канун наступления Военный совет фронта провел совещание членов военных советов и начальников политотделов армий, отдельных корпусов. Повсеместно проходили семинары политработников, парторгов, комсоргов, агитаторов. Были проведены совещания писателей, работающих в красноармейских газетах, военкоров. Военная печать являлась одним из важных средств воспитания воинов. В войсках нашего фронта в то время выходило, включая дивизионные, 67 многотиражных газет. Разовый тираж их составлял 143 500 экземпляров.

Издавалось значительное количество листовок, памяток. Они учили солдат, как уничтожать танки противника артиллерией, противотанковыми ружьями, гранатами, как форсировать водные преграды, как наступать по пересеченной местности, в лесу. В таких памятках кратко излагался передовой опыт, накопленный в предыдущих боях пехотинцами, танкистами, артиллеристами, воинами других родов войск.

Маршал Советского Союза И. С. Конев принимает хлеб-соль от жителей освобожденного города. 1944 г.

Перед наступлением Военный совет обратился к бойцам с призывом наступать смело, решительно, стремительно, сломить сопротивление гитлеровцев, разбить врага. В частях и подразделениях состоялись митинги. Бойцы и командиры клялись сражаться самоотверженно, как надлежит доблестным сынам своего народа.

В те дни среди воинов царил особый подъем. Каждый день

радостные вести приносило радио: успешно развивали наступление советские войска в Белоруссии. И воины 1-го Украинского рвались в бой.

И вот такой час наступил. Гул сотен орудий, рокот поднявшихся в воздух самолетов взорвал небо, всколыхнул землю. Двинулись вперед танки, пошла пехота. Грозный шквал огня и металла обрушился на головы гитлеровцев.

Так в июле 1944 года началось мощное наступление войск 1-го Украинского фронта.

В штабе фронта, размещавшемся в одном из сел Тернопольской области, царила напряженная боевая обстановка. На командный пункт стекались доклады, боевые донесения из армий, отдельных корпусов. Отсюда шли боевые приказы. Войска фронта наступали.

Настали дни нелегких испытаний для войск, для каждого бойца, начиная от рядового до маршала, командующего фронтом.

И в первые, и в последующие дни наступления я встречал Ивана Степановича Конева — озабоченного, погруженного в раздумье, но бодро

го, волевого военачальника, который как истый полководец отлично знал боевую обстановку, положение противостоящих сторон, умело направлял усилия более чем миллионной массы войск, входивших в состав 1-го Украинского фронта.

С Маршалом Советского Союза И. С. Коневым я познакомился впервые во второй половине мая 1944 года, когда его назначили командующим войсками 1-го Украинского фронта. Ивану Степановичу шел сорок восьмой год. Открытое лицо, вселявшее уверенность и спокойствие, волевые складки у рта да властные нотки в голосе свидетельствовали о простой натуре и твердом характере этого человека.

Полководческая деятельность И. С. Конева раскрывалась с начала битвы с фашистскими захватчиками. В 1941–1942 гг. на западном направлении он командовал армией, затем Западным и Калининским фронтами. В 1943 г. на северо-западном и юго-западном направлениях возглавлял Северо-Западный и Степной (2-й Украинский) фронты. Иван Степанович зарекомендовал себя умелым, волевым военачальником.

Как и другие операции, проведенные под руководством И. С. Конева, Львовско-Сандомирская операция была разработана и осуществлена в соответствии с важнейшими принципами советского военного искусства. В плане операции намечались удары на двух направлениях: рава-русском и львовском. Двумя ударами предполагалось рассечь, а затем зажать в тиски силы врага, сконцентрированные в районе города Броды, и

ликвидировать их. Этот план И. С. Конев отстоял в Ставке. Верховный Главнокомандующий сказал тогда в адрес маршала Конева:

— Вы очень упрямы. Что ж, может быть, это и неплохо. Когда человек так решительно отстаивает свое мнение, значит, он убежден в своей правоте.

Этот разговор состоялся в конце июня в Москве, в Ставке. И сейчас Иван Степанович глубоко сознавал, что как командующий фронтом он перед партией, перед Родиной несет личную ответственность за исход начавшейся крупной стратегической операции.

На рава-русском направлении наши войска, находившиеся в обороне, начали наступление 13 июля.

В ночь на 13 июля противник под прикрытием арьергардов стал отводить войска с первой оборонительной полосы на вторую. И тогда И. С. Конев приказал 3-й гвардейской армии генерал-полковника В. Н. Гордова и 13-й армии генерал-лейтенанта Н. П. Пухова немедленно перейти в наступление, овладеть второй оборонительной полосой врага и развивать дальнейшее продвижение на рава-русском направлении.

Перешедшие 14 июля в атаку 60-я армия генерал-полковника П. А. Курочкина и 38-я армия генерал-полковника К. С. Москаленко на львовском направлении прорвать сразу мощную оборону врага не смогли. Противник ввел в бой тактические и оперативные резервы и 15 июля из района южнее Золочева нанес сильный танковый контрудар. Бои приняли ожесточенный характер. Наши воины проявляли исключительную стойкость и отвагу.

В ходе наступления, изобиловавшего многочисленными осложнениями и неожиданностями, командующий фронтом не раз обсуждал сложившуюся обстановку с Военным советом и штабом фронта. Мы обменивались мнениями и после принятия решения командующим делали все для того, чтобы в срок и полностью его выполнить.

Внимание маршала И. С. Конева было приковано к боевым рубежам 38-й армии, где натиск противника оказался особенно сильным. Командующий войсками фронта принял ряд мер, в частности, приказал 2-й воздушной армии, возглавляемой генерал-полковником авиации С. А. Красовским, немедленно нанести массированный авиационный удар по скоплению вражеских танков и пехоты. Тем временем командующий 1-й гвардейской армией генерал-полковник А. А. Гречко скрытно выдвинул к участку прорыва один стрелковый корпус и один танковый и 15 июля из-за левого фланга 38-й армии нанес удар в

направлении Бережан.

Это позволило войскам, действовавшим на львовском направлении, успешно отразить контрудар танков и пехоты противника и добиться определенного успеха.

Помню, как все мы радовались, получив донесение от командующего 60-й армии о том, что в районе Колтова во вражеской обороне пробита брешь. Существовавшие тогда рекомендации указывали, что танковые армии целесообразно вводить в прорыв, когда брешь достигает 10–12 км по фронту. А ширина «колтовского коридора»—4–6 км. И. С. Конев идет на риск, но риск обоснованный: он приказывает немедленно ввести в прорыв 3-ю гвардейскую танковую армию под командованием генерала П. С. Рыбалко. По размытым дождями лесным дорогам двинулись танки. Трудным был их путь. Но наши доблестные танкисты вместе с пехотинцами 60-й армии сквозь огонь решительно шли вперед, на оперативный простор.

По «колтовскому коридору» вслед за 3-й танковой пошла 4-я танковая армия генерал-полковника Д. Д. Лелюшенко.

Члены Военного совета фронта беспрерывно выезжали в войска на трудные участки, где наше продвижение замедлялось. Информация членов Военного совета о положении дел на том или ином участке боевых действий помогала командующему в принятии оперативных решений. Следует сказать, что даже в условиях хорошо налаженной работы штаба командующему фронтом, Военному совету приходилось прилагать много усилий, энергии и труда, чтобы осуществлять непрерывное эффективное управление боевыми действиями такой массы войск.

Так было, например, когда враг стремился перерезать «колтовский коридор» встречными ударами танков и пехоты с севера и юга. Маршал И. С. Конев и я приехали на передовой командный пункт 60-й армии. Мы убедились, что генерал П. А. Курочкин умело и твердо руководит отражением вражеских контратак. Но наземным частям требовалась более эффективная поддержка. Командующий войсками фронта дополнительно ввел в бой 4-й гвардейский и 31-й танковые корпуса.

С разных участков наступления войск фронта мы получали отрадные вести. Героически сражались наши бойцы. Каждый день рождал сотни, тысячи отличившихся в схватках с врагом. Шли в бой русские, украинцы, белорусы, казахи, узбеки, воины других национальностей. Мы учитывали многонациональный состав воинов при организации идеологической работы в войсках. Так, например, фронтовая газета «За честь Родины» издавалась не только на русском, но и на украинском, казахском, узбекском, татарском языках. На разных языках народов СССР издавались

листовки, памятки.

Среди воинов нового пополнения было немало солдат из западных областей Украины. Они требовали особого внимания, так как почти половина из них были неграмотные или же малограмотные. С ними велась усиленная политико-воспитательная работа. Это помогло им скорее освободиться от влияния лживой фашистской и буржуазно-националистической пропаганды, понять благородные идеи, во имя которых сражались советские воины. И новобранцы из западноукраинских областей вместе с нашими солдатами смело шли в бой.

Сражались советские бойцы, горя священной ненавистью к фашистам. О «новом порядке», насаждаемом фашистами во временно оккупированных районах, хорошо было известно нашим солдатам. Руины городов, пепелища сел, кровавые следы зверских расправ над мирными жителями — все это они видели своими глазами на освобожденных от гитлеровцев территориях. Одни развалины остались от Тернополя. В руинах лежали города Ровно, Луцк, Каменец-Подольский… Враг, отступая под натиском наших войск, стремился все жечь и разрушать.

А у скольких бойцов семьи пострадали от рук фашистских палачей? У того гитлеровцы замучили отца, у другого мать или сестру, у третьего сожгли хату, угнали на каторгу родственника. Политработники 722-го полка 15-й гвардейской стрелковой дивизии после опроса воинов составили своеобразный плакат счета мести. На нем было написано: «Мы мстим гитлеровцам за 775 убитых родственников, за 909 наших родных, угнанных на фашистскую каторгу, за 478 сожженных гитлеровцами домов».

Гнев и ненависть кипели в сердцах советских солдат и командиров. Это умножало их силы в борьбе. Они стремились скорее освободить от гитлеровского рабства оставшиеся к тому времени под пятой оккупантов районы советской земли, отомстить фашистам за их злодеяния.

Наступая с неудержимым порывом, наши войска вбили два клина во вражескую оборону — на львовском и рава-русском направлениях, захлопнув в ловушку восемь фашистских дивизий.

Весть об окружении крупной вражеской группировки быстро облетела соединения и части фронта. Это еще больше подняло боевой дух, энтузиазм воинов в борьбе с врагом. «Быстрее покончить с котлом, ускорить разгром фашистской Германии», — с такими мыслями шли в бой славные воины-богатыри.

Мы воздействовали на окруженного противника и средствами пропаганды. По указанию Военного совета Политуправлением фронта были подготовлены на немецком языке листовки и сброшены с самолетов в район котла. В листовках, в частности,

указывалось: «Вы в котле, и никакое чудо вас не спасет. Мы призываем к благоразумию: сложить оружие, прекратить напрасное кровопролитие».

Надо признать, что гитлеровцы, попав в окружение, дрались отчаянно, с упорством обреченных, надеясь на какое-то «чудо», которое могло освободить их из стального кольца. Противник не сдавался. А обстановка требовала ликвидировать котел как можно быстрее. Боевые действия наших войск приобрели еще более решительный характер. И разгром фашистских дивизий, после того как сомкнулось кольцо окружения, был завершен в течение нескольких дней.

Эту блестящую победу войск 1-го Украинского фронта в начальный период Львовско-Сандомирской операции трудно переоценить. Восемь фашистских дивизий были исключены из списка группы армий «Северная Украина». Создались условия для более быстрого развертывания наступления на Львов. Ослабление сил противника, потерявшего восемь дивизий, облегчило войскам фронта выполнение дальнейшей задачи, которая включала освобождение юго-восточных районов Польши, выход к Висле.

В тот день, когда я ездил по местам, где окружили и разгромили бродовскую группировку противника, рассказал командующему о своих впечатлениях. Иван Степанович Конев в этот момент оторвался от карты с нанесенной обстановкой, заулыбался, блеснув сощуренными глазами. Он остался доволен ратными успехами вверенных ему войск.

Враг несет большие потери, отступает. В ходе первого этапа операции войска фронта в полосе правого крыла полностью восстановили государственную границу СССР и вступили на польскую землю, начав освобождение братского народа.

Но через некоторое время И. С. Конев вновь погрузился в раздумье. Весь богатый боевой опыт, полководческое искусство командующего сейчас подчинены решению новых неотложных боевых задач. Войска шли на Львов. Как бы ни цеплялись гитлеровцы за этот крупный опорный пункт, им не устоять перед натиском соединений и частей, направленных сюда волей командующего фронтом. Но как освободить крупный город с богатыми историческими и архитектурными памятниками, сохранив от разрушений? Да, тут было над чем призадуматься полководцу.

Правое крыло фронта… Подвижные войска идут на Вислу.

— Львов! — многозначительно сказал Маршал Советского Союза И. С. Конев, задержав карандаш у точки на карте с переплетением многочисленных железных и шоссейных дорог. А затем его взгляд лег на широкую извилистую линию на

территории Польши. Красные стрелы, нанесенные на карту, указывали путь движения войск 1-го Украинского фронта — путь к Висле. Наши передовые части приближались к Сандомиру.

Войска 1-го Украинского фронта, осуществляя Львовско-Сандомирскую операцию, шли в новые сражения. Наступление продолжалось.

Сегодня там, где шли бои. Фотоочерк
КАМЕНКА-БУГСКИЙ РАЙОН

По соседству с Бусским — Каменка-Бугский район. Земли его раскинулись также по обоим берегам Западного Буга.

Западный Буг… Здесь, по этой реке проходил рубеж, замыкавший кольцо окружения вокруг бродовской группировки противника с запада. Гитлеровцы, сконцентрировав большие силы, любой ценой стремились прорваться через реку, но это им не удалось.

На берегах Западного Буга нашими воинами совершено много боевых подвигов. Сегодня перекликаются с ними не менее славные подвиги трудовые.

В двенадцати километрах от Каменки-Бугской в 1955 году введен в строй первый турбогенератор Добротворской ГРЭС. А вскоре действующих турбогенераторов уже было шесть. 700 тысяч киловатт — такова мощность одной из крупнейших электростанций на западе Украины. Рядом с ГРЭС вырос большой поселок энергетиков. В нем — две средние школы, вечерний техникум, профессионально-техническое училище.

На пустыре близ районного центра обширную территорию заняли сооружения газокомпрессорной станции магистральных газопроводов, которые берут начало в богатом голубым топливом Прикарпатье.

Ажурные вышки высоковольтных линий, промышленные корпуса заводов и фабрик стали неотъемлемой частью пейзажа прибугской земли.

Расширяется Каменка-Бугский лесопаркетный комбинат, возводится бетоносмесительная установка на заводе «Стройдеталь» в селе Старый Добротвор, строится завод железобетонных изделий в Сапижанке…

В сельском хозяйстве машинная обработка полей, широкое использование минеральных удобрений позволят из года в год повышать урожаи сельскохозяйственных культур.

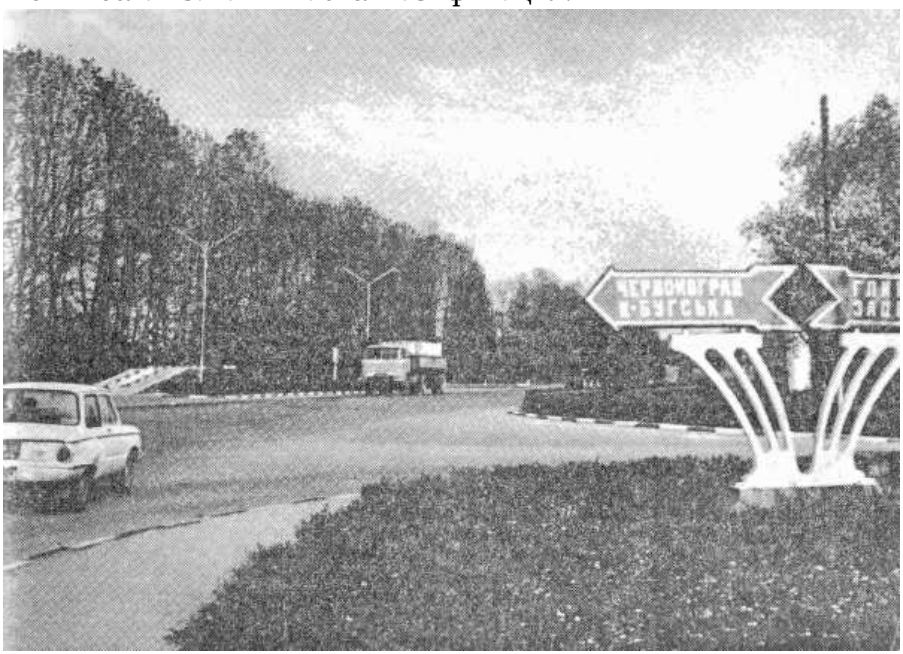
В колхозах имени Ленина, имени Жданова, «Россия» и других в 1973 году собран урожай зерновых до 39 центнеров с гектара. По 350–400 центнеров сахарной свеклы с гектара собирают в колхозах «Заря коммунизма», «Звезда», «Дружба». А звеньевые. Герои Социалистического Труда Мария Савчин, Ольга Пасека собрали сахарной свеклы по 650–700 центнеров с гектара.42 передовых колхоза района награждены золотыми, серебряными, бронзовыми медалями Всесоюзной выставки достижений

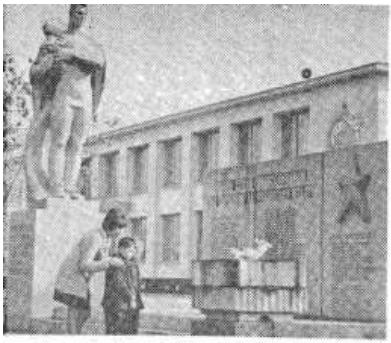
народного хозяйства. Только в 1973 году правительственными наградами отмечено более 40 лучших животноводов района.

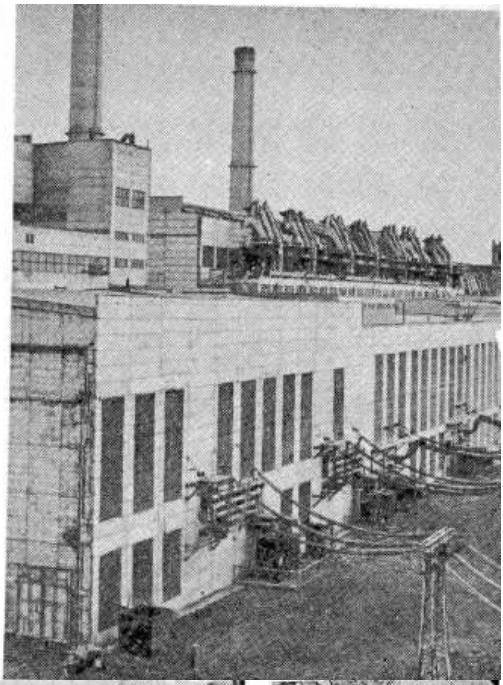
Среди тех, кто трудится сейчас на берегах Западного Буга в цехах промышленных предприятий и на колхозных полях, много бывших фронтовиков, которые сражались в памятные июльские дни 1944 года с фашистскими захватчиками на львовской земле. На компрессорной станции работают участники войны оператор Владимир Малый, слесарь Тимофей Сысенко. Ветеран боев Иван Русский уже много лет возглавляет колхоз им. XX съезда КПСС. На груди ветерана кроме боевых наград — орден Ленина и Золотая медаль Героя Социалистического Труда.

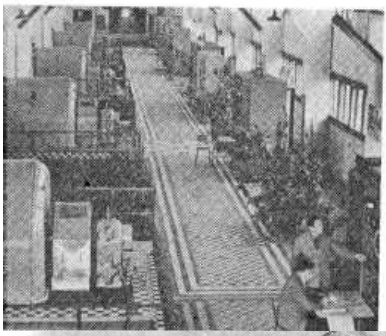
В районе 32 средние и восьмилетние, 27 начальных, две вечерние школы, одна музыкальная. За последние годы построены шесть новых школ. К услугам трудящихся 11 Домов культуры, 48 клубов, 49 библиотек, 3 кинотеатра, 53 стационарные киноустановки. Работает более 300 кружков художественной самодеятельности.

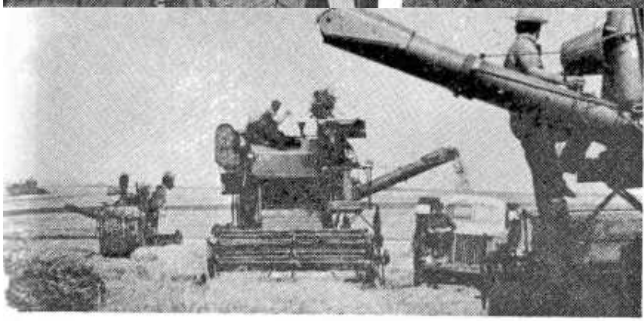
Обновляются, благоустраиваются города и села района. Во многих селах заканчивается газификация.

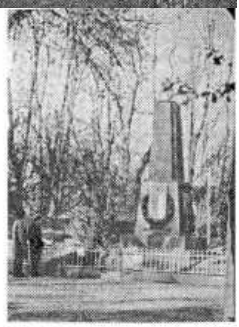


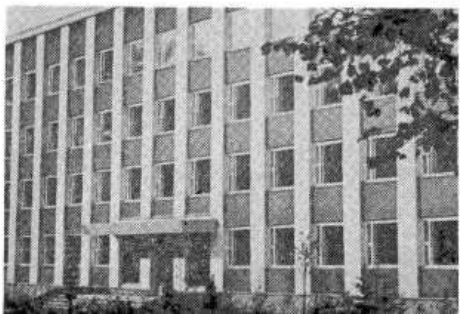












Радеховский, Золочевский, Бусский, Каменка-Бугский районы…

Здесь летом 1944 года в жарких, упорных боях была окружена и разгромлена крупная группировка немецко-фашистских войск. Ожесточенные бои с гитлеровцами велись тогда на обширной территории Львовской и соседних областей. Героические советские воины, сражавшиеся на Волге, у стен Сталинграда, одержавшие победу в Курской битве и в сражении за Днепр, несли свободу трудящимся западных земель Украины.

Вероломно вторгшиеся в нашу страну немецко-фашистские захватчики причинили много бед советским людям. Сотни тысяч убитых, замученных женщин, детей, стариков, превращенные в развалины города, сожженные села — вот что оставили на Львовщине гитлеровцы и их наймиты, презренные народом украинские буржуазные националисты.

Перенеся огромные страдания в период временной гитлеровской оккупации, трудовые люди городов и сел радовались приходу Советской Армии, принесшей освобождение. Восторженно встречали советских воинов трудящиеся Львовщины. В борьбе с гитлеровцами Советской Армии помогали партизаны, подпольщики, всяческое содействие оказывали местные жители. Многие из них добровольно вступали в ряды Советской Армии, чтобы с оружием в руках громить ненавистных фашистских захватчиков.

За тридцать лет, прошедших со времени освобождения от гитлеровцев Львовщины и всей Советской Украины, на опаленной боями земле произошли разительные перемены.

В послевоенные годы в области выросли сотни крупных заводов, фабрик, оснащенных современной техникой. Особое развитие получили машиностроение, приборостроение, химическая промышленность. Тысячи автобусов, автопогрузчиков, сельскохозяйственных машин, станков, приборов, телевизоров и других промышленных изделий сходят с конвейеров львовских предприятий.

Выросли новые индустриальные центры. На севере области поднялись копры и терриконы шахт. Здесь, на берегу Западного Буга, вырос город угольщиков — Червоноград. Много ценной продукции — серы дал стране Роздольский горно-химический комбинат. А недавно начато строительство горно-химического комбината близ Яворова. В многоэтажных светлых домах Нового Роздола, поселка Новояворовское живут рабочие-химики.

Близ Дрогобыча, в предгорье Карпат, построен крупный калийный комбинат, который дает минеральные удобрения для колхозных полей. И здесь вырос рабочий поселок с широкими улицами, красивыми домами.

Большой подъем достигнут на Львовщине в развитии культуры. Теперь во Львовской области двенадцать вузов — Государственный университет имени Ивана Франко и одиннадцать институтов, более сорока средних специальных учебных заведений. В них учатся десятки тысяч юношей и девушек. Плодотворная работа ведется в многочисленных научно-исследовательских институтах.

К услугам трудящихся широкая сеть театров, кинотеатров, Дворцов культуры, клубов, библиотек.

Трудящиеся городов и сел своим вдохновенным трудом преобразуют родную землю, поставляют ее щедрые дары советскому народу.

Больших успехов достигли труженики орденоносной Львовщины, широко развернув борьбу за претворение в жизнь исторических решений XXIV съезда КПСС. Девятая пятилетка — новый шаг вперед в развитии промышленности, сельского хозяйства области. Только в третьем, решающем году 9-й пятилетки капиталовложения в народное хозяйство области за счет всех источников финансирования составили 625 миллионов рублей, что по сравнению с 1972 годом больше почти на 4 процента.

В 1973 году вступили в строй блок производственных цехов на заводе Львовсельмаш, новые производственные мощности на

Львовском изоляторном заводе, Роздольском горно-химическом. Николаевском цементном комбинатах, сданы в эксплуатацию Бродовский завод сухого молока, Городокский завод дренажных трубок, расширены производственные мощности на многих машиностроительных заводах, предприятиях легкой, пищевой и других отраслей промышленности.

В колхозах, совхозах области введен в действие ряд животноводческих комплексов, зернохранилищ, овощехранилищ и других производственных объектов. В 1973 году за счет государственных средств осушено более 18 тысяч гектаров заболоченных земель, введены в строй линии электропередач протяженностью более 1240 километров.

Тысячи тружеников городов и сел Львовщины — передовики, новаторы производства, деятели науки и культуры отмечены орденами, медалями. Многие удостоены звания Героя Социалистического Труда.

С огромным воодушевлением встретили трудящиеся Львовщины Обращение ЦК КПСС к партии, к советскому народу, призывающее широко развернуть социалистическое соревнование за досрочное выполнение планов девятой пятилетки, за новые успехи в развитии экономики и культуры.

— Девятую пятилетку — досрочно! — девиз трудящихся области. На выполнение этой задачи мобилизуют силы трудовых коллективов предприятий, колхозов, новостроек партийные, советские, комсомольские организации орденоносной Львовщины.

Радостный юбилей — 30-летие освобождения Львовщины и всей Советской Украины от немецко-фашистских захватчиков. Этот большой праздник трудовые люди отмечают новыми успехами в созидательном труде во имя торжества коммунизма.

notes

Примечания

1

Автор в то время был старшим помощником начальника оперативного отдела штаба 13-й армии по изучению опыта войны.

2

Северо-западнее Горохова.

3

22 км восточнее Сокаля.

4

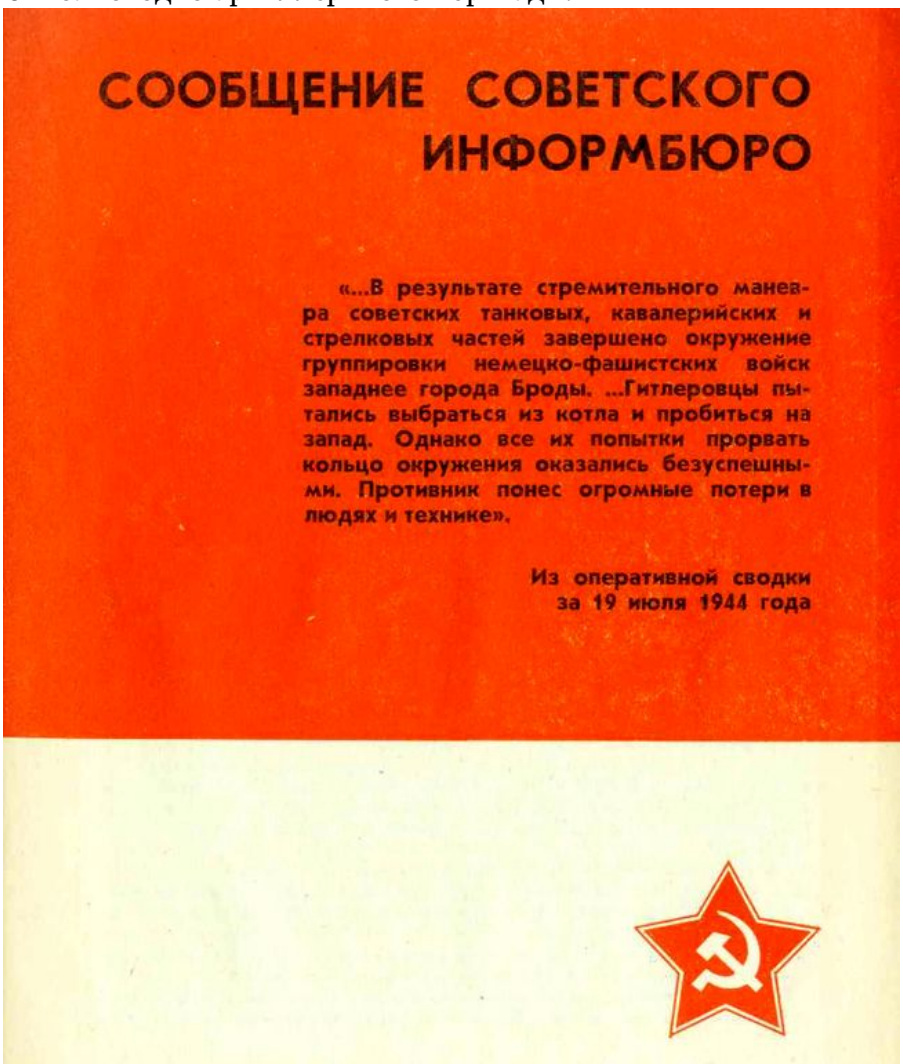
Севернее г. Радехова.

5

Юго-восточнее г. Сокаля.

6

Г. С. Полтавский в 1944 году был старшим сержантом, командовал зенитно-пулеметным расчетом и сражался в составе 16-й самоходно-артиллерийской бригады.


СООБЩЕНИЕ СОВЕТСКОГО ИНФОРМБЮРО
«...В результате стремительного маневра советских танковых, кавалерийских и стрелковых частей завершено окружение группировки немецко-фашистских войск западнее города Броды. ...Гитлеровцы пытались выбраться из котла и пробиться на запад. Однако все их попытки прорвать кольцо окружения оказались безуспешными. Противник понес огромные потери в людях и технике».
Из оперативной сводки за 19 июля 1944 года